

ДРАМА ТЕАТР

*Журнал
о современной драматургии
и театре*

№ 3 (11)

Июль - сентябрь - 2023

Издание Гильдии драматургов России

Сбор средств на проведение фестиваля частных театров «Московская обочина»

О ФЕСТИВАЛЕ
«Московская обочина» проводится
ежегодно с 2010 года
на сцене театра
«Театральный особнякЪ».

**В 2023 году фестиваль состоится
со 2 по 8 октября.**

В течение фестивальной недели на сцене «Театрального особняка» традиционно выступают небольшие, частные профессиональные театры из разных городов страны, которые не имеют государственной поддержки и многие из которых даже не имеют собственной площадки. Именно фестиваль «Московская обочина» дает возможность представить талантливые коллективы широкой публике.

**В завершении фестивальной недели проходит
награждение участников.**

Поддержать проект можно по этой ссылке:

<https://planeta.ru/campaigns/mscobochina>

К юбилею Наталии САЦ Татьяна КАРАМЫШЕВА Волшебный дар Наталии Сац	<u>5</u>
Людмила ПРИЛЕПСКАЯ Стеклянный мальчик (пьеса)	<u>13</u>
Андрей МАКАРОВ «Жду, люблю, верю» (пьеса)	<u>59</u>
О конкурсе и книге «Плечом к плечу»	<u>151</u>
Юрий ЛОМОВЦЕВ Тревога (пьеса)	<u>152</u>
«ДрамТеатр» поздравляет	<u>200</u>
Майя БРАНДЕСОВА В отсутствие Дон Жуана	<u>201</u>
Лилия НЕМЧЕНКО Коляда-plays – территория любви	<u>223</u>
Николай КОЛЯДА Витя-Мурзилка (пьеса)	<u>235</u>
Алексей ПЛАТОНОВ Вареная кукуруза (пьеса)	<u>304</u>
Светлана СОЛОГУБ Мисс идеальная осанка (пьеса)	<u>359</u>

Наталья АЛЕКСЕЕВА
Театр следует жизни ..... [392](#)

Петр ГЛАДИЛИН
Комедия города Петербурга (*пьеса*) ..... [397](#)

**О театральном фестивале «Живая книга»
 им. В.К. Бегунова ..... [471](#)**

Зарубежный театр
Нина МАЗУР
БЫТЬ! ..... [472](#)

Лёгкое обаяние аристократии
Алан МИЛН
 (перевод Виктора ВЕБЕРА)
Треугольник Кэмберли (*пьеса*) ..... [481](#)
Мачеха (*пьеса*) ..... [502](#)

Театральный фестиваль в Одинцово ..... [519](#)

Александр ВОРОНОВ
Молодые актеры с берегов Волги ..... [520](#)

ВОЛШЕБНЫЙ ДАР НАТАЛИИ САЦ

Первый театр для детей в Казахстане в 2023 году отмечает 120-летие со дня рождения народной артистки СССР, основательницы театра Наталии Сац.

В годы Великой Отечественной войны в Казахстан, а именно в Алма-Ату (сейчас Алматы) была эвакуирована творческая интеллигенция из Москвы, Ленинграда и других крупных городов СССР, что имело важное значение для сохранения исторического национального наследия и стало решающим фактором для будущего развития казахстанской культуры. В это время в Алма-ате дают спектакли не только казахская труппа, но и эвакуированный из Москвы театр Моссовета во главе с Юрием Завадским, балет Большого театра с примой-балериной Галиной Улановой. Здесь трудились ученые, исследователи,

писатели и поэты с мировыми именами.

Эвакуированные представители творческой интеллигенции, несмотря на тревоги и тяготы войны, бытовые неурядицы, вспоминали годы, проведенные в Алма-Ате, как творчески плодотворные и счастливые.

Трагические страницы личной жизни Наталии Ильиничны Сац — основательницы первого в мире театра для детей, также стали исторически важными и определяющими для города Алма-Аты. В 1937 году Наталия Сац была арестована по статье «член семьи изменника Родины» (ее муж, Вейцер, крупный советский деятель, был репрессирован и расстрелян).

В лагерях ГУЛАГа она провела пять лет («Волголаг», г. Рыбинск), была освобождена в конце 1942 года. Но назвать это освобождением было бы неверно. Наталии Сац было запрещено проживать в Москве и Санкт-Петербурге.

В самый разгар Великой Отечественной войны, в 1943 году, талантливая, красивая 40-летняя женщина с 15-летней дочкой Роксаной приехала в Алма-Ату. Уже в июле в филармонии Наталия Ильинична устроила концерт «Мастера искусств детям». В концерте приняли участие лучшие певцы и танцоры Казахстана, а также известный актер Николай Черкасов. Свое выступление он начал с обращения к зрителям.

– Дети, – сказал он, – вы не представляете, как вам повезло. У вас теперь есть Наташа Сац, а это, значит, что у вас есть все, все самое лучшее...

Затем была постановка оперы «Чио-Чио-сан» Дж. Пуччини – первая опера на казахском языке и на казахской сцене. И сразу успех! С легкой руки режиссера С. Эйзенштейна постановку в шутку называют «Чио-Чио-Сац».

Наталья Ильинична обладала даром располагать к себе людей, превращать их в деловых союзников, идейных соратников. Она продвигает идею о создании детского театра в Казахстане. Ее услышали и поддержали.

В 1944 году постановлением Совета Народных Комиссаров Казахской ССР и Центральным Комитетом КП (б) Казахстана в Алма-Ате был открыт театр для детей и юношества.

Театру было передано здание в центре города, где помещался один из съемочных павильонов Центральной Объединенной киностудии, созданной из эвакуированных сюда в годы войны студий «Мосфильм» и «Ленфильм». Здесь снимались эпизоды фильмов «Иван Грозный», «Машенька», «Секретарь обкома», «Они сражались за Родину».

Свой первый театральный сезон Государственный театр для детей и юношества Казахстана открыл 7 ноября 1945 года премьерами спектаклей: «Красная Шапочка» Евгения Шварца, поставленный Наталией Сац и «Осада Лейдена» Исидора Штока в постановке Виктора Розова.

Сцена из спектакля «Осада Лейдена»

Только окончилась война. Люди испытывали разные житейские трудности и лишения. На многих детских душах лежал груз тяжелых военных воспоминаний. И театр стал для детей домом радости, домом счастья и чудес!

Наталия Сац писала: «Мне говорят — война, новое создавать не время. Как — не время? Отцы на фронте, матери на работе, а заглянуть в сердце десятилетнему человеку, дать ему радость, веру нужно именно сейчас».

У колыбели театра для детей в Казахстане стояли величайшие личности, оказавшие влияние на формирование театра, - Сергей Эйзенштейн, Вера Марецкая, Николай Черкасов, Виктор Розов, казахский писатель, драматург Мухтар Ауэзов. Наталия Сац очень высоко ценила его талант: «Самая короткая встреча с ним всегда будила новые мысли».

Чудесную музыку к спектаклям театра писали композиторы Серафим Туликов, Евгений Минаев и Владимир Великанов. В театре работал заслуженный деятель искусств Казахской ССР художник Всеволод Теляковский.

Наталия Ильинична всегда и все наполняла музыкой. Однажды ее отец, известный русский композитор Илья Сац сказал ей, что «музыка это — сердце». Слова эти ее поразили навсегда, до глубины души, и она восприняла их как жизненную, выстраданную правду. Все спектакли, поставленные Натальей Сац, сопровождались живой музыкой, не случайно в театре было целых два симфонических

оркестра, для русского и казахского коллективов. Государственный театр для детей и юношества Казахстана кроме драматических постановок показывал симфонические и камерные концерты. Оркестром театра, под управлением музыканта П. Водопьянова, исполнялась известная музыкальная сказка С. Прокофьева «Петя и волк». Чтение сказки и пояснений в ней давала сама Наталия Сац. В камерных концертах исполнялась музыка Бетховена, Грига, Шумана и Шуберта.

Основательница театра Наталия Сац приложила большие усилия для того, чтобы дети и взрослые смогли смотреть спектакли на казахском языке.

1 сентября 1947 года спектаклем по пьесе Алексея Толстого «Золотой ключик» в постановке Наталии Сац состоялось официальное открытие казахской труппы

театра. Наталия Сац писала: «Маленькие алмаатинцы прекрасно говорят и понимают по-русски — все без исключения. Но помочь им не забывать свой родной язык, любить его — необходимо... «Золотой ключик» (поистине волшебный) дал возможность открыть Казахский театр для детей!» За свою историю театр воспитал не одно поколение артистов,

составляющих гордость не только казахстанского, но и мирового искусства. Так, Наталия Сац пригласила петь в спектакле юного Ермека Серкебаева, заметив его музыкальность и голос. Позже он стал народным артистом Советского Союза. Здесь начинал свой творческий путь легенда театрального Казахстана, народный артист Казахской ССР Юрий Померанцев.

В 1958 году Наталия Сац возвращается в Москву, где берет под свое руководство Всероссийский гастрольный театр, а затем и детское отделение Мосэстрады. Шесть лет спустя она организует и возглавит первый в мире детский музыкальный театр, оставаясь его бессменным художественным

руководителем до 1993 года.

В 1995 театру было присвоено почетное звание «академический» и имя его основателя – Наталии Ильиничны Сац.

Сегодня легендарная труппа театра является одним из ведущих коллективов Республики Казахстан. Театр возглавляют обладатель почетного звания

«Қазақстанның еңбек сіңірген қайраткері» – Олег Гостев и режиссер-постановщик Кавалер Ордена «Құрмет» («Почёт») и обладатель Нагрудного знака «Мәдениет қайраткері» («Деятель культуры») — Владимир Крылов.

Почти за 80 лет своего существования Государственный русский театр для детей и юношества не растратил своих благородных принципов и убеждений, заложенных его основательницей Наталией Сац: стремиться воспитать в молодом поколении честность и благородство, порядочность и принципиальность, умение понимать и чувствовать красоту. Ну а секрет неувядаемой молодости театра, конечно же, в современниках: юных зрителях — любознательных, дерзких, неугомонных.

*Татьяна Карамышева, заведующая
литературно-драматической частью театра*

Людмила ПРИЛЕПСКАЯ

*Актриса, журналист,
драматург.*

*В течении 40 лет работала
в «Тильзит-Театре»
Калининградской области.*

СТЕКЛЯННЫЙ МАЛЬЧИК

пьеса в десяти сценах

Действующие лица

Надежда Филаретовна фон Мекк, вдова железнодорожного магната, миллионерша. Высокая, стройная, почти худая, с огромными тёмными близорукими глазами, носит на поясе лорнет – 46 лет. В последней сцене – 62 года.

Пётр Ильич Чайковский, композитор, приятной, почти красивой внешности – 37 лет. В девятой сцене – 50 лет.

Юлия, дочь Надежды Филаретовны, внешне и характером напоминает мать – 28 лет. В восьмой сцене – 35 лет.

Иосиф Иосифович Котек, молодой скрипач на службе

у Надежды Филаретовны фон Мекк – 24 года.

Владислав Альбертович Пахульский, скрипач, а также секретарь Надежды Филаретовны, впоследствии её зять – 25 лет.

Алексей, слуга Петра Ильича Чайковского – 19 лет, в девятой сцене – 32 г.

Анна Львовна Давыдова-фон Мекк, племянница Чайковского и невестка Надежды Филаретовны фон Мекк – 29 лет.

Дворецкий в доме фон Мекк.

Действие развивается в течение шестнадцати лет - 1877 - 1893 гг.

Сцена первая

Кабинет Надежды Филаретовны, богато со вкусом обставленный. Из гостиной доносятся звуки скрипки - звучит «Чёрное адажио» Чайковского.

Надежда Филаретовна слушает в сильном волнении. Музыка стихает.

Надежда Филаретовна. Господи! Как велик тот человек, который доставляет другому подобные минуты неизъяснимого блаженства! Слушаешь и приходишь в такой восторг! И каким надо быть человеком, чтобы творить такую божественную музыку.

Входит Котек со скрипкой в руках.

Котек. Надежда Филаретовна, Юлия Карловна сказала, что вы хотели меня видеть?

Надежда Филаретовна. Прошу вас, Иосиф Иосифович, (жестом приглашает сесть) насколько я знаю, вы ведь

были учеником Чайковского и, кажется, дружны с ним.

Что он за человек?

Котек (*кладёт скрипку на рояль. Присаживается на диван*). Да, мы дружны с Петром Ильичем. (*Через паузу.*) Он действительно удивительный человек! А вы с ним никогда не встречались?

Надежда Филаретовна. Нет. Я видела его только в театре, из ложи. У него такие (*ищет слово*) бархатные, излучающие тепло глаза, но немного грустные. Взор его задумчиво устремлялся куда-то, в какую-то незримую даль, казалось, он не замечает никого и ничего вокруг себя. (*Пауза.*) Говорят, он очень нелюдим, избегает общества.

Котек (*с улыбкой*). Да, есть такое. Он очень застенчив. Эта особенность у него еще с детства. Он был очень впечатлительным, повышенно эмоциональным и болезненно возбудимым ребёнком. Близкие Петра Ильича рассказывают о нём довольно забавные истории. Однажды во дворе дома, ещё в Воткинске, маленький Петя увидел дворника, в руках которого была коробка с новорождёнными щенками, рядом стояло ведро с водой, а вокруг дворника беспокойно бегала собака. Дворник собирался топить щенков. Петя в слезах стал умолять дворника не делать этого: «Ведь они такие маленькие! Они хотят жить!» Дворник растерялся, но тут появилась мама Пети и чтобы не травмировать и без того возбудимого ребёнка, велела не трогать щенков. Вместе с собакой их поместили в сарае, и только тогда Петя успокоился. За эту чрезвычайную хрупкость души мальчика его гувернантка Фанни Дюрбах называла своего любимчика Пьера стеклянным мальчиком.

Надежда Филаретовна. Стекланный мальчик – как это трогательно!

Котек. А вот ещё один забавный случай. Однажды шестилетнего, Петю больно отдубасил сверстник. Петя распустил такие длинные нюни, что даже мать, чрезмерно опекавшая его, возмутилась: «Ну, чего ты ревешь? Мальчик ты или нет? Дай ему сдачи». — «Но я не могу, мама, — сказал он серьезно и даже плакать перестал. — Ты же знаешь, что я не такой мальчик. Я совсем другой мальчик».

Надежда Филаретовна, и Котек смеются.

Этот мальчик буквально обожал свою мать, боготворил даже землю, по которой она ступала, и трагически переносил каждое расставание с ней. «Моя милая прекрасная Мамаша, мой ангел-утешитель», - писал он ей из училища правоведения, куда его поместили. В четырнадцать лет он пережил глубокое потрясение, когда умерла от холеры его любимая «Мамаша». И даже теперь без слез он не может говорить о матери. (*Через паузу.*) А по поводу застенчивости Петра Ильича, так она проявляется только в малознакомом обществе. А среди друзей и близких ему людей он совсем другой, очень веселый и остроумный.

Надежда Филаретовна. Боже мой! Дорогой Иосиф Иосифович, сам Бог послал мне вас! Сколько удивительных вещей я узнаю об этом чудном человеке!

Котек. А вот что ещё не менее удивительно: трепетная и ревностная любовь Петра Ильича к России, к русскому Богу, к русской природе проявилась еще тогда в раннем детстве. Он брал карту Европы, по которой Фанни учила его, целовал со страстью зеленое

пространство от Варшавы до Воткинска и в сердцах плевал на остальное. Фанни остановила его: Разве там, куда ты плюешь, люди не говорят Богу, как и ты, «Отче наш»? И если ты плюешь на Европу, то, значит, ты плюешь и на меня? Он поднял на нее бледное, курносое лицо и сказал: Не браните меня, милая Фанни, ведь я прикрыл Францию ладонью.

Снова весёлый смех.

Надежда Филаретовна. А правду говорят, что он не увлекался и не любил ни одной женщины?

Котек. В юности он попеременно увлекался четырьмя девушками и по странной случайности всех их звали Софьями. Он даже однажды в письме к любимой сестре Саше написал шуточные стихи, которыми грешил ещё с детства:

Сегодня я за чашкой кофе
мечтал о тех, по ком вздыхал.
И поневоле имя Софья
четыре раза сосчитал.

Смех.

Но, скорее всего, эти Софьи больше увлекались Петром Ильичём, чем он ими. И это неудивительно. Петр Ильич очаровывает всякого, кто соприкасается с ним. Это вы, Надежда Филаретовна, верно подметили по поводу его необыкновенно приветливых глаз. Одним своим присутствием он вносит повсюду свет и теплоту.

Надежда Филаретовна. А что это за история со знаменитой певицей итальянской оперы Дезире Арто?

Котек. О, это действительно необыкновенная история. Он ведь чуть не женился на ней. Он был очарован её

голосом, её артистичностью, манерой вести себя, она была блестяще остроумна. Это ей он посвятил романс «Средь шумного бала». Он так увлёкся, что в один прекрасный день с букетом цветов, в цилиндре, в белых перчатках, поехал объясняться. Предложение было принято и свадьба назначена во Франции в родовом имении Арто. Но её мать воспротивилась браку, находя, что Пётр Ильич слишком молод для дочери и, по всей вероятности, боясь, что он заставит её жить в России. Во-вторых – друзья Петра Ильича, и в особенности Николай Рубинштейн, употребили все силы, чтобы женитьба не осуществилась. Их аргументы, что, сделавшись мужем знаменитой певицы, он будет играть весьма жалкую роль мужа своей жены, сопровождая её по гастролям, и погибнет как музыкант. Она уехала на гастроли в Варшаву его невестой, а месяц спустя после отъезда из Москвы вышла замуж за известного баритона Падиллу. Вернувшись через год, она снова блистала на сцене. А он, сидя в партере, слушал ее пение и закрывался биноклем, чтобы сидящий рядом приятель не видел его слез.

Надежда Филаретовна (*после молчания*). Какая грустная история.

Котек. Да. Но зато Чайковский снова с нами. Неизвестно чем бы всё это кончилось. Говорят, счастливый художник теряет свою гениальность. Вспомните «Дориана Грэя».

Надежда Филаретовна (*встает, волнуясь*). Иосиф Иосифович! А что если я закажу господину Чайковскому переложение для скрипки и фортепиано его сочинения, как вы думаете, он согласится, не

откажет? Разумеется, я хорошо ему заплачу.

Котек. Думаю, не откажет, Надежда Филаретовна. Тем более, что в настоящее время он весьма стеснён в средствах. Чтобы как-то существовать ему приходится, кроме профессорства в консерватории, писать критические статьи, что отнимает у него время от сочинительства.

Надежда Филаретовна. Вот и чудесно. Подождите меня минутку. (*Выходит.*)

Котек. Н-да! Каков, однако, интерес! Вот удивлю-то Петра Ильича.

Надежда Филаретовна возвращается с пакетом в руках.

Надежда Филаретовна. Вот, пожалуйста, передайте это господину Чайковскому. Здесь моя просьба о переложении и деньги. Я буду ждать с нетерпением.

Котек. Не извольте беспокоиться, Надежда Филаретовна, будет исполнено непременно!

Затемнение

Сцена вторая

Кабинет Чайковского. Пётр Ильич лежит на диване с томом Пушкина в руках. Увлечённо читает, что-то записывает в тетрадь. Входит Алёша.

Пётр Ильич. Ты только послушай, Алёша! (*Цитирует.*) «Но вы к моей несчастной доле хоть каплю жалости храня...» Какая чистая, какая доверчивая наивность! Как это мило, как трогательно!

Алёша. Да, трогательно...

Пётр Ильич. И как такая трепетная доверчивая душа

не могла тронуть чёрствое выхолощенное сердце Онегина?!

Алёша. Да... жалко Татьяну... Пётр Ильич, к вам господин Котек.

Пётр Ильич. Так что ж ты сразу-то не сказал? Вот голова!

Алёша. Так вы всё ... душа... так жалостливо...

Входит Котек.

Пётр Ильич (*отложив книгу*). Иосиф, друг дорогой! Какой сюрприз! Милости прошу! (*Обнимаются.*) Что-то тебя давненько не видно. Чем занят? С чем пожаловал? (*Котек подаёт Алёше трость, цилиндр, перчатки.*) Ну, садись, рассказывай! (*Усаживает его на диван, обращается к Алексею.*) Алёша! Подай-ка нам... (*Котеку.*) Чай? Кофе?

Котек. Всё равно.

Пётр Ильич (*слуге*). Сообрази нам, Алёшенька, кофейку, ну и прочее...

Алексей выходит.

Пётр Ильич. Я слышал, ты у богатой вдовы пристроился?

Котек. Вот с тем-то и пожаловал! (*Достаёт из внутреннего кармана и подаёт Петру Ильичу пакет.*)

Пётр Ильич. – Что это? (*Вскрывает пакет.*) Да тут деньги!?

Котек. Госпожа фон Мекк пожелала сделать вам заказ. И заранее его оплачивает. Милостиво просила не отказать.

Пётр Ильич (*читает, затем к Котеку*). Да тут слишком щедрое вознаграждение за такую пустяковую

работу!

Продолжает читать. Звучит голос Надежды Филаретовны.

...Говорить вам, в какой восторг меня приводят ваши сочинения, я считаю неуместным, потому что вы привыкли и не к таким похвалам, и поклонение такого ничтожного существа в музыке, как я, может показаться вам только смешным, а мне так дорого мое наслаждение, что я не хочу, чтобы над ним смеялись, поэтому скажу только, и прошу верить этому буквально, что с вашей музыкою живется легче и приятнее.

Пётр Ильич (*отложив письмо*). Не скрою, мне очень лестно такое мнение о моей музыке, в то время как газеты не устают упражняться в ругательствах по поводу каждого моего нового сочинения. Особенно в этом преуспевает Цезарь Кюи. Я уж не говорю об анонимной критике, которая иногда доходит до неприличия. А я не Антон Рубинштейн, я не могу не огорчаться, когда меня ругают. Я еще не так велик.

Входит Алёша с подносом, на котором кофейник, коньяк, закуска, расставляет чашки и рюмки на столе, разливает кофе, уходит с подносом.

Пётр Ильич. Ну довольно о грустном. Расскажи-ка мне об этой таинственной госпоже фон Мекк!

Котек. Извольте с прелюдией?

Пётр Ильич. Да как тебе будет угодно.

Котек. Итак. Надежда Филаретовна фон Мекк – вдова «железнодорожного короля», миллионерша, владелица домов в Москве, поместий в западном крае, приморских вилл за границей. Высоко образована, необычайно

музыкальна, покровительствует молодым музыкантам.

Пётр Ильич. Ну об этом я наслышан.

Котек. Содержит при доме небольшой оркестр. Помимо многочисленных роялей и прочих антикварных инструментов, в доме имеется орган. В её московском доме, а, вернее сказать, дворце, что на Рождественском бульваре, не мудрено заблудиться, что со мной не раз уже бывало. Мыслимо ли – пятьдесят две комнаты!?

Пётр Ильич. Душевно сочувствую!

Котек. А какова у госпожи фон Мекк родословная! Я имел милостивое позволение полистать семейный альбом. По линии матери Надежда Филаретовна происходит от рода Потёмкиных, от того самого фаворита Екатерины II Григория Потёмкина.

Пётр Ильич. Весьма любопытно.

Котек. Далее ещё любопытнее, Пётр Ильич! Село Каменка, что под Киевом, (*Чайковский напрягает внимание*) прежде принадлежало Григорию Потёмкину, которое по наследству перешло его племяннице Екатерине Самойловой, которая первым браком была замужем за Николаем Раевским. Их сын – Николай Николаевич Раевский, как вам известно, является Героем Отечественной войны 1812 года.

Пётр Ильич (*вскакивает*). А вторым браком – за Львом Денисовичем Давыдовым, и их сын Василий, как и его двоюродный брат – поэт Денис Давыдов, также является героем двенадцатого года. (*В волнении ходит по кабинету.*) Василий Львович, как тоже должно быть тебе известно, примкнул к обществу декабристов, которое собиралось именно в Каменке, и был осуждён на 20 лет каторги. Сегодня Каменка принадлежит трём

сыновьям Василия Давыдова, за одним из которых, за Львом Васильевичем, замужем моя сестра Александра, моя дорогая Сашенька! И я каждое лето имею удовольствие отдыхать в этом замечательном местечке.

Котек (*восторженно*). Вот это история!

Пётр Ильич. За это непременно следует выпить!

Наливает в рюмки коньяк. Чокаются, выпивают.

Пётр Ильич (*возбуждённо*). Стало быть, мы с госпожой фон Мекк в некотором роде родственники?! Непременно передай ей это!

Котек. Непременно передам! Представляю, в какой восторг она придёт от этого сообщения! (*Оба хохочут.*) Надежда Филаретовна чрезвычайно высоко ценит вашу музыку. Узнав, что я с вами дружен, буквально засыпала меня вопросами. Ей интересна каждая мелочь, каждая подробность о вас!

Пётр Ильич. Вот это-то совсем ни к чему. Какое отношение имеет моя личность к моей музыке? Терпеть не могу, когда газеты после моих концертов описывают как я выгляжу, какого я роста и каковы мои манеры! Мысль, что когда-нибудь я и в самом деле добыю частичку славы и что интерес к моей музыке возбудит и интерес к моей персоне, очень тягостна для меня. Думать, что когда-нибудь будут стараться проникнуть в интимный мир моих чувств, мыслей, во все то, что в течение жизни я так бережливо таил от соприкосновения с толпой, очень тяжело и грустно. В этой борьбе между стремлением к славе и отвращением к ее последствиям заключается даже трагический элемент. Подобно бабочке, я стремлюсь в огонь и беспрестанно обжигаю себе крылья. Иногда меня

охватывает безумное желание навсегда куда-нибудь скрыться, заживо умереть, дабы не видеть всего, что делается, и чтобы другие, чуждые мне люди, забыли обо мне...

Котек. К сожалению, это неизбежность, судьба каждой в той или иной степени известной личности. Но стоит ли так сильно по этому поводу волноваться?

Пётр Ильич. Представляю, что ты там наговорил. Перья распустить ты большой мастер!

Котек. Она с таким восторгом говорила о ваших сочинениях, что я невольно поддался её настроению.

Чтобы поменять тему, обратил внимание на книгу, оставленную Чайковским на диване.

Что это вы, Пётр Ильич, Пушкиным вдруг увлеклись?

Пётр Ильич. Онегин вдруг меня заинтересовал, вернее сказать Татьяна. Какая чудная русская душа! Какая очаровательная наивная простота. Пришла мысль написать на этот сюжет что-то вроде оперы. Я уже и сценарий накидал. (*Взглянув на часы.*) Кстати, мне нужно ехать сейчас в Глебово к Косте Шиловскому. Хочу попросить его написать либретто.

Котек (*встаёт, прощается*). Не смею задерживать, мне тоже уже пора.

Пётр Ильич. Спасибо, дорогой друг, за необычайно интересные сообщения! Передай Надежде Филаретовне мою искреннюю благодарность!

Котек. Всенепременнейше!

Затемнение.

Сцена третья

В доме фон Мекк. В комнате Юлия и Владислав Пахульский. Из кабинета Надежда Филаретовна. доносятся звуки фортепиано – «Октябрь» из «Времён года». Они прислушиваются.

Пахульский. Опять Надежда Филаретовна играет Чайковского.

Юлия. Какая грустная и в то же время сладостная музыка. словно не листья опадают в саду, а слёзы тихо льются из души.

Пахульский. Юлия Карловна, что происходит с Надеждой Филаретовной? Она так грустна и задумчива последнее время.

Юлия. Она всецело погружена в мысли о господине Чайковском. От него давно нет писем.

Пахульский. Ах, вот как?!

Юлия. После смерти отца мама полностью удалилась от светской жизни. Свет перестал для неё существовать. Всё её внимание и заботы теперь обратились только на дом и детей. Но, единственное, без чего она не может существовать, это музыка. Так в её жизнь вошел Чайковский. Замолкшая на некоторое время, в доме вновь зазвучала музыка, и преимущественно господина Чайковского. Так наряду с другими музыкантами в один прекрасный момент в нашем доме появились вы, уважаемый Владислав Альбертович.

Она лукаво смотрит на Пахульского. Он порывисто обнимает её. Юлия осторожно отстраняет его.

Юлия (пытаясь выглядеть серьёзной). Ведите себя сдержанней!

Пахульский (*подыгрывая ей*). Слушаюсь, госпожа моя! (*Сменив тон.*) И как давно Надежда Филаретовна знакома с Петром Ильичом?

Юлия. Они вовсе незнакомы. То есть, знакомы только по переписке и по портретам, которые дарят друг другу. Началось всё с маминого заказа инструментального переложения его пьес. Получив переложение, она выразила композитору свою горячую благодарность. Он вежливо ответил. И завязалась переписка, от которой моя мать приходит в такой восторг, что просто уже не мыслит себе жизни без неё. Ей даже пришло в голову породниться с Чайковским, поженив сына Колю с племянницей Петра Ильича Анной Давыдовой.

Пахульский. Так они же ещё дети!

Юлия. Да, дети. Но мама так увлеклась этой идеей, что готова ждать, когда они вырастут. И тем не менее, чтобы не возбуждать в обществе ненужных пересудов, они договорились между собой никогда не встречаться. Об этой эпистолярной дружбе мало кто знает даже в нашей семье. Это её маленькая тайна.

Пахульский. Но вы-то в эту тайну посвящены.

Юлия. И кроме меня в эту тайну посвящена её младшая дочь, пятилетняя Милочка, которой она даже подарила портрет Петра Ильича. Однажды Милочка застала мать с пером в руках и любопытствовала: – Кому ты пишешь? – Господину Чайковскому, – ответила ей мама. – Ты его любишь? – спросила малышка. – Да, люблю. – А почему ты не пишешь королю Баварскому, ты ведь тоже его любишь?

Смеются.

Да, мама мне доверяет. Она даже даёт мне читать

письма Петра Ильича. (*Через паузу.*) Но своим последним письмом он поверг её в такую тревогу и тоску, что она буквально потеряла покой.

Пахульский. Что же было в этом письме, что так расстроило Надежду Филаретовну,?

Юлия. Пётр Ильич писал, что получил письмо от некой девицы Антонины Ивановны Милюковой со страстным признанием в любви, и в котором она грозилась покончить с собой, если он не ответит ей и умоляла о свидании. Он не ответил, она написала ещё всё в том же духе. Пётр Ильич, испугавшись, что может стать причиной гибели молодой особы, пошел на свидание, чтобы успокоить и разубедить её. Но вместо этого ему, вопреки всяких ожиданий, пришлось сделать ей предложение, так как она вновь признавалась, что жить без него не может и если он сейчас уйдёт, она покончит с собой.

Пахульский. Ничего себе история! Но, что же в ней так тревожит Надежду Филаретовну?

Юлия. После того письма от него давно нет никаких известий. Она предчувствует какую-то беду. А тут ещё этот шелест сплетен по всей Москве. Имя Чайковского наряду с военными известиями служит предметом разговоров чуть ли не в каждом доме, начиная с гостиной великого князя Константина Николаевича. Почти во всех газетах помещено кем-то опровержение слухов о том, что композитор Чайковский будто бы с ума сошел и помещён в психиатрическую лечебницу в Швейцарии.

Пахульский. Да уж, наша пресса любит раздувать огонь. Но, возможно, это только пустые сплетни,

на которые так горазд свет, и всё далеко не так катастрофично, как Надежда Филаретовна себе вообразила?

Юлия. Может быть. Но мне больно видеть её в таком состоянии. Я люблю её. Я к ней очень привязана. Несмотря на многочисленное семейство, она очень одинока. И я единственная из её взрослых детей, кто находится при ней неразлучно и уже много лет. Это мой крест. Но он меня не тяготит. Я знаю, что необходима ей.

Пахульский (*вдруг сделавшись серьёзным*). Юлия... Карловна! Не пора ли объясниться с Надеждой Филаретовной о наших с вами отношениях?

Юлия. Нет, не сейчас, дорогой Владислав Альбертович. Это повергнет её и в без того тяжелое состояние.

Пахульский. Но нам совсем необязательно расставаться с ней. Вы знаете, что я также сердечно привязан к Надежде Филаретовне, и могу быть полезен ей не только как музыкант и секретарь, но и во многом другом.

Юлия. Потерпите, друг мой, потерпите! Придёт время и я объяснюсь с ней сама. (*Встаёт.*) А сейчас я должна пойти к маме.

Затемнение.

Сцена четвёртая

Кабинет Надежды Филаретовны. Она за роялем. Звучит романс Чайковского «Нет, только тот, кто знал...». Голос Надежды Филаретовны звучит проникновенно и печально. Закончив пение, она опускает крышку, запрокидывает голову и сидит так, пока слёзы не отхлынут.

Надежда Филаретовна (*обращаясь к стоящему на рояле портрету Чайковского*). Пётр Ильич, дорогой, что же вы делаете со мной! (*Встаёт и нервно ходит по комнате.*) Не написать ни строчки! Так нельзя поступать с лучшим другом! Где вы? Что с вами происходит?

В изнеможении опускается в кресло и забывается тревожным сном. Ей видится Москва, московский поздний вечер, промозглый вечер с ледяным ветром и мелким, секущим дождем. Откуда-то тихо доносится печальная музыка. («Литургия святого Иоанна Златоуста» Чайковского) И Петр Ильич в черном длинном пальто с поднятым воротником и касторовой шляпе, глубоко надвинутой на глаза, все тащит ее куда-то.

Надежда Филаретовна. Куда мы идём?

Петр Ильич (*раздраженно твердит*). Надо! Надо! Надо!

Надежда Филаретовна. Почему надо?

Он не отвечает, и тут они оказываются у высоких мрачных зданий, бывших одновременно соборами и театрами. Там идет вечерня, но отправляют ее не богослужители, а актеры. Она не удивляется, когда черные громады зданий раздаются и будто истаявают в воздухе, а они оказываются у темной маслянистой воды. Петр Ильич, чуть отставший, подходит к ней, снимает шляпу, перчатки и вместе с тростью протягивает ей. Надежда Филаретовна удивляется, зачем он это делает.

Пётр Ильич (*все так же раздраженно*). Неужели вы не знаете, что шляпу, перчатки и трость следует сдавать в гардероб?

Надежда Филаретовна (*робко*). А пальто?

Пётр Ильич (*резко*). Мы не в театре! Ведите себя

прилично!

Петр Ильич входит в реку. Предварительно он потрогал воду ногой в чёрной лакированное туфле, как это делают робкие купальщики, и произнёс что-то похожее на «б-р-р!». Затем стал медленно погружаться. И тут Надежда Филаретовна наконец понимает, что Петра Ильича больше не будет, он скроется под водой. Она страшно, пронзительно кричит.

Пётр Ильич (*испуганно повернув голову*). Замолчите! Услышит полиция!

Но она продолжает кричать и просыпается от этого крика.

Надежда Филаретовна. А ведь я спасла его.

Стремительно входит Юлия.

Юлия. Мама, простите мое вторжение, но мне показалось, что вы... звали? Что с вами, мама, милая? Вы здоровы?

Подходит и горячо обнимает мать. Надежда Филаретовна поворачивается к Юлии и растроганно целует ее в лоб.

Надежда Филаретовна. Совершенно здорова... обычные мигрени. (*Через паузу.*) Меня заботит... нет, терзает, мучает судьба Чайковского. Я места себе не нахожу!

Юлия. Вы так его любите, мама?

Надежда Филаретовна (*мягко и терпеливо*). Это не та любовь, о какой ты думаешь. Ту любовь я изжила до конца с твоим отцом. Я боготворю Чайковского, преклоняюсь перед ним и жалею его. В той, другой любви надо видеть человека, быть с ним, — мне не нужно видеть Чайковского, мне надо лишь знать, что ему хорошо. Ему плохо сейчас, я это знаю... сердцем знаю.

Юлия (*осторожно*). Он вам писал... что ему плохо?

Надежда Филаретовна. Нет. Последнее письмо пришло две недели назад... (*Голос ее пресекается.*) Я давала тебе его прочесть.

Юлия. В котором он сообщал Вам о своей женитьбе? И просил денег.

Надежда Филаретовна (*метнув на дочь молнию прекрасных глаз*). Да это не я ему, а он оказывает мне величайшее доверие, обратившись ко мне почти с детской наивностью с пустяковой просьбой! Это он оказывает мне величайшую честь посвящением своей музыки! Не он, а я должна быть ему благодарна за его доверие ко мне!

Юлия. Простите меня, мама. Я была не права. Я дурно думала о господине Чайковском... Наверное, потому, что я ревновала вас к нему. Простите, мама. Он достойный, высокопорядочный человек.

Надежда Филаретовна. Вы снова ничего не поняли, дочь моя. Все эти жалкие слова хороши для обывателей. Господина Чайковского нельзя мерить обычной меркой. Он гений!.. Гений, подобный Баху, Моцарту, Бетховену. (*Юлия в изумлении смотрит на мать.*) Я твёрдо знаю, что рано или поздно, но наверняка при жизни, Чайковского ждёт мировое признание, он станет знаменит, как ни один русский композитор. Его слава не уступит славе Моцарта.

Входит дворецкий, в руках у него письмо.

Дворецкий. Сударыня, вам письмо... от господина Чайковского.

В душе у Надежды Филаретовны. зазвучала музыка - «Мелодия» Чайковского. Она подходит и робко берёт письмо. Дрожащими

руками вскрывает конверт и, прочитав несколько слов, опускает лорнет и плачет. Совладав с собой, Надежда Филаретовна. продолжает читать. Звучит голос Петра Ильича.

«Как только церемония совершилась, как только я очутился наедине со своей женой, с сознанием, что теперь наша судьба - жить неразлучно друг с другом, я вдруг почувствовал, что совершил роковую ошибку, что я не смогу полюбить её никогда, что лучшая, даже единственно хорошая часть моего я, т. е. музыкальность, погибла безвозвратно. Я впал в глубокое отчаяние. Я стал страстно желать смерти. Смерть казалась мне единственным исходом. После сильнейшего нервного припадка я впал в бессознательное состояние, длившееся около двух суток. Теперь, я нахожусь в Кларане, куда меня отвёз мой брат Анатолий. Ехать мне теперь в Москву все равно, что обречь себя на сумасшествие. Трудно передать Вам, дорогая Надежда Филаретовна, те ужасные муки, которые я там вынес в сентябре. Я был на волос от гибели. Прощайте, Надежда Филаретовна. Простите меня. И не презирайте меня. Я очень, очень несчастен.»

Надежда Филаретовна. *(со слезами на глазах).* Боже! Он несчастен! Он страдает! Какая радость!.. Свободен!

Юлия *(в восхищении глядя на мать).* Мама! Какая вы красивая!.. Боже, какая вы красивая!

Надежда Филаретовна. *(гневно сверкая тёмными очами).* Почему нет закона, оберегающего творцов? Почему в них можно стрелять, как Дантес в Пушкина, Мартынов в Лермонтова? Почему их можно распинать на кресте бытовых невзгод, порой столь же смертельных, как выстрел? Общество должно

защищать своих гениев. Расторгнуть брак Чайковского и сдать Антонину Ивановну в арестантские роты! (Обращается к дворецкому, подавая ему конверт.) Иван Васильевич! Пошлите по этому адресу в Швейцарии три тысячи. И распорядитесь учредить господину Чайковскому ежегодную субсидию в шесть тысяч рублей!

Дворецкий. В какую графу прикажете зачислить?

Надежда Филаретовна. В графу «музыка»!

Затемнение .

Сцена пятая

Браилово – имение Надежды Филаретовны фон Мекк. Богато, со вкусом обставленная гостиная, вазоны с тропическими растениями. На стене в роскошной раме большой в рост портрет Надежды Филаретовны. Раскрытое окно в сад, откуда видны цветущие кусты сирени и роз, слышны голоса птиц. Перед небольшим столиком, за которым сидит Пётр Ильич, висит клетка с попугаем. Пётр Ильич пишет.

Пётр Ильич. Дорогой брат Толя, вот я и в Браилово, в имении Надежды Филаретовны, куда прибыл по её приглашению. Сама она теперь вместе со своей семьёй в Париже. Так что я тут блаженствую в полном одиночестве. Марсель, слуга Надежды Филаретовны, учтивости и услужливости необычайной. Пальто и шляпу имеет лучше моих, и когда я уселся в великолепную коляску, запряженную великолепной четверкой, а он на козлы рядом с кучером, то я стал конфузиться и проконфузился до самого Браилова. Дом – в полном смысле дворец. Моя комната – верх роскоши и удобства. Слуга мой Алёша в телячьем восторге. В

девять часов мне подали великолепный ужин, после которого я музицировал, потом сидел у открытого окна и мечтал, а в 11 часов лёг спать на батистовых простынях и наволочках. Прогулки мои восхитительны, как пешие, так и вечерние в экипаже с чаем. Сначала я конфузился, что за коляской едет целый фургон с самоваром, посудой, столом, стульями, коврами. Но всё это делается с такой охотой и услужливостью, что я уже нимало не стесняюсь. Сегодня всё утро бродил по саду, который очень велик. На розовых кустах огромное количество бутонов. Теперь пишу это письмо и общаюсь с её попугаем Чикой.

Пётр Ильич (*к Чике*). Ну, скажи Надежда!

Чика. Матрена.

Пётр Ильич. Надежда.

Чика. Матрена.

Пётр Ильич. На-де-жда!

Чика. Ма-тре-на! (*Чика зарылся толстым загнутым клювом под крыло.*)

Пётр Ильич. Ну и дурак!

Чика. Сам дурак! (*Радостно вскинулся, переступая на жердочке, словно готовясь к драке.*)

Пётр Ильич (*со вздохом*). Пожалуй, ты прав. (*Встает, подходит к окну, садится на подоконник, глядя в сад.*)

Как здесь чудно! Запах сирени просто сводит с ума. Это какое-то райское блаженство! Даже сердце замирает. Здесь я непременно окончу свою «Орлеанскую деву». (*Вглядываясь.*) Кажется, Марсель с почтой подъехал.

Встает, идёт навстречу. Входит Алексей с письмом в руках.

Алексей. Почта из Парижа. От госпожи фон Мекк!

Подаёт письмо, уходит. Пётр Ильич распечатывает письмо,

читает, звучит голос Надежды Филаретовны.

«Пётр Ильич, нельзя выразить того глубокого впечатления, какое на меня производит Ваше расположение к Брайлову и выражения дружбы ко мне. Вы так милы и дороги мне, что слезы выступают у меня на глазах и сердце дрожит от восторга. Вам, мой бесценный друг, я обязана такими моментами счастья, которые заставляют забывать все горькое, тяжелое в жизни. Какою любовью, какою признательностью к Вам наполнено все мое существо, Вы мирите меня с людьми, с жизнью. За одно такое сердце, как Ваше, можно простить всему человечеству его бессердечие, пошлость, корысть и обманы. Зачем Вы не можете так согревать себя, как греете чужую жизнь!»

Пётр Ильич (*опустив письмо на колени, обращается к портрету*). Ваша дружба есть величайшее благо для меня, дорогая, многоуважаемая Надежда Филаретовна! Одно только меня смущает немного, Вы гораздо лучшего мнения обо мне, чем то, которого я, в сущности, заслуживаю. Уверяю Вас, дорогой друг мой, что я очень жалкого мнения о себе и что целая пропасть разделяет тот идеал, который Вы создали, от моей собственной особы.

Встает, взволнованно ходит.

К счастью, природа наделила меня музыкальным дарованием, в которое я верю, которым я горжусь, хотя бы только оттого, что моя музыка доставляет таким людям, как вы, утешение и удовольствие. (*Останавливается перед портретом, с грустью.*) Если бы вы знали, мой дорогой бесценный друг, как редко мне приходится слышать такие слова по поводу моей

музыки, как ваши! Я так счастлив, что моя музыка увлекает и трогает вас. Никто и никогда не говорил мне того, что вы мне говорите о моей музыке.

Вдруг портрет оживает и в роскошной раме появляется Надежда Филаретовна. Она страстно и восторженно обращается к Петру Ильичу.

Надежда Филаретовна. Вы думаете, что я боюсь не найти в вас соединения человека с музыкантом, о котором мечтаю. Да ведь я уже нашла его в вас, в вас именно есть все, что я придаю своему идеалу, вы олицетворяете мне его. Вы вознаграждаете меня за разочарование, ошибки, тоску; да, если бы у меня в руках было счастье, я бы отдала его вам. (*Звучит музыка из «Сербского марша».*) Пётр Ильич, я только что вернулась из концерта, в котором слушала ваш «Сербский марш». Не могу передать словами то ощущение, которое охватило меня при слушании его: это было такое блаженство, от которого у меня подступали слезы к глазам. Наслаждаясь этой музыкой, я была несказанно счастлива от мысли, что автор ее до некоторой степени мой, что он принадлежит мне и что этого права у меня никто отнять не может. В первый раз со времени наших отношений я слушала ваше сочинение в иной обстановке, чем обыкновенно. В Благородном собрании мне как-то кажется, что у меня много соперников, что у вас много друзей, которых вы любите больше, чем меня. Но здесь в Париже, в этой новой обстановке, между столькими чужими людьми, мне показалось, что вы никому не можете принадлежать столько, сколько мне, что моей собственной силы чувства достаточно для того, чтобы владеть вами

безраздельно. В вашей музыке я сливаюсь с вами воедино, и в этом никто не может соперничать со мною. Здесь я владею и люблю. Простите мне этот бред, не пугайтесь моей ревности, ведь она вас ни к чему не обязывает.

Чайковский ошеломлён. Он закрывает руками лицо. Когда отнимает руки, перед ним снова в раме портрет Надежды Филаретовны.

Пётр Ильич (зовёт). Алёша!

Входит Алексей.

Алёша. Я здесь, Пётр Ильич.

Пётр Ильич. Что это было? (*Показывает на портрет Надежды Филаретовны.*) Ты видел?

Алёша. Портрет?

Пётр Ильич. Да нет. Она здесь сейчас... Надежда Филаретовна...

Алёша. Пётр Ильич! Надежда Филаретовна в Париже! Это у вас от переутомления галлюцинации. Пошли бы в лесок, освежились, поискали бы ваших любимых ландышей. Весна ведь, Пётр Ильич! А воздух-то какой! Разве с городом это сравнимо?!

Пётр Ильич. И то верно, Алёша, пошли в лес за ландышами!

Затемнение.

Сцена шестая

Ночь. Надежда Филаретовна в ночной сорочке, с распущенными волосами сидит в своей постели, взволнованно терзая в руках подушку. Рядом на ночном столике портрет Чайковского,

окруженный его любимыми ландышами. Горит ночник. Тихо звучит «Трио Великому художнику», к концу монолога музыка постепенно затихает.

Надежда Филаретовна. Я не могу вам простить, Пётр Ильич, что вы пробудили во мне слишком много женского, с чем я давно простилась! Я не прощаю вам, что в мою тихую чистую жизнь ворвалась баба, ревнивая, злобная, завистливая, неопрятно страдающая, и эта баба я сама. Боже мой, какой стыд! Старуха! Мать одиннадцати детей! Бабушка! Остановись, безумная! *(Как бы опомнившись.)* Да нет же, я и не думала ни о чем подобном!.. Ну зачем уж так?.. *(Прерывает себя.)* Человек думает о чем угодно и в мыслях имеет порой такое, за что мало колесовать, сжечь живьем, или до конца дней поставить к позорному столбу. Если бы судили за мысли, едва ли бы кто избежал виселицы. *(Берет в руки портрет Чайковского.)* О чем он думает, что пишет, дорогой, родной, несравненный друг? Помнит ли обо мне, верит ли мне? Верит ли своей свободе? Нет, никогда я не отниму у него свободу, если он сам не захочет прийти, и если есть Бог, этот человек сам придет ко мне. Я могу ждать долго, очень долго.

Одновременно из темноты высвечивается комната Чайковского. Он в любимом ватном халате, в котором его никто кроме слуги не видел, сидит в кресле у маленького столика, который завален книгами, нотами. Горит ночник. Пётр Ильич с нотной бумагой и пером в руках. Возникают звуки первой части Четвёртой симфонии. Свет в комнате Чайковского гаснет.

Надежда Филаретовна, заслышав эти звуки, в порыве чувств хватает со стола бумагу, перо и начинает лихорадочно писать.

Надежда Филаретовна (*страстно, с нарастающей экзальтацией*). Мой милый, обожаемый друг! Пишу Вам в состоянии такого упоения, такого экстаза, который охватывает всю мою душу, который, вероятно, расстраивает мне здоровье и от которого я все-таки не хочу освободиться ни за что. Наша симфония, вот что приводит меня в такое состояние, в котором мне и больно и сладко. Эти божественные звуки охватывают все мое существо, возбуждают нервы, приводят мозг в такое экзальтированное состояние, что я с тех пор, как услышала её, все ночи провожу без сна, в каком-то горячечном бреду. Это последнее слово искусства, дальше этого нет дороги, это предел гения, это венец торжества, это точка божества, за нее можно отдать душу, потерять ум, и ничего не будет жаль... (*Порывисто встаёт с постели.*) Боже мой, как Вы умели изобразить и тоску отчаяния, и луч надежды, и горе, и страдание, и все, чего так много перечувствовала в жизни я и что делает мне эту музыку не только дорогою как музыкальное произведение, но близкою и дорогою как выражение моей жизни, моих чувств. Петр Ильич, я стою того, чтобы эта симфония была моя: никто не в состоянии ощущать под ее звуки то, что я, никто не в состоянии так оценить ее, как я. Если мне надо умереть за то, чтобы слушать ее, я умру, а все-таки буду слушать. Вы не можете себе представить, что я чувствую в эту минуту, когда пишу к вам и в это же время слышу звуки нашей божественной симфонии. (*Нервно мечется по комнате.*) Я не знаю, можете ли Вы понять ту ревность, которую я чувствую относительно вас, при отсутствии личных сношений между нами.

Знаете ли, что я ревную вас самым непозволительным образом: как женщина любимого человека. Знаете ли, что, когда вы женились, мне было ужасно тяжело, у меня как будто оторвалось что-то от сердца. Мне стало больно, горько, мысль о вашей близости с этою женщиною была для меня невыносима, и, знаете ли, какой я гадкий человек, — я радовалась, когда вам было с нею нехорошо. Я ненавидела эту женщину за то, что вам было с нею нехорошо, но я ненавидела бы ее еще в сто раз больше, если бы вам с нею было хорошо. Мне казалось, что она отняла у меня то, что может быть только моим, на что я одна имею право, потому что люблю вас, как никто, ценю выше всего на свете. *(Слегка сбавив пыл.)* Если вам неприятно все это узнать, простите мне эту невольную исповедь. Но я думаю, и лучше вам знать, что я не такой идеальный человек, как вам кажется. Простите меня и забудьте все, что я сказала, у меня голова не в порядке. *(Села на кровать, смотрит на фотографию Чайковского.)* До свидания, мой обожаемый друг, мой бог, моя любовь, мое счастье!

Свет в комнате Надежды Филаретовны гаснет, зажигается в комнате Пётр Ильича. Он откладывает на столик письмо Надежды Филаретовны. Опустив голову и закрыв лицо ладонями, долго сидит, задумавшись. Потом поднимает голову, зовёт слугу.

Пётр Ильич. Алёша!

Входит Алексей, он в ночной рубахе. Заспанный, молча встает у дверей.

Алёша, дай рюмочку коньячку.

Алёша. Пётр Ильич, ну какой коньячок? Ночь глубокая!

Спать надо! Завтра опять с расстроенным здоровьем встанете!

Пётр Ильич. Вот поэтому я и прошу тебя принести коньячку, чтобы нервы успокоить. Иначе до утра не усну.

Алеша, вздыхая, выходит.

Я не Миклухо-Маклай, который целые труды создаёт о вредности спиртного. Категорически с ним не согласен. И угораздило же его родиться с такой фамилией!

Возвращается Алёша с рюмкой коньяка, ставит на столик, хочет что-то сказать, но взглянув на Петра Ильича, молча уходит.

Пётр Ильич (*обращаясь к фотографии Надежды Филаретовны, стоящей на столике*). Благодарю вас, мой несравненный бесценный друг... за такую высокую оценку моей музыки!.. (*Помолчав.*) И напрасно вы предполагаете, что я могу найти что-нибудь странное в тех ласках, которые вы мне высказываете в письме вашем. Лучшие минуты моей жизни те, когда я вижу, что музыка моя глубоко западает в сердце тем, кого я люблю, и чье сочувствие для меня дороже славы и успехов в массе публики. Принимая их от вас, я только смущаюсь одной мыслью. Мне всегда при этом кажется, что я мало достоин их. (*Выпивает рюмочку.*) Но, Боже мой, как я устал от своего одиночества, от своего непрерывного скитания! Где же тот приют, в котором найдёт покой моя тоскующая душа?!

Сидит в кресле, глубоко задумавшись.

Затемнение.

Сцена седьмая

Симаки – в имении фон Мекк. Август. Веранда во флигеле, окруженном осенним садом. Слышны голоса птиц. Алёша сидит на ступеньках, насвистывая какой-то мотивчик, перебирает в корзине грибы. На веранде столик с чашкой остывающего кофе.

Пётр Ильич, заложив руки в карманы, смотрит в сад.

Пётр Ильич. Благодать-то какая! Век бы отсюда не уезжал! А главное, тишина и никто не мешает работать.

Алёша. Ей богу, благодать! (*Достаёт большой красивый гриб, любуется.*) А вы, сударь, ещё сопротивлялись. Уж как она вас уговаривала: «и речка-то у меня, и лесок-то, и соловьи...»

Звучит голос Надежда Филаретовны.

«Есть у меня при Браилове фольварк (хутор) Симаки. Этот фольварк очень миленький, лежит в тенистом саду, в конце которого идет река, в саду поют соловьи. Это такое уединенное, поэтичное место, если бы вы согласились приехать туда на целый месяц или еще больше, во время моего пребывания в Браилове, то я была бы несказанно счастлива, чувствовала бы, что вы близко, и от этого мне было бы хорошо и весело; мне казалось бы, что когда вы рядом, то ничто дурное меня не коснётся. Помните, как чудесно мы жили рядом во Флоренции. Никогда я не забуду этого счастливого времени. Каждое утро, прогуливаясь, я проходила мимо ваших окон и мне становилось тепло и радостно. Если бы вы согласились, мой добрый, хороший друг! Боже мой, как бы это было хорошо! Я бы вам послала лодочку легкую, прелестную, Алеша вас возил бы

кататься на ней. Лес там есть в десяти шагах очень миленький, красивые места около реки, в лунные ночи восхитительно! Милый, дорогой, приезжайте».

Алёша. Ну точно, соловей заливается.

Пётр Ильич (*смотрит в сад*). Да, Надежда Фидаретовна не обманула – место действительно «поэтическое»! (*Ходит по веранде.*) Но близость её всё-таки постоянно смущает меня. Мне все кажется, что она желает видеть меня.

Алёша. Похоже на то, Пётр Ильич! Вот и праздник там сегодня, я думаю, не случайно устроили, авось не удержитесь, клюнете!

Пётр Ильич. Помню как во Флоренции, проходя со своей свитой мимо моей виллы, она останавливалась и старалась увидеть меня.

Алёша. Всё равно ничего не увидела, даже в свой лорнет. Она ведь ужасно близорука.

Пётр Ильич. И как мне было тогда поступить? Выйти к окну и поклониться? Но в таком случае почему уж кстати не закричать из окна: здравствуйте!

Алёша. Но сами-то вы в дырочку сквозь ставни за ней подглядывали. (*Хихикает.*)

Пётр Ильич (*говорит как бы сам с собой*). Но, странное дело. Поначалу её близкое присутствие меня несколько смущало, а когда она уехала и вилла её опустела, сверх всякого ожидания, я загрустил и испытал большую тоску по ней и пустоту. Господи, что это за удивительная, чудная женщина! Сколько чуткой и нежной заботы проявляет она ко мне!

Алёша. Обалденная женщина эта Филаретовна! Даже обо мне, слуге вашем, помнит и в письмах к вам

постоянно посылает приветы. Это так чувствительно, ажно до слёз!

Пётр Ильич (*прислушиваясь к пению птиц*). Ах, Алёшка, как здесь хорошо дышится! До чего же я люблю русскую деревню! Отчего всегда за границей я испытываю жуткую тоску по России! Помню в Сан-Ремо, где повсюду оливковые деревья, пальмы, апельсины, лимоны, гелиотропы, я ходил по набережной и испытывал невыносимо тоскливые чувства. Отчего это? Отчего простой русский пейзаж – лес, степь, речка, скромная церквушка, словом, все, что составляет убогий русский, родимый пейзаж, приводит меня в необъяснимое состояние сладких и опьяняющих ощущений. Отчего все это? (*Пауза.*) Решительно не понимаю людей, ругающих всё русское, в то же время готовых умирать с голоду где-нибудь в трущобах Парижа. (*Со вздохом.*) Господи, когда же я перестану скитаться по чужим углам? Когда же я, наконец, обрету свой собственный угол?!

Алёша. Да уж, Пётр Ильич, пора бы. Приискать бы что-нибудь вроде этого уголка, уж больно здесь хорошо!

Пётр Ильич стоит, задумавшись. Издалека доносятся разрывы петард. Вдруг решительно обращается к Алексею.

Пётр Ильич. Алёша! Неси фрак!

Алёша (*от изумления даже рот раскрыл*). Неужто вы собрались к ней, в Браилово?!

Пётр Ильич. Молчи, дурень! Делай, что тебе говорят! Пойдём фейерверк смотреть!

Алёша. А фрак-то зачем, чтобы в кустах сидеть... во фраке?

Пётр Ильич бросает на него недовольный взгляд.

Хорошо, хорошо, несу. (*Приносит фрак, вздыхая помогает Петру Ильичу его надеть.*)

Спускаются с крыльца и скрываются в глубине сада... Появляются вновь. Перед ними высокий забор, отделяющий их от Браилова. С той стороны доносится музыка – Вальс из «Евгения Онегина», в небо взлетают снопы разноцветных огней.

Алёша. Вот это да! Люминация первый сорт!

Пётр Ильич. Иллюминация, невежа.

Алёша. Что это вы, сударь, нынче в ругательном расположении! То дурень, то невежа! Я ведь и обидеться могу!

Пётр Ильич. Ладно, извини, Алёша. Нервы совсем ни к чёрту. (*Бодро, по-мальчишески.*) А ну-ка подсоби!

Алёша становится на четвереньки, Пётр Ильич встаёт ему на спину и ловко перемахивает через забор. Подходит к стоящей неподалеку небольшой увитой плющом беседке. До него доносится русская и французская речь, петарды рвутся снопом разноцветных искр. В небе горит и шипит круглый вензель «фон Мекк». Вдруг высокая женская фигура выходит из светлого круга, быстро проходит по аллее и, шурша тяжёлыми шелковыми юбками, входит в беседку. Это Надежда Филаретовна. Их разделяет тонкая перегородка. В полном мраке он стоит с замиранием сердца.

Пётр Ильич (*в страхе*). О, боже милостивый! Это она! Как колотится сердце!

Надежда Филаретовна (*восторженно*). Он здесь! Я чувствую его, он здесь! Милый, дорогой!

Пётр Ильич. Как громко колотится моё сердце! Она услышит! Господи, я не выдержу!

Надежда Филаретовна. Он рядом! О, мой гений! Моё

божество! Счастье моё! Жизнь моя!

Со стороны усадьбы слышен голос шестилетней Милочки: «Мама, мама! Где ты? Юля, пойдём к ней! Она там! Я видела. Ну, пойдём!» Надежда Филаретовна. выскакивает из беседки и кидается к дому. Пётр Ильич почти без чувств сползает по стенке вниз. За деревьями, взлетают в небо ракеты, мелькают силуэты людей. Совсем рядом раздаётся лай собаки.

Пётр Ильич. Господи, этого еще не хватало! Если кто-нибудь из слуг заметит меня здесь, чего доброго примут за вора! Во фраке! (*Оглядывается и слабым голосом зовет.*) Алёша! Ты где?

Алёша (*из-за забора*). Здесь я.

Пётр Ильич. Помоги мне выбраться! (*С помощью слуги перелезает через забор.*) Домой! Пойдём, складывай вещи. Едем домой!

Алёша. Куда домой, Пётр Ильич? На ночь глядя! А что подумает Надежда Филаретовна? Обидеть хотите хозяйку? (*Ворчит.*) Домой, домой... А есть ли он у вас дом-то?

Пётр Ильич. Не ворчи, Алёшка. Идём скорей.

Алёша. А как же ваша «Иоанна Орлеанская»? Её же надо дописать. А в городе-то какие условия – визитами замучают. Сами же в деревню рвались, чтобы работать. Успокойтесь, Пётр Ильич. Никуда ехать не надо. Это всё от нервов. Придём сейчас в наш милый домик, я вам чайку с коньячком соображу, согреетесь и успокоитесь. К утру всё и пройдет.

Поддерживаемый слугой. Пётр Ильич уходит.

Затемнение.

Сцена восьмая

Сентябрь 1890 года

Надежда Филаретовна в нервном возбуждении ходит по кабинету. Юлия молча сидит на диване, опустив голову и сложив бессильно руки на коленях.

Надежда Филаретовна. Боже мой, боже мой, как это все ужасно! Кладешь всю свою жизнь, все способности на то, чтобы доставить своим детям обеспеченную, хорошую жизнь, достигаешь этого, но только для того, чтобы очень скоро увидеть, что все здание, воздвигнутое тобою с таким трудом и старанием, разрушено как картонный домик. И исправить уже ничего невозможно. Как это жестоко, как безжалостно! *(Через паузу.)* Они думают, что шесть тысяч Чайковского их выручат, в то время как рушатся их миллионные состояния. И как от всего этого не сойти с ума!

Задыхается в приступе кашля. Юлия бросается к матери, усаживает её в кресло.

Юлия. Мама, дорогая, вам нельзя так волноваться! Ведь доктор настоятельно рекомендовал вам полный покой. *(Садится на низенькую скамеечку у ног матери, нежно гладит её по руке.)*

Надежда Филаретовна. Как всё выдержать! Столько несчастий обрушилось вдруг. И мой бедный дорогой сын, он угасает, мой несчастный Владимир! Какой страшный диагноз! *(Опускает голову и закрывает лицо руками.)*

Юлия *(со слезами продолжая гладить Надежду Филаретовну по рукам и плечам).* Мама, милая, дорогая

моя мама, прошу вас, умоляю, успокойтесь, ведь вы так ещё больше расстраиваете своё здоровье!

Надежда Филаретовна (*отняв руки от лица и глядя куда-то вдаль невидящим взглядом*). Все эти несчастья в наказание мне за то, что я слишком долго жила личной жизнью, за моё слишком глубокое увлечение дружбой с Петром Ильичом, которое отнимало меня от семьи и дома. И, наверное, это я виновата, что так ужасно гаснет мой дорогой сын. Это мой грех, и я должна его искупить. (*Помолчав.*) Я должна принести последнюю жертву своей жизни. Господи, дай мне силы выдержать! Теперь мне остаётся только молиться. (*После паузы, собравшись с силами.*) Юлия, подай бумагу, перо и конверт.

Юлия достаёт из ящика бюро бумагу, конверт, подаёт матери. Надежда Филаретовна придерживая левой рукой правую, которая у нее почти не действует вследствие нервного паралича, пишет. Потом, свернув лист, запечатывает его в конверт и, написав адрес, звонит в колокольчик. Входит Пахульский.

Надежда Филаретовна. Владислав Альбертович, будьте любезны, отправьте это письмо господину Чайковскому! (*Пахульский подходит, берёт письмо.*) И ещё. Я попрошу вас взять на себя всю деловую переписку! Едва ли я смогу теперь осилить этот труд. (*С грустью.*) Единственное, что я ещё могу, это поставить свою подпись на документе, и то с трудом. (*Через паузу.*) А теперь оставьте меня одну.

Юлия и Пахульский выходят. Надежда Филаретовна сидит какое-то время задумавшись. Вдруг рядом звучит голос: «Надежда!» Надежда Филаретовна вздрагивает, поднимает

голову – попугай Чика в висящей над столиком клетке ещё раз четко произносит голосом Петра Ильича: «Надежда!» Надежда Филаретовна в изумлении смотрит на Чику и, грустно улыбнувшись, оборачивает взгляд на портрет Чайковского, потом берёт в руки стоящую рядом шкатулку из слоновой кости, наполненную письмами Петра Ильича, ставит её себе на колени и нежно гладит. Звучит «Воспоминание о дорогом месте». Надежда Филаретовна открывает шкатулку, достаёт письмо. Звучит голос Пётра Ильича.

«Вы спрашиваете, друг мой, знакома ли мне любовь не платоническая. И да, и нет. Если вопрос этот поставить несколько иначе, т. е. спросить, испытал ли я полноту счастья в любви, то отвечу: нет, нет и нет! Впрочем, я думаю, что и в музыке моей имеется ответ на вопрос этот. Если же Вы спросите меня, понимаю ли я все могущество, всю неизмеримую силу этого чувства, то отвечу: да, да и да. С любовью пытался я неоднократно выразить музыкой мучительность и вместе блаженство любви. Удалось ли мне это, предоставляю судить другим. Я совершенно не согласен с вами, что музыка не может передать всеобъемлющих свойств чувства любви. Я думаю совсем наоборот, что только одна музыка и может это сделать. Вы говорите, что тут нужны слова. О нет! Тут именно слов-то и не нужно, и там, где они бессильны, является во всеоружии своем более красноречивый язык, т. е. музыка.»

Надежда Филаретовна. Да, вы правы, мой дорогой Пётр Ильич, никакими словами нельзя выразить те чувства, которые вызывает ваша музыка.

Берёт из шкатулки другое письмо. Снова голос Пётр Ильич.

«Нужно ли мне говорить Вам, что Вы тот человек,

которого я люблю всеми силами души, потому что я не встречал в жизни еще ни одной души, которая бы так, как ваша, была мне близка, родственна, которая бы так чутко отзывалась на всякую мою мысль, всякое биение моего сердца. Ваша дружба сделалась для меня теперь так же необходима, как воздух, и нет ни одной минуты моей жизни, в которой вы не были бы всегда со мной. О чем бы я ни думал, мысль моя всегда наталкивается на образ далекого друга, любовь и сочувствие которого сделались для меня краеугольным камнем моего существования».

Она опускает письма в шкатулку, закрывает её.

Надежда Филаретовна. Прощайте, мой дорогой, бесценный друг! Мой седой стеклянный мальчик! Тринадцать лет дружбы с вами составляли счастье всей моей жизни, которую почитаю теперь оконченной.

Затемнение.

Сцена девятая

Октябрь 1890 года

Кабинет Петра Ильича. На письменном столе фотография Надежды Филаретовны. Здесь же целая гора разбросанных по столу писем, одно упало на пол. Пётр Ильич стоит лицом к окну (спиной к зрителю), сложив руки на груди. Звучит его голос – его последнее письмо к Надежде Филаретовне.

Милый, дорогой друг мой! Известие, сообщаемое вами, глубоко опечалило меня, но не за себя, а за вас. Конечно, я бы солгал, если бы сказал, что такое радикальное сокращение моего бюджета вовсе не отразится на

моем материальном благосостоянии. Но отразится оно в гораздо меньшей степени, нежели вы, вероятно, думаете... Дело в том, что вам, с вашими привычками, с вашим широким масштабом образа жизни предстоят терпеть лишения! Не зная, кто истинный виновник случившегося, я, между тем, не считаю себя вправе пытаться проникнуть в сферу чисто семейных дел ваших. Не могу высказать вам, до чего мне жаль и страшно за вас... Последние слова вашего письма немножко обидели меня, но думаю, что вы не серьезно можете допустить то, что вы пишете. Неужели вы считаете меня способным помнить о вас только пока я пользовался вашими деньгами, что теперь, когда вы стали бедны, я буду вспоминать о вас иногда! Неужели я могу хоть на единый миг забыть то, что вы для меня сделали, и сколько я вам обязан? Скажу без всякого преувеличения, что вы спасли меня и что я, наверное, сошел бы с ума и погиб, если бы вы не пришли ко мне на помощь! Нет, дорогой друг мой, будьте уверены, что я это буду помнить до последнего издыхания и благословлять вас. Горячо целую ваши руки и прошу раз навсегда знать, что никто больше меня не сочувствует и не разделяет всех ваших горестей. Ваш Пётр Чайковский.

Входит Алексей, оценивает взглядом обстановку.

Алёша. Пётр Ильич! Может, все-таки покушаете? Ну, нельзя же так! Чего доброго ещё захвораете.

Пётр Ильич (*не оборачиваясь*). Алёша. Почта была?

Алёша. Была.

Пётр Ильич. От Надежды Филаретовны есть письмо?

Алёша. Нет, Пётр Ильич. (*Бросив взгляд на стол.*)

Что это вы тут такой беспорядок навели? (*Пытается поднять бумажку с пола.*)

Пётр Ильич (*обернувшись*). Оставь. Не трогай.

Алёша, вздыхая, выходит.

Пётр Ильич (*подходит к столу, опускается в кресло*). Три недели прошло со дня моего последнего письма. И никакого ответа. Что могло произойти? Её молчание отравляет мне даже мой европейский и американский триумф.

Поднимает письмо с пола. Когда он читает, звучит голос Надежды Филаретовны.

«Вы знаете, мой несравненный друг, как мне дорог ваш талант, как я хочу беречь его. Моя забота о вас будет действовать до тех пор, пока существуют чувства, нас соединяющие...»

Пётр Ильич. Значит, чувства прошли? Так неожиданно? Но в это невозможно поверить! (*Берёт другое письмо.*) «Мой милый, несравненный друг! Вчера получила ваше дорогое письмо из Киева и читала его с невыразимым счастьем и благодарностью. Вы - мой благодетель, потому что вы один доставляете мне светлые минуты нравственного наслаждения, вы мирите меня с жизнью, с людьми, даете мне забывать всякое зло, поддерживаєте мою веру в идеал, потому что я вижу его в вас. В вашем нравственном облике я вижу свое божество, ваша музыка, ваш гений открывают мне небо; в вас я получаю все нравственные удовлетворения, и без вас моя жизнь была бы непроглядная тьма».

Пётр Ильич. Нет, не понимаю! Ничего не понимаю! (*Откладывает письмо, берёт следующее.*) «Перед

моим отъездом из Канн, вечером, Владислав Альбертович и Сашок играли мне Andante из вашего Третьего квартета. Что это за божественная музыка, и каким надо быть человеком, чтобы написать ее! Я доходила до изнеможения от восторга. Чего там только нет, в этой музыке: там есть таинственность смерти, там есть тоска о потере дорогого человека, там есть проблеск надежды на свидание в будущей жизни. Боже мой, как это все хорошо! Никакими словами этого выразить нельзя, это надо быть отмеченным самим богом, для того чтобы творить такую музыку. Будьте вы благословенны, тот, который доставляет измученному человечеству такие минуты божественного наслаждения. Я обожаю вас, боготворю, я благодарна вам до бесконечности!»

Пётр Ильич молча выбирает из кучи ещё одно письмо.

«Вам, мой бесценный друг, я обязана такими моментами счастья, которые заставляют забывать всё горькое, тяжелое в жизни. Какою любовью, какою признательностью к вам наполнено все мое существо. В моей жизни вы играете роль солнца, без вас моя жизнь была бы непроглядная тьма и да будете вы благословенны за это!»

Пётр Ильич (*отложив письмо*). Нет, не поверю! Боже! Какая тоска! Никогда не знал, что буду так тяжело переживать её отсутствие в моей жизни. Какая пустота. Какая тоска! Господи! Как я устал!

Затемнение

Сцена десятая

1893 г. Швейцария, Висбаден.

В саду лечебницы на покато́й кушетке у ног Надежды Филаретовны сидит Анна. Надежда Филаретовна очень больна, говорит тихо, с трудом.

Анна (*заметно волнуясь*). Мама, я хотела бы поговорить с вами о дяде, о Петре Ильиче.

Надежда Филаретовна (*после молчания*). Как он?

Анна. Последние два года Пётр Ильич много путешествовал с концертами по Европе и Америке. Вы наверняка знаете это из газет. И везде его встречали с триумфом и восторгом. Известный американский миллионер Карнеги устроил ему поистине королевский приём, назвав Петра Ильича «королём музыки». А в Праге, где приём был еще более грандиозным, чем в Германии, Париже и Лондоне, восторженные поклонники подняли Чайковского вместе с креслом, донесли до экипажа, а потом вместо лошадей впряглись в карету и так везли его до гостиницы под аплодисменты горожан. Восхищённый Дворжак написал в газете по этому поводу: «Так Прага встречала только Моцарта и Чайковского». Но все эти восторги Пётр Ильич, по своей скромности, относил не к себе, а, как он любил говорить, «Всё это ей – Матушке России». Он чувствовал себя посланником России.

Надежда Филаретовна (*через паузу*). Я знала это. Знала ещё тогда, пятнадцать лет назад, когда всякое его произведение встречалось лаем этой своры петербургских критиков. Понадобилась мировая слава композитора, чтобы его признали в Петербурге, эта

так называемая «кучка». А сейчас каждый из них за счастье почитает его внимание к себе. Я знала, что ещё при жизни на него снизойдёт мировая слава. Я первая открыла в нём гения.

Анна (*не сразу*). Но, несмотря на этот грандиозный успех и мировое признание, он вернулся очень уставшим. Словно какая-то тайная тоска снедала его (*Пауза.*) Он глубоко и болезненно переживал разрыв с вами. (*Пауза.*) Дядя часто бывал у нас в гостях, как в деревне, так и в Москве, и ни разу, ни полусловом не обмолвился нам с Николаем, что так тяжело и больно и с такой обидой переносит прекращение отношений с вами. И только узнав, что я еду за границу к вам, Пётр Ильич заговорил со мной об этой своей сердечной ране. И тут я узнала, как больно он переживает этот разрыв. Какая-то удивительная усталость от жизни, разочарование и безумная тоска выражалась в его глазах. Слушая его, я едва сдерживала слёзы.

Надежда Филаретовна (*через паузу*). Я знала, что я ему больше не нужна и не могу больше ничего дать. Я не хотела, чтобы наша переписка стала для него обузой, тогда как для меня она всегда была радостью. Но на радость для себя я не имела права. Если он не понял меня, и я ему ещё была нужна, зачем он мне никогда больше не написал?

Пауза.

Анна. Он писал. Но не получив ответа и отчаявшись ждать, написал горькую исповедь Владиславу Альбертовичу. Но господин Пахульский – ваш зять и секретарь, а некогда ученик и восторженный поклонник Петра Ильича, вернул ему это письмо, ссылаясь на ваше

расстроенное здоровье и считая, что это ещё больше вас расстроит. Вот это последнее письмо Петра Ильича к Владиславу Альбертовичу.

Достаёт из сумочки письмо. Надежда Филаретовна дрожащими руками берёт письмо. Звучит голос Петра Ильича.

«Совершенно верно, что Надежда Филаретовна больна, слаба, нервно расстроена и писать мне по-прежнему не может. Меня огорчает, смущает и, скажу откровенно, глубоко оскорбляет не то, что она мне не пишет, а то, что она совершенно перестала интересоваться мной. Мне хотелось, мне нужно было, чтобы мои отношения с Надеждой Филаретовной несколько не изменились вследствие того, что я перестал получать от нее деньги. К сожалению, это оказалось невозможным вследствие совершенно очевидного охлаждения Надежды Филаретовны ко мне. В результате вышло то, что я перестал писать Надежде Филаретовне, прекратил почти всякие с нею сношения после того, как лишился ее денег. Такое положение унижает меня в собственных глазах, делает для меня невыносимым воспоминание о том, что я принимал ее денежные выдачи, постоянно терзает и тяготит меня свыше меры. Осенью, в деревне, я перечел прежние письма Надежды Филаретовны. Ни ее болезнь, ни горести, ни ее материальные затруднения не могли, казалось бы, изменить тех чувств, которые высказывались в этих письмах. Однако ж они изменились. Быть может, именно оттого, что я лично никогда не знал Надежду Филаретовну, она представлялась мне идеалом человека; я не мог себе представить изменчивости в такой полубогине; мне казалось, что скорее земной шар

может рассыпаться в мелкие кусочки, чем Надежда Филаретовна сделается в отношении меня другой. Но последнее случилось, и это перевертывает вверх дном мои воззрения на людей, мою веру в лучших из них; это смущает мое спокойствие, отравляет ту долю счастья, которая уделается мне судьбой. Конечно, не желая этого, Надежда Филаретовна поступила со мной очень жестоко. Никогда я не чувствовал себя столь приниженным, столь уязвленным в своей гордости, как теперь. И тяжелее всего то, что, ввиду столь сильно расстроенного здоровья Надежды Филаретовны я не могу, боясь огорчить и расстроить ее, высказать ей все то, что меня терзает».

Надежда Филаретовна в молчании опускает руку с письмом на колени. Откуда-то издали звучит ариозо Германа из «Пиковой дамы» «Прости небесное созданье...» – до слов «ты плачешь» затихает, но затем голос Петра Ильича в муках трижды произносит: «Надежда! Надежда! Надежда!» Возникает адажио из четвёртой части симфонии №6 и звучит до конца сцены.

Надежда Филаретовна (в сильном волнении). Что с ним? Я чувствую, что с ним происходит что-то страшное! Он зовёт меня! Аня, что с ним? Почему ты молчишь?

Анна. Надежда Филаретовна, мама, я не хотела вам говорить, я боялась вас расстроить... Петра Ильича больше нет. Он умер так неожиданно для всех. Мне говорили, что перед самой кончиной в бреду он звал вас, он трижды в муках и слезах произнёс ваше имя.

Надежда Филаретовна вскрикивает и теряет сознание.

Анна (кричит). Врача! На помощь! Врача!

Затемнение.

Конец.

Встреча с редакцией журнала «ДрамТеатр»

Российская государственная библиотека искусств

приглашаем драматургов, театральных критиков, руководителей литературной частью театров, всех, кто интересуется современным театром и драматургией.

Во встрече примут участие: главный редактор журнала

Ю.А. Бутунин, члены редколлегии, постоянные авторы.

Журнал «ДрамТеатр» является уникальным интернет-изданием, ориентированный на продвижение современной отечественной драматургии и русского театрального наследия.

Издание представляет интерес как для профессионалов театрального искусства, так и для широкого круга любителей театра.

Встреча будет транслироваться в онлайн-режиме в официальной группе РГБИ в ВКонтакте.

[Регистрация](#)

Андрей МАКАРОВ

*писатель, драматург,
член Союза писателей
России, Москва.*

**«ЖДУ, ЛЮБЛЮ, ВЕРЮ»
пьеса в двух действиях**

*Русским офицерам, кто не оставил
службу в девяностые, спас флот и
страну, и их женам посвящается...*

Действующие лица

Виктор Иванов, офицер флота.

Михаил Минаков, офицер флота.

Сергей Поляков, офицер флота.

Николай Грицевич, офицер флота.

Леонид Стреляный, офицер флота.

Света Иванова, жена Виктора Иванова

Ольга Минакова, жена Михаила Минакова.

Анна Полякова, жена Сергея Полякова.

Оксана Грицевич, жена Николая Грицевича.

Нина Стреляная, жена Леонида Стреляного.

Лена, почтальон в гарнизоне.

Командующий флотом.

Капитан второго ранга, расселяющий офицеров.

Капитан второго ранга, начальник службы режима.

Капитан первого ранга.

Старший мичман.

Четверо лейтенантов и их жены.

Мичман, начальник патруля.

Действие первое

Картина 1

На сцене квартира. Из подъезда вход в общую комнату-кухню, из которой двери ведут в отдельные комнаты. В ней шкаф, стол, кровать, электроплитки, стулья. Один стул выделяется – с высокой спинкой и кожаной обивкой. На стене радиоточка. Большая фотография Брежнева, сделанная во время его визита на флот. Печь-голландка. Окно, за которым видны силуэты кораблей, доносятся команды, слышно, как бьют склянки, играют побудку, построение на подъем флага, отбой.

Радиоточка включена, слышна радиопередача: «С большим энтузиазмом военнослужащие поддержали социалистическое соревнование под девизом выдвинутым командой подводной лодки Северного флота...»

В квартиру заходит офицер в форме капитана второго ранга с графином в руках, выключает радиоточку. Следом заходит старший мичман. Он несет стопкой постельное белье. Капитан второго ранга ставит на стол графин с водой.

Старший мичман (ворчливо). Графин! Радиоточка! Каждому отдельная комната. Кровать с панцирной сеткой! Стул – прямо адмиральский. Баре едут!

Капитан второго ранга. Не ворчи! Я лейтенантом на Север прибыл, в Полярном в «Золотую вошь» поселили. Общежитие. Помнишь такое? Комнату дали

– королевскую – метров двадцать. И пять семей в нее запихнули. Разгородились одеялами на клетки и жили. В самострой в Нахаловке или Шанхае вселиться за счастье считали.

За окном слышны два звонка.

Капитан второго ранга. Слышишь, приехал кто-то. Баре не баре, а пусть живут в нормальных условиях. Дров им принеси на первое время. Уголька. Печкой пользоваться научи, а то угорят с непривычки, жены у них – дамы городские.

Старший мичман. Ничего, ненадолго приедут, полярная ночь настанет – взвоют и к мамкам умчатся.

Капитан второго ранга. Чтобы не уехали – дровишек им подбрось.

Старший мичман. Где ж их взять, если ближайшее дерево в Архангельске?

Капитан второго ранга. Ящики снарядные разломай, старые дома сносили – набери им дров на первое время.

За окном слышны три звонка.

Капитан второго ранга. Командиры уже на корабли прибыли, а у тебя ничего не готово.

Старший мичман. Все готово, товарищ капитан второго ранга. Антрацит только занести осталось.

За окном четыре звонка.

Капитан второго ранга. Я побегу, комдив пожаловал. А ты посмотри еще, все ли здесь в порядке?

За окном раздается пять звонков, потом сразу шесть.

Капитан второго ранга (*останавливается у двери*). Это что же командующий флотом? Или министр? Лучше я здесь побуду, ты сходи, узнай, что там творится?

Коробку возьми, что не просто так идешь. Уголь в нее и наберешь. А-то что-то прохладно здесь.

Капитан второго ранга застегивает китель, закрывает окно. Старший мичман берет коробку и уходит. Капитан второго ранга осторожно выглядывает в окно, пытается что-то высмотреть.

В дверь заходит девушка с сумкой почтальона.

Капитан второго ранга. Здравствуй, Леночка!

Лена. Здравствуйте! Лейтенантов с женами здесь поселят?

Капитан второго ранга. Здесь-здесь. Министр или командующий к нам прибыли, как всегда, не вовремя.

Лена. Министр? Я-то думаю, что это комдив раздетый к штабу бежит? Телеграмма у меня срочная.

Капитан второго ранга. Кому?

Лена. Стреляной.

Капитан второго ранга. Кому?!

Лена. Нина Стреляная. Видимо, кто-то из вновь прибывших.

Капитан второго ранга. Давай ее сюда.

Лена. Она же не вам.

Капитан второго ранга. Жена подчиненного тоже личный состав. Сама говоришь – срочная. Да еще Стреляной.

Капитан второго ранга забирает и разрывает сложенную и заклеенную телеграмму, читает.

Капитан второго ранга. Мама плохо себя чувствует – срочно возвращайся.

Лена уходит. В квартиру заходит старший мичман с охапкой дров.

Капитан второго ранга. Приехал министр?

Старший мичман (*выкладывая дрова*). Какой министр?! Дежурному сообщили, что в гарнизон четыре черные Волги колонной идут, он и начал трезвонить. На КПП услышали – шлагбаум подняли. Офицеры на улицах по стойке смирно встают, козыряют. Волги к штабу подъехали. Дежурный выбежал, воздуха в грудь набрал, чтобы доложить. А из машины никто не выходит. Внутрь заглянул – в ней фуражки лежат. Что за ерунда?! Следующая волга подкатила – в ней пять портфелей. А в третьей машине лейтенанты сидят – такие все из себя невинные. Они, видите ли, служить прибыли! В Мурманске в аэропорту черные Волги наняли и приехали.

Капитан второго ранга. В четвертой Волге кто?

Старший мичман. В четвертой их жены – хихикают!

Капитан второго ранга. Вроде отлегло. Подожди, воды выпью.

Наливает из графина в стакан воду. Расстегивает китель.

Открывает окно. Прислушивается к рокоту волн за ним.

Капитан второго ранга. Что-то море сегодня шумит.

Старший мичман. Это не море шумит, это комдив на них орет.

Капитан второго ранга. – Ничего, им полезно.

Старший мичман кладет дрова в печь.

Старший мичман. Бумажка нужна, чтобы разжечь.

Капитан второго ранга. Вот, возьми.

Капитан второго ранга отдает ему телеграмму. Заглядывает в комнаты.

Капитан второго ранга. Койки с панцирной сеткой

есть. Белье есть! Дрова на первое время есть. Радиоточка. Вода из крана, не из колонки! Чтоб я так лейтенантом жил!

Распахивается дверь, в квартиру, смеясь, вбегают пять лейтенантов.

Капитан второго ранга. Отставить смех! Построиться!

Лейтенанты строятся.

Капитан второго ранга. Кто такие?

Лейтенанты представляются.

Поляков. Лейтенант Сергей Поляков!

Стреляный. Лейтенант Леонид Стреляный!

Иванов. Лейтенант Виктор Иванов!

Минаков. Лейтенант Михаил Минаков!

Грицевич. Лейтенант Николай Грицевич!

Капитан второго ранга. Что вы устроили?! Балаган! Все бегают! Думают, министр обороны приехал. Чья это идея?!

Лейтенанты переглядываются. Лейтенант Минаков хочет шагнуть вперед. Лейтенант Иванов его останавливает.

Иванов. Товарищ капитан второго ранга! Зачем бегать? Ведь это наш министр! Родной! Не вражеский!

Капитан второго ранга. Родной?! Как фамилия?!

Иванов. Маршал Советского Союза Соколов!

Капитан второго ранга. Да не министра! Ваша фамилия?

Иванов. Иванов! Лейтенант Иванов!

Капитан второго ранга. Вот кто заводила! Лейтенант Иванов! Если вы дослужитесь до адмирала. Что вряд ли! Тогда можете не бегать, а сейчас...

В квартиру с сумками и коробками заходят пять девушек.

Капитан второго ранга. Жены остаются здесь! Лейтенанты на корабли шагом... нет, бегом марш!

Капитан второго ранга и лейтенанты уходят. Нина Стреляная бросается к печке.

Стреляная. Печь! Наконец-то тепло! Если здесь летом так холодно, что же зимой творится? Как они живут без парового отопления?! (*Смотрит внутрь печки.*) Телеграмма какая-то горит.

Стреляная обращается к старшему мичману.

Стреляная. Товарищ военный! Где здесь встают на комсомольский учет и где военторг?

Старший мичман. Комсомол в политотделе, а военторг по чертову мосту овраг перейдете, там любой покажет.

Стреляная. В очередь на автомашину ведь в военторге встают?

Старший мичман. На Жигули?! Интересные комсомольцы пошли.

Стреляная. Что? Можно и на Волгу встать?

Иванова. Кран один, неужели горячей воды нет?

Старший мичман. И холодная не всегда есть. Запас держите в тазиках. Горячая в бане, вам в женский день.

Полякова. Готовить как? Газовой плиты же нет?

Старший мичман. Плитки электрические на всех. Только аккуратнее с ними, свет вышибает только так.

Ольга Минакова открывает шкаф, из него с грохотом падает полка.

Минакова (*с вологодским говором*). Какой опехтуй ее так положил. Прямо на ногу упала! Йод или зеленка есть?

Старший мичман. Вы обустройствайтесь, обживайтесь, а я пойду от греха подальше.

Старший мичман уходит.

Полякова (*раскладывая вещи*). Из центра Ленинграда, с Петроградской стороны и на самый Север.

Оксана Грицевич. Как тебя, Аня, угораздило?

Полякова. Угораздило меня, Оксана, на танцы в училище Фрунзе пойти. Подруга затащила. Пришла, в зале девушек в два раза больше, чем курсантов. Я развернулась и на выход. Один курсант закричал: «Девушка не уходите!» Шинель схватил и следом. И пошли мы на север. С Васильевского острова на Петроградскую сторону. Ходили так, по выходным, ходили, и вот до самого севера дошли. Не пойму – это что же на электроплитке и первое, и второе готовить? Света, как ей пользоваться, знаешь?

Иванова. Аня, вроде, этой ручкой включают. Лампочка загорелась. Воды нагреть или сразу ужин делать? Как жить без горячей воды?

Оксана Грицевич. В Севастополе еще купаются. Говорила Коле, чтобы просился на черноморский флот. А он: «черноморский флот – ЧФ – чи флот, чи не флот, а Северный – СФ – самый флот!»

Нина Стреляная смотрит в окно.

Стреляная. Корабли стоят, только руку протянуть, на них мой Ленечка эстонский!

Полякова. Почему эстонский, Нина? У вас не одна фамилия?

Стреляная. Одна у нас фамилия. Стреляные мы. Познакомились в Таллине. Подстрелил меня, и теперь

я тоже Стреляная. Сопки, море какое-то стальное. Где оказалась? Могла бы сейчас гулять по авеню в Рио-де-Жанейро!

Девушки смеются.

Стреляная. Что смеетесь? У меня жених МГИМО заканчивал, его в Бразилию по распределению отправляли. И чего-то так тоскливо стало, реветь охота, махнула я напоследок из Москвы в Таллин, вроде как к загранице подготовиться. Иду, на глазах слезы, а там, на улице Анвельде Ленечка Стреляный меня поджидает в форме парадной. Фуражка белая, погоны золотые. Кортик на боку. К родителям приехал после выпуска. День мы с ним гуляли, на море съездили. Кадриорг, Пирита, памятник Русалке, а вечером он мне и говорит: «Поедем, Ниночка, со мной на север! В Москву – смеюсь – я сама оттуда. Нет – севернее. В Ленинград? А у него голос сел. Повыше – говорит. В Мурманск? Еще выше. Там же городов нет! Полярный – говорит, Видяево, Гремиха или порт Владимир. Сам еще не знает куда. Если порт Владимир – говорит – ты в нем будешь первой леди. А сколько всего леди в этом порту? – спросила. Он сразу потух, военная тайна – говорит. Посмотрела я. У него на груди комсомольский значок, у меня на груди комсомольский значок. Говорю – поехали! И вот здесь. Военный этот удрал, так и не сказал толком, где в очередь на жигули встают.

Минакова. У вас есть деньги на машину?

Стреляная. Денег нет, Олечка, но, пока появятся – глядишь, и очередь подойдет. Интересно, где моряки больше получают?

Полякова. Где тяжелее, там и больше платят. В

плавсоставе, на подводных лодках. Света, у тебя коробка неподъемная. Консервы, наверно?

Иванова. Сервиз! На свадьбу подарили. Ломоносовский фарфоровый завод. На шесть персон. Тридцать шесть предметов. Цветочки с золотом. Тяжелы-ы-ы-й! Я его в аэропорту хотела забыть. Витя не дал. Сказал, как ему старшего лейтенанта присвоят – накроём парадный стол и устроим чаепитие.

Полякова. Когда лейтенантам следующее звание присваивают?

Оксана Грицевич. Сейчас скажу! Мой на бумажке в день выпуска все распланировал. Через два года – он старший лейтенант и командир группы. Еще три года и капитан-лейтенант, потом командир боевой части... На двадцать лет до адмирала у него все расписано.

Стреляная. Уверена, пройдем мы еще с Ленечкой по Тверской улице в Москве, он в форме, не меньше чем капитан первого ранга, погоны золотые, грудь в орденах, и я с ним под ручку. Все подружки от зависти сдохнут!

Иванова. Пока они не адмиралы, ужин лейтенантам приготовить надо. Начинаем взрослую жизнь. Раз-два-три!

Женщины одновременно включают электроплитки – свет гаснет.

Картина 2

В квартиру входит лейтенант Поляков.

Полякова. Сережа! Тебя три дня не было!

Поляков. Аня! Привыкай! Никто из наших летёх не появился? Значит, я первый на допуск сдал. Теперь меня

будут на дежурство ставить.

Полякова. И я тебя совсем видеть не буду!

Поляков. Анютка! Лейтенанту единственный шанс с корабля на берег сойти – сменившись с дежурства. (*Подходит к стулу.*) Стул шикарный! Прямо адмиральский.

Поляков прыгает через стул.

Поляков. На допуск сдал – должность принял – командир группы – дальше командир боевой части – помощник командира – старший помощник – командир и...

Полякова. И пошли поедим. Ужин тебя который день дожидается.

Поляковы уходят в свою комнату. В квартиру заходит лейтенант Михаил Минаков. Навстречу ему выбегает Ольга Минакова в переднике с поварешкой в руках. Михаил целует ее и садится на стул.

Минаков. Олька! Конец карьеры! К адмиралу вызвали, мое личное дело на столе, решают, где служить. Я и говорю: «Товарищ адмирал! Разрешите на лодку? Он спросил – на атомную? На атомную! Наверное, в первой линии? Так точно! Да еще и на лучшую, хочешь?.. Я только кивнул. Он как гаркнет: «Нафиг мне сапер на подводной лодке?!»

Минакова. И ничего сделать нельзя?

Минаков. Только если повезет, или за меня кто-то попросит.

Минакова. Ты очень расстроен? Только об этом и думаешь?

Минаков. Нет. Не только об этом. Даже, совсем не об

ЭТОМ.

Минакова. Миша! Знаешь, что я тебе хочу сказать?!

Минаков. Знаю!

Минаков подхватывает ее на руки, целует и несет в комнату. В квартиру заходит лейтенант Леонид Стреляный.

Стреляная. Лёничка! Мой дорогой!

Стреляный. Нинка! Наконец-то я дома. Голодный, как черт! Но хоть с понедельника на береговую базу определили. Рабочий день будет, как у нормальных людей с девяти до восемнадцати. И выходной каждую неделю.

Стреляная. Это плохо!

Стреляный. Что плохо? Что жрать хочу?

Стреляная. Жрать?! Что за слова? Плохо, что на береговую базу направили. Не в плавсостав.

Стреляный. В плавсоставе я дома месяцами появляться не буду. Походы по три месяца, по полгода, выходы на сдачу задачи, дежурства. Здесь, конечно, и дежурства, и ответственным оставаться придется, но четыре-пять ночей в неделю я дома.

Стреляная (*протяжно*). Леня! Ленечка! Ты забыл? Чем и кем я пожертвовала, чтобы с тобой на север поехать?

Стреляный. Нин! Конечно, не забыл...

Стреляная. Я выбрала там, где трудно! Где надо! Север! Теперь тебе надо выбирать. Где труднее, где ты больше всего нужен стране. Я комсомолка, ты – уже коммунист. Завтра пойдешь в политотдел, откажешься от береговой должности и попросишься туда, где труднее всего. В плавсостав! На подводную лодку!

Стреляный (*садится*). Нин! Какая ты... Думал, обрадую тебя. Вон оно как! Ладно, завтра пойду и

попрошусь.

Стреляная. Не попросишь, а потребуешь. Кстати, я узнавала, на кораблях кормят, а на подлодках кормят хорошо. Как реактивных летчиков! А сегодня не «жрать», все культурно, насколько в этой дыре возможно, мы идем в ресторан.

Нина и Леонид Стреляные уходят. В комнату заходит лейтенант Грицевич.

Николай Грицевич. Оксанка! Соскучилась? Что за крики? С улицы слышно.

Оксана Грицевич. Нинка мужа на подводную лодку загоняет! Политотделом грозит!

Грицевич. Во баба боевая! Я свое место менять не буду. Служба спокойная. Пусть остальные копытом роют. Старшего лейтенанта все равно всем через два года присвоят. Там и рванем. С низкого старта. Осмотримся. Они, к тому времени, выдохнутся. Я их и обойду. Оксана! Я прав? Чего ты молчишь?

Грицевич. Соскучилась. Не гони лошадей. Лучше дома будь чаще.

Грицевичи уходят в свою комнату. В квартиру заходит лейтенант Иванов.

Иванова. Витя! Ты из всех последний пришел. В чем дело?

Иванов. Светик...

Иванова. Ты на мне женат или на корабле?

Иванов. Этот капитан второго ранга, который нас здесь строил и выговаривал, неделю мне доказывал, что я ни на что не гожусь.

Иванова. А ты?

Иванов. А я доказывал ему обратное.

Иванова. Получилось?

Иванов. Не очень.

Иванова. Неужели капитана второго ранга никто на место поставить не может?

Иванов. Только адмирал.

Иванова. Раз так, стань адмиралом!

Иванов. Понял. Вижу цель, не вижу препятствий! Только подождать придется. Пока он не уволится. Сегодня сказал: «Лейтенант Иванов, ладно уж, сойдите на берег, ваша жена, наверняка, вещи собрала, поможете чемодан до катера донести».

Иванова. Не дождется. Витя, а я тебе ванну нагрела. На плитке, кастрюльку за кастрюлькой. Пошли, а то она остынет...

Ивановы уходят. Возвращаются из ресторана Леонид и Нина Стреляные. Леонид пошатывается, напевает.

Стреляный. На пирсе тихо в час ночной, тебе известно лишь одной. Когда усталая подлодка, из глубины идет домой...

Стреляный садится на высокий стул.

Стреляный. Я в плавсоставе! На передовом рубеже! Я буду командиром подводной лодки! Я буду адмиралом! Я... я...

Стреляный падает со стула, Нина тащит его в комнату.

Шторы закрыты. Какое-то время в квартире тихо и темно.

За окном раздается сирена. Лейтенанты, на ходу одеваясь, выскакивают из комнат и выбегают из квартиры.

В общую комнату выходят жены.

Полякова. По-моему, специально тревогу устраивают в те редкие дни, когда их домой отпускают.

Нина Стреляная подходит к окну, несколько раз открывает и закрывает шторы.

Стреляная. День – ночь! Ночь – день! Ерунда какая-то! За эти дни солнце так и не село!

Оксана Грицевич: – Это лучше, чем, когда оно так и не встало. Все самое интересное еще впереди.

Стреляная. Ну что ж, знак, что время терять не надо. Пойду, посмотрю, чем здесь люди живут. Познакомлюсь. Заодно, найду, где с утра перекусить можно, совершенно неохота у плитки с кастрюлькой стоять.

Нина Стреляная уходит.

Иванова. Надо на работу устраиваться. Иначе, у окна Витю ожидая, с ума сойдешь. Хорошо педагогический институт закончила. Что-что, а школа в любой дыре есть, не в старших, так в начальных классах что-нибудь для меня найдется.

Оксана Грицевич. Диплом медсестры, думаю, не менее нужен.

Полякова. Все-таки я экономист с красным дипломом. Какое у меня распределение в Ленинграде пропало! Здесь на место начальника не претендую, но, думаю, что-нибудь для меня найдется.

Минакова. У меня только школа. Но аттестат без троек. И я на любую работу согласна!

В квартиру заходит Лена-почтальон, раздает корреспонденцию.

Лена. Телеграмма Стреляной. Письма Поляковой и Ивановой. Посылки Грицевич и Минаковой.

Иванова. Нина Стреляная решила город обойти.

Лена. Значит, через двадцать минут вернется.

Ольга Минакова открывает посылку, достает банку варенья и шерстяные носки.

Минакова. Девчонки! Бабушка варенье брусничное прислала, будем чай пить. Лена, садись с нами.

Минакова разливает чай.

Оксана Грицевич (*открывает посылку*). Купальник! Сама виновата. Маме написала, что за окном море. Лена! Здесь хоть в июле или августе купаться можно?

Лена. Только в ванной, у кого она есть. Летом солнце светит, но нее греет.

Иванова (*убирает письмо*). Дома, будто и не уезжала. Театры открыли сезон, все вернулись с юга из отпусков. Лена, как здесь с работой?

Лена. Очень просто. Никак. Учителя и медсестры самое ходовое, но мест нет и для них. Повезет – на полставки работают или идут лаборантами и санитарками. Школа, ясли, детский сад, магазины – все занято.

Полякова. И на почте?

Лена. И на почте. Места освобождаются, когда люди уезжают. Отслужат лет десять-пятнадцать и уезжают на большую землю или, когда переводятся в другой гарнизон. Один капитан третьего ранга от перевода отказался. Говорит: здесь у меня жена – уважаемый человек – директор школы, а на новом месте кто она будет? Лаборантка? Остаемся, раз у нее карьера лучше идет. Без работы у нас тоскливо, особенно, когда муж в море.

Полякова. У тебя он в море?

Лена. В море. Уходил-приходил, а однажды не

вернулся... Зато мне здесь все родное. Новые люди приезжают. Корабли приходят и уходят. Главное цели не ставить: отбуду пять лет, десять лет и уеду, тогда жизнь и начнется, а просто жить. А то маются люди годами, потом уедут и говорят, что все равно тянет сюда.

Минакова. Давай я тебе, Лена, еще варенья положу.

В квартиру входит Нина Стреляная. За ней идет матрос, разматывает провод и вносит телефонный аппарат.

Стреляная. Не поверите, я уже все обошла. За двадцать минут управилась, зато с нужными людьми познакомилась. Телефон нам выбила. Служебный, там начальник связи такой милый старичок. Лет сорока.

Матрос ставит телефон, козыряет и уходит. Женщины обступают аппарат.

Оксана Грицевич. Как по нему звонить, номеронабирателя же нет?

Стреляная. Это специальный телефон для начальников, кому не положено пальцем крутить. Мне бумажку дали со словами нужными. Снимаешь трубку – тебе отвечают: «Дворец!» – это дежурный. И список слов, кто есть, кто. Полюс – это командующий флотом. Им мы позже займемся. А вот «Компас» – это Москва.

Нина Стреляная снимает трубку.

Стреляная. Дворец? Дайте кОмпас!.. Это Москва? кОмпас? Наберите городской квартирный телефон... Не положено? (*Кладет трубку.*) Какой глупый этот кОмпас.

Минакова. Миша говорит не кОмпас, а компАс. Возьми варенья, бабушка брусничное прислала.

Стреляная. Да? Надо попробовать. И компАс и варенье.
Лена (*протягивает телеграмму*). Вам телеграмма.

Стреляная (*читает телеграмму и кидает ее в печку*).
Вздор!

Иванова. Нина! Тебе все мама покоя не дает?

Стреляная. Дипломат – бывший жених, умоляет приехать.

Оксана Грицевич. В Бразилию?

Стреляная. В Москву. Не поехал без меня в Бразилию. Не пошла у него жизнь и карьера без Нины Стреляной! Умоляет вернуться, чтобы куда-то с ним сходила, что-то сказала. Леночка! Вы же местная? Как здесь организован досуг? Культурная жизнь? Праздники какие-то есть? Не все же дом-работа и на причале с платочком стоять?

Лена. Главный праздник для жен, когда корабль или лодка из похода возвращается. А общий: солнце после зимы появилось, День флота. В Доме офицеров танцы, концерты бывают. Самодеятельность. Кино. Артисты приезжают, но редко.

Стреляная. Солнце встало – праздник?! Словно племя африканское! Как вы здесь живете?!

Лена. Как и вы будете. Спасибо за чай и варенье. Пора. Письма разнести.

Лена поднимается и выходит.

Минакова. Я с тобой. В Вологду посылку отправить. Тушенку из пайка, ткани форменной отрез.

Оксана Грицевич. Пойду в госпиталь свататься.

Полякова. Света, пойдём в школу, в местную администрацию заглянем, может и нам место найдется.

Женщины уходят. Нина Стреляная накладывает варенье, наливает чай. Снимает трубку телефона и прокашливается.

Стреляная (*приказным тоном*). Дворец? Дайте КомпАс! КомпАс? Это Дворец! Госпиталь Дворца! Срочно соедините с главным специалистом по радиологической защите... Нет его?! Наберите квартирный... Как не знаете? Набирайте. (*Диктует номер*). Мама, это я! Телеграмму? Не получала... что? Ну, прими таблетки. Скажи папе, на дачу здесь ничего нет. Вообще деревьев нет. Не выросли. Только камни в сауну. Брату скажи, что в очередь на машину поставили. Телефон служебный – долго не могу говорить. Здесь все военная тайна... Неплохо, неплохо со снабжением. Даже часовые в дубленках стоят. Но в магазинах совершенно нет сосисок! Как тут жить – не понимаю. Хорошо, приеду. Ждите. Как только так сразу.

Нина Стреляная кладет трубку телефона и уходит в свою комнату.

Картина 3

В квартиру вбегают лейтенанты Поляков, Грицевич, Иванов, Минаков. Бросаются к высокому стулу.

Поляков. Чур мой! Иванов! Тормози! До вас начальство перспективы довело. Можете вперед не рваться.

Николай Грицевич. Минаков, Миш, не торопись. Минеру-саперу лампасы получить нереально, разве генеральские, если по науке пойдешь.

Иванов. Генерал не адмирал, в царском флоте капитан первого ранга генерал-майору равнялся.

Минаков. Зато в советском флоте матросы на год дольше солдат служат, три года, а не два.

Жены выходят в общую комнату.

Стреляная. Господа офицеры! Как дети! Увидели, что место свободно и кинулись. Нахрапом. Обрадовались, что Лени нет. Что он еще вчера со мной распрощался. Все неправильно у вас. Если на хорошее место ковровая дорожка не постелена, то надо момент выждать, подкрасться и прыжком на него, а то и с переворотом, усесться и вцепиться обеими руками, а не толкаться у него локтями.

Поляков (*сидя на стуле, загибает пальцы*). Комгруппы – комдивизиона – помощник – старпом – командир корабля – начштаба или зам-комдива, высшие офицерские классы, академия военно-морская раз, академия генштаба два – пальцев на руках до адмирала посчитать не хватает!

Иванов. Далек ты, Серега, на стуле ускакал. Вырастешь – нас не забудь.

Полякова. Что это вы все сразу и в неурочное время?

Николай Грицевич. Перед походом командование проявило великодушие, дало время, чтобы проститься с женами.

Иванова. Давайте достанем наш сервиз, заварим на всех чай.

Иванов. Не успеем. Не настолько великодушно командование.

Лейтенанты с женами расходятся по комнатам. Нина Стреляная остается в общей комнате. Каждая из жен провожает мужа до двери.

Минаков. Олька! Может, уедешь к родителям?

Минакова. Нет! Здесь тебя ждать буду. Меня в детский сад взяли!

Минаков (*смеется*). В какую группу?

Минакова. Не смейся! Опехтуй! Это важно, я сама придумала. Вернешься с моря своего – скажу почему.

Минаков уходит.

Иванов. Светик! Всего три месяца! Помнишь, меня в училище месяц в увольнение не отпускали?

Иванова. Когда сессию завалил! Я тебе через решетку сигареты передавала.

Иванов. А я тебе конфеты.

Иванова. Здесь решетки нет, руку через море не протянешь. И если вчера месяц ждать пришлось, сегодня три, сколько завтра ждать придется?

Иванов. Я же обещал тебе стать адмиралом. Надо стараться.

Иванова. А мне терпеть. Иди уже, двоечник. А то трап уберут.

Иванов уходит.

Николай Грицевич. Оксанка! Три месяца – это недолго.

Оксана Грицевич. Я тебя ждать не буду! На работу устраюсь. Побольше смен наберу. С утра до вечера работать, чтобы не думать, не ждать. Чтобы прийти с работы упасть и уснуть. Так время быстрее пройдет.

Грицевич уходит.

Полякова. Обещай мне, что из-за карьеры ты не будешь напрашиваться на лишнюю работу.

Поляков. Что еще за лишняя работа?

Полякова. Тебе приказали – ты сделал, а захотели приказать что-то еще – отвечай: нет, жена дома ждет. И сам не напрашивайся. А я все эти три месяца каждый день на календаре иголкой прокалывать буду.

Поляков уходит. В квартиру вбегают Леонид Стреляный. Он в рабочей форме подводника.

Стреляный. Удрал от патруля! По мосту. Прямо в тапках и рабочем с борта выскочил. Нин! Я бежал тебе сказать. Все понимаю, гарнизон, север, это не навсегда. Вижу, что тебе здесь тяжело и ты терпишь. Пройдет время, мы будем жить в большом городе, в Ленинграде или Севастополе, я тебе это обещаю.

Стреляная. Не волнуйся! Я все в нашей жизни сделаю, ты служи, родину защищай, зарабатывай побольше, об остальном не беспокойся, остальное я сама.

Стреляный убегает. Жены остаются в общей комнате.

Стреляная. Оля, ты в садик воспитателем устроилась?

Минакова. Нянечкой. Повезло, как раз место освободилось.

Стреляная. Прелестно! Двадцать попок с утра вытереть. Вот она романтика севера! И первая запись в трудовой, как клеймо на всю жизнь: «нянечка»! Что ж там среди пеленок у вас за тайна такая?

Иванова. Я знаю Олину тайну. Детей сотрудников в ясли и садик берут без очереди. Мы еще у нее протекцию просить будем.

Стреляная (*подходит к окну*). Направо сопки, налево сопки. Впереди море, словно сцена. А в большом театре сегодня – по радио передали – Мадам Баттерфляй. Велика Москва, а в зале посмотришь – в десятом ряду однокурсница с мужем доцентом, в пятом – знакомая, которая профессора захомутала, в свет вышли, чтобы людей посмотреть и себя показать. А во втором ряду академик. Один сидит, как перст, жену недавно похоронил и теперь всем показывает, что он на выданье.

Олечка ты не хотела бы сходить на Мадам Баттерфляй?

Минакова. Беттерфлей? Сходила бы.

Стреляная. Беттер... что?

Минакова. Беттерфлей я в театре смотрела и Чо-чо-сан.

Стреляная (*презрительно*). Чо-чо-сан?! Откуда ты, чудо? Ты в кукольном театре, что ли, была?

Минакова. С под Вологды. В оперном театре нечасто, но была. Только я в третьем ряду с бабушкой сидела, потому на сцену смотрела. А не с галерки тех, кто в партере разглядывала. Бабушка у меня строгая, с карандашом по клавиру следила. Она до блокады в Ленинграде в консерватории училась. Если что не так карандашом по креслу стукнет и на сцену так строго. У нее клавиры дореволюционный, так и есть: Беттерфлей и Чо-чо-сан! Это потом уже переименовали...

Стреляная. У бабушки клавиры? Дореволюционный? Я думала, вологодские бабушки только варенье варят и носки вяжут.

Оксана Грицевич. Смотрите! Корабли уходят!

Женщины встают у окна.

Полякова. Крикнешь – не услышат, помашешь – не увидят.

Минакова. Они что-то сигналият нам прожектором.

Иванова. Подождите, я в радиокружке занималась, морзянку знаю. Сейчас им отвечу. (*Ставит на подоконник настольную лампу*). Выключите большой свет!

Нина Стреляная выключает свет.

Иванова. Три коротких длинный, потом длинный два коротких, два коротких и длинный – это жду. Потом

люблю, верю.

Иванова отбивает слова сигналами света по азбуке Морзе.

Минакова. Не запомню.

Иванова. Я напишу здесь, прямо на обоях.

Оксана Грицевич. Вот и ушли корабли.

Зажигается свет. Нина Стреляная стоит одетая с чемоданом.

Полякова. Ты уезжаешь?

Стреляная. Телеграмма от мамы. Ей плохо – надо ехать. Тянула до последнего, не хотела Леню расстраивать. Пока, девочки! До весны! Ждите. Приеду на ваш праздник солнца!

Нина Стреляная уходит.

Минакова. Как уехать можно? Надо Мишу ждать! Не уеду, здесь работать, ждать буду, я за ним, как ниточка за иголочкой.

Иванова. Меня в школу на полставки лаборанткой взяли.

Оксана Грицевич. Есть место в госпитале. Медсестрой. Два километра пешком за город. Как зимой туда ходить – не представляю.

Анна Полякова. Мне ближе. Но не лучше. Стал дипломированный экономист с красным дипломом после университета делопроизводителем. Говоря проще: счетоводом.

Картина 4

В квартире на стене портрет Горбачева. Ольга Минакова, Света Иванова, Оксана Грицевич, Анна Полякова прибирают квартиру. Света Иванова моет окно и напевает.

Иванова. На пирсе тихо в час ночной, тебе известно

лишь одной, когда усталая подлодка...

Полякова. Врет песня! Ничего неизвестно. Жены в последнюю очередь узнают. Все секретно. Поход третий, а когда они из него вернутся? Вот когда политотдел за цветами отправится, тогда точно узнаем.

Оксана Грицевич. Оркестр! Начальнику оркестра уколы ставлю – обещал шепнуть, когда им прикажут готовыми быть.

Иванова. Может, им какую-то другую лодку или корабль прикажут встречать?

Полякова. Не угадаешь. Я через день в парикмахерскую хожу прическу подправить. Хотя, поначалу, так хотела скандал устроить, столько за это время накопилось. Даже записывала. Помните, зимой трубу прорвало, три дня без воды сидели? Что в парадной творилось!

Иванова. В парадной? Ее и подъездом назвать язык не повернется! Снег в ведрах топили. Вода замерзла. Заходишь, как в пещеру. Сталактиты, на ступенях лед, ногами скользишь, руками за перила вцепишься, карабкаешься.

Оксана Грицевич. И крысы такие наглые! Повелезали откуда-то. На нее и крикнешь, и куском льда бросишь. А она сидит и на тебя смотрит.

Минакова. Мне перекраситься пришлось. Прописки еще не было, чужой паспорт передали, а в нем на фото блондинка. Въезжала, как шпионка, какая-то. Будто не к мужу из отпуска пробираюсь.

Иванова. Прошлый раз к Витиному возвращению в комнате потолок побелила. Все ждала, когда заметит, а он только и сказал: «Странно, дома в белые ночи

светлее, чем в море на мостике». Ладно, ждем. Только неизвестно, когда точно вернутся?

Полякова. Все! Лист тот с обидами порвала. Забыла. Ну почти забыла. Прическу сделала. Жду.

Оксана Грицевич. Еще от погоды зависит. Если сильный ветер или туман. Оставят на рейде. Столько всяких если.

Минакова. Нинка Стреляная, как обычно, накануне появится, так и узнаем.

Иванова. Нинка не появится. Прописки местной у нее нет. В гарнизоне новые пропуска. Она его не получала. Не прорвется. К тому же очередное «усиление», химическая тревога, матросы на КПП с противогазами стоят. Все строго, как специально к их возвращению.

Оксана Грицевич. Хорошо бы они сегодня – в выходной вернулись, а то придут в понедельник, с работы отпрашиваться придется.

Открывается дверь, в квартиру, отряхивая снег, входит Нина Стреляная. На ней перекошенное пальто, одной рукой прижимает к себе чемодан с оторванной ручкой, в другой держит два гофрированных шланга от противогаза.

Стреляная. Привет, девчонки!

Иванова. Прорвалась! Тебя на КПП не остановили?

Стреляная. Меня?! Пытались. Какие-то матросы, шлагбаум опустили, а офицер там, ну чистый Фредди Крюгер. В Москве по видеоманитофону – у нас уже есть – такого страшилунки видела.

Стреляная ставит чемодан, садится на высокий стул, смотрит на женщин.

Стреляная. Анюта! Я понимаю, муж очередной

раз полгода назад в море ушел, но с той поры такие прически из моды вышли. Олечка! С меня новый платок, этот к твоему платью не подходит. Света! Тебе в окне не тряпка, а подзорная труба нужна. Оксана!..

Иванова. Нина! Ты хоть кому-нибудь доброе слово скажешь?

Стреляная. Скажу! Подруги мои боевые! Сразу всем скажу. У меня появилась знакомая в Главном штабе – матрос-писарь. И она сказала, что у наших старших лейтенантов будут чеки!

Минакова. Что будет?

Стреляная. Олечка! Это такие небольшие бумажки с якорьками, на которые в магазинах «Альбатрос» в Мурманске или Ленинграде можно купить много интересного. Американские джинсы, магнитола Шарп, ликер Кюрасао. Даже Жигули в экспортном исполнении. Не понимаю почему его «Альбатрос» назвали? Лучше «Мечта»! Джинсы Монтана – пятнадцать рублей!

Полякова. Тебе бы с такими связями в ЦРУ работать. Скажи лучше, твой агент в Главном штабе не знает, когда точно наши из похода возвращаются?

Стреляная. Сегодня! Иначе, почему я здесь?!

За дверью слышен шум, доносятся голоса: «товарищ капитан второго ранга, здесь она... я ей устрою... без пропуска... шлагбаум сломала... ничего, я ее запомнил... разгоню всю их шарагу, всех к мамкам отправим!..»

Все женщины, кроме Нины Стреляной, прячутся по комнатам. Нина расстегивает пальто, засовывает под свитер подушку и снова садится на высокий стул.

В квартиру вбегают офицер в форме капитана второго ранга.

Капитан второго ранга. Вот она где! За нападение на личный состав и сломанное имущество ответите! Немедленно покинуть гарнизон! Никогда сюда не въедете!

Стреляная (*слабым голосом*). Ох! Знала, что придешь... Поможешь... Напомни, как зовут?

Капитан второго ранга. Что?! Встать! Покинуть гарнизон!

Стреляная. Ой! К мужу ехала, к подводнику, рожать... Это ты осенью ко мне пристаивал в ДОФе на танцах! Напомни, как зовут?

Капитан второго ранга. Каких танцах? На каком основании въехали...

Стреляная. Ох! Начинается! Тебя муж потом искал с кортиком! Как зовут?! Имя?!

Капитан второго ранга. Федор – зовут. Что еще у вас начинается?!

Стреляная. Федей назовем!. Началось, Федор! Тебя увидела и началось! Ой! Матросы напугали! Рожаяю! Принимай!

Капитан второго ранга. Что?! Отставить рожать! Сейчас машину и в госпиталь.

Стреляная. Поздно, Федя! Воду! Простынь на тряпки... Пуповину...

Капиан второго ранга. Приказываю не рожать! В соседнем доме окулист, я сейчас...

Стреляная. Грей воду, принимай Федю!

Она тяжело поднимается и пытается поймать офицера, который пятится к двери.

Капитан второго ранга. Я быстро! Без врача и команды не начинать!

Капитан второго ранга выскакивает за дверь. Нина Стреляная подходит к окну.

Стреляная. Запомнил он! (Распахивает окно и кричит.)
Я тебя тоже запомнила, Федя Крюгер!

Нина Стреляная выкидывает в окно гофрированные шланги от противоголовок. Женщины выходят из своих комнат.

Минакова. Нина! Ты, наверное, и на медведя сможешь?

Стреляная. Так скажу. Пока он на моем пути не встал, ему ничего не угрожает.

За окном слышен бравурный марш.

Иванова (смотрит в окно). Наши пришли!

Женщины убегают.

Стреляная. Куда вы?! Пока их в гавань заведут. Пока официальное речное судно на подносе, оркестр – не меньше часа пройдет.

*Стреляная подходит к зеркалу, поправляет прическу, пальто.
Достает помаду и подкрашивает губы.*

Стреляная. Ах, Ленечка-Ленечка! Где тебя опять столько месяцев мотало? Надо идти! Это долг!

Нина Стреляная уходит. Звучит марш с причала, доносятся команды, отдающиеся при швартовке кораблей.

В квартиру с букетом цветов заходят Леонид и Нина Стреляные. У Леонида небольшая борода.

Стреляная. Ленечка! Ты с этой бородой вылитый Дзержинский! Как я соскучилась! Здесь столько новостей...

Стреляный. Главная новость: земля под ногами... дизель не молотит... лица незнакомые... как хорошо!..

Стреляная. Будет еще лучше, когда ты узнаешь.

Новость первая. Пока ты снова там что-то покорял, мама вступила в кооператив. Очнись! Что ты все эти цветы нюхаешь?! Квартира в Москве! Первый взнос все эти тысячи я уже внесла.

Стреляный. Откуда?

Стреляная. С твоей сберкнижки. Ты же доверенность оставил. У нас будет квартира в Москве! Но это пока секрет.

Стреляный. Почему секрет?

Стреляная. Потому что нам еще от государства квартира положена. Пусть и в Североморске или Мурманске будет, и в Москве.

Стреляный. Если квартира в Москве, зачем тогда еще в Мурманске?

Стреляная. Поменяем на Сочи.

Стреляный. Я думал, после санатория на эти деньги на юге отдохнем, лодку куплю с мотором.

Стреляная. Новость два: мы не едем в санаторий Мардакяны. Я ходила на прием в ваш Главный штаб и отбила тебя от этого ужасного коллективного отдыха. Отдыхать будем под Москвой, в Малаховке. Папа строит дачу, и я решила, что в ней будет не один, а два этажа. Второй – наш! С отдельным входом. Очень престижное место. Только элитная публика. За каждой сосной по профессору. Но придется тебе в отпуске поработать на свежем воздухе.

Стреляный. Нина! Тогда от меня новость три. Меня после отпуска планируют отправить на учебу.

Стреляная. Кто это моего мужа без меня куда-то планирует?

Стреляный. Поживем в нормальном городе, как ты

и хотела. После учебы можно расти, на должность повыше рассчитывать.

Стреляная. Жить в этом нормальном городе мы где будем?

Стреляный. С общежитием там тяжело, снимем что-нибудь. Правда жалованье будет поуже, без полярков и подводных.

Стреляная. Как без полярков и подводных? Только полярки заработали и снова нищенствовать? Не забывай, у нас долги.

Стреляный. Какие долги? Откуда?

Стреляная. Думаешь, квартира и дача – это просто? Пришлось занимать. И очередь на Жигули подходит. Давай, ты еще несколько раз в море сходишь. Квартиру и дачу достроим, машину купим, тогда и будешь учиться, чтобы расти. Отправлю тебя в академию или высшую партийную школу. Куда лучше, еще не решила. Хотя, ты и так у меня самый высокий! *(Обнимает его.)* Сегодня вечером сходим, знаешь куда?..

Стреляный. Знаю. В ресторан.

Стреляная. Молодец! Только побрейся! Феликс Эдмундович.

Леонид и Нина Стреляные уходят в свою комнату. В квартиру заходят Поляковы.

Полякова. Сережа! Как я хочу, чтобы у нас была отдельная квартира.

Поляков. Перессорились, пока нас не было?

Полякова. Мирно живем. Нинка опять свалила, как только вы в море ушли, остальные... Работаем. Ждем вас. Захочешь к окну подойти, не посмотреть, так подумать: где вы там? А у него уже Оля, Света

или Оксана. Стоят, смотрят. Сразу еще тоскливее становится. Или наоборот, одной еще тоскливее будет?

Поляков. Терпи. Отдельную квартиру получить – надо должность и звание повыше. А чтобы они повыше были – надо служить больше и лучше, а значит, дома реже появляться. Такой вот заколдованный круг.

Полякова. В отпуск куда поедем?

Поляков. В поле.

Полякова. Поле? Новый санаторий? Послепоходовый отдых?

Поляков. К черту санаторий и послепоходовый отдых! Ко мне в Поволжье рванем. Степь. Лечь в траву, руки раскинуть, смотреть в небо. На облака. Пусть кузнечики стрекочут, а не дизель молотит под палубой. Пусть птицы кричат, а не команды по трансляции. Но небо и поле – завтра. А сегодняшней вечер наш!

Поляковы уходят в свою комнату. В квартиру с цветами в руках заходят Оксана и Николай Грицевич.

Николай Грицевич. Оксанка! Тебе решать. Предложили перевод с повышением. На новую базу, ее уже обустривают.

Оксана Грицевич. Слово «обустривают» как-то пугает.

Николай Грицевич. В лучшем случае общежитие, в худшем – плавказарма. Смотри сама. Звание капитан-лейтенанта я и здесь получу.

Оксана Грицевич. Решай сам. Только надо еще одного человека спросить.

Николай Грицевич. Кого?

Оксана Грицевич. Человечка. Впрочем, за него пока я отвечу. Остаемся.

Николай Грицевич. Не понимаю?

Оксана Грицевич. Чего ты не понимаешь? Совсем отупел в своем море! У нас будет ребенок.

Николай подхватывает Оксану на руки, и они скрываются в своей комнате. В квартиру с цветами в руках заходят Ольга и Михаил Минаковы.

Минаков. Олька! Наконец-то мы вместе, наконец-то мы одни!

Он обнимает ее и кружит по комнате. Звонит телефон, они останавливаются и смотрят на него.

Минакова. Давай скажу, что тебя нет. Что ты еще в море. И зачем только Нинка этот телефон притащила?

Минаков. Пришлют посыльного. Потом, вдруг это Грицевича или Полякова?

Ольга мотает головой.

Минаков. Стреляного или Иванова?

Слышен голос Нины Стреляной из-за стены.

Стреляная. Старший лейтенант Стреляный вернулся из похода в ресторан, и идти куда-либо еще не в состоянии.

Телефон продолжает звонить. Ольга снимает трубку и протягивает ее Михаилу.

Минаков. Старший лейтенант Минаков!.. Есть!.. Я готов. Жду.

Он вешает трубку и смотрит на часы.

Минаков. Можно не раздеваться. Новую дорогу через сопки ведут, на каждом шагу следы войны. Нашли что-то. Снаряд или мину.

Минакова отвернулась и молчит.

Минаков. Олька! Дел на час. Гордись! Меня

единственного из старших лейтенантов на службу машиной возят, как адмирала!

Михаил подходит к Ольге и целует ее. Она отстраняется.

Минакова. Я спать не лягу, пока ты не вернешься.

За окном звучит сигнал автомашины. Михаил целует Ольгу и убегает. Ольга уходит в свою комнату. В квартиру входят с цветами Света и Виктор Ивановы. Стряхивают снег. Иванов в альпаке, погон не видно.

Иванова. Все мужей встретили, с пирса ушли, лишь я одна стою, жду, мерзну. Опять тебя этот капитан второго ранга мучает?

Иванов обнимает и целует жену.

Иванов (*шепотом*). Нет его больше. Я его уничтожил. Утопил.

Иванова. Как?

Иванов. Вот этими руками. Подкрался и...

Света отшатывается.

Иванов. Условно. На учениях. Он противником моим был. Три года нам вдалбливал: делай раз, делай два, делай три. И только так, не иначе. Посредник дал команду, что командира моей боевой части убили, и я за него командовал. Ну и ждал. Он сделал раз, сделал два, а на «три» я его подловил и уничтожил.

Иванова. Что тебе за это будет? Он же не простит!

Иванов. На разборе учений некоторые так и говорили: не по правилам. Что же это такое, когда молодые старшие лейтенанты заслуженных капитанов второго ранга топят. А командующий сказал: если старший лейтенант так со своими поступает, представляете, что он с противником сделает? И потому он не старший

лейтенант... (*Иванов снимает альпак, на нем погоны капитан-лейтенанта*). а капитан-лейтенант! Как пришвартовались и отбой тревоге дали – в каюте погоны новые пришивал, все пальцы исколол.

Иванова. Я его на пирсе жду, а он погоны пришивает!

Света возвращает цветы, заходит в комнату и захлопывает дверь. Иванов стучит в дверь.

Иванов. Светка, пусти!

Иванова. Не пущу! Иди в свою каюту!

Иванов. Почему? Не слышу, дверь приоткрой!

Иванова. Потому что пришел криво! Перешей, как следует.

Иванов. Где? Все ровно!

Света Иванова открывает дверь шире, кладет руку на погон. Виктор обнимает ее, заходит в комнату и захлопывает дверь.

Картина 5

Утро. За окном сыграли построение на подъем флага. В квартиру заходит Оксана Грицевич. Женщины выходят в общую комнату. Нина Стреляная пробует пропеть сигнал на построение.

Стреляная. Как мне за неделю надоели эти дудки за окном. На флаг и гюйс смирна!.. Флаг и гюйс поднять!.. Вот интересно, если их не поднять – день не начнется? Или жалованье за этот день не заплатят? Орут с утра до вечера. «Принять носовой! Отдать кормовой!» А вот не отдам кормовой! Оксана? Ты сегодня не на работе?

Оксана Грицевич (*снимая белый халат*). Только со смены пришла. Оля! Миша так и не появился? Что же его на службу дергают постоянно? Я посплю немного –

разбуди меня через пару часов.

Стреляная. Здрасьте! Муж на службу ушел, жена с работы пришла! Света! Ты хоть своего капитан-лейтенанта дождешься?

Иванова. Мне вечером продленку в школе вести. Днем, когда уроки, часов не досталось. Сегодня только повезло, на подмену схожу.

Стреляная. Не понимаю вас. Когда муж – офицер в плавсоставе, можно и не работать. Оля, а ты почему такая хмурая?

Минакова. Мишу три дня назад до вечера на службу вызвали, до сих пор его нет. У меня суп портится.

Стреляная. Зато ему за каждый подрыв платят. «Бух!» и бегом в кассу. С такими выплатами можно и в море не ходить.

В квартиру заходит Лена-почтальонка.

Лена. Телеграмма Стреляной. Письма Ивановой и Грицевич. Посылка Минаковой.

Стреляная. Обмен военно-морской тушенки на вологодское варенье продолжается. (*разрывает телеграмму и читает*). «Нина! Исправим ошибки вместе» Подписи нет. Понятно, с адресом надо было в двадцать копеек уложиться.

Нина кидает телеграмму в печь и подходит к окну.

Стреляная. Москва! Где ты, Москва? Иду по Тверской, смотрю, навстречу дипломатик мой чешет. Весь скособоченный, потертый, спешит, меня глазами рыщет. В руке тюльпан такой же сутулый, как он сам. Здравствуй, говорю, дорогой! Ты по пути из Монтевидео в Рио-де-Жанейро? Зайдем по старой

памяти в Националь или Метрополь? В Лиру или Прагу? Он мнется: беее-меее, в журнале «Проблемы мира и социализма» пять рублей гонорара заплатят, тогда в кафетерий можно. Отвела его в ресторан Дома композиторов. Достала нераспечатанную пачку червонцев, подозвала официанта, сунула купюру, велела накормить. Как он ел! Девчонки, вы бы видели, как он ел! Жалко, говорю, дружок, в Москве морского валютного магазина «Альбатрос» нет, а то придела бы тебя. Он чуть не заплакал.

Иванова. Леня под водой месяцами, чтобы ты на его деньги кавалеров в ресторан водила?

Стреляная. Дрогнуло женское сердце! Ничего не смогла с собой сделать. Опять же честь флота. Покормила. Кофе напоила, эклер скормила и в лобик поцеловала на прощание. Сказала: не забывай, помни Нину Стреляную! Проблемы мира и социализма! Пишут они весь год про проблемы мира и социализма. Главная проблема мира и социализма – зарплата сто двадцать рублей!

Оксана Грицевич. Нина! Ты говорила, что он из-за тебя в Бразилию не поехал.

Стреляная. Точнее без меня. С третьего курса МГИМО его вела. В лицо смотрела, пыталась угадать, куда его взгляд косит? А он расписывал, как все у нас шикарно будет, что по пути в дальние страны непременно остановимся в Париже или Лондоне, Риме или Дюссельдорфе. Кругозор мой расширить хотел, книжки давал, которые в магазинах не продают. Места подчеркивал любопытные. А перед выпуском во мне разочаровался. Извини, говорит, не сложилось, и косит

уже конкретно в сторону. А я, дура, корова дойная, два года у родителей деньги на рестораны клянчила. Потом, правда, слезы вытерла, кофточку надела, видели есть у меня строгая черная с комсомольским значком и пошла в райком. К секретарю комсомольскому. Так и так, дипломат молодой, комсомолец, жениться обещал, а перед выпуском передумал. Секретарь ухмыльнулся, народ в кабинет созвал и велел: рассказывайте все как есть! Как именно у вас чувство любви угасло? Представление, значит, у них. Сидят, лыбятся, ручки потирают. Я и говорю, что книжки нам разные нравятся, ну и в порядке следования в предстоящую ему командировку во мнениях разошлись, поскольку предложил он мне по пути в жаркую страну сойти вдвоем с трамвая в Риме или Лондоне. Тут эти инструктора улыбаться перестали, переглянулись, позвали в кабинет какого-то начальника. И этот дед со стальным взглядом спросил: вы девушка не со злобы все это про него говорите, не от желания парню карьеру поломать? Не от того, что расстались? Расстались, отвечаю, потому что не сошлись во взглядах на художественную литературу. Вы Солженицына ему верните, поскольку мне его не то что читать – в руках держать противно, особенно места им подчеркнутые. Книжки его из сумочки достала. Тут они окончательно скисли, книги перелистали вяло, явно не впервые видели. И распределили его после МГИМО не в Катманду, а в журнал идеологический. Чтобы ему в нем мозги поправили в нужном направлении. А я с расстройства в Таллин поехала. Иду, на глазах слезы, в кармане институтское распределение по комсомольской

путевке в какой-то Когалым. И тут, Ленечка в парадной форме стоит... Все жизнь по местам расставила. Кто он, дипломатик этот? Нищеврод! И кто я?

Лена. Дрянь!

Стреляная. Почтовых работников после раздачи корреспонденции прошу вернуться к исполнению служебных обязанностей. Мужа завести и его воспитывать.

Лена. Да, мне работать надо. Почту разносить. Ребенка поднимать. Ухожу. Только скажу все же. Ты Москву с Северами путаешь. Здесь служат, и вечного праздника не получится. Ресторан один, в котором вы с мужем, как дежурные. А настучать в райком или политотдел много ума не надо.

Лена уходит.

Иванова. Зря ты, Нина. У Лены муж в море погиб. Она уезжала, потом вернулась, теперь одна ребенка растит.

Полякова. И на жениха в райком жаловаться последнее дело.

Стреляная. Про мужа не знала. Не права. А насчет райкома... Аня! Может ли представлять нашу страну на международной арене идеологически незрелый товарищ?

Полякова. Пока он с собой звал – тебя его идеология устраивала.

Минакова. О чем вы?! Миша неизвестно где, со службы неделю не возвращается. Нина! Ты с женой комдива подружилась. Попроси, пусть узнает, где старший лейтенант Миша Минаков?

Стреляная. Как я попрошу? Мы с ней только про выкройки из журналов, которые я из Москвы привожу,

говорим. Может, место, где твой Миша вообще военная тайна.

Минакова. Кто тогда знает, где он?

Стреляная (*показывает на телефон*). Это только сам «Полюс» знает. Олечка, что ты себя изводишь? В ДОФе сегодня танцы, сходи, развейся. Можешь мое платье в полоску взять. Представляешь, у них на тельняшке полоски так, а у тебя на платье – этак! А я пройдусь! По друзьям-знакомым. И здесь сидеть надоело, и в гарнизоне до вечера делать нечего.

Нина Стреляная уходит.

Полякова. Глядя на Нину, порадуешься, что дело есть и не маешься дома. Оксана после дежурства спит, пошли, Света, пора на работу.

Полякова и Иванова уходят. Ольга Минакова остается одна в комнате. Она смотрит окно. Подходит к телефону, снимает трубку.

Минакова. Дворец? Дежурного!.. Дежурный? Где Миша Минаков?.. Я не балуюсь.

Ольга вешает трубку. Подходит к окну, долго смотрит в него. Снимает крышку с кастрюли, пробует суп. С отвращением сплевывает. Подбегает к телефону, снимает трубку и дожидается ответа дежурного.

Минакова. Дворец? Полюс срочно!.. По пропавшему офицеру!.. Товарищ Полюс, где Миша Минаков?.. Лейтенант старший... Оля Минакова, жена... Потому что он в понедельник ушел на службу до вечера, его нет уже пять дней, а у меня выходной и суп прокис... Кому мне еще звонить? Нина сказала – только вы знаете. Я его жду и мне страшно... Зарплату его

получила – у нас дома ни у кого такой нет... Богатой буду? Откуда вы знаете, что я с Вологды?.. Паек дают, я тушенку своим отправила... Это весной там ничего нет, а осенью свинью заколют, все будет. Хотите я и вам привезу?.. А из материи мы с девчонками юбки сшили... Мише тяжело... И вам тяжело?.. Он самый лучший, он храбрый, он только комдива боится, они, когда его видят, все прячутся... Он точно вернется? Вы обещаете? А то все только обещают, а ничего не делают... Спасибо! Миша вернется, приходите в гости... дел много?.. Когда дела сделаете – приходите... Но вы с Мишей приходите, только так... Спасибо! С вами поговорила и легче стало... И вам? А вы мне звоните, у нас в квартире телефон есть... И вам желаю.

Ольга Минакова вешает трубку. Стучит в комнату к Оксане Грицевич.

Минакова. Оксанка! Ты разбудить просила. Я про Мишу у «Полюса» узнала. Все нормально. Скоро вернется. Мне Нина платье полосатое одолжила. Давай вечером зайдем за Светой и Аней и пойдем в ДОФ на танцы?

Картина 6

Работает радиоточка на стене: – Отражением нового мышления стали слова выступающих на съезде народных депутатов в Москве. Ускорение и перестройка во всех сферах нашей жизни, внедрение хозрасчета, материальной заинтересованности не могут не привести к улучшению жизни народа, росту его благосостояния, решить остро стоящую проблему снабжения продовольствием населения страны. Не за горами и переход к многопартийной системе...

В квартиру заходит Леонид Стреляный. В его руках кочан капусты. Выключает радиоточку.

Стреляный. Кто живой в квартире есть?

Из комнаты выходит Ольга Минакова.

Минакова. Ты Мишу не видел?

Стреляный. Что Мишка?! Куда он денется? Разминирует что-то на островах и вернется. Лучше скажи, куда из магазинов все исчезло? Нинка в Москву улетела, в продуктовый зашел, будто корова все языком слизала. Прилавки пустые. Очередь отстоял, взял этот кочан, и что с ним делать?

Минакова. Салат! Масло подсолнечное, лук и морковь у меня возьми. А лучше не наедайся. Вечером всем от нас будет сюрприз.

Стреляный. Слышал, я слышал про большой сбор мужей в квартире. Тогда капуста годится, с луком и морковкой нарублю, маслице добавлю и будет классная закуска.

Минакова. С закуской не увлекайся, а то гарушкой станешь.

Стреляный. Кем?!

Минакова. Пьяницей, по-вологодски, будет. Пойду к себе Мишу дожидаться.

Ольга Минакова уходит в комнату. Леонид Стреляный кладет на стол кочан, берет нож, примеряется, потом меняет нож на другой побольше, придерживая кочан рукой, бьет по нему ножом и попадает по пальцу. Вскрикивает. В квартиру заходит Лена-почтальон с большой сумкой.

Лена. Что у вас за крики?

Стреляный. Старший лейтенант Стреляный ранен!

Лена. Кровь. перевязать надо. У меня только журнал «Здоровье» в сумке.

Стреляный. Сейчас Олю позову.

Лена. Не зови. *(Достает и рвет платок.)* Сами справимся. Где у тебя рана?

Лена перевязывает ему палец.

Стреляный. Как ты ловко! А капусту нашинковать можешь?

Лена. Эх ты! Офицер! Что ж тебя жена не кормит?

Лена берет маленький нож и быстро шинкует капусту.

Стреляный. Нинка в Москве. Сегодня должна вернуться. Что вы с ней друг на друга зверем смотрите? Не понимаю.

Лена. Что мне с ней делить? Разные просто. И я ее не понимаю. Зачем ей это все. Север. Приехать на неделю, платком на пирсе, тебя провожая, помахать и назад в столицу.

Стреляный. Некогда ей здесь сидеть. Занята. Кует нам светлое будущее. Квартира-машина-дача. Хрусталь в буфете, ковер на стене. Шуба норковая в шкафу. Оттрубить здесь двадцать лет, потом жить, как в Америке.

Лена. В Америке? Там что, лучше?

Стреляный. Лучше-лучше! Новые времена. Заходили с визитом – видели. Законы волчьи, замполиты не обманули, но все куют капитал! И как куют! Даже пьяницы у них в джинсах Монтана. И мы с ней накуем капитал, и будет у нас прекрасное светлое будущее.

Лена. Будущее? А сегодня что?

Стреляный. Поход-поход-поход... Под водой больше

чем на земле. Рубли-валюта-чеки. Чеки в товар, товар в рубли, рубли в квартиру, дачу, машину и далее по списку. Лена, а ты тогда почему здесь? Ведь из-за полярков? Все здесь, послужат или поработают, но, рано или поздно, уезжают. Поселилась бы где-нибудь в средней полосе. Где зима, как и положено, три месяца, не больше.

Лена. И я уезжала. С мужем думали, что впереди что-то будет, жизнь на потом откладывали, обеспечим себя, уедем и... Ничего не будет. Мужа не стало. Уехала с дочкой и никому там не нужна. Потому и вернулась, здесь как-то легче, чувство такое, что он еще в море, а я жду. Только, когда корабль из похода приходит, и все радуются, завывать хочется. Хотя, вы не одни такие. Квартира... машина... дача... Словно соревнуются. Сравнивают. Только тогда не на человека, а на что-то другое смотришь, ну а если окажется у кого-то квартира больше, машина – тогда и он лучше?

Стреляный (*ест салат*). Не знаю. Не думал. Как вкусно получилось.

Лена. В Североморске иду, очередь из магазина – хвост на улице. Спросила: за чем стоят? Отвечают: «За славой!» Номерки друг другу на руках пишут. Думала – ослышалась. Оказалось, за мебельными стенками «Слава». Покупают, не распаковывая, на большую землю отправляют. Тоже на потом.

Стреляный. «Слава» у нас есть. У нас две «Славы»! У Нинки связи в военторге, достала и в Москву отправила. Одну «Славу» в квартиру, другую на дачу.

Лена (*подходит ближе*). Машина у тебя есть, квартира есть, дача. Теперь вот и слава, оказывается, есть. Чего

же у тебя тогда в жизни нет, Лёначка?

Стреляный (*задумывается*). Надо Нину, как вернется, спросить. Она в этих делах специалист.

Лена. Ну и ешь с ней свою капусту!

Лена убегает, оставив сумку с письмами. Оля Минакова выходит из комнаты.

Стреляный (*с тарелкой салата в руках*). Закуска для гарушки готова.

Минакова. Ты не гарушка, ты – опехтюй!

Стреляный. Это что еще за зверь?!

Минакова. Дурак!

Стреляный. Что вы все, сегодня, как бешеные! Одна убегает. Другая обзывается!

Слышен звук машины. Ольга выглядывает в окно. Шум за дверью. Доносится голос Михаила Минакова.

Минаков. Здесь живу, спасибо товарищ контр-адмирал! Товарищ комдив, кто вам такое сказал, что вас боятся?! Никто вас совсем не боится! То есть... я хотел сказать, что уважаем... Товарищ капитан первого ранга, отдайте сумку, а то мне неудобно. (*Входит в квартиру.*) Уф-ф-ф! Олька, представляешь, пришвартоваться не успели, мне команда наверх, налетели начальники, в машину посадили и домой привезли.

Минакова. Ты один? Командующий с тобой не пришел? Я и на него приготовила.

Минаков. Какой командующий? Флотилией?!

Минакова. Флотом.

Минаков. Что, должен был прийти?!

Минакова. Обещал. Я ему звонила, сказала, что суп прокис.

Минаков. Что еще командующий сказал?

Минакова. Что ему тоже тяжело. Чтобы ты форму шил, а не материю моим в деревню отправлял. Еще сказал. Только я не поняла, что я ему день сделала.

Ольга обнимает мужа.

Минакова. Ты вовремя пришел. Успел. Сегодня вам от нас сюрприз.

Минаков. Кому вам и от кого нас?

Минакова. Вам. Мужьям. От нас. Жен. Ждите!

Ольга Минакова убегает. Леонид Стреляный подходит к Минакову.

Стреляный. Привет, Мишка пропащий! Хочешь капусты? Смотри, как я классно нарубил. Знаешь, правильно, что редко появляешься. Отношения лучше. Когда ты постоянно в море: уси-пуси. А на берегу удержишься, чего только не услышишь: и дурак, и пьяница. Главное, понять нельзя, что им от тебя надо?

В квартиру заходят Сергей Поляков в форме капитан-лейтенанта и Виктор Иванов в форме капитана третьего ранга.

Поляков. Вить! Новое мышление – это что такое? Думать по-другому? Ускорение же до этого было. Думать быстрее? То есть надо думать быстро и по-другому? А хозрасчет этот? Бубнят с утра до вечера. Нам то он каким боком?

Иванов. Ускорение прошли, ускорились так, что гайки в трубу полетели, переживем и новое мышление. Замполита спроси, ему это ближе.

Поляков. Наш зам сам не свой. Разговоры про многопартийную систему пошли, испугался, что на корабле сразу пять или шесть замполитов будет.

*В квартиру в форме с погонями капитан-лейтенанта заходит
Николай Грицевич.*

Николай Грицевич. Почему бы и нет? Поставить койки двухъярусные. Кубрик замполитов. Замполит-ленинец, замполит-монархист, замполит-анархист. Кто там еще на подходе? Священник? Четвертого надо обязательно. Чтобы по вахтам расписать можно было.

Иванов. Кто угодно, лишь бы служить не мешали. Слушайте, я боевую часть готовить перед походом на лейтенанта оставил, зачем нас жены домой выдернули?

Минаков. У них сегодня все секретно. Сказали сюрприз нам будет перед выходом в море.

Поляков. Ой не надо! Жизнь сегодня такие сюрпризы подкидывает, что невольно хочешь в море уйти.

Грицевич. Это точно. Когда на берегу бардак – лучше в море.

Стреляный. Все вызванные женсоветом квартиры в сборе. Сейчас и дамы наши полным составом должны появиться, вместе с Нинкой.

Поляков. Она же у тебя в Москве.

Стреляный. Обещалась сегодня быть. Улетела на несколько дней.

Грицевич. Раньше с нашим уходом исчезала, теперь и когда у пирса стоим, то и дело в столицу мотается. Челночит, что ли?

Иванов. Вот почему колбаса из военторга пропала! Правильно в газетах обличают. Все в столицу уходит.

Стреляный. Ребята! Перед вами темнеть не буду. Времена сами видите какие настают. Обещают все больше, а дают все меньше. Самим о себе заботиться надо. Строим с Нинкой кооперативную квартиру в

Москве, дачу за городом уже поставили. Два этажа. Вот этими военно-морскими руками. Жигуленок туда отогнали. Осталось только мне место в Главном штабе найти. Большие звезды на погоны получить. А может и догонять вас, и пенсию выслуживать не буду, а дембельнусь и рвану в столицу на все готовое.

Поляков. Расскажи хоть про столичную жизнь, ты же после походов в отпусках не в санатории, а в Москве пропадаешь.

Стреляный. Я ее видел эту столичную жизнь? Свояк в аэропорту на нашей машине встретит, по набережной вдоль Кремля пролетим и на дачу. Подставляй плечо и тащи бревно! Как Ленин на субботнике. (*Показывает руки.*) Мозоли еще не сошли. Каждый год по два-три месяца батрачу. Занозы всю обратную дорогу в самолете выковыриваю. Зато домину отгрохал!..

Иванов. На себя работал. На светлое будущее.

Николай Грицевич. Причем свое, а не человечества. Да, Нинка у тебя молоток!

Поляков. А Леня – наковальня! И все-таки я не понял. Где жены? Высвистали нас, а сами смылись!

В квартиру заходит Света Иванова.

Иванова. Товарищи офицеры! И вы персонально, товарищ капитан третьего ранга! Прошу выстроиться у причала для встречи швартуемого корабля.

Стреляный. Это где у нас в квартире причал появился?

Иванова. Леня! Да у стола! В ознаменование нашего пятилетнего пребывания в этих суровых краях, всех наших достижений и свершений, ценой невероятных кулинарных усилий... не знаю, что еще высокого сказать, в общем, встречайте!

Света Иванова открывает дверь. Ольга Минакова, Анна Полякова, Оксана Грицевич вносят огромный торт в виде подводной лодки.

Иванова. Наливаем чай, разбираем тарелки и смело разделяем лодку на отсеки.

В квартиру заходит Нина Стреляная с чемоданом.

Стреляная. Я вовремя! Вот на торт вишенка! (*Достает из чемодана ананас и ставит его рядом.*)

Офицеры разрезают торт, раскладывают его на тарелки, жены наливают чай.

Стреляный. Времена настали. Офицеры торт с чаем употребляют. Детский сад какой-то. У меня салат из капусты пропадает. Сам делал.

Поляков. Что, Лёня? Тяжело в безалкогольные времена?

Стреляный. Таким темпом мы и до бальных танцев дойдем.

Минаков. Товарищ комдив! Разрешите пригласить вашу супругу на па-де-катр?

Николай Грицевич. В парк, где катер? Ой, не понравится твое предложение комдиву! Времена, вроде, снова настали скромные, только гайки закрутили, а отдать их забыли. Оксана! Что там у нас в закромах?

Оксана Грицевич. Как медик говорю, что алкоголь вреден. Но настойка на бруснике и морошке, северных травах обладает лечебным эффектом. Но только в медицинских дозах!

Николай Грицевич. Чашки с чаем отставили, подставили рюмки.

Грицевич достает графин с настойкой. Наливает всем. Хочет налить Оле Минаковой, но Михаил Минаков убирает ее рюмку.

Минаков. Оле нельзя!

Поляков. Почему это?!

Минаков. Потому что нельзя!

Иванов. Вас можно поздравить?

Минаков. Через полгода поздравите, а пока нельзя.

Стреляный (*подставляет рюмку*). Зато мне можно! И сейчас, и через полгода. Плесни за двоих.

Поляков. Скромные времена, говорите, какие же они скромные, когда мяса нет? Ничего в магазинах нет. И куда все делось?

Стреляная. Неделю в столице смотрела, слушала. Теперь везде митинги. Люди и с трибуны, и в толпе говорят прямо – слишком много дармоедов. От них все беды.

Иванов. И кто у нас дармоеды? Опять про бюрократию?

Стреляная. Не только. Главные враги: партийные работники, чиновники и военные. Поскольку холодная война закончена. Штык надо воткнуть в землю, армию распустить! Военное имущество распродать. Все газеты-журналы об этом пишут. Там страшные цифры. Сколько стоит один выстрел, один танк. А подводная лодка или крейсер! И сколько на эти деньги людей накормить можно. И большую зарплату, пардон, жалованье, военным надо платить в военное время, а в мирное – это объедание народа. Поэтому в обществе теперь новые герои, и сегодня кооперативщик, торгующий в ларьке, получает больше адмирала.

Иванов. Вот и закончилась перестройка. Начали искать, не как всех накормить, а кто кого объел?

В квартиру заходит Лена-почтальон.

Лена. Здесь моя сумка. Кто выписал «Блокнот

агитатора»? Получите.

Николай Грицевич. Я не понял! Хотел выписать «Огонек» и «Московские новости»! Сказали – на них лимит! Только если вместе с этим «Блокнотом агитатора». Выписал и его. Так вот «Блокнот агитатора» приходит, а «Огонек» и «Новости», как корова языком слизала.

Иванова. Лена! Не слушай его! Коля в «Огоньке» и «Новостях» хочет прочитать, что он дармоед. Отдай ему этот «Блокнот», пусть поагитируется и успокоится, а ты с нами чаю выпей и еще кое-что.

Стреляная. Судя по сумке с письмами в квартире, когда меня нет – здесь филиал почтамта.

Лена ставит берет чашку и торт на тарелке, встает подальше от Нины Стреляной.

Полякова. Господа офицеры! И жены. Госпожи мы, что ли? Как правильно? О чем вы? В такой день!

Иванов. Мы о том, что годы здесь не прошли зря! И мы уже давно не лейтенанты, и время другое! Пусть трудное! Но грядет время лучше! Нас ждут большие перемены. Что там еще? Кооперативщик получает больше командира корабля? Пусть! Он заплатит налоги. Которые пойдут, в том числе, на армию, на флот. Будет производить товары. Приватизируют заводы? Отлично! Все будет в руках народа. Акции получают и их владельцами станут те, кто на них работает. Заработает рыночный механизм. Исчезнет дефицит. Экономика поднимется. Пусть на съездах делят портфели, трибуны и микрофоны. А нам повезло! Наше дело – подальше от политики и ближе к родине. В новые времена нам не надо ничего менять. Наше дело прежнее – ходить в море

и защищать. За нас, за флот, за жен!..

Звонит телефон, трубку снимает Нина Стреляная.

Стреляная. Минакова Михаила? А вы знаете, что он только что с моря пришел и ему скоро снова в море идти?

Нина морщится и отдает трубку Минакову.

Стреляная. Михаил, тебя хам какой-то требует срочно.

Минаков (в трубку телефона). Старший лейтенант Минаков... Есть... Так точно... Готов...

Минаков вешает трубку. Говорит всем.

Минаков. Не может флот обойтись без старшего лейтенанта Минакова. Опять откопали что-то с войны. Дел на полчаса.

Николай Грицевич. Ты смотри, у нас одного на полчаса вызвали. Только на борт поднялся – сходню убрали. И на три месяца в море.

Поляков. Это что! У нас помощника на попутном эсминце с документами отправили. Эсминец тот на переходе в Атлантику завернули. У него жена на сносях, муж отъехал на три дня в Североморск, чтобы детскую коляску купить, а вернулся через полгода. Квартира пустая, жена все бросила и к родителям укатила. А он с коляской по гарнизону бегает.

Иванов. Их не спрашивали. А у нас одного капитана третьего ранга кадровик в коридоре отловил. Идет, жует что-то и, сквозь бутерброд, спросил: в Белорушку поедешь? Только срочно, пока место не заняли. Тот обрадовался. С севера в Белоруссию, в школу специалистов флота! Семейку туда вывезти. Конечно поеду! Расписался, где пальцем ткнули и побежал жену обрадовать. Приказ вышел, читает: на три года

в Белушку – на Новую землю. Без семьи, на смену офицеру, которого белый медведь задрал!

Минаков. Это кадровик специально подстроил. Они такие...

За окном слышен автомобильный сигнал.

Минаков. Машина дармоеду подана. Чур, торт без меня не доедать!

Минаков уходит.

Стреляная. Мне кусочек с розочкой отрежьте. Подводная лодка с розочкой! Как символ новых времен. Красиво ты, Витя, говорил. Прямо, как по радио или на собрании. Вот только я чаще вас на материке бываю. Хожу, смотрю, слушаю. И вижу, что по всем вашим делам сброс произошел. Обнуление. Просто вы этого в своих полярных краях еще не знаете.

Поляков. Туманно вы, Ниночка, говорить изволите.

Стреляная. Чего уж туманного. Яснее некуда. Была зарплата приличная – сегодня на нее ничего не купишь. Да и ту задерживать стали. Была пенсия хорошая – хватит ее теперь, разве что, на макароны и капусту. Остальное только в коммерческих магазинах или на рынке по новым ценам. Сиди и жуй ее, как кролик. Что еще? Крепостное право. Призвался из Москвы или Ленинграда – повезло – можешь туда вернуться. А нет, так езжай в какой-нибудь Урюпинск и жди пять лет, когда тебе квартиру в хрущевке после такого же умершего военного отдадут. Полное обнуление. И победили вас самым совершенным оружием, которого вы и не ожидали.

Грицевич. Какое же это оружие?

Стреляная. Дружба и разоружение! Разрядка и окорочка! Марс и Сникерс!

Поляков. Насмешила!

Стреляная. Смейтесь, пока смешно! Хохочите! Скоро не до смеха будет. Если разоружение, то ваши серые кораблики, которые за окном стоят, распилят, а металл тем же буржуям продадут. И купят на эти деньги куриные окорочка, поскольку они нужнее.

Иванов. Съедят крейсер, съедят эсминец и что дальше? Окорочка и шоколадки? Все эти дары, как бусы индейцам перед завоеванием.

Стреляная. Никто нас не будет завоевывать! Зачем, если мы сами сдались? Вы здесь на севере сохранились, как мамонты. В России давно уже все другое. Не слушайте, что по радио болтают. Новые времена, новое мышление, новые возможности. И новые герои. Большой дележ начался, в городах деньги под ногами валяются. Просто не все их видят.

Лена. Ты их видишь? Или это надо какое-то особенное зрение иметь, очки розовые?

Стреляная. Глаза шире открыть, Леночка, и все. Раньше бы я Лёнечку (*Обнимает мужа.*) до командирских высот дотянула, протолкнула бы на самый верх, а сегодня... Служба... форма... Красиво, но бессмысленно.

Доносится громкий звук взрыва. Дрожит окно.

Стреляная. Что это?

Стреляный. Эхо войны. Дорогу через сопки тянут. Еще по одной за красивую офицерскую жизнь?

За окном звучит сигнал тревоги (ревун). Офицеры одеваются и убегают. Жены убирают посуду, расходятся по комнатам. Ольга

Минакова остается у окна. Подходит к телефону, снимает трубку, потом вешает ее. Начинает метаться по комнате, потом замирает у окна. Раздается стук в дверь. Ольга бежит к двери. Дверь открывается, на пороге командующий флотом, адмирал, на погонах три звезды.

Командующий флотом. Оля Минакова? Помните, вы мне звонили?

Минакова. Товарищ командующий! Сейчас...

Она хватает со стола чайник, бежит с ним на кухню, на полдороге останавливается и оборачивается.

Командующий снимает фуражку. Из комнат в черных платьях выходят Света Иванова, Анна Полякова, Нина Стреляная, Оксана Грицевич. В квартире темно, видно лишь адмиральскую фуражку на столе. Ольга Минакова встает на колени, поет.

Минакова.

Ты сойдешь да, млада-милая
 Ты на тот свет да на будущий
 Тебя станут звать, да млада-милая
 Станут звать да за забыть-реку
 Ты послушай, млада-милая
 Ты в остатние во последние
 Ты не ездй за забыть-реку
 Ты не пей-ко забытной воды
 Ты забудешь млада-милая
 Ты свою родную сторону
 Ты забудешь млада-милая
 Ты меня да горюшиночку...

Действие второе

Картина 7

Зажигается свет в квартире. В общей комнате стоят детские коляски. На стене портрет Ельцина, на нем он в краповом берете держит в руках винтовку. Работает радиоточка: Корабли Ленинградской военно-морской базы совершили поход из Кронштадта в порты Германии. Здесь корабли приняли на борт гуманитарный груз – картофель – который доставили в город на Неве. В ходе визита принимающая сторона оказала российским кораблям все положенные почести. Глава одной из земель отметил, что рад видеть российских моряков, которые последний раз были здесь в 1945 году.

На кухню выходят Анна Полякова, Света Иванова и Оксана Грицевич. Выключают радиоточку.

Иванова. Позор! Корабли победителей идут за подачкой к побежденным.

Оксана Грицевич. Хоть семьи с картошкой будут.

Полякова. Наши из похода возвращаются. В парикмахерскую сходить – денег нет.

Иванова. Чем встречать не знаю. Торт испечь? Масла – нет. Аня! У тебя мука осталась?

Женщины ищут продукты на полках.

Полякова. Только ржаная.

Оксана Грицевич. Фрукты на рынке теперь любые, но цены! Здравствуй, милый! Вот тебе апельсин! Может, мясо замаринуем, сделаем шашлыки?

Иванова. Нет мяса. Грибов много. На сопках насобирала. Сковородку Вите нажарю, а я на них уже смотреть не могу.

Полякова. Треска! Нас спасет треска, офицеры и

мичманы с удочками на причале стоят, найти кого-нибудь с лодкой, пусть поймает нам треску.

Оксана Грицевич. Чего мы стараемся? (*Садится.*)

Их на кораблях хоть кормят. Уходили – я сказала: не волнуйся. Зарплату получу, протяну. А ее так и нет три месяца, все обещают и обещают. Хорошо в госпитале кашу дают. Цены новые, а зарплаты и старой нет. Устала я. Ваучеры в Мурманске на детское питание поменяла. Импортное. Ребенка к родителям отправила, все легче.

Полякова. Главное, будто всем все равно. У штаба заместителя комдива встретила – спросила: как встречать будем? Он руками разводит, денег на поросенка нет, да что там поросенок – цветов нет!

Иванова. Как нет?

Полякова. Не дают деньги на наглядную агитацию, на них раньше цветы покупали. (*Перестает искать что-то в шкафах и на полках, садится на стул.*) Придет – чаю попьем, печенье оставалось. Может, он что-то с корабля принесет. Паек получит. Им же воблу в банках дадут, кильку в томате.

Оксана Грицевич. Чай с воблой?..

Света Иванова трясет за плечи Полякову и Грицевич.

Иванова. Очнитесь! Наши завтра приходят. Им и так тяжело, а тут мы с кислыми мордами! На парикмахерскую денег нет. (*Передразнивает.*) Прически сами друг другу сделаем! За мной с работы машина заедет. Водителя уговорю в сопки завернуть. Поляну знаю – цветов море. Ромашки-ромашки-ромашки! Грибные ведра приготовьте – цветов нарвем. Букеты женам раздадим, чтобы стояли на пирсе с цветами. И чтобы улыбались! Плакали только от радости. Чтоб

наши мужики...

Открывается дверь в квартиру, вбегает Лена-почтальонка.

Лена (*запыхавшись*). Скорее! Бегите! Там... там...

Женщины хватаются за сердце, вскакивают.

Женщины (*хором*). Что там?!

Лена. В военторге импортные макароны дают. В долг, под запись.

Женщины хватают сумки и убегают. В квартиру заходит Нина Стреляная с большим чемоданом. Чемодан пустой, она его несет, помахивая, словно портфель.

Стреляная. Никого! Так-то мужей ждут жены морские. Шляются где-то.

Нина встает у окна, пытается высмотреть что-то. Берет трубку служебного телефона.

Стреляная. И позвонить некому. Проводной телефон, допотопность какая.

Из телефона доносится: – Дворец! Дворец слушает! Говорите. Кто это?

Стреляная. Дворец? Это принцесса. Прощай, Дворец!

Нина кладет трубку, достает из кармана большой сотовый телефон, вытаскивает антенну, открывает панель закрывающую микрофон, набирает какой-то номер.

Стреляная. Мама, я на месте! Конечно, скажу ему, зачем и ехала. Сразу назад. Ну ладно, разговор по сотовому дорогой, бразильцу привет. Марадоне моему косоглазенькому.

Раскрывается дверь, Полякова, Иванова и Грицевич затаскивают в квартиру огромный ящик итальянских макарон.

Стреляная. Вива, Италия! А говорят, вы плохо живете!

Иванова. Как страна живет, так и мы.

Полякова. Что-то ты в этот раз рано. Наши только завтра придут.

Стреляная. Ваши завтра, а передовой корабль отряда с Ленечкой на борту уже швартуется. Ленечка, наверное, у трапа ножками сучит. Швартуется... на борту... у трапа... – какие слова я знаю, якорь им в глотку!

Оксана Грицевич. Опять матрос-писарь из Главного штаба информацию слил?

Стреляная. Нет, мой бразилец в Министерство обороны позвонил, ему доложили.

Полякова. Они что теперь в журнал «Проблемы мира и социализма» докладывают?

Стреляная. Все проблемы мира с социализмом и закончились. Мой дипломатик теперь на коне, годы преследований не прошли даром, Солженицын ему только в плюс. Он у меня пострадавший от коммунистического ига. А вам телевизор чаще смотреть надо, он теперь чуть ли не лицо новой России.

Оксана Грицевич. Сама же говорила: кривенький-косенький.

Стреляная. Их таких наверху теперь много. Как ручки свои худенькие в закрома по плечи запустили, так совсем от счастья окосели, шуруют и шуруют там. Пришло наше время, говорит. Спасибо тебе, Нина, за тот донос! А то сидел бы сейчас в посольстве в Катманду старшим референтом, а не в кабинете с гербом на телефоне.

Иванова. Зачем приехала? Оставалась бы при лице России.

Стреляная. Что за упреки? Я здесь. На боевом посту.

Законного военно-морского мужа из похода встречаю. Макаронами поделитесь – наварю ему с горкой, с кастрюлькой в руках с вами на недельную вахту на кухне встану.

Полякова. Больше чем на неделю заряда не хватит?

Стреляная. Через неделю их снова в море отправят. Есть такая информация. Не понимаю! Мир-дружба-окорочка! Зачем в поход? Ладно, раньше, когда за это деньги платили. А теперь...

За окном гудит машина. Иванова выглядывает в окно.

Иванова. Поехали с нами в сопки за цветами.

Стреляная. Нет-нет, у меня на сопки и полевые цветы аллергия, я здесь Ленечку подожду.

*Женщины уходят. Нина собирает вещи, складывает их в чемодан. Напевает: «Эй, моряк. Ты слишком долго плавал!..»
Падает полка. Нина пинает ее под шкаф и бросается на кровать.*

Стреляная. Кровать с панцирной сеткой! Какое убожество! На что годы ушли?

Открывается дверь, в квартиру вбегают Леонид Стреляный. В его руках кипа на разное время года формы с погонами капитан-лейтенанта.

Стреляный. Нинка! Все!

Стреляная. Все?

Стреляный (оглядывается). Дома, как всегда, ничего, но по такому случаю точно можно в ресторан.

Стреляная. В ресторан? Точно все? Откуда ты знаешь, что все?

Стреляный. Ну как? Кадровая комиссия прошла. Сейчас просто. Раньше было не уволиться, теперь

только рады. Сокращения идут. Еще с моря подал рапорт. На комиссии спросили – жилье есть? Есть! Квартира и дача. На свои построили. В Москве! Прощай, Север! Привет, Москва! Последний приказ: явиться в кунцевский военкомат столицы, в стол учета офицеров запаса. Уволился и поедem с тобой валяющиеся деньги подбирать.

Стреляная. Подожди, я знала, что все, но не о том, как-то ты меня огорошил. У нас долги, разве забыл?

Стреляный. Какие долги?!

Стреляная. За квартиру еще выплатить осталось. И там мама.

Стреляный. Выплатим, такая инфляция, эти выплаты теперь все равно, что в ларьке сигарет купить. Деньги под расчет какие-то дали. Остаток внесем. Долги погасим. Пускай старая не переживает, никто не собирается ее выгонять. Захочет – пусть с нами живет. Или квартиру разменяем, без жилья не останется.

Стреляная. Ты не понял. Теперь все по-новому. Это ее собственность. Она к ней привыкла, документы оформлены на нее. Ты в ней не прописан. Она просто не согласится ничего менять.

Стреляный. Ничего себе заявление! Ладно, об этом потом. На даче поживем, второй этаж ведь наш, я же ее строил, горбатился каждое лето, вместо санатория.

Стреляная. У папы на даче особый порядок, на втором этаже кабинет и бильярдная, он человек творческий, на ней ничего менять нельзя. Пойми главное, в Москве другая жизнь, другие люди, у меня уже другие обязательства...

В квартиру заходят Иванова, Полякова и Грицевич с ведрами

полными ромашек. Остаются у двери.

Стреляный. Ты хочешь сказать...

Стреляная. Я хочу сказать, что однажды в жизни, по молодости, по теперь чуждой нам идеологии, поступила подло, нехорошо. Но, с приходом свободы и демократии, жизнь дала мне шанс эту ошибку исправить.

Стреляный. Какая идеология? Свобода и демократия здесь причем? То есть я все эти годы в морях пахал, чтобы ты... мама твоя... папа... брат... сколько там тысяч ушло...

Стреляная. Ну вот, о деньгах речь зашла! Никогда настоящий мужчина женщину в потраченных на нее деньгах не упрекнет! Да, тысячи потрачены! Извини, Ленечка, сам же говорил: инфляция. Эти тысячи теперь копейки. Хочешь, забирай, прямо сейчас мелочью из кошелька. Раньше это были какие-то деньги, а сегодня просто смешно. Магазин валютный «Альбатрос» теперь в любом ларьке. Что еще? Брата приплел? Жигули твои разбитые на даче под забором гниют, никому не нужные. А он на Опеле ездит и тебе лично ничего не должен.

Стреляный. Мы же столько лет вместе!

Стреляная. Вместе?! Да ты в морях месяцами пропадал. Бросал меня и уходил (*всхлипывает*). Теперь уволился, кем станешь? Вагоновожатым? Он сейчас больше офицера получает. И я всем буду говорить, что я – жена вагоновожатого? Ни командиром, ни капитаном первого ранга так и не стал, да уже и не станешь.

Стреляный. Ты же сама учиться не давала.

Стреляная. Давала – не давала, ты, что не мужик? Сам решать не мог? Все жена-жена, не надо на меня свою

неудачную жизнь вешать!

Нина Стреляная поднимается с кровати. Леонид и Нина стоят и смотрят друг на друга.

Стреляная. Что молчишь? Стреляный – недостреляный, по нему топчутся, а он... если ты мужик, то должен сказать!

Стреляный. Да пошла ты!

Стреляная. Молодец! Наконец-то! И запомни – это ты меня выгнал!

Нина Стреляная уходит, вывозит тяжелый чемодан. Леня Стреляный уходит в свою комнату. На выходе из квартиры Нина встречается с Ивановой, Поляковой, Грицевич, слышавшими их разговор.

Стреляная. Чао, подруги!

Иванова. Нина, подожди! Ну, а опять жизнь повернется? Леню ты списала, если бразилец твой в чем-то ошибется, что тогда?

Стреляная. Я, в отличие от многих, в Россию верю! В ней всегда приличная женщина себе порядочного мужика найдет.

Полякова. Порядочного?

Стреляная. Да! С деньгами, положением, перспективой. Молодого. Лет сорока. Прощайте, подруги боевые! Слава российскому флоту! Годы здесь не прошли даром, то есть бесплатно.

Стреляная уходит. Где-то проходит строевой смотр. Доносится звуки строевого марша, раздаются команды (экипаж построиться, к торжественному маршу, равнение направо) отрабатывается равнение на трибуну. Строй печатает шаг. Из своей комнаты выходит Леонид Стреляный в фуражке без

кокарды, в кителе без погон, в левой руке водочная бутылка. Он слышит строевой марш, поднимает правую руку к козырьку фуражки.

Стреляный. Военно-морской флот прощается с капитан-лейтенантом в запасе Леней Стреляным. Уволенным без пенсии. Без жилья. В никуда. Ни к кому.

За окном слышно, как прерывают тренировку, делают замечания: штурман! Что же вы лодку под водой водите, а строй не можете? Лучший механик флотилии ногу должен поднимать выше! Химик! И этим сказано все. Экипаж! В исходное!

Стреляный оборачивается и видит женщин с ведрами полными цветов.

Стреляный. Венки прибыли. Похороны продолжаются. (Он переворачивает бутылку, она пустая.) Без меня прощание с телом не начинать, я в магазин.

Леонид Стреляный уходит. За окном играет оркестр, на пирсе встречают отряд кораблей, возвращающихся их похода. Звучат команды, подающиеся при швартовке кораблей. («Швартовой группе прибыть на стенку». «Принять носовой...») Женщины с цветами в руках уходят.

Картина 8

В комнате на столе букет завядших полевых цветов. Работает радиоточка на стене: Форсировав реку Сунжа, морские пехотинцы вышли к площади Минутка в Грозном. В ходе ожесточенных боев они заняли дудаевский дворец. И сегодня прямо на взлетной полосе аэродрома Североморска командир сводного отряда морской пехоты Северного флота передал командующему флотом Андреевский флаг, который морская

пехота с честью пронесла в Чеченской республике, выполнив все поставленные задачи.

В квартиру заходит Николай Грицевич в форме капитана третьего ранга, выключает радиоточку. Из комнаты выходит Оксана Грицевич.

Николай Грицевич. Оксанка! Исторический день! Сошлось! День на календаре закрась красным и накрывай на стол. Что у нас на ужин?

Оксана Грицевич. Спагетти!

Николай Грицевич. Дни итальянской кухни продолжаются! Если настойка полярно-травяная осталась – доставай. Есть повод.

Оксана Грицевич накрывает на стол. Ставит графин.

Оксана Грицевич. Какой у тебя повод?

Николай Грицевич. У нас! Двадцать лет выслуги набрал, пенсия есть, кап-три получил. Собирайся в Севастополь. Присмотрит нас Черное море?

Оксана Грицевич. Всегда примет! Жалеть не будешь?

Николай Грицевич. Чего жалеть? Что-то, как-то, в какое-то время не так повернулось. Где-то меня обошли, где-то сам отстал. Иванов с Поляковым оба капитаны второго ранга. Офицерские классы прошли. Витька и академию закончил. Ну а мне в кильватере за ними идти не хочется. Учиться поздно. Пока годы позволяют, попробуем гражданской жизнью пожить, поработать, а лучше свое дело организуем.

В комнату входит Леонид Стреляный. На нем старые джинсы и грязная офицерская кремовая рубашка. Оксана Грицевич убирает со стола графин.

Стреляный. Соседи! У вас осталась эта, которая на

ягеле?

Николай Грицевич. Смотри, Леня, ты с ней окончательно оленем станешь.

Стреляный. Напугал! В этих краях оленем быть самое то.

Стреляный садится на высокий стул.

Оксана Грицевич. Леня, может, тебе на родину вернуться?

Стреляный. Не принимает родина. Была родная советская Эстония. Теперь: Эттти русские... не братья... въехать... нужна виззза... у вас направление в военкоматтт, у нас теперь нет военкоматтт. И своихххх родителей-оккупантов не гражданнн от нассс забббирррайттте. (*Стреляный стучит кулаком по стулу*). Сволочи! Отец-оккупант всю жизнь в Таллине на заводе проработал!

Стреляный привстает, смотрит на стул.

Стреляный. Адмиральский стул – свидетель молодых порывов и надежд, это же я, выходит, на третьем прыжке сломался. Первым с дистанции сошел? Давайте его сожжём в печке?! Чтобы тем, кто после нас сюда придет, неповадно мечтать было, не думали, что все легко и само собой получается, с неба падает.

Николай Грицевич. Мы в Севастополь уезжаем. Поехали с нами. Большой город, найдешь работу, жильё.

Стреляный (*махнет рукой*). Хохлы не лучше прибалтов. Тоже г..., только в шароварах. Нет, значит, на ягеле ничего? Ладно, что-нибудь попроще найдем.

Стреляный встает и выходит.

Николай Грицевич. И мы пошли.

Оксана Грицевич. Куда?

Николай Грицевич. Контейнер заказывать. Сдавать комнату. Билеты брать. Костюм мне гражданский покупать. Шляпу. Как там все это делается?

Николай и Оксана Грицевич уходят. В квартиру заходит Сергей Поляков. Он в форме капитана второго ранга. Из комнаты к нему выходит Анна Полякова.

Полякова. Что-то ты рано. Ужинать будешь?

Поляков. Накрывай. Что там у нас?

Полякова. Спагетти.

Поляков. Когда же мы их доедим? Был в штабе, предложили перевод в другое место. На новый корабль.

Полякова. Корабль в Петербурге?

Поляков. Аврору в Петербурге не предложили. Предложили перебраться еще севернее. Корабль больше, должность та же, место глуше. Подумал-подумал и отказался.

В комнату заходит пьяный Леонид Стреляный.

Стреляный. Серега! Ты же старпом, у тебя шило есть!

Поляков. Леня, ты уже дома спирт пьешь?

Стреляный. На лимонных корочках!

Поляков. Был в штабе сегодня. Тыловики про тебя спрашивали. Когда с жилплощади съедешь?

Стреляный. Куда?

Поляков. Честно скажу – им все равно куда. Леня, с чего ты живешь? Работу нашел?

Стреляный. Работа всегда найдется. Разгрузить-погрузить. Поднести-отнести. Расчет по факту. В жидкой валюте. Не бойсь, я не один, у нас целая команда и мичмана, и офицеры есть.

Поляков. Здесь и на корабле ты был не один. А там...

Полякова (*пододвигает высокий стул*). Леня, садись, поешь с нами.

Стреляный. Опять на этот стул? Никогда! На него просто так не сядешь, Нинка права! К нему или по ковровой дорожке, или надо хитро боком подбежать и с переворотом прыгнуть на сиденье. И попасть точно, а промахнешься – сразу за бортом. (*Пытается сесть, падает, встает и уходит.*)

Поляков. Совсем у Лени с горилки крыша поехала. Знаешь, не могу я на макароны смотреть, пошли сегодня в кафе, что ли? Был в гарнизоне один ресторан на все случаи жизни, теперь они, как грибы растут, на каждом углу. Впервые отметим не переезд, а то, что остаемся.

Поляковы уходят. В комнату заходит Виктор Иванов в форме капитана второго ранга. Из своей комнаты к нему выходит Света Иванова.

Иванов. Света! Что на ужин сегодня?

Иванова. Спагетти!

Иванов. Как я ненавижу эти спагетти!

Иванова. Витя, я тушенки добавила, лук, морковь – теперь это макароны по-флотски.

Иванов. Давай! Что у нас в квартире и гарнизоне нового?

Иванова. Пока ты в море был, Оксана с Николаем уехали, двадцать лет выслуги со льготными набрали, пенсию выслужили и перебрались на юг. Многие, которые с нами одновременно приехали, уезжают. Увольняются или переводятся. Витя, нам не пора?

Иванов. Что не пора?

Иванова. Уезжать.

Иванов. Поехали.

Иванова. Я серьезно.

Иванов. И я серьезно. Предложили должность на новом корабле, Сереге Полякову и мне.

Иванова. Ты что же, Сереже дорогу перейдешь?

Иванов. Серега отказался. Здесь старпом и там старпом. Корабль больше, первого ранга, а вот место глуше, от цивилизации дальше.

Иванова. Жалованье там хоть не задерживают?

Иванов. Задерживают. Но большее, чем здесь.

Иванова. И здесь не столица. Куда уж глуше? У тебя новая должность. У меня и детей новая школа. Если еще мне место найдется. Новые люди. Снова тебя неделями видеть не буду. В Гремихе жили, ты в походе, а я с сыном из садика иду, в магазине картошку купили. Вдруг, как задует. Сынку схватила, к себе прижала, за столб какой-то уцепилась. Выстояли. Смотрю, а картошки нет. Улетела. Край летающих собак. Устала я Витя. Больше всего хочется, чтобы не в отпуске, не в выходной, а просто в обычный день, ты вечером домой приходил, вот в эту квартиру, чтобы мы одни оставались, ты, я и дети. Без тревог, учений, походов. Покоя хочется. Ну хоть четыре, хоть три дня в неделю.

В дверь стучат.

Иванов. Накаркала! Посыльный с корабля. Войдите!

Дверь открывается. Заходит Лена-почтальон.

Лена. Помогите! Замерзнет ведь на улице.

Втроем они затаскивают в квартиру Леонида Стреляного.

Сажают его на высокий стул.

Иванов. Девчонки, прогуляйтесь. Попробую очередной

сеанс сразу по Чумаку и Кашпировскому провести.

Лена и Анна Полякова уходят. Иванов пытается усадить прямо Стреляного, тот норовит сползти, упасть со стула.

Стреляный. Старпом! Тащ кап-два! Витька! Плесни шила полбанки. Я Мишу Минакова помянуть хочу!

Поляков. Ты, Леня, свою пьянку другом погибшим не прикрывай! Поганое это дело. Лучше меня послушай.

Стреляный. Угу! Вещай! (*Снова пытается сползти на пол.*)

Иванов трясет его, усаживает прямо.

Иванов. Смирно!

Стреляный выпрямляется на стуле.

Иванов. Насчет тебя с начальниками поговорил.

Стреляный. Да съехал я с квартиры! Найду, где жить. Пусть успокоятся. Ничего мне от них не надо! Найду, где лечь... где сесть... что одеть. Не смотри, что штаны грязные. Джинсы Монтана, как мечтал когда-то. Это что, меня опять на этот трон усадили?

Стреляный сползает на пол, ногой толкает от себя стул.

Иванов. Хоть и леж, но выслушай. Диплом у тебя есть, если мозги окончательно не пропил, иди гражданским моряком на вспомогательный флот. Ты же судоводитель, поработаешь, навыки восстановишь, экзамены сдашь.

Стреляный (*усмехается и напевает*). На буксир или шаланду? Шаланду полную снарядов, в Полярный Леня приводил. И офицеры все вставали, когда в пивную он входил...

Иванов. Извини! Чем богаты. Не только подлодки и крейсера, лайнер Вацлав Воровский, который на Гремиху ходил, списали. Да и тебе надо в себя

прийти, чтобы руки на руле не дрожали. Я за тебя поручусь, только с бутылкой завяжи, а то свою жизнь окончательно погубишь и меня подведешь. Понимаешь, иначе просто загнешься. Замерзнешь под забором!

Стреляный. Загнусь? Ну и пусть! Ради чего мне жить?

Иванов. Гражданские морячки со вспомогательного флота по загранконторам разбежались, место тебе найдем. Начнешь жизнь заново, с четвертого помощника на буксире. Продержишься – на большие суда переберешься. В ту же загранку ходить будешь...

Леонид Стреляный поворачивается на бок и храпит.

Иванов. Тьфу! Я хожу, прошу за него, ручаюсь, речи перед ним толкаю, а он дрыхнет! Ну и пропадай, раз сам так решил, что я нянька?!

Заходит Света Иванова с большой коробкой.

Иванов. Опять макароны?!

Иванова. Сам же сказал, что переезжаем. Коробку пустую в магазине взяла. Еще одну Лена с почты обещала принести.

Иванов. Думал контейнер заказывать.

Иванова. Не нажили мы с тобой на контейнер. Мебель казенная, одежда военная. Прикинула: мое и сына сюда все войдет. Чемодан, сумка. Книги. Белье. Вилки-ложки.

Иванов. А сервиз? На шесть персон? Тридцать шесть предметов? С цветочками и золотой каймой? Они же теперь себя снова императорским фарфоровым заводом называют. Слушай, главная наша нажитая ценность – подарок на свадьбу. Где он?

Иванова. Под кроватью наша ценность пятнадцать лет пылится, так и не распакованная.

Иванов. Мне по секрету шепнули, чтобы после перевода сразу на командира корабля готовился. Как на мостике хозяином стану – распакуем, отметим это дело...

Иванова. Отметим разом командира боевой части... помощника... старпома... рождение детей, все что на потом откладывали. Пошли в магазин, попросим еще пустую коробку, на перспективу. Вдруг разбогатеет.

Ивановы уходят. Стреляный остается на полу. Поворачивается, дотягивается рукой до тумбочки, открывает ее и достает бутылку водки, срывает пробку. Приходит Лена-почтальон.

Приносит пустую коробку. На плече почтовая сумка.

Стреляный. Лена! Ты одна – человек! Всегда выслушаешь. Жизни не учишь. Остальные только нотации читают, а сами через меня... как через предмет... перешагивают. Еще немного и ноги вытирать будут.

Лена. Ты, Ленечка, не валяйся. Тогда через тебя перешагивать не будут.

Стреляный. Тогда помоги встать. Помогите встать! *(Кричит.)* Ну помоги...

Лена протягивает ему руку, пытается помочь ему подняться.

Леонид силой тянет ее к себе.

Стреляный. Иди сюда! Мы вдвоем, в квартире никого. Вижу же, что вокруг меня ходишь!

Лена вырывается, дает ему одну за одной две пощечины.

Лена. Тебе, пьянь! За всех баб несчастных, брошенных, одиноких. Горе у него – один и без пенсии остался! Мужик в тридцать пять лет без пенсии! Ты знаешь, что такое одной в двадцать лет с ребенком остаться?! Когда

зимой, каждый день первая в гарнизоне встаешь. В шесть утра в пургу, в мороз с телеграммами, письмами каждый дом обойти. Горе у него?! Что ты о горе знаешь?! Что же мне, когда муж погиб, спиться надо было? Ребенка в детдом сдать? Но я же слабая, потому тяну на себе дом, ребенка, зубы стиснула и тяну, а ты? Ты сильный? Ты мужик? Так что ж ты квасишь с утра до вечера?!

Стреляный. Ради чего мне жить? Меня жена бросила! Все забрала. Квартиру! Дачу! Машину! Все, что за годы в морях нажил, псу под хвост!

Лена. Пожалеть тебя? Нюня! Потому и бросила! Права твоя Нинка, хоть и дрянь! Она не от мужика, не от офицера – от слабака ушла! Ты сам это доказал! Да ты бы раньше спился, если бы тебя в кулаке и за шкирку не держали! Ради чего жить?! Ради барахла? Ради шмоток и квартир, что ли? А ты не ради чего, ты ищи ради кого жить!

Стреляный. Лена!..

Лена. Видеть тебя, морду твою пьяную не хочу! Люблю, а не хочу! Тебе руку протянешь, как спасательный круг, душу откроешь, а ты в нее с бутылкой. Вот с ней и живи!

Она толкает к нему ногой бутылку и убегает. Сумка почтальона остается на полу. Леонид Стреляный поднимается, смотрит на бутылку, потом долго на себя в зеркало. Застегивает и снова расстегивает воротник рубашки. Стаскивает ее, остается в тельняшке, смотрит на воротничок рубашки и кидает ее в угол. Открывается дверь, заходит Виктор Иванов с коробкой в руках и Света Иванова.

Стреляный. Витя! У тебя одеколон есть?

Виктор Иванов видит бутылку рядом с ним, морщится, хочет обойти его. Стреляный поднимает бутылку и с размаху швыряет её об стену. Бутылка разбивается.

Стреляный. Бритва, одеколон. Рубашка свежая. Вспомогательный флот, ты говорил? С первой зарплаты – отдам.

Света Иванова достаёт рубашку из шкафа, падает на пол полка. Отдает рубашку Стреляному. Стреляный берет рубашку, поднимает с пола сумку почтальона.

Стреляный. Лена, не видели, в какую сторону пошла?

Леонид Стреляный уходит. В квартиру приходят Сергей и Анна Поляковы. Виктор и Светлана Ивановы укладывают вещи в коробки.

Поляков (берет книги из стопки, читает названия). Валентин Пикуль. «Из тупика», «Нечистая сила». Актуальнее некуда. Все книги и книги. Немного у вас вещей.

Иванов. Не накопили. Ничего. Голому собраться, только подпоясаться.

Поляков (подаёт книгу). По нынешним временам, что голый, что военный. Вот еще от меня положи: «Честь имею».

Полякова. Всё хотелось отдельную квартиру получить, теперь все разъехались, она сама собой отдельной стала.

Иванова. Нам на новом месте обживаться. Витя сразу в поход уходит.

Поляков. Куда на этот раз?

Иванов. В Арктику. Под лед нырнем, а дальше и сами не знаем.

Полякова. Как Леню на мостике буксира вижу, сразу

Нинку Стреляную вспоминаю. Ведь это она сказала: страна трещит, а вы поход за походом. Зачем?

Иванов. Трещит страна, ты права. Где-то голодают, где-то от тоски воют. Заводы встали. Все только торгуют. Воруют и торгуют. А мы в море идем. Сам не знаю зачем. На что учились.

Поляков. Может им в глубинке России, и надо знать, что есть еще флот, на ком-то держится. В море выйти может.

Иванов. Все равно тяжело. Нас учили: врага определил по шуму, по пеленгу, по спутнику. Оружие навел, уничтожил. А сегодня, где враг – не пойму. Как медуза. Вроде он. Схватил, руками сжал, а он как вода, между пальцами. И только жжет так, что с рук не смыть. И все ведь, кто вчера врагами был, теперь кричат, что они друзья.

Поляков. От таких друзей... лучшее средство ядерная боеголовка. Чтобы спала в шахте, и они об этом помнили. Ничего, с трехлинейками Россию отстояли, а с атомным флотом...

Иванов. Думаешь? А где-нибудь в глубинке услышат про наши походы и скажут: сволочи, нам жрать нечего, а они по морям шастают. Чем солярку жечь, лучше нам ее на отопление, провизию на еду детям.

Полякова (у окна). Смотрите! Корабль уходит!

Все подходят к окну.

Иванова. Почему без флага?

Иванов. Потому что навсегда уходит. На разделку потащили. На металлолом. На иголки. Еще один крейсер на сникерсы поменяли.

Поляков. Не старый же корабль! Вот тебе и походы.

На чем, Витя, в море ходить будем? Будто тебя самого на разделку тащат. Неужели и нас завтра... Неужели никому это не нужно?

Иванов. И на пирсе никого. Все втихую! Я же говорю. Медузы тихой сапой работают. Пойдем, что ли, хоть мы проводим. На пирсе постоим. Раз никому это больше не нужно.

Все уходят. На стене работает радиоточка. Тихо играет музыка. Потом начинается передача новостей: Морской тральщик был заложен в 1990 году на Средне-Невском судостроительном заводе и почти достроен, когда из-за хронического недофинансирования было решено пустить его как многие другие корабли на металлолом. И тогда общероссийским движением поддержки флота, ветеранами была выдвинута идея достройки корабля за счет народных средств. На призыв откликнулись десятки тысяч людей со всей страны. Рабочие и инженеры, врачи и учителя, школьники и пенсионеры перечисляли, кто сколько мог, на достройку корабля. Собранные деньги помогли завершить строительство тральщика. Сегодня он спущен на воду и под именем «Валентин Пикуль» пополнит состав военно-морского флота России.

Картина 9

В квартире Анна Полякова. Кто-то требовательно стучит в дверь. Анна открывает ее. На пороге Виктор Иванов в форме капитана первого ранга.

Иванов. Разрешите? Зайти. Тебя поцеловать, Серегу обнять. Или наоборот?

Полякова. Витя, заходи! Как снег на голову! Что ж ты за столько лет к нам ни разу не заехал? Где пропадал?

Иванов (*стряхивает снег с фуражки*). Все в морях. Где еще нам пропадать? Снова на учебу ездил. В столице пожили. Где Серега?

Полякова. В штаб срочно посыльным вызвали, должен скоро вернуться. Ты садись, сейчас чайник поставлю. Надолго к нам?

Иванов. Дня на три. Боезапас выгрузим. И дальше пойдём, на завод.

Полякова. Не на разделку?

Иванов. На ремонт. Ресурс восстановим. Нам еще ходить и ходить. Вся Атлантика, как раньше, наша будет. Серега-то как? Двадцать пять календарей есть. Увольняться не думает?

Полякова. Куда там! Хорохорится все. Я, говорит, только теперь все знаю и все умею. Доктор очки выписал, только в кармане их и носит. Как Аня, дети?

Иванов. Дети выросли, на материке. Света к ним самолетом отправилась. Ну а я своим ходом до Кронштадта вокруг Европы.

За дверью слышен шум. В дверь заходит мичман с повязкой «патруль».

Мичман. Товарищ капитан первого ранга! Разрешите доложить? Диверсанта поймали! Иностранец, в чужой форме. Русским языком владеет. Высадился на берег с катера под панамским флагом. Пытался убежать.

Иванов. С какого катера? Что за панамский диверсант в Арктике? В комендатуру его! Не в квартиру же.

Мичман. Товарищ капитан первого ранга! Задержанный узнал, что патруль с корабля капитана первого ранга Иванова и сказал, что вы здесь. Попросил сюда доставить для разбора.

Иванов. Ввести задержанного!

Мичман (в дверь). Патруль! Ввести задержанного!

Вводят Леонида Стреляного в иностранной форме гражданского моряка, с руками за спиной.

Иванов. Леня! Ты что ли, иностранный диверсант?! Патруль свободен!

Мичман. Товарищ капитан первого ранга!..

Иванов. Патруль свободен!.. Сами допросим диверсанта и, если надо, прямо здесь расстреляем.

Мичман уходит.

Стреляный. Разрешите арестованному присесть? Ну, вообще, служба режима в гарнизоне на высоте! Патруль за мной по мосту бежал, как двадцать лет назад. Был бы моложе, фиг бы догнали.

Иванова. Леня! Садись за стол. Может, тебе налить за встречу?

Стреляный. Только чай.

Иванов. Ты нам чаем зубы не заговаривай! Что за форма на тебе? Почему такой загорелый? Цель высадки с иностранного катера?

Стреляный. Витька, перестань! Цель – вас повидать. Привет передать от Лены. Хожу теперь под иностранным флагом. Пять лет на вспомогательных судах отработал, международный рабочий диплом сделал и перешел на загрансуда. Северный флот нас и зафрахтовал. Зашли на несколько дней, а границу нам так и не открыли. Ну и решил по-тихому высадиться на берег, к вам в гости зайти. Серега где? Остальные все наши?

Полякова. Мой скоро подойдет. Грицевичи еще при

тебе уволились, домой на Черное море перебрались. Оля Минакова после гибели Миши домой под Вологду уехала, как в воду канула.

Иванов. Коля Грицевич теперь моря бизнеса бороздит, два раза в них тонул, три раза горел, но все еще на плаву.

Иванова. Сами-то вы как? Как Лена?

Стреляный. У нас уже детей двое, а с Ленкиной пацанкой трое. Так что ей есть чем заняться. Дом в средней полосе купили. Какой там лес!.. А земля...

Иванова. Пойду, чайник поставлю.

Света Иванова уходит.

Иванов. Леня, сам-то доволен? Как оно под чужим флагом? (*Считает полоски на рукаве его кителя*). Раз-два-три-четыре! Ты на своем корыте в какой должности? Я в гражданских нашивках не разбираюсь. По полоскам – капитан второго ранга, а фуражка, как у салаги, будто посидел на ней кто-то!

Стреляный. Пока старпом. Чиф. Дальше видно будет. Зарплата, если в рубли перевести... Ладно, расстраивать вас не буду. Одно скажу, каждую копейку отрабатывать приходится. Но на свой борт в порту летишь по всему миру бизнес-классом. Отдыхаешь – люкс. О ценах можешь не думать. Прилетишь, снимешь виллу, порш-кайен возьмешь в аренду и на нем рассекаешь...

Иванов. Не скучаешь по настоящему флоту?

Стреляный. Это еще какой флот настоящий? Вы, вояки, на три месяца в море сходили – и сразу у вас «дальний океанский поход», значки на грудь! Оркестр на причале наяривает, цветы, свинья визжит. А как вам десять месяцев в морях и два в отпуске? Я за три года первый

раз в родном порту! Да еще и на берег только тайком сойдешь.

Иванов. Слушай, а ведь ты теперь, если адмирал заходит, можешь и не вставать?

Стреляный. Могу, но встаю.

Иванов. Говоришь, жизнь-люкс, зарплата в валюте, рассекаешь на порше-кайен, а за три года первый раз в родном порту?

Стреляный. Да, в отличие от военных кораблей, гражданские суда на месте не стоят, деньги не тратят, а зарабатывают.

Иванов. Но это невозможно! За три года первый раз в родном порту!

Стреляный. Невозможно? Тебе карту с заходами показать?

Иванов. Невозможно двоих детей иметь в средней полосе России, если по три года дома не появляться!

Стреляный. Что?! Ко мне Лена в Италию и Грецию прилетала. (*Достает и показывает какие-то бумаги.*) Отдыхали на Мальте и в Доминикане. У меня даже билеты ее остались!

Иванов (*встает*). Видишь – сам не уверен, билеты с собой носишь!

Стреляный (*вскакивает*). Что?! А ну стой!.. Я не посмотрю, что ты капитан первого ранга!

Иванов (*смеясь*) *выбегает, Стреляный бросается следом. Из-за двери слышен крик: Патруль! Ко мне! Панамский диверсант напал на командира атомного ракетного крейсера! В комнату с чайником заходит Анна Полякова, растерянно смотрит вокруг. В квартиру заходит Сергей Поляков в форме капитана второго ранга.*

Поляков. Аня! Я с ума сошел! Иду домой, по другой стороне улицы бежит вроде Витька Иванов, кап-раз, как и положено, а следом иностранец, форма чужая, но вроде Ленька Стреляный. Только загорелый очень. Потом в сугроб упали и барахтаются там, как, ну, максимум, старшие лейтенанты. Пока за очками полез, пока их на нос нацепил, их и след простыл.

Полякова. Не обознался, они. Сейчас набегаются и вернуться.

Поляков. Значит, точно Витька Иванов! Отлично! Главное, вовремя. Сегодня я ему нос натяну! Давай-ка мне стул!

Полякова. Какой еще стул? Ужинать будешь или Витю с Леной дождемся?

Поляков. Какой стул? Тот самый. Вечно он завален. *(Снимает со стула одежду.)* Ужин? Да, если не макароны! Ну, предпоследний прыжок. Но сначала повторим.

Сергей Поляков начинает прыгать через стул.

Поляков. Командира группы прошел! Командира боевой части прошел. Помощника прошел! Старпома прошел...

Полков спотыкается.

Полякова. Подожди-подожди! Чего это ты распрыгался, как молодой? Не лейтенант ведь!

Поляков. Сейчас, с силами соберусь. *(Снова готовится прыгать.)* Старпома прошел! Иванова догнал!

Полякова. Подожди! Ну-ка, сядь. Посиди! Расскажи толком.

Поляков *(тяжело дыша садится).* Чего подожди? Чего

еще ждать? Представление на командира корабля на меня подписали! Столько лет ждал, корабли пилили, должности сокращали, а я все ждал, служил, верил, что когда-то...

Сергей Поляков встает, хочет перепрыгнуть стул.

Полякова. Сережа, погоди. Лучше сядь и подумай.

Поляков (*садится*). Ты не поняла, мать, еще неделя или две и я – командир корабля. Сбылось! Эх! Медкомиссию как-нибудь проскочить! Через месяц капитана первого ранга получу, а там...

Поляков поднимается и снова хочет прыгать. Жена его останавливает и силой сажает на стул.

Полякова. Что там? Я тебя сейчас реже чем лейтенантом вижу, а командиром станешь?

Поляков (*встает*). Потерпи!..

Полякова. Сядь! Я двадцать пять лет терплю. У дочери в институте не все ладно. Сын в Нахимовском, только на каникулах и видим. Они в городе, на бабушке с дедушкой, а мы здесь. Сережа! Станешь командиром, что дальше? Корабль твой не в первой линии. Другими кораблями офицеры моложе тебя командуют. Им и дальше идти. Корабли ваши, когда резали, из флотилий дивизии, из дивизий бригады сделали – адмиральских должностей не стало. И твой ведь корабль не сегодня – завтра списать могут, что тогда?

Сергей Поляков садится на стул.

Поляков. Что же мне, отказываться и увольняться?

Полякова. Зачем увольняться? Переводись, всю службу на севере, давно пора на материк выбираться: в училище преподавателем, в научный институт. Сколько лет уже,

капитан второго ранга, а все прыгаешь, как... лейтенант.

Поляков (*пытается встать*). Да я еще могу!..

Полякова (*останавливает его*). Конечно, можешь! Ты самый лучший, самый сильный... В большом городе – ты диссертацию хотел защитить, материалы собрал, все времени не было, переведешься, тогда и напишешь, спокойно в кабинете.

Поляков. Мать, корабли на верфях заложены, несколько лет, и они на флот придут. Мест всем хватит.

Полякова. Правильно, вот на эти корабли офицеров и надо готовить, кто это делать будет? Теперь, когда ты все знаешь и все умеешь!

Поляков. Куда мы с Севера поедем? У нас же нигде угла своего нет. Под пятьдесят лет с нуля начинать? Снова в общежитие?

Полякова. Ничего, Сережа! Не в первый раз. Подождем, потерпим, и все выправится...

Картина 10

В квартиру заходят Света Иванова и Виктор Иванов в форме контр-адмирала. На стене портрет верховного главнокомандующего в военно-морской форме.

Иванов. Смотри-ка, нашу первую квартиру отремонтировали. Стеклопакеты, отопление провели, горячую воду, мы о таком только мечтали. Ортопедические матрасы где? Заказывали, должны были привезти. Мы с тобой об ортопедических матрасах и не знали.

Иванова. Мы о многом тогда не знали.

Иванов. О чем ты?

Иванова. Что по миру можно поездить, миллионером

стать. Вот ты адмирал. А кто тебя кроме как на флоте знает? Все эти годы у Америки под боком ходил, а сам в ней ни разу не был.

Иванов. В Академии Генштаба учился, на прием дипломатический отправили, американская делегация приезжала. Велели по гражданке прийти. Костюм напрокат взял, галстук одолжил полосатый. Американцы со мной здороваются. Спросил: разве мы знакомы? Отвечают: конечно! Вы командовали такой-то подводной лодкой. Знают нас в Америке. Не волнуйся.

Иванова. Я о другом. Мы мечтали, чтобы хоть какое-то жильё досталось, комната, а не койка в общежитии, чтобы с женой было, где жить, место ребенку в садике получить...

Слышны три звонка за окном.

Иванов (*смотрит на часы*). С утра первыми на корабли командиры прибывают.

Иванова. О машине стиральной хоть одной на всех, о посудомоечной, даже, не знали...

Иванов. Не надо было мечтать об ерунде.

Иванова. Вам ерунда. Даже, когда не в походе, несколько раз за неделю с корабля сойти. Дома все вымыто, выстирано и выглажено. Дети чистые накормленные. Ужин тебя всегда ждет. Вы и не понимали, как нам это давалось. В очередях стоять, работать и дом тянуть. А сегодня, даже не знаю, о чем сегодня молодым мечтать на севере?

Иванов. Им мечтать надо, чтобы место на корабле досталось. Видишь, тогда было кораблей много, а быт никакой, сегодня наоборот. Нет совершенства.

За окном звучат четыре звонка.

Иванов. Флагманские с утра на корабли подтянулись. Тихо, как в доме, пусто. Эх! Давай, как двадцать пять лет назад. Торт сделаем в виде подводной лодки! Соберемся все за этим столом. Достанем, наконец, сервиз из коробки!

Иванова. Кого мы позовем? Одни мы здесь остались. Из тех, кто с нами приехал, никого уже на севере нет. Все на большой земле – это мы задержались. Леня Стреляный под чужим флагом капитанит. Сережа Поляков в отставке, до сих пор в училище преподает. Оля Минакова, пропала, как в воду канула, про Нину Стреляную и вспоминать не хочу. Так что придется нам торт с тобой вдвоем съесть. Хочешь, небольшой испеку?

Иванов. Не надо, все равно мне сладкого нельзя.

Иванова. И соленого.

Иванов. И соленого.

Иванова. И жареного...

Иванов. Ничего нельзя. Стоять только у окна и на море смотреть, на корабли.

За окном раздаются пять звонков.

Иванов. Пять звонков – это же я?!

Адмирал подходит к окну, пытается высмотреть что-то за ним. За окном раздаются шесть звонков.

Иванов. Что такое? Командующий флотом в командировке. Главком в отпуске. Министр, что ли, приехал? Вот напасть...

Иванова. Побежишь на службу?

Иванов. Зачем бежать? Это же наш министр отечественный, не вражеский.

Иванова. Не станешь ты, Витя, министром.

Иванов. Тридцать лет назад в этой комнате мне задачу поставили, я ее выполнил. А на большее – надо было тогда и загадывать.

Иванова. Стул тот уцелел. Помнишь, как лейтенантами прыгали через него? Ты уже и не сможешь, наверно?

Иванов. Зачем?

Иванова. Добился своего, можешь не прыгать, просто садись.

Иванов. Не хочу. Никогда его не любил. Жесткий он какой-то. Пусть молодым остается.

За окном раздаются семь звонков.

Иванов (*подходит к портрету главнокомандующего*).
Не, не может быть!

Иванов снова подходит к окну, пытается что-то высмотреть. В квартиру вбегает офицер в форме капитана первого ранга.

Капитан первого ранга. Товарищ адмирал! Разрешите доложить?! У нас ЧП! Дежурный с ума сошел!

Иванов. Я уже понял.

Капитан первого ранга. Говорит, гарнизон проверял, увидел: стая офицеров летит.

Иванов. Куда летит? Какая стая?

Капитан первого ранга. Привиделось ему, что один в белом – вожак, а за ним трое в черном. Говорит: летели норд-норд-вест, потом повернули на вест-зюйд-вест, а дальше поворот на зюйд и скрылись.

Иванов. На юг, значит.

Капитан первого ранга. Дежурный пытался ПВО по тревоге поднять. Еле от звонка оторвали.

Иванов. Внизу моя машина, в госпиталь его отвезите.

Капитан первого ранга убегает. Слышен звук отъезжающей

машины. Адмирал смотрит в окно.

Иванов. Вот напасть, капитан второго ранга с ума сошел. Где теперь ему новую должность искать?

Иванов включает радиоточку на стене. Радиоточка: – корабли Северного флота в минувшем году совершили десятки походов. В годы войны и мирное время с честью несли флаг военно-морского флота на всех океанах. Сегодня на флот приходят новые корабли. На их борту имена тех, кто служил здесь когда-то. Чьи имена неразрывно связаны с флотом. Иванов выключает радиоточку.

Иванов. Корабли новые приходят. Служить бы и служить. Но сами историей становимся.

Иванова. А наших имен на них нет?

Иванов. Чьих наших?

Иванова. Жен.

Иванов. Корвет – жена адмирала? Не смехи.

Иванова. Почему адмирала? Жена офицера, мичмана, тех, кто здесь все эти годы с вами, летом и зимой, ночью полярной, у окна ждал вас. Думая, как у вас в море, не случилось ли чего? Поставили памятники матросам и офицерам, флотоводцам. А женам их, которые все эти годы с ними рядом, ну хоть небольшой... И написать на нем, как мы вам из этого окна сигналили. «Жду, люблю, верю».

Иванов. Озадачила ты меня. Памятник. Считай, что они общие. Мы же вместе.

Иванова. Орденов нам не положено, но куда мы без вас. Оля Минакова говорила, как ниточка за иглолочкой.

Иванов. Родное все здесь. В какую часть ни приедешь, тебе докладывают. Рука у козырька фуражки, а сам думаешь: здесь «Курск» стоял, отсюда «Комсомолец»

уходил. Дорога поворачивает, машина притормозит, вспоминаешь: на этом месте Миша Минаков погиб. Вся жизнь здесь прошла. Может, и нам надо было, как Коле Грицевичу, еще пятнадцать лет назад отсюда уехать?

Иванова. В Севастополе отдыхала, к Оксане в гости ходила. Все у них хорошо. Коля солидный бизнесмен, машина больше чем та, которая тебя возит. Приехал – меня увидел, откуда-то форму достал. Медаль у него за Крым. Весь вечер в кителе и просидел. Хоть теперь тот и не застегивается на нем. Все у них замечательно. Фото на телевизор вывел. Они в Таиланде, на Мальдивах, Франция, Англия, а потом говорит: назад была бы возможность вернуться – не глядя. Здесь лучшие годы прошли.

Иванов. Выходит, мы самые счастливые?

Иванова. Горькое какое-то счастье, нет, не горькое, а соленое. В Петербурге у Поляковых погостила. Сергей на пенсии давно, а все преподает, защитился. Доцент. Бороду отпустил. Солидный, в очках и с бородой. В Москве Нину Стреляную видела.

Иванов. Ты и к ней в гости ходила?!

Иванова. На плакате красуется. Общественный деятель, избирается куда-то или деньги на что-то клянчит. Пишет, что как жена офицера-подводника тяжелую жизнь в гарнизонах знает не понаслышке.

Иванов. Никак не успокоится.

Иванова. Назад в поезде с лейтенантами ехала. Разговоры их с женами послушала. Денег на северах или Дальнем Востоке намолотить, в ипотеку квартиру в Москве или Петербурге построить, пенсию выслужить и уволиться. А жены... штаны рваные, сами разукрашены.

Иванов. Что же им, как вы когда-то, форменное сукно на юбки кроить?

За окном на кораблях бьют склянки.

Иванова. Склянки бьют. Думаешь, они часы отбивают, а они годы бьют.

В комнату вбегают капитан первого ранга. Он держится за сердце, фуражка в руке.

Капитан первого ранга. Товарищ адмирал! Видел их!

Иванов. Кого?

Капитан первого ранга. Офицеров летящих. Стаю. Летят. Точнее плывут. Как ангелы. Первый в парадке. В белом и золотом – руки в белых перчатках вперед вытянул, замер и над землей летит, остальные следом. Руками взмахнет, и остальные тогда взмахнут. Ноги не двигаются, а над землей несутся. По аллее нашей за кустами, мимо меня пролетали – откозыряли, ну и я поприветствовал в беспамятстве. Фуражку зачем-то снял, перекрестился. Свят-свят-свят! Они стаей поворачивают к штабу, из-за кустов показались – смотрю, а они на колесах едут! Колесо такое – встанешь и катишься, и, если не видно, словно летят, низенько-низенько. А я стою, как дурак, фуражка в руке и крещусь. Но как колеса эти увидел, фуражку на голову. Кричу: «Стой! Смирно! Ко мне!» Куда там... Побежал за ними. Зацепился за что-то. Упал, а их и след простыл.

Иванов. Дожили, мой замполит крестится.

Капитан первого ранга. Нет давно замполитов, товарищ адмирал. С прошлого века. Им креститься было нельзя. А заму нынешнему даже положено.

Иванов. Ну и зачем ты бежал за ними?

Капитан первого ранга. Сам не знаю. Ох! (*Хватается за бок.*) Кажется ребро сломал! Товарищ адмирал! Разрешите в госпиталь? Пусть меня посмотрят и дежурного нашего надо выручать, а то оприходуют его доктора.

Иванов. Мою машину возьми, она сегодня, как Скорая помощь. Не на колесе же. Скажи еще, ты же все знаешь, мы с женой поспорили. Офицеры молодые, лейтенанты, они хуже нас или лучше?

Капитан первого ранга. Ой не знаю, не знаю я ничего, товарищ адмирал!

Иванов. Ладно, иди. Наконец-то ты хоть что-то не знаешь. Машину сразу назад отправь.

Капитан первого ранга уходит.

Иванов. Снова ждать. Не уйти нам отсюда. Мечтали здесь когда-то. Дома остаться вдвоем, чтобы никаких тревог, никто тебя не вызывал. Года бы, как этот китель, сбросить.

Адмирал снимает и вешает в шкаф китель, бросается на кровать, качается.

Иванов. Кровать с панцирной сеткой! Рекламная компания. Помнишь, как нас сюда завлекали?

Иванова. Они не лучше и не хуже. Просто другие. И едут на север так же, как мы когда-то. Чайник поставлю, похозяйничаю, как раньше.

Иванова уходит. Открывается дверь. В комнату на моноколесе въезжает лейтенант в белой парадной форме. Следом заходит девушка, джинсы с дырками на коленях, волосы выкрашены в разные цвета, она катит чемодан на колесах.

Лейтенант. Все, отъездился, села батарея. (*Спрыгивает*

с колеса). Дед! Мне сказали, квартира свободна, можно заселяться.

Иванов. Вожак прибыл! Заселяйся. Чего рано приехал? После выпуска из училища месяц отпуска.

Лейтенант. В плавсоставе мест мало, на корабли только первые попадут. Остальные на корабли отстоя или на берегу будут новых кораблей дожидаться.

Иванов. Тебя как зовут-то, хитрюга?

Лейтенант. Миша.

Адмирал достает и надевает китель

Лейтенант. Товарищ адмирал, лейтенант Минаков!

Иванов. Михаил Михайлович?

Лейтенант. Так точно! Откуда вы знаете? Товарищ адмирал, разрешите на лодку?

Иванов. Разрешаю.

Лейтенант. На атомную?

Иванов. На атомную!

Лейтенант. В первую линию?

Иванов. В первую линию!

Лейтенант. На лучшую?

Иванов. На лучшую!

Лейтенант. Вот здорово! Мне говорили, что это только если повезет, или если за тебя попросят.

Иванов. За тебя попросили.

Заходит Света Иванова с чайником. Подходит вплотную и рассматривает лейтенанта, трогает его.

Иванова. За тебя двадцать лет тому назад попросили.

Открывается дверь, в комнату вваливаются три лейтенанта, за ними заходят три девушки. Лейтенанты видят адмирала, строятся и встают по стойке смирно.

Иванов. Наигрались напоследок? Игрушки отставить, в повседневное переодеться и шагом марш на корабли!

Адмирал и лейтенанты уходят. Девушки осматривают квартиру и переговариваются.

Девушки. Интересно, здесь есть вай фай?.. мама с утра в чате покоя не дает... Бабушка с собой сервиз сунула, зачем мы его потащили... Ой! У нас камин! Надо дров где-то достать...

Иванова. Вы проходите. Располагайтесь. Печь давно не топили. Как газ и горячую воду провели. Вот шкаф, кладите вещи. Осторожно, в нем полка падает.

Девушки расходятся по комнатам, слышно, как падает полка, потом они возвращаются в центральную комнату.

Иванова. Пока мужья на службе, я вам городок покажу. Он небольшой, но все, что нужно для жизни, в нем есть.

Минакова (с вологодским говором). Как же я уйду? Только до магазина за продуктами и обратно. Мы зарплату получили, у нас дома ни у кого такой нет.

Одна из девушек. Богатыми будем.

Иванова. Если выдержите, обязательно будете, только по-другому.

Одна из девушек. Мужья вернутся, надо ужин приготовить.

За окном слышны команды, отдающиеся при швартовке (Швартовой группе прибыть на стенку... убрать трап... отдать кормовой... отдать носовой...)

Иванова. Не торопитесь, если лейтенанты на корабли ушли – это надолго.

Одна из девушек. До вечера?

Иванова. До вечера, только никогда не знаешь, до какого.

Девушка у окна. Смотрите! Корабли в море уходят, что-то сигналият.

Третья девушка. Уходят? А нам как же?

Иванова. Надо погасить свет, встать у окна. Дай свою руку. (*Берет руку жены Минакова в свою. Гаснет свет*). Здесь на обоях остались слова азбукой Морзе. Пока видите огонек в море – сигнальте: «Жду-люблю-верю».

Иванова передает слова сигналами света. Бьют склянки.

Занавес

Готовится к выходу сборник «Плечом к плечу», который стал итогом одноименного творческого конкурса, проведенного Гильдией драматургов России совместно с Фондом Русский мир. Идея проведения конкурса родилась в те исторические дни, когда 30 сентября 2022 г. Президентом РФ В. В. Путиным были подписаны документы о признании Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей и включение их в состав Российской Федерации.

Мечта людей, отстаивших свое право быть единым народом России, стала реальностью. Творчески она воплотилась в форме очерка, рассказа, поэтических и драматургических произведений, а также детских рисунков. За каждой работой, присланной на конкурс, стоит судьба его автора, порой трагическая. Но в то же время, в работах не было уныния, душевной слабости. Напротив, лейтмотивом конкурса стала вера в победу, в единство, и народную силу, которые составляют мощь нашей Родины – России.

Юрий ЛОМОВЦЕВ

*сценарист, прозаик,
драматург,
Лауреат премии
им. А.К Толстого,
Санкт-Петербург.*

ТРЕВОГА

пьеса в 2-х действиях, двенадцати эпизодах

Действующие лица

Эдуард Серафимов, *поэт*

Ксюха, *любовница поэта, фрилансер*

Логан, *американский служащий*

Сара, *жена Логана, домохозяйка*

Женя, *отморозок*

Валентина Петровна, *его мать*

Лёлек и Болек, *журналисты информационного агентства «L&B».*

Эльжбета, *старая актриса.*

Тарас, *уклонист*

Оксана, *его подруга*

Катерина Ивановна, *жительница прифронтового района*

Мариша, *ее внучка*

Солдаты

Эта пьеса – результат той тревоги, которая в последнее время стала частью моего существования. Тревоги за судьбы страны, народа, за наших солдат, сражающихся на фронте, за тех, кто попал в жернова войны. Тревога – не страх. Я уверен, мы победим!

Действие первое

Где-то идет война, а где-то продолжается мирная жизнь.

Отдельные эпизоды пьесы возникают из темноты и в темноту погружаются...

Эпизод первый

Квартира поэта Серафимова. Поэт расхаживает по комнате, время от времени заглядывает в ноутбук, который стоит на подоконнике. Серафимов в клетчатых домашних штанах и халате, подпоясанном шнуром с кистями.

Ксюха лежит на диване, укрывшись пледом, и грустно смотрит на него. Она в джинсах и тоненьком свитере.

Серафимов. Тревога. Тревога... Дорога... Порога... Тьфу! Какого порога? (Ксюхе.) Какие еще рифмы есть к слову «тревога»?

Ксюха. Бога.

Серафимов. Не годится. Хотя... «И звезда с звездой говорит?» Нет!.. Ладно. Посмотрю, чего в интернете пишут. (Заглядывает в ноутбук.) Так-так-так, рифмы к слову «тревога»... Залога, итога, безнога, носорога, дога... Дога – это чего?

Ксюха. Не знаю.

Серафимов. Что еще за дога? (Удивленно.) Композитор, что ли?

Ксюха. А есть такой?

Серафимов. Угу. Евгений Дога. Музыку к фильму «Табор уходит в небо» написал.

Ксюха. Название фильма слышала. Композитора – нет.

Серафимов. Естественно! Ты, Ксюха, вообще, как я заметил, ничем не интересуешься!

Ксюха. Тобой интересуюсь.

Серафимов. Ах ты моя маленькая обезьянка! Но причем здесь композитор?.. (*Задумывается.*) Доперло! Это – дога! В смысле, собачка в родительном падеже!

Ксюха. Собачка?

Серафимов. Ну, собака! Дог! Тьфу, разве это рифмы?

Ксюха. Чего ты так разнервничался?

Серафимов. Ты понимаешь, на душе такая тревога...

Ксюха. Ты заиклился, Серафимов.

Серафимов. Заиклился? Ну да... Ты права. А как избавиться от этой тревоги?!

Ксюха. Замени. Ты же поэт...

Серафимов. Тревогу?.. Как это заменить?.. А! Слово заменить! Я тебя понял... (*Заглядывает в ноутбук.*) Так! Синонимы... Синонимы к слову тревога... Забота, смятение, смута... не подходит... Не то, не то, не то... Ахтунг! А это еще что такое? Какой еще ахтунг?!

Ксюха. В смысле, внимание. Ахтунг, ахтунг! Зуг нумер фюнф...

Серафимов (*обалдело*). Чего?

Ксюха. Поезд номер пять... Это я по-немецки.

Серафимов. Ты знаешь по-немецки?

Ксюха. В школе учила.

Серафимов. Ну ни фига! Я же в аэропорту слышал... Ахтунг, ахтунг! Еще в кино.

Ксюха. Ахтунг, ахтунг! Партизанен гебен ауф!

Серафимов. Чего?!

Ксюха. Партизаны сдавайтесь...

Серафимов. Какие партизаны? Кому они должны сдаваться?

Ксюха. Это из какого-то старого советского кино...

Серафимов. Ты смотришь старое советское кино?

Ксюха. Балуюсь иногда. Интересно же...

Серафимов. Не понимаю я вас, молодое поколение...

Ксюха. Я сама себя не понимаю. Что, например, я делаю у тебя? Вопрос... А ты себя понимаешь?

Серафимов. Слушай, не морочь мне голову! И, между прочим, скоро придет жена.

Ксюша. Ой, так не охота подниматься! Только пригрелась.

Серафимов. Ты как кошка.

Ксюха. Я и есть кошка. Можно, я еще чуть-чуть полежу?

Серафимов. А жена?

Ксюха. К тебе всегда ходили мальчики и девочки из твоего Литературного клуба, разве нет? Не подумай, при жене я лежать не стану, буду изображать твою ученицу, заискивать и смотреть тебе в рот.

Серафимов. А потом забудешься и назовешь меня на ты.

Ксюха. Не забудусь! Буду называть тебя только по отчеству – Эдуард Ефимович! Честно!

Серафимов. Нет, Ксюха. Поднимайся. Есть такое слово – надо!

Ксюха. Ладно, встаю. Деньжат не подкинешь?

Серафимов. Снова?

Ксюха. Опять! Я же фрилансер.

Серафимов. Бездельница ты, а не фрилансер! В тумбочке возьми. Только не много.

Ксюша. Угу. (*Открывает ящик тумбочки.*) А все-таки чего ты зациклился на этой тревоге?

Серафимов. Сам не знаю... Тревожно сегодня с самого утра.

Ксюха. Может, на погоду?

Серафимов. Не, не на погоду. С утра смотрю новостные каналы, шастаю в интернете, отыскиваю фронтовые сводки. Соловьев, Юля из Одессы... как ее там... голосок, конечно, резковатый, но неплохо выступает.

Ксюха. Зачем? Ты что сейчас пишешь?

Серафимов. В том-то и дело, что ничего. А хочу написать что-то очень значительное. Про войну. Про Донбасс. Сейчас это главная тема. Самая перспективная. Столько уже людей на этом поднялось! А я туплю! Надо чего-то придумать, на какой-нибудь грант, что ли, подать? Все подают! И получают! Сейчас под эту тему все гранты заточены. В конкурсе каком-нибудь поучаствовать, что ли? Люди на этом пиарятся, фонды создают! Все шевелятся, суетятся! А я торможу, блин! Торможу...

Ксюха. Ты что-то про это знаешь?

Серафимов. Про что?

Ксюха. Про Луганск. Про Донецк. Артемовск. Про войну.

Серафимов. Я ж говорю, с утра новости смотрю!

Ксюха. А рифмы зачем?

Серафимов. Я же поэт! Что-то такое крутится в голове... Вот стою у окна, гляжу на кремлевские звезды,

а на душе тревога за страну, за судьбы родины. А? Как тебе? А там, далеко, идет война... Ну и дальше в этом духе. Не прохиляет?

Ксюха. Не знаю. А почему у тебя окна на кремлевские звезды смотрят? Твои же окна смотрят на администрацию агрокомплекса и свинарник.

Серафимов. Не могу же я про свинарник написать, блин! Поэзия – это искусство создания образов. Забыла, чему я вас в клубе учил? Кремлевские звезды – это сильный образ!

Ксюха. А свинарник – нет? Почему? *(Надевает кроссовки.)*

Серафимов. По качану! Не смеди мои тапочки!

Ксюха. Ладно, я пойду.

Серафимов. Нет уж постой! Ты словно меня осуждаешь! А я тебе объясню. Мне уже за тридцать, глубоко за тридцать. Как говорят в народе – «под сраку лет»! А что у меня есть? Детский литературный клуб «Маяк», три сборника стихов – и все? А я прозвучать хочу! Чтобы все знали – есть такой поэт Эдуард Серафимов! И чтобы уважали!

Ксюха. У тебя есть квартира, жена. Свой бизнес на лесопилке...

Серафимов. Этот бизнес меня уже задолбал! Нельзя жить только ради денег!

Ксюха. Ну не живи ради денег.

Серафимов. Легко сказать! Я не бизнесмен, Ксюха, я – поэт! Понимаешь? Я по призванию – поэт! Ты пойми, поэт – это особое состояние психики, это эманация духовной субстанции!

Ксюха. Ой, только не грузи меня, пожалуйста, Эдик!

Серафимов. Не называй меня Эдиком! Я же просил!

Ксюха. А как? Эдуард Ефимович? Как в клубе «Маяк»?

Серафимов. Ты издеваешься? Называй меня Эд! Эдди. В крайнем случае просто Эдуард!

Ксюха. Хорошо, Эдуард. Так я пойду?

Серафимов. Ты не желаешь меня выслушать? Тебе наплевать?

Ксюша. Ахтунг, ахтунг! Скоро придет жена!

Серафимов (*нервно*). Перестань!

Ксюша. Можешь не провожать. Дорогу знаю. Спасибо за матпомощь. Привет жене. (*Уходит.*)

Серафимов замирает в растерянности. Через какое-то время раздается голос жены: «Эдик! Я пришла! От нас кто-то выходил, или мне показалось?»

Эпизод второй

Типовые апартаменты на последнем этаже высотного здания в Нью-Йорке, которые снимают Сара и Логан.

Логан (*вручает Саре подарочную коробку, и целует ее в щеку*). В честь годовщины нашей свадьбы!

Сара. О Логан!.. (*Разворачивает бумагу.*) Что это, Логан? Блендер?

Логан. Мне надоело смотреть, как ты взбиваешь яйца вилкой.

Сара. Как это мило! Спасибо! (*Целует Логана.*) Твой подарок очень даже может пригодиться! Для детского питания, например.

Логан. Для чего?

Сара. Помнишь, ты говорил, через год можно будет подумать о маленьком бейби?

Логан. Я говорил такое?..

Сара. Да, Логан! Говорил! Ровно год назад, когда мы поженились!

Логан. Это было опрометчиво с моей стороны.

Сара. Но почему?

Логан. Послушай, Сара, сейчас не время даже думать о бейби...

Сара (*явно опечалена*). Но почему?

Логан. Мир на пороге ядерной войны!

Сара. О Логан!.. Это правда?

Логан. Истинная правда. На что ты хочешь обречь нашего бейби?

Сара. Нашего бейби? (*Что-то соображает.*) Но у нас с тобой еще нет бейби!..

Логан. Идиотка! Я говорю про того бейби, которого мы могли бы с тобой завести!

Сара. Я идиотка?

Логан. Прости, прости! Сорвалось... Это от нервов...

Сара. Ты правда считаешь меня идиоткой?

Логан. Конечно, нет. Ты моя умница!..

Сара. Значит, я все-таки не идиотка? Тогда почему?

Логан. Что почему?

Сара (*все более возбуждаясь*). Почему мы не можем завести бейби? Другие пары заводят!

Логан. Идиотка! Ты слышишь меня, или нет? Я же сказал тебе: мир на пороге ядерной войны!

Сара. Ты только что сказал, что я не идиотка! Я запуталась, я не понимаю тебя! Скажи, ведь я не идиотка?

Логан. Нет, ты идиотка! Но я все равно тебя люблю!

Сара. Вот как? Ты любишь идиотку, Логан?

Логан (*нервно тараторит*). Да! Я люблю идиотку! Я полюбил идиотку! Я женился на идиотке! Я прекрасно отдавал себе отчет, что женюсь на идиотке! Но мне было все равно, ты нравилась мне, ты меня устраивала! Все устраивало! Флирт, секс! Твоя глупая рожа, твоя дебильная улыбка! Все меня устраивало! И я действительно думал, что мы родим бейби, и даже не одного! Но ведь тогда я не мог предполагать, как измениться мир, и я не знал, что мне придется говорить с тобой о ядерной войне!

Сара. О Логан! Зачем ты так нервничаешь?

Логан. Я на взводе! Я постоянно об этом думаю! Я постоянно в состоянии тревоги!

Сара. О чем ты тревожишься?

Логан. О судьбах мира! О тебе! О нас с тобой! О нашем счастье!

Сара. Значит, ты меня действительно любишь, Логан?

Логан. Идиотка! Я только что это тебе сказал!

Сара. Ты сказал не про это, ты сказал, что будет ядерная война! С чего ты взял, что она будет?

Логан. С того, что русские сбросят на нас бомбу!

Сара. А зачем им бросать на нас бомбу?

Логан. Затем, что они хотят уничтожить нас! Сара, знай, если придут русские, я покончу с собой! Я выйду на крышу и спрыгну вниз.

Сара. Не пугай меня, Логан. Они не придут.

Логан. Ты совсем не читаешь газет!

Сара. Не читаю. Зато их читаешь ты. Я позволяю тебе делать это за меня!

Логан. Ты даже не смотришь новостную ленту в своем телефоне!

Сара. Очень даже смотрю! И даже выписала из нее рецепт клубничного торта! Хотела сделать тебе сюрприз на день рождения! Только теперь сюрприза уже не получится!

Логан. Почему?

Сара. Идиот! Потому что я уже рассказала тебе о нем, а, значит, это уже не будет сюрприз!

Логан. Послушай, Сара, ты хоть слышала, что сказал сегодня наш президент?

Сара. А зачем мне знать, что говорит этот старый маразматик? Он каждый день несет какую-нибудь чушь.

Логан. Не чушь! От этого зависит, как мы с тобой будем жить дальше!

Сара. Почему я должна думать о нашем дебильном президенте? Какое мне дело до него? У меня хватает забот!

Логан. Но если думать только о клубничном торте, то могут слипнуться мозги!

Сара. Пожалуйста, не кричи на меня, Логан!

Логан (*орет*). Я не кричу!

Сара (*в истерике*). Не кричи на меня, Логан! Не кричи на меня! Не кричи!

Логан. Хорошо. Я обещаю не повышать голос. Давай ужинать!

Из жарочного шкафа начинает идти черный дымок.

Сара. Идиот!

Логан. Я идиот?

Сара. Ты! Посмотри, уже пошел дым!

Логан. Я тоже заметил.

Сара. Пока мы спорили о нашем дебиле президенте, ужин сгорел! (*Выключает жарочный шкаф.*)

Логан. Как сгорел?

Сара. Очень просто! Я отвлеклась и забыла включить таймер!

Логан (*закашлявшись от дыма*). И даже с этим ты не можешь справиться! А я-то думаю, откуда это идет дым!

Сара. Ты видел, что пошел дым, и не выключил жарочный шкаф!?! Кретин!

Логан. Потому что всегда это делала ты! А теперь я остался без ужина, и мне придется жрать сухую курятину в вонючем фастфуде!

Сара. Стоп! Спокойно! (*Старается говорить спокойно.*) Никогда не говори мне под руку о ядерной войне! Хорошо, Логан? А с ужином я что-нибудь придумаю. Ты не останешься голодным.

Логан. Спасибо! Сыт по горло! Тем более, что курицу ты готовишь еще хуже, чем они!

Сара. По-твоему, я плохая хозяйка?! Да?! Сейчас же забери свои слова обратно!

Логан. И не подумаю!

Сара (*швыряет в Логана коробку с блендером*). Ну так забирай свой подарок! И катись в свой вонючий фастфуд!

Логан (*уворачиваясь*). Идиотка! Испортила новую вещь! Я действительно лучше уйду!

Сара. И катись! А если еще раз скажешь, что я плохая хозяйка, я вилкой взобью твои яйца! И нашинкую соломкой твой вонючий отросток! Так и знай!

Логан убегает. Сара бежит следом за ним.

Логан, куда же ты?

Эпизод третий

Современная квартира. На стенах висят, детские рисунки, грамоты в рамочках. Везде где только можно разбросаны детские вещи, игрушки, книжки. В прихожей Женя – огромный детина в замызганной куртке и грязных ботинках. Валентина Петровна, невыразительная женщина лет 60-ти, обнимает его.

Рядом с ними на полу стоит спортивная сумка.

Валентина Петровна. Женечка! Родной! Солнышко мое! *(Покрывает лицо Жени быстрыми поцелуями.)* Радость моя! Сыночек любимый! Нашелся! Вернулся! *(Снова осыпает Женю поцелуями.)*

Женя отталкивает мать.

Все-все-все! Больше не буду! Ну, разве что еще один разочек! *(Обцеловывает Женю.)* Год не видала тебя! *(Снимает с Жени куртку.)* Чем-то курточку запачкал... Я почищу, постираю! *(Становится перед сыном на колени, развязывает шнурки ботинок, снимает их.)* Тапочки надень. *(Принюхивается.)* Носочки не свежие... Я сниму, постираю? *(Снимает носки, надевает Жене на ноги глубокие плюшевые женские тапки в виде ушастых собачек.)* Тапочки твои любимые... Боже мой, какое счастье! Вернулся! Нашелся! *(Встает, хочет взять сумку.)*

Женя. Не тронь!

Валентина Петровна. Что, Женечка? Нельзя?

Женя. Пусть стоит!

Валентина Петровна. Женечка, что же ты так сердисься?

Женя. Отойди!

Валентина Петровна. Уже отошла! Только не сердись,

мой родной! (*Бросается к Жене и осыпает его быстрыми поцелуями.*)

Женя (*отталкивает мать*). Не надо!

Валентина Петровна. Не буду, Женечка, не буду! Где же ты пропадал?! Я от тоски чуть не умерла!...

Женя. Жрать хочу.

Валентина Петровна. Кушать? А я-то, дура, языком чешу! Идем на кухню скорее! Я накормлю тебя!

Валентина Петровна и Женя идут на кухню. Женя садится за стол. Валентина Петровна суетится, достает из холодильника продукты.

Валентина Петровна (*всплеснув руками*). Ай! Ни супа же нет, ни второго... Я, Женечка, для себя одной ничего не готовила. Всухомятку жила. Теперь снова стану готовить! И пирожки твои любимые, и шанежки с творожком! А пока бутербродиков поешь...

Женя. Соку.

Валентина Петровна. Ой!.. Соку нет!.. Сбежать? Я сбегаю! Я мигом! Яблочного? Вишневого? Какого?

Женя. Сиди.

Валентина Петровна. Сижу! (*Намазывает хлеб маслом, нарезает колбасу.*) Где же ты был, мой родной? И как я только без тебя с ума не сошла!

Женя. Тихо! (*Оглядывается по сторонам.*)

Валентина Петровна (*тоже оглядывается по сторонам, шепотом*). Я не допытываюсь. Захочешь – сам расскажешь. Главное, ты вернулся!..

Женя пускает слезу. Валентина Петровна кидается к нему, обнимает, прижимает его голову к груди.

Кто тебя обидел, Женечка? Скажи честно. Я за тебя

кому хочешь глотку перегрызу! Помнишь, Витька в пятом классе тебя поколотил? Так я парням заплатила, они его поймали и так отметелили, что он потом неделю не вставал, и ближе чем на десять метров к тебе подойти боялся! А помнишь, англичанка, дура крашенная, сказала, что ты отморозок и урод? А ты ее слова на телефончик записал. Так я такую веселую жизнь ей устроила! Моего Женечку, моего красавчика уродом назвать! Она прибежала, умоляла скандал не раздувать. А я была непреклонна. Выгнали ее из школы. И поделом!

Женя. Куртку...

Валентина Петровна. Курточку принести? Сейчас.

Валентина Петровна выскакивает в прихожую и возвращается с курткой.

Женя достает из кармана пакет, из пакета – табак, сворачивает самокрутку, закуривает, глубоко затягивается.

Валентина Петровна оцепенело смотрит на него.

Валентина Петровна. Что ты такое куришь, Женечка? Ты раньше только дорогие курил... «Винстон», «Парламент» ...

Женя. Привык...

Женя достает из кармана телефон и в четверть сложенный лист бумаги.

Валентина Петровна. Что это, Женечка?

Женя. Тише!..

Валентина Петровна. Телефончик... Ай, боже мой!.. Ты только не сердись на меня!.. Я и без того себя прокляла!.. Не было у меня тогда денег, чтобы новый айфон тебе купить! Честное слово, не было! Только что

за институт заплатила! А так бы купила!

Женя. Плевать теперь.

Валентина Петровна. Я же всегда тебе всё самое лучшее! Всё, что захочешь! А тогда денег не было.... Но ты тоже хорош, обозвал меня, топнул, дверью хлопнул, сказал, больше домой не вернешься... Я сначала не поверила... *(Плачет.)* Я так тебя ждала! Все сохранила, как при тебе было! Вот грамматика Качаловой на подоконнике, мы по ней к зачету по английскому готовились. А по этому кирпичу мы собирались с тобой сопромат изучить!

Женя. Выкинь...

Валентина Петровна. Учебники? Что ты, Женечка! Зачем выкидывать? Мы с тобой в институте восстановимся! Заплатим – и восстановимся. Чтобы мой Женечка, радость моя, без образования остался?! *(Достает из угла тубус для чертежей.)* Посмотри, я на досуге чертежи сделала, которые нам задавали. Хоть сейчас зачет получай! Так, глядишь, шажок за шажком институт и закончим. *(Хочет открыть тубус.)*

Женя. Убери...

Валентина Петровна. Не хочешь взглянуть? Я старалась! Представляла, как ты пятерку за мои чертежи получишь...

Женя. Заткнись.

Валентина Петровна. Почему, Женечка? *(Плачет.)* Почему бы не помечтать? Пока тебя не было, я часто мечтала. Как мы с тобой институт закончим. Как мы с тобой хорошую девушку встретим, как мы с тобой женимся. Как мы с тобой внучат заведем, как я с ними буду возиться...

Женя. Дура...

Валентина Петровна. За что ты так?! (*Рыдает.*) Я извелась! Я ночей не спала! Ты не представляешь, что это такое, жить в постоянной тревоге, в страхе за тебя! Я вся иссохла, состарилась! На сердце тоска! Я глаза выплакала! Я по моргам ходила! Я в розыск подала!

Женя. Дура!

Валентина Петровна. Я дура, Женечка? Знаю, что дура!

Женя. Зачем в розыск?..

Валентина Петровна. А как же? Что же мне делать было? И что я должна была думать? Скажи мне честно, где ты все это время пропадал?

Женя. Далеко...

Валентина Петровна. Где?

Женя. Хмельницкий...

Валентина Петровна (*испуганно*). Что? Хмельницкий?.. Господи, где же это? Это же там! Да?

Женя. Да.

Валентина Петровна. Это на Украине!

Женя. Тише!..

Валентина Петровна. Что ты там делал?

Женя. Там ихний центр...

Валентина Петровна. Центр?.. Тебя похитили диверсанты?!

Женя. Я сам...

Валентина Петровна. Завербовали?!

Женя. Он сказал, будет все... Деньги, машина, новый айфон, в Европу ездить...

Валентина Петровна. Кто сказал?

Женя. Мужик... Сказал, вы рабы, нищие... там

свобода... Все будет!..

Валентина Петровна. Тебя пытали?!

Женя. Я боюсь, мамочка! *(Пускает слезу.)*

Валентина Петровна. Тебя унижали?! Били?!

Женя. Там ихние инструктора... негры... Я боюсь!

Валентина Петровна. Не бойся! Я тебя в обиду не дам!

Я этим неграм шеи сверну! Яйца отчикаю!

Женя. Сумку дали...

Валентина Петровна. Эту? *(Показывает на спортивную сумку, которая осталась в прихожей.)* А в сумке что?

Женя. Бомба.

Валентина Петровна *(вскрикивает)*. Ах, боже мой! Что же делать?.. *(Пауза.)* Так... Мы сдадим ее в ФСБ. Нас простят!

Женя. Найдут!.. Негры найдут...

Валентина Петровна. Мы спрячемся!

Женя. Убьют!..

Валентина Петровна. Нет! Не позволю! Они грозились тебя убить? Да? Моего сыночка?! Лучше меня убейте! *(Вытирает слезы.)* Я этого не допущу! Я буду действовать!.. Так... Что ты должен сделать? Что велели взорвать?

Женя. Военкомат...

Валентина Петровна. О боже мой! Военкомат?!
Понятно!..

Женя протягивает Валентине Петровне листок.

Это что? *(Разворачивает листок.)*

Женя. Там адрес...

Валентина Петровна. Так. Адрес. Рядом тетя Маша живет... И как ты должен взорвать?

Женя. Под крыльцо положить...

Валентина Петровна. Сумку? А дальше?

Женя. Звонить... *(Протягивает телефон.)*

Валентина Петровна. На какой номер?

Женя. Там написано...

Валентина Петровна *(переворачивает листок, читает).* «Мамулечка любимая»... Как же это? Это ж мой номер у тебя в телефончике так записан был... Сама его туда вбивала... *(Смотрит сыну в глаза.)* Зачем же...

Женя. Сказали, так точно не забудешь...

Долгая пауза.

Валентина Петровна *(решительно).* Я сделаю. Все сделаю! Пообещай, что больше от меня никуда не уйдешь. Никогда! Обещаешь?

Женя. Да...

Валентина Петровна. Прямо сейчас! Пойду – и сделаю! *(Торжественно.)* Я готова. Я пошла!.. *(Делает шаг, останавливается.)* Теперь ты веришь, что я на все для тебя готова? Веришь, скажи?

Женя. Да... *(Протягивает матери телефон.)*

Сжимая в руке телефон, Валентина Петровна, как была в тапочках и халате, идет в прихожую, берет спортивную сумку и выходит из квартиры, хлопнув за собой дверь. Женя затачивается...

Эпизод четвертый

Агентство «Лёлек&Болек» . На фоне декорации, изображающей разбитую снарядами избу, стоит Эльжбета в лохмотьях и с всклокоченными волосами.

Лёлек стоит перед ней с планшетом для текста. Болек снимает на камеру.

Лёлек. Больше эмоций! Не мне тебя учить, Эльжбета!

Эльжбета. Солдаты изнасиловали меня! (*Подмигивает Болеку.*) Три раза! О, это было нечто!

Болек смеется.

Лёлек. Прекратите! У меня эфир через три часа! А еще конь не валялся...

Эльжбета. А я при чем? Ты хочешь, чтобы я валялась вместо коня, Лёлек?

Лёлек. Хватит хохмить! Возьми себя в руки. Мне надо много эмоций. Рви на себе волосы.

Эльжбета театрально заламывает руки.

Да! Именно так! Поехали!

Эльжбета (*принимает эффектную позу*). Они изнасиловали меня! Как это пережить? (*Лёлику.*) Я не умею рвать на себе волосы! Это что-то из области средних веков, а я воспитана на системе Станиславского. Как Мэрилин Монро, между прочим.

Болек (*с недоверием*). Мэрилин Монро? Да ну!..

Лёлек. Тогда хотя бы вскинь руки к небу, словно ищешь защиты у бога!

Эльжбета. Солдаты изнасиловали меня! (*Вскидывает руки.*) О Матка боска! (*Подмигивает Болеку.*) Сделай так, чтобы они пришли снова!

Болек хохочет.

Лёлек. Дура! Бездарная, как Монро! И шутки твои дурацкие!

Эльжбета. Лелёчек, миленький! Успокойся!

Лёлек. Ты не сказала, какие солдаты тебя изнасиловали.

Эльжбета. А какие? Польские? Нет? Американские? Они были такие красавцы!

Болек хохочет.

Лёлек (*орет*). Прекратите! (*Эльжбете.*) И ты забыла сказать, что их накачивают виагрой! (*Болеку.*) И хватит ржать, кретин! Чем дольше ты будешь ржать, тем больше эта вертлявая дамочка будет изгаляться! Ты знаешь актерскую природу!

Болек. Это от нервов.

Лёлек. Что от нервов?

Болек. Смеюсь от нервов.

Лёлек. С чего тебе нервничать, Болек? Это у меня нервы!

Болек. Не знаю... С утра какая-то тревога...

Эльжбета. Всё! Будем работать.

Лёлек. Поехали!

Эльжбета (*воздев руки*). Солдаты изнасиловали меня! Их пичкают виагрой, и они насилуют нас! О Матерь Божья! Сделай что-нибудь!

Лёлек. Снято. А дальше я скажу: «Посмотрите на эту женщину! Ей нет и тридцати, а выглядит она на все шестьдесят! Вот что они делают!

Эльжбета. Мог бы сказать «на все сорок».

Лёлек. Нет, милая! Мог бы сказать «на все сто»! Давно в зеркало не смотрелась!

Эльжбета (*с презрительной гримасой*). Только и делаю, что в зеркало смотрюсь! (*Подмигивает Болеку.*) Ах, если бы их действительно накачивали виагрой!

Болек не реагирует.

Не смешно? (*Вздыхает.*) Ну, значит, не смешно...

Лёлек. Ты сказала: «их пичкают виагрой».

Эльжбета. И что?

Лёлек (*смотрит в сценарий*). Нужно было сказать: «Их накачивают виагрой».

Эльжбета. И что с того? Кто вообще пишет эти сценарии?

Болек. Ты не знаешь? Ми-6 или ЦРУ.

Лёлек. Заткнись, Болек! Не шути с огнем. (*Эльжбете.*)

Пусть останется, как есть. Переснимать не станем.

Лёлек. Заткнись, Болек! Не шути с огнем. (*Эльжбете.*)

Пусть останется, как есть. Переснимать не станем.

Эльжбета. Значит, у тебя тоже тоска с утра, Болек?

Болек. Я не говорил, тоска! Тревога.

Эльжбета. Тревога... Хм... Если еще ты, Болек, раскиснешь, то я не знаю, как жить!..

Болек. Чтобы я раскис? Не дожدهшься, старушка! Моя любимая старая кляча! (*Звонко шлепает Эльжбету по заднице.*)

Эльжбета (*хочет, жеманится*). Ну, Болек! Как ты обращаешься с девушкой!

Лёлек. Пошляки!

Эльжбета. Чего же еще ты ждешь от вертлявой дамочки?

Болек. Сам он пошляк. И бездарный актеришка!

Лёлек. Не смей так говорить!

Болек (*повторяет*). Бездарный актеришка!

Лёлек бьет Болека кулаком в поддых.

Болек (*сгибается от боли*). Ну ни фига! У тебя, Лёлек, стал жуткий характер, с тех пор, как ты взялся снимать эту пропагандистскую лабуду!

Лёлек. Это не лабуда! Это наша работа! Мы доносим

правду!

Болек. Мне-то чего врать? Мы не на публике.

Эльжбета (Лёлеку). Ты правда считаешь, что наше шоу – это правда?

Лёлек. Считаю!

Эльжбета. Смешно! Ты живешь иллюзиями, Лёлек...

Лёлек. Ты лучше скажи, где ты так хорошо выучилась говорить по-русски?

Эльжбета. Я долго живу. Когда-то каждый поляк говорил по-русски. Ну, каждый второй уж точно. Ваши родители, между прочим, тоже ...

Лёлек (обрывает Эльжбету). Все! Заткнулась! Перерыв!

Эльжбета достает из сумки фляжку, отхлебывает и протягивает Болеку. Тот тоже делает глоток.

Лёлек (Эльжбете). Смотри не напейся! Еще сцену в коровнике снимать.

Эльжбета. Не напьюсь! *(Показывает Лёлеку язык.)*

Лёлек гасит свет и выходит, оставляя Эльжбету и Болека в темноте.

Болек. Как в детстве!.. В детстве нам с братом нравилось сидеть в темноте. Когда вечером родители уходили на тусовку и оставляли нас одних, мы выключали свет и принимались фантазировать. В темноте можно представить себе все, что угодно! Родители оставляли нас одних довольно часто...

Эльжбета. Они были светские люди.

Болек. Мне не хватает их. Не хватает их тепла. Ты ведь их хорошо знала?

Эльжбета. Они были моими лучшими друзьями!

Болек. Эльжбета, обними меня, как когда-то давно, в детстве...

Эльжбета (*обнимает Болека*). Я так рыдала, когда они погибли...

Болек. Как это было? Нам толком никто ничего говорил.

Эльжбета. Это Ладислав придумал устроить гонки на мотоциклах. От него всегда исходило зло!

Болек. Ладислав? Это кто?

Эльжбета. Он был помрежем. Шестерка. Мальчик на побегушках. От этого и злился. Господь прибрал его в прошлом году.

Болек. Ты там была?

Эльжбета. Мы все уже были пьяные... Как раз закончили тот большой проект... И не нашлось никого, кто бы их остановил. Я до сих пор себя укоряю... Я помяну? (*Отхлебывает из фляжки.*)

Болек. Они умерли мгновенно?

Эльжбета. Ежи скончался в больнице, а Зося на месте. Слава богу, не мучилась. Повезло. Ей голову снесло... О Матка Боска, что я говорю!.. (*Крестится.*) Они были чудные! В Ежи я была даже чуточку влюблена! Я так завидовала Зосе, он ее так любил! И вас он тоже любил... Ты знаешь, после их гибели я даже думала вас усыновить...

Болек. Правда, Эльжбета?

Эльжбета. Думала... Но не решилась. Но я же часто навещала вас в интернате, правда? Уж дважды в месяц точно, а то и чаще! И вы никогда ни в чем не нуждались.

Болек. Мы всегда ждали, когда придет тетя Эльжбета.

Эльжбета (*плачет*). Мальчики вы мои!.. (*Отхлебывает из фляжки и протягивает фляжку Болеку.*) Хочешь?

Болек (*берет фляжку, делает глоток*). Лёлек будет ругаться.

Эльжбета. Не нравится мне все это... Нехорошо...

Болек. Ты о чем? Это чисто коммерческий проект! Так к этому и надо относиться...

Эльжбета. Мне бабка покойная рассказывала, как освобождали Краков. Они до Второй мировой в Кракове жили... Немцы все заминировали, хотели город взорвать. Русские не дали.

Болек. И что? Ты только не вздумай это где-нибудь сказать!

Эльжбета. Бабка и мать в подвале сидели. Если бы город взорвали, их бы не стало. А, значит, не было бы и меня. В Польше много русских солдат погибло в войну... Я слышала, около пятисот тысяч... Должна же быть благодарность? Закон кармы, вот что меня волнует...

Болек. Ты веришь в карму?

Эльжбета. Я верю в справедливость. Все, что сейчас происходит, не есть хорошо. Ой, как по нам отприкошетит! Ой, как нас всех погонят!..

Болек. Куда?

Входит Лёлек, включает свет, видит сидящих на полу Болека и Эльжбету.

Лёлек. Куда это нас всех погонят? И чего вы тут расселись на полу?

Эльжбета. Подслушивал? (*Встает.*) Что еще будем снимать?

Лёлек. В коровнике. В польском. Будешь изображать глупую коровницу, которая просит американцев ввести войска и защитить ее от русских. Получше

загримируйся, а то рожа твоя уже примелькалась...

Эльжбета уходит. Болек идет за ней следом.

Лёлек. А ты куда? Я хотел с тобой поговорить.

Болек. О чем нам говорить? (*Уходит.*)

Эпизод пятый

На скамейке под деревьями сидят Тарас и Оксана. Тарас в женском платье и женских босоножках.

Тарас. Вечер славный, воздух чистый!
(*Прислушивается.*) Где это девки поют?

Оксана. За рекой. Сдурел, что ли?

Тарас. Ты чего?

Оксана. На мове говори!

Тарас. Я на ней не особо умею.

Оксана. Все одно говори! Надо. Говори: дивки спивают!

Тарас. Спивают, говоришь? Самогонку? (*Хохочет.*) Смешно! Ну и нехай спивают! Дай, я тебя обниму, Оксанка!

Оксана. Ты сдурел, Тарас? Свитло ж! Увидють! То есть, побачуть!

Тарас. Побачуть, говоришь? Никто не увидит!

Оксана. Мисяц из-за туч... То есть из-за хмару вийшов. Увидють! То есть, побачють!

Тарас. Що побачють?

Оксана. Как дви дивки на лавце, милуются!

Тарас. Нехай соби бачуть! Чего такого-то? (*Пытается поцеловать Оксану.*)

Оксана (*отпихивает Тарас*). Ага! Придумавати! Шоб потом про мене стали говорити, що я лесбиянка?! Тьфу!

Тарас (*хохочет*). Ой, не можу! Щас обосрюсь вид смиху!

Оксана. Кинчай иржати!

Тарас. Эх! А вичор прям для того и придназначен, щоб любити и целоватися!

Оксана. Целоватися, говоришь? Ну так тогда бы в штанах выходил, а не в моей юбке!

Тарас. Боюсь. Поймають. В армию забреють.

Оксана. Боятися? Ну тоди и сиди тихо, щоб не спиймали! А я-то как боютися що я тебе прячу! Блин, ховаю!

Тарас. Ну не прячь. Спрячусь у иншей.

Оксана. Еще чего! У другой он спрячется! И не думай!

Тарас. Я пошутив.

Оксана. Пошутил он! Сейчас как по морде врежу!

Тарас смеется. Оксана обнимает его.

Никому тебе не виддам!

Тарас. Эх, с горя горилки бы выпити. Салом закусити.

Оксана. Де ж я тоби сало визьму? Не знаэш скильки сало на базаре коштуе?

Тарас. Что, зовсим дорого сало стоит? Горилка то хоч есть? Осталоса хоч трохи?

Оксана. Осталоса. Но зовсим мало.

Тарас. Вот ети ж твою мать! Що за жизнь!

Оксана. Ось и я кажу! Чи долго тоби еще в жиночих нарядах ходити?

Тарас. А сколько надо будет, столько и буду в женских тряпках ходить! Я на их войну ни за что не пойду! Ну ее! Там стреляют... Я еще пожить хочу!

Оксана (*испуганно*). Ты що! На мове говори!

Тарас. Може не довго все це протягетца?

Оксана. Кто це знае?

Тарас. Не довго. Ось американци самолетов да танкив надошлють, все и закончитися...

Оксана. Ой, скорей бы вже!

Тарас. А как все закончитися, ми з тобою в Париж поидимо.

Оксана. Прямо вот так до Парижа?

Тарас. У Париже жити будемо. На Мормантре борщ исти будемо, горилку пити и салом та хлибом закусывать.

Оксана. Салом закушувати? Прямо в Парижу?

Тарас. Або в Лондони.

Оксана. Як до мене, так где бы не жити, только бы ты снова в штанах ходив.

Тарас. Тогда вже точно буду в штанях ходити. Обещаю.

Оксана. А мени кружевные трусики купишь?

Тарас. Куплю!

Оксана обнимает Тараса, целует его.

Слышно, как подъезжает автомобиль. Звучит громкая музыка. Раздаются голоса: «Дивитися ка, дви дивки на лавци сидячи! Обнимаются! Дивчата, не хочете з хорошими хлопцями познайкомитися? У нас и випити е, и закусити!»

Оксана. То ж дядьки с военкомата!

Тарас. Бежим скорее!

Оксана. Бежим!

Оксана и Тарас срываются и убегают. Вслед слышится улюлюканье: «Ату их, ату! Не убегут! Зловимо! Держи их! Тримай!»

Эпизод шестой

Звучит военный марш. На сцене, или, возможно, на киноэкране,

добровольцы выстраиваются в колонны. Им предстоит отправиться на фронт.

Действие второе

Эпизод седьмой

Приглушенно работает телевизор, идут новости. Женя сидит на кухне за столом, курит, уставившись в телевизор. Валентина Петровна суется у плиты. Слышно, как в ванной набирается вода.

Валентина Петровна (*наигранно бодро*). Сейчас котлетки дотушим, дранички дожарим и со сметанкою съедем! Ты ведь будешь котлетки кушать, Женечка? Я по твоим глазкам вижу, что ты кушать хочешь.

Женя. Не передали...

Валентина Петровна. Передадут. Обязательно передадут, даже не сомневайся.

Женя. Уже день прошел, а еще не передали.

Валентина Петровна. Может, власти решили замолчать? Чтобы население лишний раз не волновать...

Женя. Не... Должны были передать.

Валентина Петровна. Ну не знаю... А тебе чего переживать? Никто и не догадывается, что ты вернулся домой. Я никому ни слова не сказала. Пусть думают, что тебя здесь нет.

Женя. А если достанут?

Валентина Петровна. Не достанут. Я уже подумываю, как бы нам в другой город переехать. Или в поселок какой. Квартиру продать, свой дом купить...

Женя. Найдут. Достанут.

Валентина Петровна. Ты не переживай, любимый.

Мы сейчас драничков поедим. А потом теплую ванну примем. А хочешь я в ванну уточку запущу? Ты раньше любил, когда я уточку запускала. (*Достает из стола резиновую уточку.*) Та самая сохранилась! (*Сжимает уточку – та издает писк.*) Прикольно, да?

Женя. Почему в новостях не говорят?

Валентина Петровна. Я все твои детские игрушки храню! Все твои детские рисунки, особенно самые первые – какляки-маляки! И вещички твои детские храню. Иногда достану, смотрю и удивляюсь, как же это мой Женечка в них помещался? (*Достает из стола коробку с вещами.*) Вот твои пинеточки желтенькие с бантиком голубым! (*Прижимает пинетки к щеке, многократно и шумно целует.*) Сама их крючком вязала! Вот твоя распашоночка! Вот ползуночки, нагрудничек! (*Целует вещи.*) Ты не представляешь, какое это счастье! И как же я только жила до тебя, до твоего рождения? И жизнь ли это была? Нет, не жизнь! Встретила – полюбила – аборт! Встретила – полюбила – аборт! А время идет, мне уже тридцать, мне уже тридцать пять, тридцать семь, тридцать восемь... И тут мне тетя Маша говорит: «Чего ты дурью маешься, Валька? Рожай, пока еще не поздно!» Я говорю: «Как же рожать одной?» А она: «Дура! Не ты первая, не ты последняя!» И убедила меня. Господи, как же я за это ей благодарна! С твоим рождением все жизнь моя переменялось, обрела смысл! Мне никого и ничего не нужно стало, кроме тебя! Часами могла стоять у твоей кровати и любоваться, как ты тихонько сопишь во сне, причмокиваешь, шевелишь ручонками...

Женя. Ты точно ходила?

Валентина Петровна. Ходила! Могла ли я не пойти?

Женя. Сумку поставила? Позвонила?

Валентина Петровна. Поставила! Позвонила!

Женя. Бабахнуло?

Валентина Петровна. Я не услышала со страху... Я бежала!..

Женя. Врешь! Не ходила! (*Прижимает мать к стене и сжимает ей горло.*) Говори!

Валентина Петровна. Женечка, пусти! Я ходила, клянусь!

Женя (*отпускает мать*). Ладно. Еще подождем...

Валентина Петровна. Я все, все помню! Помню, как ты головку начал держать, помню как гулил, помню первые твои слова, ручки ко мне тянул: «дай, дай!» Помню самые первые твои шажочки...

Женя. Заткнись! Если узнаю, что не ходила...

Валентина Петровна. То что, Женечка?..

Женя (*снова сжимает матери горло*). Признавайся, ходила?!

Валентина Петровна (*хрипит*). Ай, совсем не чем дышать!..

Женя (*отпускает мать*). Задушу!

Валентина Петровна. Ты ведь шутишь так, да? А если не ходила?

Женя. Что? Что ты сказала?

Валентина Петровна. Ходила! Ходила! Ой, какие у тебя страшные глаза!

На лестничной клетке раздается топот ног. Звонок в дверь.

Женя (*вздоргнув*). Кто это?

Валентина Петровна. Мальчишки соседские. Они часто по лестнице бегают, в чужие звонки звонят.

Хулиганят.

Женя. Точно?

Валентина Петровна. Я пойду посмотрю...

Женя (*шепотом*). Стоять! Спрашиваю последний раз. Не ходила?

Валентина Петровна (*плачет*). Не ходила...

Женя. Бомба где?

Валентина Петровна. Я бомбу в лес отнесла! Прости меня, сыночек!..

Женя. Зачем в лес?

Валентина Петровна. Там людей много было... Жалко их стало... Я в автобус села, до леса доехала, где мы с тетей Машей клюкву осенью собираем, до болота дошла и швырнула сумку... Потом уже позвонила...

Женя. Жалко стало? Врешь! В ФСБ отнесла! Заложила меня! (*Снова хватает мать за горло.*) Обманула, гадина! Убью!

Валентина Петровна (*хрипит*). Нет! Честное слово!

Женя. Почему в новостях не говорят?

Валентина Петровна. Не знаю... намокла... не взорвалась...

Раздается звонок в дверь.

Женя. Сдала меня, сволочь! (*Сжимает матери горло.*)

Валентина Петровна (*хрипит, пытается вырваться*). Нет, Женечка, нет!.. Пожалуйста!..

Раздается голос сантехника: «Откройте! Соседей заливааете! Знаю, что дома, голоса слышал! Не дурите! А то дверь ломать будем!»

Женя (*кричит*). Я не сдамся! В тюрьму не пойду! Не смейте дверь ломать! Я ее задушу! Я ее задушу! Я ее

задушу!

Валентина Петровна перестает трепыхаться, падает на пол.

Женя (бормочет). Заложила, гадина, заложила!..
Задушу, задушу, задушу...

Звонки и стук в дверь продолжают.

Эпизод восьмой

По радио звучит веселая мелодия. Сара стоит у плиты. Входит Логан. Снимает куртку, остается в футболке и джинсах. Сара пританцовывая подходит к Логану, смеется, прижимается щекой к его щеке.

Сара. Привет, Логан!

Логан. Привет, Сара. Не понимаю, чему ты так радуешься?

Сара. Жизни! Просто хорошее настроение. И я люблю тебя, Логан!

Логан. Я тоже тебя люблю.

Сара. Давай же потанцуем!

Сара прижимается к Логану, он нехотя с ней танцует.

Логан. Ты неисправима, Сара!

Сара. Я опять сделала что-то не так?

Логан. Мы живем в эпоху, когда мир трещит по швам. Разве ты этого не видишь?

Сара. Честно? Не вижу. Но я стараюсь. Вот ты на прошлой неделе сказал, что русские сбросят на нас атомную бомбу. И знаешь что? Я подумала, и решила купить крупы!

Логан. Какой крупы?

Сара. Я купила 10 килограммов риса, 10 килограммов кукурузы, 10 килограммов пшена, 10 килограммов

фасоли, 10 килограммов гороха и 20 килограммов кускуса, который ты почему-то очень любишь. А еще я купила 100 рулонов туалетной бумаги и 1000 коробков спичек!

Логан. Зачем?!

Сара. Ну как же, если начнется атомная война... Пригодится! И ты меня даже не хочешь похвалить?

Логан. Идиотка! Если она начнется – крупа не спасет!

Сара. Ну вот! Опять ты за свое!

Логан. Прости меня, прости, пожалуйста!.. Но ты действительно непрошибаемо глупа!

Сара. И что с того? Женщина имеет право быть глупой! А вот ты в последнее время стал просто невыносимый! Может тебе сходить к психоаналитику?

Логан. Не с чего веселиться! Неужели ты не понимаешь?

Сара. Понимаю. Но я подумала, что если мы родим маленького бейбика, нам станет намного веселее!

Логан. Полная идиотка!

Сара. А вот и нет! В Библии сказано: плодитесь и размножайтесь!

Логан. Сара, милая, пойми, русские не оставят нас в покое. Они придут! Не сегодня, так завтра. Они придут и нас уничтожат.

Сара. Ты в этом уверен?

Логан. В этом уверены все, даже наш президент!

Сара. Уж не хочешь ли ты сказать, что я глупее нашего президента?

Логан. Именно так.

Сара. Я обижусь! Серьезно! Я уже обиделась, Логан. Я не буду с тобой разговаривать!

Сара подходит к окну, берет с подоконника бинокль, смотрит вниз. Потом поворачивается к Логану с хитрым видом.

Сара. Ты был прав, Логан! Внизу идут русские!

Логан. Русские? А я что говорил! Это точно русские?

Сара. Можешь сам убедиться! (*Смотрит в бинокль*). Точно русские! Они несут русский флаг!

Логан (*обреченно*). Ну вот они и пришли!.. Я сейчас. (*Выбегает из кухни.*)

Сара. Ты куда? Я пошутила, Логан! Не все же тебе меня разыгрывать... Там просто какая-то демонстрация!

Логан возвращается, застегивает пуговицы белой рубашки, завязывает галстук.

Сара (*удивленно*). Куда это ты собрался, Логан!

Логан. На встречу с Богом.

Сара. Совсем рехнулся!

Логан. Ну вот. Свершилось. (*Встает на колени.*) Господи! Если ты не смог спасти Америку, даруй нам легкую смерть!

Сара. Логан! Что за глупости ты говоришь?!

Логан. Тебе не понять, Сара. Тебе легче, ты – идиотка. Ты даже ничего не заметишь! Благослови тебя Господь! И даруй всем нам легкий конец.

Сара. Ты такой смешной, Логан, когда несешь эту чушь! Я пошутила! Хочешь посмотреть в бинокль?

Логан. Нет, Сара. Не вижу в этом никакого смысла.

Сара. Это честное слово, очень смешно!

Логан. Веселись, любимая! А у меня уже нет на это сил. Я вымотан, опустошен. У меня не осталось сил ждать неизбежного И я не стану ждать. Я не вынесу этого ожидания. Прости меня, Сара, за все!

Сара. Мне и вправду есть за что тебя прощать!

Поклянись, что больше не будешь называть меня идиоткой.

Логан. Клянусь.

Сара. Так не клянутся! Так никто не поймет, в чем ты клянешься. И чем клянешься. Это должна быть страшная клятва! И чем же ты поклянешься, Логан?

Логан. Жизнью клянусь, что никогда больше не буду называть тебя идиоткой, Сара!

Сара. Это хорошо, Логан. Это очень правильно!

Логан. Прощай, Сара!

Сара. Давно уже простила! Если бы я тебя не прощала, я бы давно уже с тобой не жила!

Логан. Прощай... Увидимся на небесах!

Логан уходит.

Сара. Ну вот опять! Ты куда ушел? (*Сара продолжает разглядывать в бинокль, что происходит на улице. Хохочет.*) Логан, ты только посмотри! Логан, ты только посмотри! Там идет забавный парад! Мажоретки несут какую-то желтую тряпку! А рядом бородатые мужики несут голубую! Я знаю, что это не русский флаг! Я пошутила, Логан. А впереди едет грузовик, а на нем жирная негритянка стоит раком и трясет своей жирной задницей! Ой, как забавно! Такой чудовищно жирной задницы я никогда не видала! По ней прямо волны жира бегут! Жуть! Они уже совсем близко, проходят под окнами нашего дома! Ой, Логан, что это? Что-то упало сверху на жирную негритянку! Кузов грузовика проломился! Ой, не могу, как смешно! Все побежали в разные стороны! С синей тряпкой – направо, с желтой тряпкой – налево. А один мужик с женскими сиськами и бородой запутался в тряпке, дергается и что-то кричит!

Жаль, мы так высоко живем, что плохо слышно! Логан! Ну где же ты, Логан! Я сейчас лопну от смеха! Ты, конечно, скажешь, что смех без причины, ну и так далее... А мне все равно смешно! Имей в виду, если ты сейчас назовешь меня идиоткой, ты нарушишь страшную клятву! Ну где же ты?

Сара кладет бинокль на подоконник и стоит в недоумении.

Эпизод девятый

В студии Л&Б. Лёлек стоит с текстом в руках, подвыпившая Эльжбета сидит на полу.

Лёлек. Ну вставай же, вставай! Чего на полу расселась?

Эльжбета. Я устала!

Лёлек. Ты напилась!

Эльжбета. Скажи, что происходит? Зачем? В детстве я мечтала быть мальчишкой. По деревьям лазать любила. В играх всегда была водящей. В футбол гоняла! Мальчишкам всегда позволяется больше. Я завидовала им...

Лёлек. Еще не поздно. Смени пол.

Эльжбета. Дурак! Теперь они гибнут! Гибнут на войне!

Лёлек. Тебе-то что?

Эльжбета. Ты циник, Лелек! Так нельзя! Это наши парни!

Лёлек. Наши парни?

Эльжбета. Польские парни идут в наемники! Зачем? За что? Что им эта Украина?

Лёлек. От скуки. Адреналина не хватает. И потом здесь они нищие – а там им платят.

Эльжбета. Матка Боска! Сколько народу погибло уже!

Лёлек. Откуда такая информация?

Эльжбета. Радио слушаю.

Лёлек. Какое это радио? Слушаешь русских? Играешь с огнем! Узнают – не факт, что сойдет тебе с рук. Не боишься, что я донесу?

Эльжбета. Ты серьезно?

Лёлек. Шутка. Но будь осторожней. И не трепли языком.

Эльжбета. Идиотская шутка! И вообще, ты стал циничный и злой! А я хочу видеть доброго, улыбчивого и ужасно симпатичного Лёлека, как в тот год, когда вы с Болеком закончили школу.

Лёлек. Заткнись! Не трави душу. Мир изменился. Разве не видишь? Как раньше, уже не будет!

Эльжбета. Не будет? Но почему?

Лёлек. Не будет – и точка! Ты напилась...

Лёлек садится за стол, обхватив голову руками.

Эльжбета (*после паузы*). Я знаю, что ты хочешь, как лучше... Знаю.

Лёлек. Отстань!

Эльжбета. Как твоя дочь?

Лёлек. Тебе-то что? Я с ней не вижусь!

Эльжбета. Почему?

Лёлек. Встретил месяц назад на улице. Она из школы шла... Ты знаешь, я всегда теряюсь в ее присутствии... Я спросил: «Как дела?» Она сказала: «Нормально». И ушла.

Эльжбета. Каролинка против тебя настраивает?

Лёлек. Нет. С ней у меня прекрасные отношения. Я ведь ее действительно когда-то любил...

Входит Болек.

Болек. Ты никогда никого не любил. Кроме себя. Ты на любовь не способен. Ты в этом смысле кастрат.

Лёлек. Что ты сказал?

Болек. Сказал, что ты урод!

Лелек набрасывается на Болека, завязывается драка.

Эльжбета (*встает, пытается их разнять*). Мальчики, прекратите!

Наконец Лёлеку удается сделать болевой захват, и Болек не может пошевелиться, прижатый лицом к полу.

Болек. Ой, рука! Сломаешь! Пусти, козел!

Лёлек. Сам ты козел вонючий! (*Отпускает Болека.*) И больше не нарывайся. Я всегда был сильнее!

Эльжбета (*снова садится на пол, плачет*). Хочу, чтобы все было как в детстве... И чтобы мама была жива, и бабушка, и чтобы у нас был свой дом и сад, и мы ходили по воскресеньям в костел, а летом сидели на берегу Вислы.... И чтобы мальчики были мальчиками, а девочки девочками... Но этого не будет, не будет, не будет!.. Я хочу умереть...

Лёлек. Прекрати истерику, Эльжбета!

Болек. Это ты ее довел! Нельзя хвататься за любой заработок без разбору. Не все можно делать для денег.

Лёлек. Я же для вас стараюсь! И ты попрекаешь меня? Если вам не нужны деньги, отдайте их мне! Я люблю деньги! И умею их зарабатывать! Я хочу ездить в самом роскошном авто, обедать в самом дорогом ресторане, сниматься в самых роскошных шоу!

Болек. А ты уверен, что мы сели в ту лодку? Многие уже не в восторге от Украины, и таких все больше.

Лёлек. Теперь уже не уверен... Но ничего не изменишь.

Эльжбета. Мир летит в тартарары! Все испоганено, извращено! Мы вляпались в такую грязь! Как мы посмотрим в глаза Богу?

Лёлек. Когда это? На том свете?

Эльжбета. Ты законченный циник!

Лёлек. Не строй из себя святую Цицилию!

Болек. А если вдруг все повернется в пользу русских? За нами придут?

Лёлек. Им будет не до того...

Эльжбета (*испуганно*). Я актриса. Я им скажу: я актриса. Я ничего не знаю! Мне дают роль – и я ее играю. Это моя работа. Профессия. Я никогда не вдумываюсь в текст. Мое дело – эмоции!

Болек. А что скажу я?

Лёлек. Мы соберем пожитки и куда-нибудь рванем. В Вену, в Берлин...

Эльжбета (*плачет*). Хочу напиться до бесчувствия! Уснуть – и никогда не просыпаться!

Болек (*плачет*). Не говори так, Эльжбета, не говори! (*Садится рядом с Эльжбетой.*) Не лишай последней надежды...

Лёлек. Перестаньте! Нам надо работать! Скоро эфир!.. (*Не может сдержаться и плачет.*)

Лёлек опускается на пол рядом с братом и Эльжбетой.

Эльжбета (*обнимает братьев*). Я пропаду без вас! Мальчики, вы не оставите меня? Не бросите старую тетку Эльжбету?

Болек. Думаешь, они поверят нашим слезам?..

Эльжбета. Нет... Как это русские говорят? Москва слезам не верит...

Продолжают плакать.

Эпизод десятый

Дом в прифронтовой зоне. Слышатся разрывы артиллеристских снарядов. В подвале сидят Мариша и ее бабушка Катерина.

Тусклый свет. Перед Маришей лежит раскрытая книга. Мариша плачет. К ней подходит бабушка.

Бабушка. Все это кончится, кончится, Мариша! И будем мы с тобой жить в мире.... Не надо плакать!

Мариша. Я не о нас плачу, баба Катя. Не о себе.

Бабушка. О ком же?

Мариша. Мне девочку жалко. Сиротку.

Бабушка. Я ее знаю? Эта девочка из вашего класса?

Мариша. Нет, бабушка. Это Козетта!

Бабушка. Странное имя... А где она живет? Откуда ты ее знаешь?

Мариша. Это девочка из книжки!

Бабушка. Ах, вот оно что! А что ты читаешь?

Мариша. «Отверженные» Виктора Гюго. Ты не читала, бабушка?

Бабушка. Не помню уже. Может, когда-то и читала... Название знакомое...

Мариша. Это во Франции происходит. Там еще каторжник – Жан Вальжан!

Бабушка. Как же, как же! Читала! Но это было так давно... Жан Вальжан... Запомнилось. Имя красивое...

Мариша. И Козетта. Она попала к злым людям, они над ней издеваются, морят голодом. Но потом все будет хорошо! Жан Вальжан ее заберет!

Бабушка. Откуда ты знаешь?

Мариша. А я эту книжку уже читала. Год назад. Я в

библиотеке брала. А потом в библиотеку снаряд попал, книжка так у меня и осталась...

Бабушка. Не беда. Война закончится – выстроим новую библиотеку, и ты книжку сдашь!

Мариша (*закрывает книгу*). А я, бабушка, хоть и знаю, что дальше все будет хорошо, а не могу не плакать.

Бабушка. Я думала, ты по маме плачешь.

Мариша. Нет, бабушка! Я редко по маме плачу. Не плачется...

Бабушка. Почему?

Мариша. Не знаю... Когда отец погиб, я рыдала. А мама говорит: «Не могу заплакать. Слез нет...»

Бабушка. Это у нее шок был.

Мариша. А потом говорит: «Не будем плакать. Мы выстоять должны. Победить. Вот когда победим, тогда уже и поплачем». Вот и я теперь плакать не могу.

Бабушка. Бедные вы мои!

Мариша. А над книжкой могу плакать почему-то. Слезы сами так из глаз и капают. Нехорошо, да?

Бабушка. Ну что ты, милая! Над книжным горем поплакать не грех. Плачь. А вот о себе плакать?.. (*Задумывается.*) Может, твоя мать и права была, не гоже нам о себе плакать. Выживем. Бог спасет. Все у нас наладится, все будет хорошо. Так и Екклесиаст говорил: «Всему свое время».

Мариша. Кто это, Екклесиаст?

Бабушка. Человек такой был в древности. Учитель. Он в Библии есть. Хочешь тебе почитаю?

Мариша. Почитай...

Бабушка (*надевает очки, открывает Библию и читает из Екклесиаста*). «Всему свое время, и время всякой

вещи под небом: время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться»... Вот и мы с тобой, Маришка, поплачем и посмеемся, когда время придет! Еще почитаю, да? (*Читает, водя по странице пальцем.*) «...время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время сшивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть...»

Мариша. Как же я их ненавижу!

Бабушка. Прости, Господи! (*Читает.*) «... время войне, и время миру». Вот ведь как в писании сказано... (*Прислушивается к грохоту снарядов.*) Уже в стороне стреляют. Может, на сегодня и обойдется...

Мариша. Не хочу в подвале ночевать!

Бабушка. А мы и не будем. В хату пойдем. Не долго уже осталось ждать. Скоро наши придут. Надо еще совсем чуть-чуть потерпеть...

Мариша. Так и мама говорила. Потерпим...

Эпизод одиннадцатый

Квартира поэта Серафимова. Из прихожей в комнату входят Серафимов и Ксюха.

Серафимов (*в полголоса*). Вот что ты делаешь, Ксюха? Что? В это время жена всегда уже дома!

Ксюха. Хорошо, я могу уйти.

Серафимов. Речь не об этом. Вот что я сейчас ей скажу?

Ксюха. Скажешь, ученица зашла книжку вернуть, или

что-нибудь еще соврешь.

Серафимов. Ладно! Выкручусь. Говори, что случилось. Зачем пришла? Только быстро.

Ксюха. Просто... Увидеть тебя хотела. Эд.

Серафимов. И все?

Ксюха. Разве этого мало?

Серафимов. Не знаю... (*Недовольно.*) Ладно! Садись. Будешь изображать ученицу. (*Кричит жене.*) Маша, ко мне ученица пришла! Приготовь нам, пожалуйста, чаю!

Раздается голос жены: «Хорошо! Сейчас чайник поставлю!»

Ксюха. Неужели ты меня с ней познакомишь?

Серафимов. Она в комнату не зайдет. Она на кухне сериал смотрит. И вообще она не суется, когда ко мне кто-то приходит. Но осторожность надо соблюдать. Если она паче чаяния войдет, ты, меня спроси: «Эдуард Ефимович, а чем отличается дактиль от хоррея?». А я тебе скажу: «Дактиль – это...» Ну и так далее.

Ксюха. Хорошо.

Повисает пауза.

Серафимов. Ну? Что же ты молчишь? Говори что-нибудь.

Ксюха. Неделю не виделись. Как ты живешь? Что-нибудь написал?

Серафимов. Нет. Не пошло.

Ксюха. Может, тебе туда съездить?

Серафимов. Куда?

Ксюха. На Донбасс.

Серафимов. С ума сошла!

Ксюха. Живые впечатления, они нужны, поверь. Нельзя все черпать только из головы.

Серафимов. Не делай из меня героя, Ксюха. Я не герой...

Ксюха. Я же не говорю, что надо идти на фронт. Но нельзя всю жизнь глядеть только на свинарник за окном!

Серафимов. Ты пришла за тем, чтобы мне это сказать?

Ксюха. Нет, конечно!

Серафимов. Жил один поэт, очень давно. Когда война началась, его на фронт призвали. Он собрался, сел с другими призывниками в вагон и от страха заболел. Диарея. По-русски – обосрался. Его сняли с поезда, вернули домой. Но стихи потом писал самые что ни на есть боевые.

Ксюха. Что за поэт?

Серафимов. Не скажу. Вдруг это про него врут? Поэт хороший.

Ксюха. А я попрощаться пришла. Уезжаю.

Серафимов. Надолго?

Ксюха. Как получится.

Серафимов (*вполголоса*). Обойдемся без объятий и поцелуев, Ксюха. Техника безопасности превыше всего! Просто пожмем друг другу руки.

Ксюха. И в дальний путь на долгие года?

Серафимов. Хм... Остроумно. Ты только не придирайся к словам...

Ксюха. Хорошо. Не буду. (*Протягивает руку.*) Желаю, чтобы все у тебя сбылось. Чтобы тебя заметили. Зауважали.

Серафимов (*пожимает руку*). Сложновато будет. Поэтов много развелось в последнее время. Вылезают, как грибы после дождя. Вот еще одна появилась. Мне ребята в клубе вчера показали. Ксюха зовут, как тебя.

Странно звучит, да?.. Не понятно, то ли фамилия такая, то ли кликуха. По-моему, не подходит для поэта. Небось фигню какую-нибудь пишет эта Ксюха.

Ксюха. Я про нее тоже слышала. Тезка.

Серафимов. Вот видишь, даже ты слышала... Как она пробилась? Слушай, дай-ка я ее погуглю. (*Стучит по клавишам ноутбука.*) Ого! Сразу выскакивает! А ссылок-то сколько! Ба! Да у нее уже есть книжка! Ну-ка посмотрим, что о ней пишут... (*Читает. Иронично.*) Нестандартная поэзия, проникновенная, глубокая, серьезная... Пишет в основном о любви. Ха! О чем еще девке писать? Стихотворения носят философский характер... так-так... построены на чувствах, ассоциациях, образах... Каждый находит в ее стихах сокровенные мысли, которые, на самом деле, таятся в его собственной голове. Во, загнули! Книга рассказывает о чувствах девочки, которая полюбила взрослого мужчину, но не нашла взаимности... Хм!.. Своими учителями называет Лермонтова, Цветаеву и... (*Запинается.*) Как-как? Сэй-Сёнагон? Нифига себе! Большое влияние оказали знаменитые в начале прошлого века дневники Марии Башкирцевой... Родилась на Севере в небольшом провинциальном городке... Выражает признательность руководителю ЛИТО «Маяк» Серафимову Эдуарду Ефимовичу за бесценные уроки мастерства... (*Удивленно смотрит на Ксюху.*)

Ксюха. Ну да... Так и останусь навсегда Ксюхой...

Серафимов (*растеряно*). Постой, а как же?.. а что?.. а кто такая Сэй-Сёнагон?

Ксюха. Фрейлина японской императрицы Тэйси...

«Записки у изголовья». Не читал? В районной библиотеке есть.

Серафимов. И куда же ты едешь? В Москву?

Ксюха. В Мариуполь. Я с парнем одним познакомилась, он туда едет. И мне предложил... Говорит, там работа найдется. Так что с тобой мы больше встречаться не будем... Эд.

Серафимов. Почему?

Ксюха. У всего есть конец. Мне было хорошо с тобой, Эдди. Иногда мучительно хорошо. Но это уже в прошлом. И в моей книжке.

Раздает голос жены: «Я чай заварила! Забирайте!»

Ксюха. Передай Маше спасибо. Не за чай – за терпение. Она хорошая. Мне кажется, она догадывалась... А чай я уж, извиняйте, пить не буду. Прощай. (*Уходит.*)

Серафимов растерянно смотрит ей вслед.

Раздается голос жены: «Эдик, ну что же вы чай не забираете? Мне самой принести?»

Эпизод двенадцатый

В подвале Мариша и ее бабушка Катерина. На улице идет бой.

Обняв Маришу, бабушка молится.

Бабушка. Богородица, царица небесная, заступница наша, сохрани и сбереги нас!

Мариша. Так громко еще никогда не бахало...

Бабушка. Маришенька, помолись со мной...

Мариша. Я не умею, бабушка.

Бабушка. В мирное время всем не до Бога было. И мать твоя тебя в церковь брать мне запрещала... Что делать... А сейчас без молитвы никак. Ты хоть просто повторяй:

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную». Это Иисусова молитва называется, она самая короткая, да ведь не в длине дело. Можно и еще короче: Господи помилуй, господи помилуй, господи помилуй! Главное, чтоб от души молитва шла.

Мариша. Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Звуки боя еще громче. Бабушка и Мариша, обнявшись, шепчут молитву. Постепенно звуки немного стихают.

Мариша. Баба Катя, ты ведь каждый день Библию читаешь?

Бабушка. Каждый день. Так положено. И моя бабушка читала. Она говорила, «из божественного каждый день хоть кусочек прочесть надо...»

Мариша. А зачем?

Бабушка. Как же, в Писании вся мудрость мира собрана.

Мариша. Можно я с тобой вместе читать буду?

Бабушка. От чего же нет? Можем в слух читать. У меня глаза уже совсем плохо видеть стали, даже в очках, так, может, ты бы мне иногда почитала.

Мариша. А что читать нужно?

Бабушка. Можно хоть подряд все читать помаленьку. А можно в церковном календаре посмотреть, там указаны чтения на каждый день.

Мариша. А сегодня что читать нужно?

Бабушка. Не скажу... Календарь дома остался ... А мы давай откроем наугад? (*Открывает Библию.*) Второзаконие...

Мариша. Это что?

Бабушка. Это то, что пророк Моисей говорил людям в

пустыне... Ты поймешь. Должна понять... (*Читает.*)
 «Когда ты выйдешь на войну против врага твоего и увидишь коней и колесницы, и народа более, нежели у тебя, то не бойся их, ибо с тобою Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской. Когда же приступите к сражению, тогда пусть подойдет священник, и говорит народу, и скажет ему: слушай, Израиль! вы сегодня вступаете в сражение с врагами вашими, да не ослабеет сердце ваше, не бойтесь, не смущайтесь и не ужасайтесь их, ибо Господь Бог ваш идет с вами, чтобы сразиться за вас с врагами вашими и спасти вас...»

Мариша. Это про нас сказано?

Бабушка. Про нас? Можно сказать, что и про нас.... (*Прислушивается.*) Совсем стихло, далеко где-то стреляют...

Слышны голоса и топот сапог. Мариша прижимается к стене и закрывает лицо руками.

Бабушка (*крестится*). Святая заступница, спаси и сохрани!

Голоса: В доме нет никого. Может, в подвале кто спрятался?

Эй, есть тут кто живой? Свои пришли! Русские!

Дверь в подвал распахивается и заходят русские солдаты.

Бабушка (*встает и идет навстречу солдатам*). Мариша! Наши пришли! Господи, как мы вас ждали!

Конец

Журнал «ДрамТеатр» поздравляет
директора Российской государственной
библиотеки искусств
Аду Колганову
с награждением ее орденом
«За заслуги в культуре и искусстве»

В ОТСУТСТВИЕ ДОН ЖУАНА

*(о двух театральных интерпретациях
мирового сюжета)*

Сразу два челябинских театра один за другим выпускают спектакли о великом соблазнителе. Литературный материал разный: в театре кукол им. В. Вольховского – микс из классических произведений: Мольер, Гофман и др., в академическом театре драмы им. Н. Орлова – пьеса швейцарского писателя и драматурга Макса Фриша, написанная в 1952 году. Однако герой один. Темы (при всём разнообразии нюансов) тоже одинаковы – соблазнитель и соблазнённые, блистательный любовник и ревнивые мужья, слуги и дамы, любовь и нелюбовь, дуэли и вызов небесам, а главное – Испания. Испания в эпоху шпаг, бархатных камзолов и пышного кружева (так обозначим временной разбег от 14 века, в который жил исторический Дон Хуан, до последующих веков, его историю на разные лады пересказывающих).

Итак, снова повторим вопрос: почему всё это именно сейчас и так настойчиво? Попробуем на него ответить, рассмотрев обе премьеры. Постановку в театре драмы им. Н. Орлова удалось увидеть первой. С неё и начнём.

При чём здесь геометрия?

Пьеса Макса Фриша, как и спектакль Николая Реутова, называется «Дон Жуан, или Любовь к геометрии». В ней присутствует определённый рационализм и некоторая отнюдь не испанская, а вполне швейцарская «прохлада». Ироничная история о том, как умного юношу, увлекавшегося геометрией, прямо-таки заставили стать соблазнителем и убийцей, потом сами его дружно за это осудили, и бедный Дон Жуан, устав от навязанной жизни, решил удалиться на покой, разыграв мистическую сцену провала в бездну... Но вместо покоя в монастыре Дон Жуан получает персональный уютный «ад» в «счастливом» браке и перспективу стать отцом. В общем, как говорится в пьесе: «Куча баб и никакой геометрии».

Однако, несмотря на некую «головную» структуру сюжета, пьеса очень живая и смешная. Для артистов хороша - в ней есть что играть. Хороша для режиссёра, склонного к отгадыванию ребусов, - есть над чем подумать, есть задачи на решение. Хороша для художника – есть простор сочинять на тему эпох и работать над небанальными смыслами... К сожалению, складывается ощущение, что постановщики спектакля в театре драмы практически всеми возможными, услужливо предоставленными материалом, «царственно» пренебрегли.

Причиной многих неудач часто становится нежелание постановщиков глубоко читать автора и хоть сколько-нибудь доверять ему. Автор становится поводом для построения собственного мира, но законы, поставленные драматургом, входят в фатальное

противоречие с выдумкой создателей спектакля. Происходит не «дружеское» взаимодействие с пьесой, а борьба с ней. Только зачем воевать с выбранным тобой же материалом?

Обозначая место и время действия, М. Фриш пишет: «Место действия – театрализованная Севилья, время действия – эпоха красивых костюмов». Ни режиссёру Н. Реутову, ни художникам спектакля – Анвару Гумарову и Наталье Дружковой (костюмы) Макс Фриш не указ.

Удивляться не приходится. Вот уже лет тридцать

в театре стало общим местом отказывать и себе, и зрителю в удовольствии лицезреть какую бы то ни было «эпоху», тем более «красивых костюмов». Ныне даже последний оплот театральной красоты – опера – и то сдаёт позиции, так что «театрализованной Севильи» и какой-то там эпохи никто не ждал, не

приучены-с. Но хотя бы красивых костюмов.... Пусть и оторванных от представлений об эпохе Дон Жуана. Увы, разочарование было тяжким. Опишу только один костюм для примера: в первом акте на Донне Анне были уродливые штаны-лосины и коротенькое платьице, чем-то напоминающее наряд Принцессы из мультика о Бременских музыкантах. На других женских персонажах тоже было нечто подобное, и даже наброшенные позже длинные кардиганы (пеньюары?) положение мало спасали. Справедливости ради стоит отметить, что костюм блудницы Миранды во втором акте, когда она становится герцогиней Рондской, действительно выделяется на фоне всего остального костюмного решения воздушностью, изяществом и внятным намёком на «эпоху красивых костюмов», которую имел в виду драматург. Но эта удача выглядит не закономерностью, а случайностью. И именно потому, что мысль художника по костюмам кажется не продуманной, как будто в решении остановились на поиске, который так и не завершён. Про одеяния

мужских персонажей почти и нечего сказать, это просто условно современные костюмы.

То же самое – какая-то недовершённость, необязательность решения – прослеживается и в сценографии. Казалось бы, часть машинерии – светящиеся штанкеты, которые то опускаются, то поднимаются, то сходятся, то расходятся в стороны – это геометрические линии, ведь Дон Жуан у Фриша всерьёз увлекается геометрией. «Ну и что?» – хочется спросить зрителю, – кроме этой иллюстрации к хобби главного героя, какой смысл в этих «начертаниях»? Какой смысл в гигантском белом стуле, на котором иногда произносятся монологи и играют диалоги? И сразу что-то напомнил этот стул... Ну да, «Ричарда III» Ю. Бутусова, где Ричард в исполнении Константина Райкина, как школьник, становится на «стул» и бубнит монолог. В том спектакле смысл был ясен (инфантильность злого, уродливого, несчастного ребёнка – Ричарда), а какой смысл заключён в этом стуле

у Реутова? Загадка.

А вот тому, что Бутусов совсем не случайно пришёл на ум, нашлось подтверждение. Заглянув в программку, чтобы посмотреть, кто автор музыкального оформления, вызывающего такое же недоумение, как и визуал спектакля, читаем: «В постановке звучит музыкальная тема Фаустаса Латенаса из спектакля Юрия Бутусова «Мера за меру». То есть Николай Реутов впечатлён творчеством коллеги и цитирует. Цитирует, впрочем, не к месту, потому что музыкальный фон первого действия спектакля настолько расходится с собственно происходящим на сцене, что остаётся ощущение досады: музыка не помогает воспринимать спектакль, а мешает. Стиль этой музыки можно обозначить так – «ресторанная психоделика». То есть тот самый тупой, холодный, поливающий тебя равнодушием, с оттенком снобизма звуковой ряд, который ты нередко слышишь в заведениях, претендующих на «экслюзив». Провинциальная пошлость со страшноватым оттенком 90-х, отсылающая, например, к ещё одной «культурной» ассоциации – фильму Ивана Дыховичного «Москва» (кто помнит, тот помнит).

Во втором действии появляются какие-то испанские мотивы, под которые происходит мнимое сошествие Дон Жуана в ад и финальные сцены в замке герцогини Рондской. И здесь, по крайней мере, уже не так раздражаешься – перед нами иллюстрация, как в случае со сценографической геометрией.

Вы спросите, что я вокруг да около? Когда же приступлю к разбору режиссуры, актёрской игры,

когда пойдёт речь о сверхзадачах постановки, об идее? А ведь трудно «приступить», так как идеи у режиссёра Реутова не прослеживаются. Да вот так. Просто. Зачем он взял на постановку пьесу Фриша, что хотел сказать ею сегодня, в чём актуальность или же, наоборот, манифестационная не актуальность темы? Ответ так и

не найден, хотя попытки его найти не оставлялись.

Хотелось зайти со стороны выбора исполнителя на главную роль. Очень хороший актёр театра драмы Михаил Зузнев внешне абсолютно не тот Дон Жуан, которого ждёшь, и не тот, который описан у Фриша: «Самый изящный всадник из тех, кто когда-либо соскакивал с коня». Дон Жуан Зузнева – очень коротко стриженный молодой человек в очках, полноватый (что является результатом не только и не столько комплекции

артиста, сколько формы его костюма), напоминающий тот тип, который сейчас привыкли называть «офисным планктоном».

Вспомним пьесу. Дон Жуан Фриша изучает геометрию и очень много говорит. Более того, герой Фриша – интеллеktуал, который стремится работать, но ему упорно не дают: женись да женись, люби женщин да люби. Вот он и стал «любить женщин», а потом и женился, пустив геометрию побоку. «Прогнулся» под мнение «общества» и тем самым парадоксально это самое общество не устроил. Учитывая эту сложность образа, созданного Фришем, и, встречая на сцене вышеописанного Дон Жуана артиста Зузнева, невольно думаешь, не захотелось ли Н. Реутову решить Дон Жуана как некоего современного Гамлета (как мы знаем, принц Гамлет был полноват и некрасив, вопреки многим «классическим» решениям). Однако затеплившаяся было надежда на смысл тут же и погасла, потому что, кроме внешнего расхождения образа на сцене с образом из текста (а текст звучит, он не купирован), никаких иных тропинок в сторону «гамлетианства» Дон Жуана в спектакле нет. Михаилу Зузневу стоит гигантского труда выдерживать никак не решённые режиссёром монологи в скупо выстроенных мизансценах. То, что Зузнев хороший артист, всё-таки прорывается, как вопль отчаяния, в каких-то неожиданных моментах, и ты понимаешь, что в этом заслуга исключительно артиста, мужественно преодолевающего практически полное отсутствие драматической режиссуры. Николай Реутов – хореограф, режиссура для него занятие «второе». Впрочем, про это

чуть позже.

Преодоление отсутствия крепкой режиссёрской руки – беда всех артистов спектакля, а силы в нём собрались серьёзные: народный артист России Борис Петров в роли Тенорио, отца Дон Жуана, Ольга Рождественская в роли Эльвиры, Денис Кирш в роли Командора, Дмитрий Олейников в роли отца Диего... Кстати, именно Олейников, похоже, внутренне «отодвинув» режиссёрские наставления (если таковые имели место), внятно и чётко ведёт линию роли. Его священник – Диего – единственный персонаж, про которого всё понятно. Ясны даже повороты его судьбы, оставшиеся в намёках у драматурга. Олейников попытался протянуть тему двойничества своего персонажа и Дон Жуана. Он предстаёт неким несостоявшимся Жуаном. Это есть у Фриша, и Олейников это отлично делает, благо фактурно актёр, действительно, гораздо ближе к типу соблазнителя, нежели Жуан Зузнева. И если бы Дон Жуан в спектакле был иным, то пара – Дон Жуан-Диего могла бы «сыграть» на ура... Но... мяч, брошенный Дмитрием Олейниковым, не пойман и не отбит. И не актёра Зузнева и других в этом вина. Создаётся ощущение «покинутости» артистов режиссёром. И оно мучительно не только для них самих, но и для зрителя.

В пьесе Фриша много юмора. В спектакле Николая Реутова юмора нет совсем, мрачный унылый фон этой постановки настолько расходится с любыми представлениями не только об Испании, но и вообще о костюмном (ну ладно, хотя бы псевдокостюмном) жанре, что даже было бы забавно, если бы не было так

печально. У Фриша через комедию прорастает трагедия. В спектакле трагедия задана с самого начала, но трагедией не выглядит. Не трогает ничего. Потому что, как говорил Шекспир, «из ничего и выйдет ничего».

В завершении вернёмся к Николаю Реутову – хореографу. Ознакомившись с биографией постановщика, всё время ждала каких-то интересных

пластических решений. Хорошо, драматическая режиссура не основное в творчестве, но можно же работать в любимом, освоенном: танцы, интересное в пластическом отношении мизансценирование, движения артистов на сцене... Да простит меня, Николай Реутов, ничего из этого я не увидела. В спектакле всего три танца – танец блудниц, танец вдов и «дискотека» гостей на помолвке. Решены они в условно «современном» эстрадном стиле (сродни тому, что делает балет

«Тодес»)), достаточно формально. Не берусь объявлять себя специалистом в хореографии, но всю жизнь, так или иначе, занимаюсь танцем, и моё зрительское ощущение от пластики в этом спектакле в целом и от танцевальных номеров – это ощущение обманутых ожиданий. Танцевальные «вставки» предсказуемы и выглядят тем, что подкинули зрителю для разрядки в самых банальных местах, а разрядки не получилось, потому что всё так же недовершено и необязательно, как и во всём остальном.

Если вы скажете, что писать так о спектакле слишком жёстко, то я отвечу: не жёстко, а больно. Потому что хорошие артисты и хорошая пьеса заслуживают более вдумчивого, серьёзного и трепетного отношения от создателей постановки, чем то, что пришлось увидеть в спектакле «Дон Жуан, или Любовь к геометрии». И ещё, прошу отметить, что говорю я только о конкретном произведении, я не видела других работ Николая Реутова, возможно, замечательных. Поэтому всё, что мной написано, относится исключительно к спектаклю по пьесе Фриша, глобальных выводов я не делаю.

Так почему же Дон Жуан в театре драмы? Почему именно такой, любящий геометрию и достаточно бездушный интеллектуал, каковым его создаёт Макс Фриш? Что такой Жуан может сказать сегодня обо мне и о мире, в котором мы живём?

Вопросы без ответа. Возможно, постановка театра кукол станет более внятной в моём смысловом поиске?

Есть ли Дон Жуан?

Жанр спектакля Александра Янушкевича «Дон Жуан» обозначен как мелодрама, хотя после просмотра создаётся ощущение, что предложенный создателями постановки жанр не укладывается в рамки ни мелодрамы, никакого-либо иного жанрового определения. Драматург Алексей Гончаренко технически очень умело соединяет тексты Мольера, Байрона, Гольдони, Мериме и Гофмана. Видимо, задача творцов спектакля состояла в том, чтобы протянуть во времени, сквозь эпохи и страны образ рокового соблазнителя, не «привязывая» его ни к чему конкретному. Если такая цель действительно преследовалась, то «размытость», «неконкретность» истории удалась. Отсюда, возможно, и нечёткость, даже неопределимость жанра.

Сценографически (художник Антон Болкунов) воссоздано некое замкнутое пространство – по две

простые деревянные двери с одной стороны кулис и, с другой стороны. Ещё играет шикарный бархатный занавес, который своим «оперным» закрытием и раскрытием как бы приглашает зрителя в театральную «коробку».

Заданный образ деревянной коробки, ящика с куклами хорошо работает на протяжении всего спектакля: открывающиеся и закрывающиеся двери – как крышки коробки – из которых «достають» кукол. А куклы – все, кроме Жуана. Только артист Артём Чистяков работает в живом плане. Даже Сганарель – артист Александр Малышев – находится в кажущейся огромной, наполовину деревянной ростовой кукле.

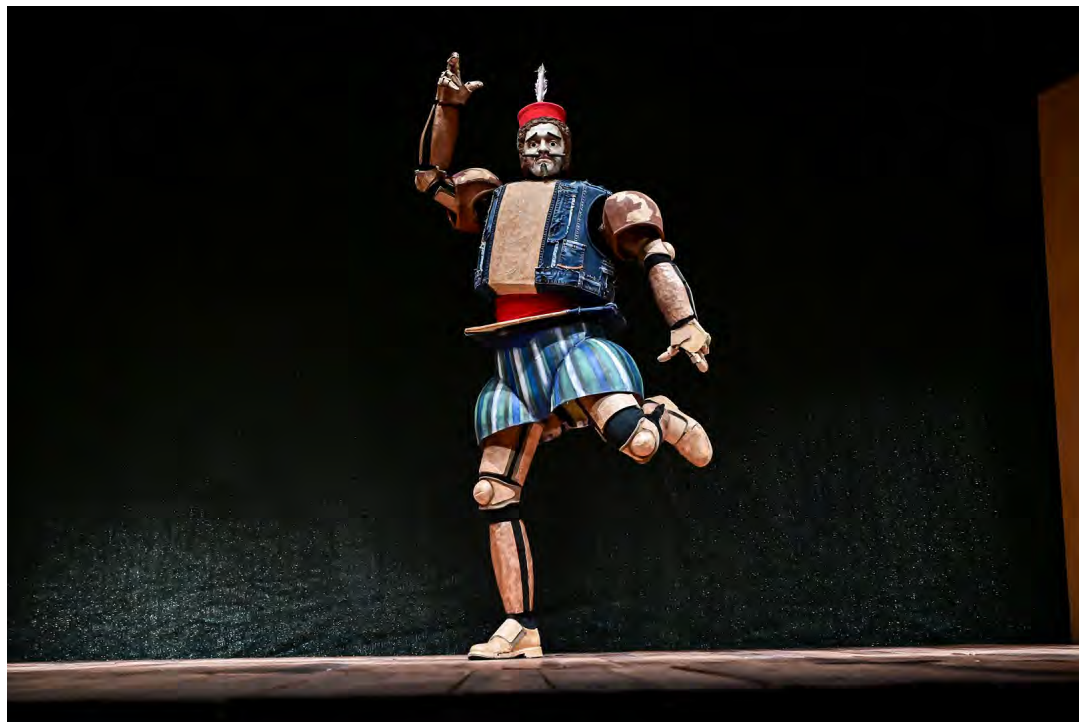
Остальные – женщины Дон Жуана, купец Диманш, Дон Луис, Дон Карлос и пр. – куклы. Куклы изобретательные, любопытные, замысловатые, иногда гротескные, иногда страшные... Говорят за них потрясающие голоса артистов-мастеров – Андрея Дрыгина, Елены Блажеевой, Арины Жариковой, Фёдора Псарёва, Елизаветы Борок, Арины Згурской

и др. замечательных актёров. Нередко ловишь себя на наслаждении просто звучащим голосом, настолько он звучен и интонационно красив!

Поначалу приём с куклами кажется остроумным. Дон Жуан в своём эгоцентризме считает на самом деле живым и ценным лишь себя. Ну, может, ещё своего верного Сганареля (недаром он в спектакле деревянный только наполовину). Все «любимые» женщины (и уж тем более встречающиеся на пути мужчины) для Дон Жуана лишь куклы, которыми можно вертеть, как хочешь. Мысль улавливается зрителем сразу, но позже появление очередной куклы уже не вызывает такой живой реакции.

Куклы сменяют одна другую, и ты вдруг понимаешь, что раздражаешься монотонности приёма. Происходит одно и то же в пространстве «коробки»: кукол «вынимают», играют с ними и «укладывают» обратно. Зритель начинает развлекаться тем, что ожидает, как будет выглядеть следующая кукла – и здесь его ожидания вознаграждены! Куклы просто великолепны. Они образны, их «пластика» совершенно ясна, они воплощают характер каждого персонажа. Особенно в этом отношении прекрасны женщины Дон Жуана: изящная Донна Анна в чёрном платье со светящейся головой; Эльвира – вся «разобранная» на шарниры и падающая, как бы раздавленная горем в начале, и поднимающаяся, восстанавливающая в финале; Инэс, на сердце которой висит замочек, а кринолин уж очень устойчив... Перечислять можно долго. Мужские куклы тоже очень характерны, хотя к образам некоторых из них могут возникнуть вопросы:

почему они именно такие. Так, например, кукла Дона Луиса – отца Дон Жуана – очень напоминает фигуру священника, но со странными кругами на боках «рясы», похожими на кельтские магические узоры...

Сганарель в исполнении Александра Малышева – полудеревянный и, повторюсь, очень большой – напоминает одновременно и Щелкунчика, и Гиньоля, и сразу всех персонажей западноевропейского кукольного мира. Складывается ощущение, что историю проясняет именно он, так как все его появления очень «вещны», осязаемы. Он играет роль некоего комментирующего «хора», хотя, как будто бы именно Дон Жуан и начинает историю, и рассказывает (отвлекаясь даже на лирические монологи), и заканчивает её. Сганарель Малышева в своей ростовой кукле сообщает всему действу нечто гофмановское. И вообще вся атмосфера спектакля именно гофмановская – яркая кукольная коробочка, в которой содержится страшноватая история.

Размеры Сганареля, рядом с которым Дон Жуан кажется даже немного щуплым, сообщают

персонажу нечто эпическое. Настойчиво заявляет о себе, возможно обманчивое, а возможно, и вполне реальное ощущение его большей значимости для спектакля. Кукла неожиданно становится ведущей в паре с человеком, и от этого – неуютно. Здесь тоже есть некое гофманианство, стилистически и атмосферно разлитое в спектакле. Обязательно нужно отметить, что

музыка, специально написанная для спектакля Андреем Евдокимовым, тоже поддерживает общее настроение тревоги и некоторой безжалостной механистичности «кукольного» мира. В главной музыкальной теме, часто связанной, кстати, с появлениями на сцене Станареля, светлый перебор испанской гитары не смягчает ноток чего-то жутковатого, постоянно идущего по пятам, но при этом остающегося «в рамках», находящегося как бы над повествованием.

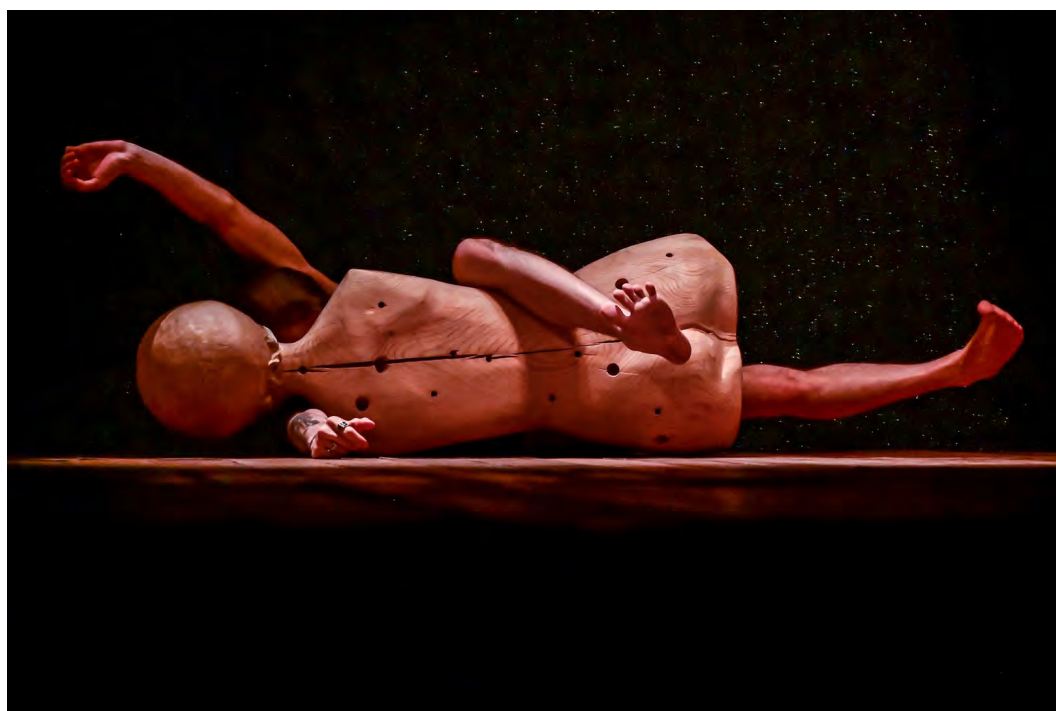
И опять же в истории, рассказанной Янушкевичем и его артистами нет и капли юмора, хотя всё же львиную долю драматургического текста составляет

именно мольеровский «Дон Жуан», а там очень много смехового, подчас саркастического, на грани того, что мы называем «чёрным» юмором, но спектаклем челябинского театра кукол вся комедийная составляющая игнорируется.

Даже комизм Станареля – комизм нарочитый, «несмешной». Гофмановская кукла – не про смех, она совсем про другие эмоции.

Есть ли Дон Жуан в спектакле? Фактурно, безусловно, да, что уже радует! Артём Чистяков красив, пластичен, при этом обладает неким отрицательным зарядом. Это не классическое «отрицательное обаяние», потому что «обаятельным» даже в таком ключе Дон Жуана Чистякова не назовёшь, слишком он жёсткий и недобрый. Красивая внешность в сочетании с изюминкой зла, если позволительно такое выражение, – вот, пожалуй, природа этого персонажа. Что ж, наверное, в трактовке режиссёра Дон Жуан и должен быть таким, и артист А. Чистяков отлично воплощает его задумку. И всё же... не покидает ощущение того,

что этот Дон Жуан как-то не завершён, он похож на не долепленную скульптуру. В такого Дон Жуана живая женщина (не кукла) не влюбится... Он отталкивает, потому что с самого начала в нём видно смертное отчаяние. Если, скажем, в мольеровской пьесе весёлая бесчувственность приводит к неожиданной для самого героя ужасной развязке, то Жуан Янушкевича-Чистякова как будто сразу такой развязки ждёт, если не торопит её...

С одной стороны, герою сразу вынесен приговор и это, возможно, позиция создателей спектакля, но с другой стороны, хочется живого развития образа, как бы «последнего слова приговорённого». Тем более, что в аннотации спектакля вдруг возникает образ... поэта: «С каждым новым столетием Дон Жуан приобретал черты сверхчеловека, который при этом оставался уязвимым в вопросах любви и свободы. Так часто бывает с поэтом, неудобным для общества». Если Дон Жуан – поэт, то как это выражено в спектакле, кроме того, что иногда его герои начинают говорить стихами? В чём Дон Жуан поэт? Если в любви, то нет. Ведь он, меняя женщин, не знает, что такое любовь. Лишь нечто, похожее на настоящее чувство, начинает брезжить перед ним в образе Донны Анны, как приходит наказание. Он просто не успевает полюбить. И неудобство Дон Жуана для общества заключается не в том, что он поэт, а, значит, вскрывает какую-то неудобную правду. Он неудобен, потому что он и вправду зло, без всяких кавычек. «Моралите», которое в конце мольеровской пьесы и спектакля Янушкевича произносит Сганарель можно играть по-разному, но в нём содержится реальное зерно:

обман, предательство, поруганные семьи и т.д. Что оставляет после себя Дон Жуан? Какую поэзию?

Так вот, если бы Артём Чистяков и Александр Янушкевич смогли меня как зрителя убедить в том, что Дон Жуан поэт, и провести эту линию, придав ей интересные психологические повороты, то, возможно, центральный образ спектакля можно было бы назвать удавшимся. К сожалению, пока для меня образ, созданный в спектакле, остаётся эскизом. Красивым, безусловно, но эскизом.

Так же не совсем внятен финал.

Ожидание «руки Командора» преследует зрителя чуть ли не самого начала спектакля. Ты прямо-таки ждёшь, как кукольники решат эту сцену провала в ад, тем более, что изобретательность их безгранична... Каково же разочарование от того, что провала этого так и не случается! Появившийся было в конце первого акта Командор с огромной рукой (почему-то смешной, а не страшный, хотя в преддверие его появления страшно всё-таки становится), приглашающий Дон Жуана отужинать, так больше и не возникает на сцене. Есть большая расколота мраморная статуя, которую почему-то вытаскивает поближе к зрителю сам Дон Жуан, а потом происходит выход в совершенно иную театральную стилистику. Дон Жуан расставляет на сцене белые нотные пюпитры и к ним присаживаются все артисты, игравшие в спектакле за сценой, в белых современных одеждах, как бы репетируя. Прочитывается (по бумажке) последний монолог Станареля Алесандром Малышевым, выходит изумительно поющая актриса Елена Блажеева в

чёрном платье Донны Анны и поёт отрывок из арии, написанной Моцартом... А Дон Жуан смотрит на всё это со стороны. Прямая отсылка к новелле Гофмана «Дон Жуан» и выход истории в пространство мировой культуры. Понятно. Но как эта сцена монтируется со всем остальным спектаклем, в чём закономерность именно такого финала для спектакля, который строился и игрался без внятных выходов за пределы сюжета? Остаётся загадкой.

При том, что визуально, технически и местами актёрски и режиссёрски спектакль оставляет впечатление честно и добротнo сработанного (по крайней мере, задуманного), повисает в воздухе главный вопрос: про что спектакль? Зачем Дон Жуан сейчас?

Некоторая рациональная скука и тоска, от того, что всё давно уже известно – и сюжет, и финал, и начало, и исход не покидают во время просмотра. Они растворены в пространстве спектакля. Всё механистично, эмоционально холодно. Возможно, в этом примета нынешнего дня? Возможно, такой унылый Дон Жуан – это Дон Жуан нашей эпохи? Если да, то почему?

К сожалению, ответа на все эти вопросы я не получила и в театре кукол им. В. Вольховского.

Нужно сказать, что соединение большого количества литературных произведений в один сценический текст, сделанное, повторюсь, технически очень грамотно, всё же сыграло не на руку всему спектаклю. Обилие «женщин», приходивших и уходивших, утомляло и несколько тормозило сюжет. Да, необходимость показать разное отношение Жуана к разным женщинам, нахождения им для каждого своего

языка обольщения совершенно понятна. Но как изящно и комично выходит из этой необходимости Мольер, и как тяжеловерсно получилось здесь... Всё-таки в очередной раз убеждаешься, что произведения гениев лучше играть в том виде, в каком они написаны. В них в каждом уже содержится то, что нужно. Только выбрать. И определиться.

Возвращаюсь к тому, что смутило сразу — неопределённость жанра (недостаточность эмоциональной структуры для заявленной в программке мелодрамы и недостаточность иных качеств для других возможных жанров). Насторожившая неопределённость оказалась не одинока: неопределённость образа главного героя, неопределённость финала, и в итоге, всё-таки приходится это, с сожалением, признать — неопределённость замысла.

***

Два Дон Жуана, два разных спектакля, две истории... Одна рассказана более удачно, другая — менее. Что в остатке? Появился ли сам Дон Жуан как полноценный образ, да ещё вписанный в наше время? Для меня нет.

Мне могут возразить: зачем я «привязываюсь» к отсутствию весёлости в обоих спектаклях? Во-первых, эпоха наша отнюдь не весела, во-вторых, любая история о Дон Жуане в конечном итоге мрачна. Так в чём же виноваты создатели спектаклей в театре драмы и в театре кукол?

Попытаюсь ответить. Трагизм и тяжесть историй о жизни «злого» соблазнителя не могут восприниматься во всём трагизме и тяжести без оттеняющих их

радости жизни, жаркого испанского (итальянского, французского) солнца, грубоватого житейского смеха, красоты платьев дам и блеска клинков, поминутно вынимаемых из ножен... Да, вот так просто и без затей. Блеск, смех, перевёртыши – игра, которая становится всё злее, всё отчаяннее и в итоге, превращается в игру с Роком, Судьбой, вызов Небесам. А вот здесь «сверхчеловек» становится мал, скукоживается и проваливается в бездну. Человек, возомнивший себя сверхчеловеком. И потерпевший крах. Не в этом ли и современность, которая могла бы проявиться в трактовке образов Дон Жуана, что в одном, что в другом спектакле (есть этот смысл даже у Макса Фриша в его иронической трактовке «ада»)? И не в этом ли была бы верность атмосферы? Не мы ли сейчас в блеске и шуме нашего комфортного бытия уже вознамерились тягаться с Небесами?

Одно хорошо. Благодаря двум премьерам слой вековой пыли оказался стёрт с интересной темы, над которой, возможно, вновь и вновь станут работать художники, или, по крайней мере, кто-то из зрителей получил возможность подумать...

Майя Брандесова, Челябинск

Фотографии Марата Муллыева и Людмилы Ковалёвой

КОЛЯДА- PLAYS – ТЕРРИТОРИЯ ЛЮБВИ

«Коляда-plays» - фестиваль летний, было дело, когда из-за чемпионата мира по футболу его вынужденно перенесли на осень, тогда и программа была хорошая, и обсуждения прекрасные, а вот летнего темперамента и стремительности не хватало. И дело не в погоде, в год осеннего фестиваля с температурой все было вполне сносно, дело в колорите – у Коляды он летний, многоцветный, буйный, как на коврике, что стал эмблемой нынешнего фестиваля. Коврики вязали актрисы и друзья, их было много – маленьких, нашитых на футболки, а огромный красовался перед театром, выполняя функцию фотозоны.

О стремительности. Режиссер Марина Чувайлова, снимая фильм о Николае Коляде, дала ему очень точное название: «Ужас, летящий в ночи». Все, кто попадали в орбиту фестиваля, двигались в темпе presto. Вот так же стремительно в свое время носился между

фестивальными площадками Евгений Евтушенко в национальном халате, подаренном киргизскими артистами.

Зашкаливающая энергия основного конкурса, off-программы, читки, эскизы, актерские клубы, утренние, теплые в прямом смысле этого слова, газеты...

Коляда-plays – это не только про новые формы, он – про новые пьесы, и пьесы эти – учеников Николая Владимировича. Специфика Коляда-plays сложилась на первых фестивалях, когда в афише был только Коляда. И именно тогда особое зрительское и исследовательское удовольствие складывалось из сравнения одних и тех же названий, прочитанных и поставленных разными

театрами – на самом первом фестивале, были, к примеру, немецкая «Рогатка» и «Рогатка» Виктюка. А затем, когда фестиваль превратился в фестиваль современной драматургии, диалог интерпретаций продолжался. Пьесы учеников Николая Владимировича ставили активно и в России, и за рубежом. И особый интерес представляли и представляют сейчас спектакли на иностранных языках. Из них практически всегда уходит быт, и они поднимаются до метафизических обобщений. Так было когда-то с польской «Курицей», когда смешная цеховая история о быте и страстях артистов провинциального театра в польском варианте приобрела аристократичность, повседневная жизнь наполнилась новым измерением – причастности к творчеству, что было доказано блистательным финалом, где режиссер репетировал Чехова (какие могут быть разборки и претензии к творцу?). А незабываемая «Русская национальная почта» Олега Богаева в исполнении артистов Лондонского театра Sputnik, где английский язык выполнил функцию остранения, усиливая абсурдистскую историю одинокого человека.

Традиция участия в конкурсе спектаклей по одним и тем же пьесам незыблема. Были времена, когда самым «частотным» названием было «Наташина мечта», давно лидирует «Баба Шанель» (и этот фестиваль – не исключение), нынче было две «Горбатых» по пьесе Я. Пулинович (Театр-кабаре «АртРеприза» Вологодского Дома актера и Екатеринбургский Независимый театр «Тут»), две «Бабы Шанель» Н. Коляды (Тимертау и Бишкек), две «Угонщицы» (Ирбит и Шадринск), две «Горки» А. Житковского (Кемерово и Салават), три

«Старые зайчихи» Н. Коляды, (Магадан, Бишкек, Таганрог), последний поменял название на «Зайка моя»

Казалось бы, как по-новому можно прочитать и поставить «Бабу Шанель», историю про поющих пенсионерок? Вячеславу Виттиху из бишкекского русского театра драмы им. Ч Айтматова это удалось, в первую очередь, благодаря остроумной работе художника по костюмам Мариям Аблаковой.

На участницах ансамбля «Наитие» были невероятные кокошники, напоминающие барочные скульптуры с камнями, сосисками, перьями, цветными лоскутами и бог знает, с чем, кокошник становился визитной карточкой, историей болезни, являл собой код доступа к каждой героине. И первый раз за многолетнюю историю постановок мы увидели в роли Сергея Сергеевича (Марк Гликман), руководителя

ансамбля, актера не просто красивого, а очень красивого, в которого невозможно не влюбиться. И самое главное, что его мечта выступить с ансамблем в Америке, сбывается. И совсем неважно, что песня, которую они поют грустна, ведь мечта сбылась, любовь победила, а теперь – кода, «Гудбай, Америка».

Новое название в фестивальной афише – «Горка» Алексея Житковского («Горка» признана лучшей пьесой 2018 года на фестивале “Кульминация”, с тех пор ее

полюбили и как материал для читок, и спектаклей уже поставлено немало). История молодой воспитательницы Насти – классическая история маленького человека, подавляемого разными репрессивными силами. Здесь и власть институтов – в виде администрации детского сада, и давление родителей, и манипуляции (из добрых намерений) со стороны бойфренда, и просто усталость

молодой женщины, желающей соответствовать всем предъявляемым со всех сторон требованиям. Вот почему в спектакле Кемеровского театра для детей и молодёжи Анастасия (Ольга Ткаченко) часто на сцене почти раздета, этот выразительный нюанс подчеркивает хрупкость и незащищённость героини.

Социальные истоки насилия со времен Акакия Акакиевича мало изменились, а вот информационная культура подкинула современному человеку новое испытание – чаты. Можно дополнить слова Ж. П. Сартра «Ад – это другие», «Ад – это другие в чате». В обеих постановках (Кемеровской и Салаватской) переписка воспитательницы с родителями – завязка действия. «Собаки. Елочки. Олени. Эскимосы. Снежинки» – это не бредовое бормотание воспитательницы Анастасии, это распределение ролей к новогоднему утреннику. Очень похожими в спектаклях оказываются и бойфренды героини. Это молодые

люди, вступающие в жизнь сварщики 5 разряда с сильными руками, с простыми и понятными желаниями – скачать видео и посмотреть фильм, съездить на море, покататься на красном катамаране, желающие своей подруге просто расслабиться. На этом сходства постановок заканчиваются.

Жанр спектакля из Кемерово определен как «хоррор», салаватский спектакль – детсадовские хроники. В обоих спектаклях происходит исследование превращения подготовки к новогоднему утреннику в тотальную пытку. Кемеровская постановка приглашает принять участие зрителей в знакомом с детства обряде, действие спектакля начинается в фойе, до появления главной героини на сцене (босой, в белье и дубленке), все желающие получают листочки со словами песенки «Пришла зима», всеми руководит Снегурочка с нарочито фальшивыми интонациями, раздающая зрителям оценки «молодцы»! Возможно, обозначенный жанр связан с вовлечением зрителя в орбиту знакомых обстоятельств детского сада – глисты, подарки, репетиции, горка. А еще – страх, страх, генетически сохраняемый в поколениях елочек и снежинок. Если посмотреть холодным трезвым взглядом на предложенные обстоятельства, то это должна быть рождественская история подготовки к празднику, долгожданной встрече Нового года – с Дедом Морозом, Снегурочкой, подарками, горкой. Но нет абстрактного счастья и веры в новогоднее чудо, есть детский сад «Сибирячок», есть группа «Пчелки», чуда нет, есть Работа (монолог заведующей о Работе и есть основной мотив хоррора). Хоррор переживается

и благодаря довольно лаконичной сценографии – детским шкафчикам, сделанным не из теплого дерева, а из холодного металла, их передвижение по сцене создает ощущение работы большого, бездушного цеха. Не случайно, чтобы прийти в кабинет к заведующей, надо пройти через рамку металлоискателя, а все тексты песен, как требования ГОСТа, неизменны. Душа на этом предприятии – недопустимый романтизм. Душа – это про сострадание и творчество, это про Настю.

Вся администрация детсада – музыкальный работник Марина, медработник Жанна Борисовна, заведующая Зульфия Фаридовна – гротескные

маски-оборотни. Жанна Борисовна, опасаясь, что детский сад весь будет с глистами, сама не очень здорова, все время чихает и закапывает себе в нос, Зульфия Фаридовна (Наталья Ущенко) – милая дама

с прической учительницы литературы из «Доживем до понедельника» интонационно и пластически превращается в следователя НКВД.

Но Настя пройдет через все испытания – страшные сны, где она убивает детей, а дети привязывают ее к елочке и поджигают, возвращение таджикского мальчика Озода в семью, даже победит непроизносимый текст песенки, потому что зрители (по совместительству дети и родители) все споют правильно, и Олег вернется и построит горку (опять вместе с родителями). Вот таким хэппи эндом закончится спектакль.

«Горка» салаватского театра тоже, как и пьеса, закончится хэппи-эндом. Но путь к нему будет несколько иным. Во-первых, спектакль представляет собой густонаселенное пространство из родителей и детей, всех детей играют взрослые, не претворяясь малышами. Подобно тому, как маска отвечала за характер в древнегреческом театре, в этом спектакле функцию маски выполнял комбинезон. Взрослые мужчины и женщины в детских комбинезонах, чья расцветка напоминала рисунки фланелевых пеленок, дети и они же родители, присутствующие не только в чате, но и реально. Это густонаселенное пространство ощущалось как модель социума со своими стратами и иерархиями. Родители представляли собой социальную структуру общества – полицейский, врач, рабочая, богатая домохозяйка, все замотаны, как и сама воспитательница, все с разными представлениями о прекрасном (одна мама все время предлагала подарить детям на Новый год сертификат «Лореаль»), при этом все должны прийти строить горку (и ведь придут!).

Воспитательницу Анастасию Витальевну (Нафиса Мазитова), искренне любящую своих «пчелок», режиссер Ильсур Казакбаев заставляет все время находиться в движении – то надо делать зарядку, то бежать на музыкальное занятие, то к заведующей. Движение, в котором теряется цель, становится суетой, и суета становится одним из лейтмотивов спектакля – на заднем плане проносятся родители, на экране мелькают герои компьютерных игр, и лишь один ребенок по имени Озод никуда не торопится, точнее, никто не торопится его забирать. И только с Озодом (блистательная работа Якупа Шарипова) Настю посещают сладкие грезы о безмятежной свободе.

В спектакле очень много юмора, начиная с жестов мальчика Димы, по которым диагноз «глисты» может определить не только медработник, кончая любопытством Озода, ребенка, которого родители не забрали из детсада. Придя в дом к воспитательнице, он стремительно превращает все вокруг себя в объекты игры – ножовку, вантуз, мясорубку, ласты.

Администрация детского сада – репрессивной машины воспитания – представлена гротескно и визуальными, и звуковыми характеристиками – от нелепой прически музработника Марины до громогласного зова, дополненного сиреной, Зульфийи Фаридовны (Рустам Фазылов) с маникюрной пилочкой. Режиссер прекрасно понимает, как можно злое снискать, превратив его в смешное, так монстрообразная, орущая заведующая завершает свою речь арией Царицы Ночи из оперы В. А. Моцарта «Волшебная флейта».

Классическая музыка возникнет и на музыкальном

занятии, но прозвучит она не из уст музработника Марины. Неожиданно, когда Марина будет сетовать, что ни воспитательница, ни дети не могут спеть припев песни про эскимоса «О дыхбордыхдыхбумбайдыхбай», мы услышим чистый голос Озода, таджикского мальчика-изгоя. Он окажется маленьким гением, подобно Робертино Лоретти, а затем от эскимосского припева перейдет на «O sole mio». Так в спектакль придут Клаудио Аббадо и Лучано Паваротти. И еще Чайковский. Финальный вальс цветов из «Щелкунчика» отогреет Настю, представляющую себя Карбышевым. Не надо подвигов, горку зальют, пусть будет вечная музыка и любовь.

P.S. На XVI фестиваль «Коляда-Plays»-2023 привезли 30 постановок из театров России и стран ближнего зарубежья - Казахстана и Кыргызстана.

Награды получили:

Гран-при –

Спектакль «Тихий свет» по пьесе Романа Козырчикова, театр Доминанта, г. Губаха, режиссёр - Дмитрий Огородников.

Лучшая женская роль –

Насира Мамбетова, Театр юного зрителя им. Бакена Кыдыкеевой, г. Бишкек Кыргызстан «Экөө» («Старая зайчиха») по пьесе Николая Коляды, режиссёр - Улан Карыпбаев.

Лучшая женская роль второго плана –

Марина Фальман, Русский театр драмы им. Ч. Айтматова. г. Бишкек «Баба Шанель» по пьесе Николая Коляды, режиссёр - Вячеслав Виттих.

Лучшая мужская роль –

Юрий Сысоев, Нижнетагильский драматический театр «ОЗОРНИК» Инсценировка Ирины Васьковской, режиссёр - Игорь Булыгин.

Лучшая мужская роль второго плана –

Якуп Шарипов за роль Озода в спектакле «Горка» по пьесе Алексея Житковского, Салаватский государственный башкирский драматический театр, режиссёр - Ильсур Казакбаев.

Лучший актерский ансамбль –

Кемеровский Театр для детей и молодёжи «Горка» по пьесе Алексея Житковского, режиссёр - Никита Бетехтин.

Лучший актёрский дуэт –

Людмила Анисимова и Николай Бекасов, «Магаданский государственный музыкальный и драматический театр». «Старая зайчиха» по пьесе Николая Коляды, режиссёр - Мария Леонова.

Лучшая работа режиссёра –

Александр Сысоев, Серовский театр драмы им. А.П.Чехова «9Б» инсценировка Алексея Еньшина.

Лучшая работа художника –

Театр кукол «Гулливёр» (г. Курган) «К.О.Р.О.В.А» по пьесе Семёна Вяткина, художник-постановщик - Наталья Бурнос, режиссёр - Дмитрий Ши.

Лилия Немченко, Екатеринбург

Николай КОЛЯДА

*драматург,
г. Екатеринбург*

ВИТЯ-МУРЗИЛКА

Пьеса в двух действиях.

Действующие лица

Василий, 40 лет.

Нина, его жена, 40 лет.

Галя, их дочь, 15 лет.

Игнат, 50 лет.

Анна, его жена, 40 лет.

Антон, их сын, 20 лет.

Витя-Мурзилка, 40 лет.

Промзона, почти окраина города, дорога, сад.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

КАФЕ

Август. Не лето и не осень еще. Скоро 1 сентября и начнутся занятия в новом техникуме, совсем новом – зачем-то его построили тут, на окраине города. Техникум, не техникум, или

колледж теперь это по-новому называется, что ли? Зачем тут? В России живем. Забор железный от всяких маньяков вокруг здания с колоннами поставили, деревца хилые посадили, дорожки тья-ляп заасфальтировали, окна после ремонта от грязи потёрли, мебель завезли и - всё. Стоит Колизей такой российский. Всё пока не загаженное, новенькое, нет внутри никого, только гастарбайтер - узбек, вроде – метёт крыльцо безрадостно.

А чего радоваться? Нечего. Это - «промзона». Дорога в две полосы, с ямами – после ремонта: «ямочный ремонт». Ямы засыпали асфальтовой крошкой и - готово. А что стараться? Ведь тут выезд на трассу. Дорога еще не ушла в лес, в поле, на волю – тут предместье, еще не выселки, а какая-то есть жизнь – тья-ляп.

Ах, какая прекрасная жизнь! Она вся у нас тья-ляп, так себе, туды-сюды, еле-еле, через пень-колоду, через одно место, черепашиным шагом. А что? Живём. Ничего – живём! Колготимся всё. Вот: через дорогу от техникума – две живопырки, два домика в два этажа. Возле этих домов тротуар, дорожка, мощенная булыжником – не добрались сюда асфальтоукладчики, оставили, как раритет. Этажи масенькие, высота потолков метра два. Тут лилипутам жить и то – согнувшись. В левом домике на втором этаже окна с занавесками. Прямо за граница: на первом этаже сделано кафе, нет, делается пока – у домика мешки строительные с мусором и доски, а среди них - стоят столики, четыре штуки, стулья пластмассовые, всё белое. В кафе обустроились, тут три окна в пол и дверь с колокольчиком, зеленые занавески. А сверху живут. Италия какая-то, только на русский лад – криво и кособоко всё. И вывеска стоит шалашиком, на ней мелом: «Кофе, бутерброды» и цена.

А справа дом – повыше. На первом этаже мастерская с вывеской «Стекло режем», и на втором этаже тоже квартира. В жильё

с улицы ползёт железное крыльцо. Рядом с крыльцом клумба-шина с увядающими цветами, и еще - вырезанные из шин лебеди: куда без них?

Домики стоят, вроде – рядом, но надежная граница, дорожка разделяет их. Тропинка эта ведет в сад, делит сад на две части. Камни на дорожке вычищенные, блестят. И дома эти, и дорожка в сад, и тротуар сделаны из булыжников, из таких уже ничего давно не строят. Каменные конуры на века построены.

Ну, такие: два домика кума Тыквы.

Слева и справа – только фундаменты, жил кто-то, когда-то, но всё – жизнь закончилась.

Огромный сад. Гнезда грачей, по саду стоят пугалы - крестом палки и в одежде, шапка сверху. Тополя налетели сюда, надвинулись, затянули землю, поселились между яблонями, иргой и сливами. А ещё клёны и их пустоголовые вертолётники поселились, а ещё малина. Малина - сорняк, только дай волю – затянет всю землю. И крапива – а куда без нее? Ну, крапива на плохой земле не растёт – такая она, зараза, любит чернозём. Когда-то сад был знатнёхонький. За садом – церковь. Бьет колокол. Тишина и покой, вроде. Но – не будет нам покоя.

Война. Везде война. Война между домами, подъездами, между отцом и детьми, с соседями, с цивилизациями, с космосом воюем, с природой - с чем бы только не воевать, но воевать надо. Не живется. Мирно никто не хочет. Всё не нравится в соседях. Всё плохо. «Не так вы живете, а так надо жить!». Как – знаем только мы. Эх, чёрт. «Места всем хватает на земле» – мама говорила. Да вот – видать, мало места людям, еще надо. Как мой отец говорил по-хохлацки: «Мэни ще надо!». Ну, вот так оно и выходит. Еще надо. Война. Воюй.

Война, и у кафе поддоны поставлены, чтобы отгородиться. Штук двадцать поддонов. Флаг над кафе и флаг над мастерской.

И над техникумом флаг. Везде флаги. Ну, раз война.

Те, кто в кафе живут, в саду часть деревьев срубили и пристраивают веранду. Она уже почти готова, глубоко в сад уходит. У второго дома на задах - фургон ржавый, когда-то был желтый.

Полдень. Жарко. На крыльце у «стеклорезки» сидит на самой высокой ступеньке Анна. Одета в черное с цветочками платье, сандали на босу ногу, грязная джинсовая куртка, голова платком повязана. Будто боговерующая. В телефон тычет пальцем. Василий идет из сада, весь в опилках, вспотел, в руках молоток. За ним чапает Витя, подпрыгивает, смеется, у него голова забинтована. Витя - инвалид какой-то, весь перекошенный, горбатый, помятый, дергается, хромает, но хорохорится, много машет руками, чтобы не было заметно, что он – недочеловек. А

Вася громко говорит, по-хозяйски, чтобы Анна слышала.

Василий. Прямо как по заказу, как знал ты, прямо, типа, появился со своими новостями, в натуре. И что вот мне теперь делать? Появился перед самым открытием, практически. Летнюю веранду завтра откроем, грубо говоря. И вдруг – ты, типа. Ну и вот, короче, такой вот прикол...

Витя. Да ты не миньжуй, Вася. Я помогаю и буду помогать ... И не подгадывал я! Я не в претензии. Я тут - местный. Молодой был, чухан такой, знаешь, замараха такой был, тут жил, вот... В школу еще ходил. Витя-Мурзилка звали. Любил Мурзилку! Меня не любили все. А потом вот - на кичу...

Василий. А кто это, грубо говоря?

Витя. Кича?

Василий. Кичу я знаю, типа. Мурзилка – кто, короче?

Витя. Собачка была, так звали. Я маленький, она

маленькая. Всё – она со мной. Вот с детства так дразнили. Я тут готов мыть, поливать, если огород посадите ... Тут мне родное. Только уехали все, вся улица. Сдуло будто всех. (*Смеётся.*) Фундаменты остались, а так – улица была, десять домой... Там пять и там – тоже пять...

Василий. Не вопрос. Посадим, обязательно, типа. Спасибо, что помогал сейчас.

Витя. И ещё помогу. Я рукастый, я научился...

Василий. Да, да. Соображаешь... Быстро оклемался ты, походу ... Мы же люди, вот и подобрали тебя. Собачка, значит? Ага, короче, такой вот прикол... Собачки тут нету, мягко выражаясь... Нет, ну хорошо – и живите тут, грубо говоря. Конечно. В смысле – ты, Витя, живи тут, типа того. Вместо собачки. (*Смеётся.*)

Витя (*смеётся*). Я – да! Я страшнее поповской собаки, буду, ага! Мурзилка, ага?

Василий. У нас же в городе квартира. Просто, понимаешь, мы месяц назад с дачи ехали мимо этого дома – пустует. А чего бы и нет? И вот месяц как мы тут строиться начали, чтобы подгадать, типа, к 1 сентября, к студентам, там техникум новый, во-от... А с документами, подумали – не вопрос, потом. И вот уже с этими соседями месяц как воюем, грубо говоря. Ну, так – вяленько грыземся, буквально практически... Ну и вот, короче, такой вот прикол... А тут – ты вдруг, грубо говоря. А когда мы – ну, понимаешь, да? И вот тогда – сразу же начали, типа. (*Молчит.*) Тебе сколько лет? Лет шестьдесят?

Витя (*смеётся*). Сорок, Вася, сорок. Говорил же. А двадцать – не было меня тут. И вот...

Василий. Да что ты, прикол, а? Помотала тебя жизнь. Ну и вот, про них-то, прикинь...

Витя. Ну, понятно. Они тихо жили. Вот и не нравится, что восстанавливать тут начали, да? Ты начал, имеется ввиду. Я знаю. Ну, ее – Анну эту, знаю.

Анна (*громко, с крыльца*). Знает он. Молчи.

Витя. Знаю. Чувырла.

Василий. Ты не изводись, в смысле – не обращай внимания даже. Пусть она, ага? Прикинь, такой человек, в натуре.

Витя (*Анне, громко*). Кого мне бояться? Мой дом. Раз я сидел, то я не человек? Имею право. Я исправился.

Анна. Исправился он.

Василий (*сел за стол*). Да! Угадал! И потом: раз, ты говоришь, у государства украл, не у людей и тебя, типа, наказали, и тебя - на кичу, в смысле – посадили, то это – ты не украл, грубо говоря. Оно должно нам доплачивать. Государство нам обязано нам доплачивать за такую жизнь. Так я считаю, грубо говоря. И потому я тебя – прикинь: прощаю.

Витя. Чего прощаешь?

Василий. Ну – вообще всё, буквально – всё, практически – не вопрос.

Витя. Я ее знаю, говорю. Анну эту – знаю. Реально.

Анна. Знает он. Да, да, у государства он украл. Вот про тебя все тут всё знают.

Витя. Нет тут никого, только ты осталась. Тебя не спрашивали. Я своё отсидел.

Анна. Сколько ты сидел и за что, скажи ему, а? Ну, скажи? Посмотри, а? Явился, не запылится. Мы все жданки прождали, проглядели, на тебя дожидаючись.

Мне аж спать страшно стало сегодня!

Витя (*смеётся*). А когда-то спала и ничего.

Анна. Не ври! Врёт! Что врёт? А? Витя-Мурзилка поганая!

Василий. Орёт и орёт. (*Анне.*) Ну, хватит, в натуре? Не поможет, грубо говоря. Вы там вон – занимайтесь и всё. Своё вон у вас, а тут – типа того... (*Молчит.*) Что ж? Договорились, да, Витя-Мурзилка? (*Смеётся.*) Смешно зовут тебя! Ты не обижаешься? Да чего там обижаться, раз так зовут. (*Смеётся.*) Да, сад весь наш. Ну и вот, короче, такой вот прикол... Перекопать его надо весь на осень. Завтра 1 сентября. Ну, не бесплатно. Если перекопаешь, ну – типа конкретно. Да?

Анна (*громко*). Ничего тут не ваша земля! Мужа нет, и сына нет – уехали, а то бы дали вам двоим! Вот приедут, вот покажут!

Василий (*Смеётся*). Приколдэс, да? Вот она месяц просто бухтела, ныла, пару раз в день, а теперь с утра – так рот не закрывает, типа, орет и орет, как ты пришел, конкретно. Ну, как тебя подобрали мы вчера на дороге, практически, то – вот...

Витя. Я бежал вчера, Вася, сильно бежал, ну – дом родной, двадцать лет не видел, выпил еще, бежал – и тут машина... Ну, не сильно, только головой ударился. Прошло уже! Ну так. (*Молчит.*) Практически – нормуль, да?

Анна. Вам сказано – этого не будет по-вашему! Это наша земля!

Василий. Да что ты? Ты кто такое тут? Прокурор, типа? Землемер? Ты что указываешь, походу? Ты бумаги мои видела, как говорится? У меня в администрации – всё

схвачено, допустим, ну?

Анна. Мы написали в суд! Напишем в суд! Будет суд! И не будет тут по-вашему!

Идет к поддонам, толкает их ногой.

Василий. Будет тут по-моему, Анна Дмитриевна, не вопрос. Иди вон отсюда и не трогай наш забор, походу. Поняла, типа? Ты дура, практически.

Анна. Сам ты дурак! Тьфу на тебя! Я тебе не Дмитриевна! Нашел Дмитриевну! Вот муж приедет, он всё спалит тебе тут, или еще хуже что сделает! Морду вам начистит! И ваш забор спалим!

Василий. Ну, давай, типа того. (*Смеётся.*) Прямо как хорошо, что ты появился. Прямо утихомирить её, или позлить хотел весь месяц, практически. Не идёт на переговоры, понимаешь! И тут ты – как прямо спецом. Да еще с такими новостями. Я люблю, когда война, типа. А то скучно. А тут – прямо война настоящая, по приколу! Я так сильно люблю! (*Кричит Анне.*) Ты с утра орёшь, в натуре! Ты кому орёшь? Резьбу сорвало? Фляга засвистела?

Вася смеётся, идёт в кафе, оттуда на второй этаж, там половицы скрипят.

Витя поддоны поправляет, ставит на место.

Анна. Эти тут строятся уже месяц! Они строятся стали! Где документы?

Витя. Есть документы. Будут. По закону мне – моё. Не имеете права меня без жилплощади оставить, я знаю. Закон есть. В России законы исполняются. Он меня с того света вытащил. Машина вчера сбила. Ты ж ведь не подошла.

Анна. Я еще ко всяким алкашам подходить буду, да?

Нет! Не сильно, видать, сбила, раз ты с утра уже - уже бегаешь, помогаешь этому уроду веранду строить! Он тебе нальёт, да? Витя-Мурзилка! И на зоне чуханом был, ясно!

Василий идет из дома, несёт салфетки, тарелки, ставит на стол.

Василий. Вот и хорошо. Понимаю, понимаю, дом родной, короче. Только он ведь стоял пустой, и мы думали – техникум тут строят, еда, сад такой, атмосфера, понимаешь, вот я и начал веранду делать, как-то так, да? Короче – вот. Ну, раз она тебя знает, типа того, то ты с ней – ага? (*Громко.*) Слушай, ты, Анна Дмитриевна? Вот – законный владелец появился. Словно по твоему заданию, ну? Так что не вопрос: тут я теперь – на всех основаниях, грубо говоря. Я у него снимать буду. Аренду, то есть, конкретно.

Анна. Наследник, ага. Он и ты, ага! Прокуратуру вот я вызову! Чтобы его посадили! И тебя до кучи – на кичу!

Ушла в дом, хлопнула дверью, звонит по телефону и слышно, как она что-то кричит.

Василий (*встал, снова ушел в кафе, принес бутерброды, две бутылки пива, сел за стол*). Перекусим давай, типа того. Садись вот. Вот, ты знаешь: она же нам ровесница, а уже – бабка, грубо говоря. Мы давно ли, а? Вот - давно ли - а? – мы с ними пили, гуляли, или еще чего, типа того, да? А уже она – бабка. А мы – типа ровесники. Ну, прикинь?

Витя (*смеётся*). Да, бабка. А ей сорок. И мне. Да.

Василий. Ешь. Жизнь – борьба, грубо выражаясь. До обеда с голодом – после обеда со сном. Или, как в армии говорили: «Вы копайте тут, а я пойду посмотрю,

где надо». (*Смеётся.*) Анекдот, типа. Ты, Витя, охраняй всё, как надо, грубо говоря. Там инструмент на веранде лежит, всё занеси в дом на ночь, потом, еще построим сегодня, а потом спрячь, типа того, и столы вот охраняй, и смотри всё вокруг. Кругом воры, Виктор! Я еще сейчас повешу там на веранду немножко гирляндок, грубо говоря. С тобой повесим. Сейчас привезут мне деревья в кадучках вот, типа того, я заказал уже, для атмосферы чтобы. Ну вот, а ещё: там ещё привезет сейчас цветов эта, эти мои - Нина с Галей... Во-от. Ты – это, типа того, украсишь, ага? Ну, вместе, да? Завтра откроем. Музыка – и так далее. (*Молчит.*) Постой. Дак парень этот её – твой сын, что ли или как? Похожи вы с ним, гляжу, типа, да?

Витя. Типа, да. Да. Похожи? (*Смеётся.*) Я его вчера не разглядел. Поди уж – ну да. (*Смеётся.*) Не родались мы. Столько лет я там. Пятнадцать. А потом пять лет, что ли, батрачил у одного – говорил тебе. Счет потерял, дни не считал, закрыл он нас, там нас много было ... Сука он ... Ну вот. Паспорт он забрал, а я сбежал, без ничего теперь... Но права имею, да?

Василий. Своровал и посадили, типа, на пятнадцать лет? Атомную бомбу ты украл, типа? (*Смеётся.*) С государством не играй. Дак паспорта нет у тебя, практически? Нет, нет, я тебе верю, что это твой дом, тем более, что она, типа, знает тебя, эта вот... Узнала.

Витя. Как не узнать. Вошкались. (*Смеётся.*)

Василий. Нет, ну дела, как в кино прямо, практически. Даже не верю, что это я не по каналу «Россия» смотрю кино, в натуре. Но раз твой дом, то я – как-то так, да? ... Твой сын, серьезно? Да. Новость. Надо мне Гале, жене,

позвонить, походу, сообщить ... Ну, дела: и дом, и сын его – типа, да?

Аня вышла, сошла с крыльца, снова толкает ногой поддоны, один, второй, третий.

Анна. Его, ага, ага, ага. Только Антону ляпни что, попробуй только, башку оторву. Или мужу. Я тебя знать не знала и не хочу! Я позвонила Игнату, он приедет вот, вот он задаст тебе и ему! И Антон приедет! Попляшете!

Василий. Видишь, народ зверьё какое, походу? Ставь на место, в общем. Не слушай.

Витя быстро ставит поддоны на место, смеётся. Вася смеётся, идёт в кафе, оттуда на второй этаж, там половицы скрипят. Звонит по телефону, кричит что-то.

Анна (*кричит, стоит на самом верху крыльца*). Бессовестные! У них ни документов, ни права никакого! Приехали, заселились и строятся еще! Кто разрешал?! Я знаю! Думают, как всегда в России: пока суд да дело, мы проживем да наживёмся! Я знаю его: у него в городе стоит три шаурмячных, дак он решил еще и тут наживаться, раз техникум близко построили! Я всем ору! Вот муж поехал, он разберется! Он ружьё купит стрелять вас!

Витя. Аня, ты ... Аня ... Это же я, ну? Ну, чего?

Молчание.

Витя подошел к крыльцу.

Аня прошла на три ступеньки вниз.

Анна (*шёпотом*). Уйди, уйди, Витя, уйди, Христом прошу! Ты пришёл - разрушать нас?! Уйди, не было тебя, тихо жили, уйди, уйди! Ты меня, ты нас в могилу, в землю свести хочешь! Ты откуда, уйди, мы тебя похоронили, уйди, Витя, Витенька, по-хорошему!

(Кричит.) А ну вон пошёл, вон отсюда уйди, вон, вон!

Бежит по крыльцу вверх, в дом. Остановилась, смотрит вниз на Витю.

Витя *(тихо)*. Аня ... Помирать будем ...

Анна *(кричит)*. Муж приедет, спалит вам всё, знайте! Мы напишем письмо в прокуратуру! Они приедут и всё ваше снесут! Это общий тротуар! Он устроил тут кафетерий! Не будет так, не будет!

Хлопнула дверью, ушла.

Витя постоял, сел в кресло за стол, смотрит на солнце, щурится, смеется.

Витя *(молчит, стучит пальцами по столу, поёт негромко)*. «... Он вбежал к ней как сойка влюблённая! Наконец-то мы, Аня, с тобой! А она ему финкой калёною! В грудь ударила за упокой! Он смотрел ей в глаза опечаленно! И без гнева с улыбкой сказал! «Поцелуй же меня на прощание!»... И со вздохом последним упал! ...» *(Молчит.)* Вы, значит, двадцать лет жили тихо, да? Тихо жили, моськи гунявые? Нет, не будет тихо, погань, в вашем логове гадюшном... Не будет по-вашему ... *(Смеётся.)* Смерть, где твоё жало? Ад, где твоя победа? Никто не рыдай о своем убожестве, ибо для всех настало Царство ... Никто не плачь о своих грехах, потому что из гроба воссияло прощение ... Никто не бойся смерти, ибо освободила нас Спасова смерть ...

Вася вышел из дома, несет две бутылки пива, сел, дал бутылку Вите, сел рядом. Крышку бутылки об стол стукнул, пиво открыл.

Вася тоже так же сделал. Молчат.

Василий. Витя-Мурзилка, говоришь? *(Смеётся.)* Да плюнь, не обижайся. Она с утра пластинку не сменит.

Пусть орёт. Она раньше на нас просто дулась, а сейчас стала орать впрямую. У меня всё чисто, Виктор. У меня в городе еще три точки общепитовских, она знает. Да, понимаешь... И всё я строил поближе к людным местам. Люди жрать хотят всегда. Конечно, типа, санэпидемстанция и всё такое, но я умею с ними ... Да! *(Смеётся.)* Да, да, воры кругом, отсидки-пересидки, и всем денег подавай, конкретно! Еще закуплю досок завтра и привезу, отгородимся от них, повыше забор сделаем, практически. Эта вот дорожка в сад наша будет, а их отгородим просто, и всё, грубо говоря...

Витя. Хорошо как. *(Смеётся.)* В смысле – пиво побежало. Хорошо, да?

Василий. Ну да. Тут выселки, буквально, тут советской власти нету, я тут буду делать, что хочу, как-то так, да? *(Встал, ходит, руками машет.)* Вот, на дорожку в сад дверь сделать надо, чтоб не шастали лишние, практически. А студенты эти из техникума - сюда сразу пойдут, походу. Мелочь какую, вроде чупа-чупсов буду продавать, жваку всякую, тут кафешку сделаем - вообще круглосуточную, деньга потечёт, конкретно говорю... Да! *(Смеётся.)* Ты сиди, сиди. Не могу дозвониться до своей ... Едет, поди, нет связи. А потом еще пойдём, Витя, да? Там надо гирлянду, огонёчки, такие, типа, повесить. Повесим? *(Молчит.)* Ты и строгать, и пилить – всё научился там? Там учат, да? Работаешь, а рубашку не снимаешь?

Витя. Да я мерзляк, мне хорошо так. Ну да. Там – научат.

Василий. Мерзляк? Да наколки, поди?

Витя. Ну. Наколки. *(Смеётся.)*

Василий. Господь с тобою, Витюсенька, милый! Мне – лишь бы, типа того, работал. Документы твои будут, ты найдешь, сделаешь, да? Ну, чтоб в порядке было, прикинь, так, да, по приколу? А то я тебе только на слово верю и только потому, что эта, говорит, тебя знает, да? Но надо, чтобы – бумаги, понимаешь, да? *(Смеётся.)* Я поеду вот в администрацию, там дружок, я узнаю ещё – как и что. Сейчас у тебя нет документов, конкретных таких, да?

Витя. Нет. Я ж говорил тебе. А по закону – моё это. Кто выходит из тюрьмы – за ним жилплощадь сохраняется. Я только приехал – и бежать. Выпил в дороге, и сюда – а тут машина, и меня – бамц! *(Смеётся.)*

Василий. Ну да, ну да. А тут мы. Закон, что дышло ... *(Молчит.)* Дышло, сусеки, исполать, колдобина – русские слова. Это я так – вспомнил. Ну, потом, типа того. Ну и вот, короче, такой вот приколу ... Просто, понимаешь, паспорта нет, того нет, а ты говоришь – моё, типа того ...

Витя. Да моё, а чьё?

Василий. Да понимаешь ...

Витя. Да я не хочу ничего этого. Мне бы угол и всё. Правда. Помирать приехал.

Василий. Ой, какие слова, Витюсёченька! Тебе сколько лет, а, помирать, а? Ладно. *(Смеётся.)* А я тебе и заплачу, и, типа того, постель-кров предоставлю, имеется ввиду. Тебя тут буду оставлять за старшего, практически. Даже лучше мне, что ты появился, не вопрос. Ну, сторожить – да. У меня же квартира в центре в городе, хорошая, практически. А! Я говорил уже. Я всё забываю и про одно и то же – десять раз

говорю. Нина ругается, а я просто наперёд думаю всё, практически, и забываю, грубо говоря. Ну вот, значит, в натуре. Ты охранять будешь, типа. Не вопрос: я тебе доверяю практически. Ты места эти знаешь. (*Молчит.*) Сколько сидел, говоришь?

Витя. Пятнадцать. Много. (*Смеётся.*)

Василий. Ну, что делать, такой вот приколот ... У нас страна такая: полстраны сидит, полстраны охраняет, типа. Будешь охранять. А эта горлопанка и её домашние заткнутся быстро. В России народ любит силу, грубо говоря. Пару раз, типа, надавлю на них – и будет тишина. Значит, из этих мест, походу?

Витя. Из этих. (*Смеётся.*) А тут какие места-то? Тут теперь пустыри, завалюхи, фундаменты остались, жизни нет теперь ... Ад один. Когда-то жизнь была. Тут жили люди, много, улица вся. Давно, тогда. (*Молчит.*) Пахнет как, а? Слышишь, да? (*Улыбается.*)

Василий. Чем пахнет?

Витя. Ну, капусту где-то солят.

Василий. Нет, не слышу.

Витя. Укропом пахнет, свежей капустой... И колокол звонит. И мухи летают, вороны кричат. Слышишь? Не слышишь?

Молчат. Вороны летают над садом, в чужие гнёзда садятся и рвут носами палки в гнёздах: там пусто уже, а они всё равно разоряют – охота им.

Василий. Нет, не слышу.

Витя. Всё, как тогда. Только тогда церковь ещё не работала.

Василий. Двадцать? Ну ты дал, типа.

Витя. Ну да. Двадцать годков меня не было. Пятнадцать сидел, а пять батрачил ещё ... Я же тебе сто раз сказал,

ну?

Василий. Ну ты дал, Витенька, ты дал ... Ну да, ты - сказал, а я – снова, да ... Долгонько ты на киче... (*Смеётся.*) Ну, еще раз: стоп, мне всё равно. Тут будет кафе, значит. Уличное кафе. Назову его «НИГА». Красиво, а?! И непонятно, главное. А это по имени: жена моя, типа, Нина и дочь Галя, как бы. И меня это будет греть, практически. Такой вот прикол. Я один буду знать это название, грубо говоря. Это моя семья, так сказать, такая крепкая. Я еще пива принесу. Раз перерыв. Потом поработаем еще, короче, такой вот прикол. Я работать люблю, типа. Работай, Витя, я не обману, помогу. Если с документами – тоже помогу, походу.

Витя. Да есть у меня где-нибудь документы ...

Василий. Сиди. Принесу ещё выпить. Поговорим про будущее. Сиди. Наше. Я вот тут в доме дверь прорублю и прямо туда, на веранду, практически. Тут будет кухня у нас, за перегородкой, тут будет дым-шмым, а там – будут столики тоже, и там студенты будут или кто еще там будут сидеть и есть, пить, типа. Пока тепло, до ноября, а там – утеплим, типа. Эх, прям вижу! Стоять деревья такие пластмассовые тут будут, да? Поставлю их, так? Ещё повесим фонарики по стенкам, такие, по приколу. Говорил уже. (*Смеётся.*) Во будет у нас веранда, во кафешка, как прям за границей! Ништяк вообще будет. А огород засадим всяким-разным и будем с огорода людей кормить, типа!

Ушёл в кафе. Что-то там делает.

Анна вышла, хлопает половик так, что пыль летит на Витю и на столики.

Анна (*говорит громко, чтобы Вася слышал*). Красивая

будет веранда, да? Молодцы! Огород посадят, помидоры, огурцы и всё с грядки – людям будет. Только не знают они, что вон там теперь – труба, крематорий там построили, да! Тут всё проклято - спасибо Вите-Мурзилке, спасибо ему!

Витя (*смеётся, поет*). «Перед ней он как перед иконою, в чём сумел заработать за срок! Фофан, кемель, да ксива казённая, да для неё оренбургский платок ...». А я тут причём?

Анна. Пой, пой. А при том. Как ты сделал это уродство – все тут забоялись жить! И бежать отсюда.

Витя. Пугливые... Сбежали, да? Надо же, какой сильный я.

Анна. Там людей сжигают в крематории, а пепел в сад летит! И твоё проклятье ещё – тут всё, всё!

Витя (*смеётся*). Крематорий построили, говоришь? А церковь открыли.

Анна. Крематорий, да! И все помидоры будут ваши – отравы! Ишь, он такой умный, он знает, он приехал и порядок делает! А там вон – мусоросжигательный завод! И оттуда тоже летит! Вот и жрите это, жрите этот пепел красный! Зимой тут весь снег – красный, как от крови будто! Вот так!

Василий вышел, несет две бутылки пива.

Василий. Да хватит! Крематорий, сжигательный завод – хорош врать, ну?

Анна. Ага, а что в саду всё жёлтое уже сейчас? Еще август не кончился, а они - что уже облетели? Все деревья? Летит оттуда – и с завода, и с крематория! Давайте – помидоры, огурцы, корми отравой! Бессовестные! А теперь – ещё и ты, всё вспомнилось,

всё оживает будто, что натворил!

Василий. Да не ори ты, типа, хорош... Вам, лентяюгам, всё оправдания, типа, найдутся... Вы и не садили огород никогда, просто потому - придумали что-то про крематорий, про завод какой-то, практически... Врешь, эта труба там – водокачка, поняла? Какой крематорий, что ты языком трёкаешь, походу?

Анна. Да, да, водокачка, давай, давай!

Василий. Да даже если и так: живых бояться надо, а не мёртвых, типа того. И какая с них пыль, какой пепел, даже если летит? Да и не летит, что ты мелешь вот? Ленивые, практически, земля стоит такая хорошая, чернозём, не паханная, не копанная лет двадцать, а вы пальцем не пошевелинули, чтобы что-то сделать, так, походу? Лентяюги.

Анна. Ты спроси, спроси его, где он был двадцать лет! Ничего, ничего, керосином оболью, погоди! И веранду вашу тоже!

Василий. Я ведь записываю, все угрозы, типа того, слышишь? У меня телефон включен на запись, ты понимаешь это, типа того?

Анна. Мне всё равно, пиши, пиши! Снесут твою «Воронью слободку», снесут! Сравняют с землей! Нет, чтобы договориться с нами, нет, просто – упал, как сорвался, и давай порядки, и давай тут жить! Да ты бы не дом выбирал, дурак, а соседей! Соседей надо выбирать! И с соседями договариваться! А еще и этот пришёл, тьфу!

Василий. Этот дом – не ваш, слышишь? И сад – не ваш. Ну и вот, короче, такой вот приколот ... Хватит орать, а?

Анна. И не твой!

Василий. Слушай, ну, вам же лучше будет, нет? У нас будут покупатели, и к вам тогда тоже пойдут, заворачивать будут на ваше крыльцо, нет?

Анна. Нам не надо! У нас всё - через интернет! Нам чтоб тут топтались – не надо! У нас столько лет – свои клиенты! А ты со своим бичуганом – хлебнешь ещё горя, как мы!

Василий. Лишним будет, что ли, ну, прикинь?

Анна. погоди, погоди, муж сейчас приедет с милицией! погоди!

Снова ушла в дом.

Василий. Ну, народ, а? Ещё и боговерующая ...

Витя. Она не боговерующая.

Василий. Ну, она одевается так, типа, по приколу ...

Витя. Нет. Боговерующие так не одеваются. Это же в душе так жить надо ...

Василий. А ты – типа: да?

Витя. Да. Я там стал верить, что есть что-то. Что держит. Время было, книги церковные там читал, молился, там Храм был, я в нём работал... Нет, она – другое. Я всё знаю по-церковному. Она – нет, не то. *(Помолчал.)* «Взял тело, а прикоснулся Бога. Принял землю, а нашёл в нём небо. Взял то, что видел, а подвергся тому, чего не ожидал ...» Ну, вот так ...

Василий. Чего?

Витя. Да так.

Василий. Чего ты сказал-то? *(Помолчал.)* Ей мужика надо, это видно, не вопрос, ну? Занялся бы ты, типа того, нет? *(Смеётся.)*

Витя *(смеётся).* Нет, это я уж никак, уже всё, нет, завяли эти, как их - помидорчики ...

Василий. Да шучу я, ты что вздрогнул-то, в натуре?

Анна снова вышла.

Анна. Слышу я! Яогрею кирпичом, мокрое место останется! Да! И тебя! Думаешь, не слышу? Сидит тут, кучка грязи, притулился, откуда, откуда все взялись?! Убийца проклятая!

Витя. Аня ...

Анна. Молчи, не хочу слушать! Это наша земля!

Витя. Да я не у тебя сижу, а на территории Васиной. И на моей.

Анна. Васиная-колбасина! Это наш дом, наша земля! Залезли!

Снова принялась толкать ногой поддоны.

Василий. Ты чего, конкретно? Иди выпей таблеточек, корвалолчику, типа?

Анна. Сам пей! Какого черта залезли? Это всегда была наша земля, а не ваша!

Витя. Это дорога, она всегда была общая. Я помню.

Анна. Ты помнишь? Ты, тварь? (*Помолчала.*) Слушай, начальник кофейни, я тебе скажу! Я ведь его сразу узнала, думаешь – не узнала?

Витя. Я знаю, что узнала.

Анна. Ну дак вот я этому начальнику твоему тоже скажу – узнала! Пусть и он знает! Его посадили на 15 лет, а он убил тут брата, а мать с отцом сразу померли, с полгода пожил всего ... Так что, считай, он троих тут убил! Понял ты, нет? А ты это не помнишь, Мурзилка?! Нет, не помнишь? А ты не знаешь, а что тут все разъехались, почему? Тут жить страшно стало! Он их – убил вон тут, да! Тут вот – да!

Василий (*молчит*). Да ладно, типа того ... Витя-

Мурзилка ведь он ... Он сказал – типа своровал машину там каких-то труб, у государства, типа того ...

Анна. Типа того, типа того, ага! Смотри, кого пригрел, смотри! Это его дом! Он из тюрьмы вышел. Как не убили его там, гниду! Витя-Мурзилка! Убил мать, отца, брата – и вот, выпустили, ты посмотри на него, а?!

Василий (*молчит*). Витя? Это – что, а?

Витя (*смеётся*). Не знаю, про кого она. Я её не знаю. Я украл машину железяк и всё. Такие вот дела, Василий...

Анна (*кричит*). Видишь, как в тюрьме его научили врать? Врёт и не краснеет! Видишь, нет?

Василий (*молчит*). Та-ак, Витёк, ты давай туда в сад иди, а я поговорю вот с девушкой, конкретно. Иди, иди. Соколик, касатик, ступай-ка, без проблем чтобы ...

Витя идёт по дорожке в сад, потом за углом дома ложится на камни, лежит, смеётся, травинку жуёт. Вася прошел к крыльцу.

Подошёл вплотную к Анне, говорит негромко.

Это что такое, типа того? Что за приколы ты тут?

Анна. А вот, короче, такой вот тебе приколы! Я его сегодня разглядела, вчера темно было, слышала – кричат, а я одна ночую, мужа нету, Антон на ночь тоже уехал куда-то. Ночь и с утра ещё думала: нет, не он. А это – он! Он мне все эти годы снился, не тот стал, но глаза – те же ... Вижу: да он, он, кто ещё.

Василий. Ну, он и говорит, что этот дом его, типа.

Анна. Его, конечно! Дом ты взял с прицепом, не знал ведь ты? Влез ты в конуру эту, а она проклятая. Тебе никто не сказал, и я не говорила! Ну вот, знай. Я не говорила, боялась вспоминать. Он, кто же ещё. Ещё и отнекивается. Машину украл, ага. Такая вот машина тебе ...

Василий. Стой, стой, стой ... Погоди. Дак этот дом – точно его?

Анна. Да сказали тебе сто пять раз, дурак! Его, чей ещё, сто раз тебе говорить?! А что, после тюрьмы они все лишаются, что ли, наследства? Оно к государству не переходило, оно осталось за ним! Тьфу, зараза ... Вот сейчас что у него на уме? Не знаю. Хоть собирай манатки и утекай отсюда. Ой, Божечки, страшно ... Ну дак, с бабой справились двое – два уголовника! Вот муж приедет, он вам покажет ...

Василий. А Игнат знал его?

Анна. Откуда? Он не местный, он из города. Я здесь всю жизнь жила, а муж – он ко мне переехал, как будто бы – ну, как говорят: примак. Как мать моя померла, он и переехал - мы тут жили всю жизнь вдвоём с мамой. Ну, вот как так жить теперь? Игнат машину в сад ставит, а этот туда ещё залезет ... Да ещё и Антон! Да и вообще! *(Плачет.)* Пригрел, обогрел, молодец! Бери, бери всех тюремщиков с улицы, бери, пускай в свой дом, а у тебя жена, ребёнок! У нас тут мастерская наша, буквы режем уже десять лет, а ты залез тут ... Да чтоб вы сгорели!

Ушла.

Василий молчит, оглядывается, потом идет в сад, видит, что Витя лежит.

Василий. Витя?

Витя лежит, улыбается, травинку жуёт, смотрит снизу вверх на Василия.

Витя. Правда.

Василий. Дак это она что?

Витя. Мой дом. И сад мой. И я убил, да. Я тебе продам

или даже отдам, сказал же... У меня денег – нет, одежды нет, ничего такого нет ... А ты вон строишь, замок красивый, веранда. Фонарики... Мне так нравится. Деревья будут пластмассовые, говоришь. Фонарики особенно! Я тоже хочу тут пожить. Ты меня возьми к себе. В фонариках жить - ты их повесишь, а я в них ходить буду, а? И снова – живы все, а?

Василий. Куда?

Витя. Жить с вами.

Василий. Кого жить? Куда жить? У меня жена, дочь – девочка-подросток.

Витя. Я не сделаю ничего.

Василий. О, да. Понимаю. Да, Витенька ... Вот это, типа, сюрприз, прикольчик ты мне приготовил.

Витя. Вася, да я безобидный. Она орёт – ну, этот парень, он это ... Ну, как сказать - ребёнок наш. Вот и орёт.

Василий. Не ребёнок давно, лобина вырос такой ... Ладно. Не моё дело, а ваше – соседское. Надо мне поговорить с юристом, я же думал, что дом стоит просто так, мне говорили, что пропал человек, практически ... Но про то, что тут было – мне ни слова никто... Стой. Стой, я пойду, позвоню одному тут человечку ...

Достаёт телефон, идет в сад, Витя вскочил, бежит за ним.

Витя. Стой, да ты постой ... погоди ты звонить там всяким, они запутают, денег просить будут ... Она с тобой дружить не будет, раз ты дело такое затеял, а меня побоится. Возьми в долю. Или я тебя в долю возьму, ну?

Василий. погоди, старичок, новые обстоятельства, я позвоню вот ... Место-то какое, вроде, так, что ли? Эдак прогорим, типа ... Как я так строить стал, а? Прямо, и правда, как в турецком сериале: вдруг наследники

появились, да? (*Смеётся.*) Прикол, понимаешь ...

Витя. На втором этаже на лесенке зарубки. Это я рос. И рядом – мой брат.

Василий. Которого ты – да?

Витя (*смеётся*). Которого я – да. Из-за неё. Да.

Василий (*молчит*). Врёшь ты все. Нет у тебя никаких документов. А она – не знаю. И сына ты придумал. И она тоже. Да вы с ней сговорились, да? Чтобы нас выжить? Не верю. Врёшь. Не вопрос, мне надо законы почитать про тех, кто вышел из этих мест кичёвых или как там, типа того. Ты уже слазил в дом и видел эти зарубки, конкретно? Где тебя черти носили?

Витя. Я ж сто раз сказал: я вышел, потом на Севере батрачил, там мужик злой построил в лесу дом и работать заставил... Нас там пятеро было парней. Мужиков, в смысле... Он закрыл нас ... И вот через столько лет - сбежал. И вот – бегу вчера, двадцать лет тут не был – рванул, а ещё выпил в городе там у вокзала с кем-то на лавке... А тут машина как раз, и сбила ... Смешно как. Мечтал, что прибегу, что обрадуюсь, бежал, а тут – машина...

Василий. Ладно, я пойду позвоню, типа... (*Молчит, потом смеётся.*) Ты прям поэт, да? Бегу, и волосы назад, да? А тут – машина, так? Сериал, блин ... Ладно, разберусь.

Ушёл в сад, на веранду, спрятался за каким-то ящичком, бубнит в трубку.

Витя сел на дорожке, прислонился спиной к поддонам.

Молчит, потом улыбается, говорит сам себе тихо.

Витя. А там по весне, там, на горизонте – там струилось что-то ... Над пашней пар шел и там струилось ... Как

будто река плыла над землей ... Мы с братом сидели на крыше, там вон, смотрели туда, а там – струилось ... Снег таял и жизнь была большой ... Пахло тестом, так пахло тестом, мамой и папой, тут пахло ... А мы туда смотрели – и там: обман зрения, я уже потом это понял: и там – река над землей, она вся светилась, сияла, играла, а это шёл пар от земли, от перепаханной земли – и всё над землёй летело ... И я смотрел туда, и брат смотрел, мы смотрели – как сказка, там что-то было, мы думали – там жизнь другая, там свет и счастье ... И девочка Аня была с нами тоже ... Это был сарай, блочный, потом надстроили его, живопырочка такая была, жили анины родители, приехали, взяли ... Они какие-то беженцы были, сбежали от войны какой-то, и тут притулились, больше негде было ... Там был – пар ... Струилось там ... А теперь – ад ... И всегда был ад, не пар, не пух... Смерть, где твоё жало, ад, где твоя победа? Нет пара, нет пашни, нет теста, нет, всё – нет, нет, нет ... Только война и нет ничего, война прошла тут, всё стёрла война ... (*Смеётся.*) Один человек войну сделал – я этот человек, я это сделал ... Один я!

Где-то к дальнему забору сада подъехала машина, хлопнули дверцы.

По дорожке сада, продираясь сквозь крапиву, идут Галя и Нина, еле-еле тянут большие клетчатые сумки.

Витя бежит навстречу.

Нина. Я варёная прямо стала. Угваздалась как, фу! Эти узбеки в такси вообще, походу, не знают город. Где-то встал у черта там на куличках вообще... Еле выползли через крапиву. (*Кричит Вите.*) Тебя он, что ли, подобрал? Бери сумки, тащи в дом.

Витя. Меня.

Нина. Он звонил, рассказал мне страсти, ночью уже. Галька приехала, разбудила, тоже рассказала. Говорит: машина, кровь ... Ну, дак помогай, раз очухался.

Пришли, сели у столов в кафе.

Витя взял сумки.

Витя. Куда это?

Нина. В дом отнеси, куда, куда, кудакало тупое.

Витя унёс сумки, в доме остался, слушает, что на улице, ходит, копается в чём-то.

Нина закурила.

Галя. Вот ведь пошёл, пошёл, еле ходит, фу ...

Нина. Где он? Звонит, чего-то мне, я в такси, не слышу, бу-бу говорит. Не поняла я. Где?

Галя. В саду с кем-то орёт.

Нина. Спина болит, сделай мне массаж: рельсы-шпалы, шпалы-рельсы ...

Галя. Отстань, ты вся мокрая.

Нина. Вот, доченька выросла, воды не подаст, как помирать буду.

Галя. Хватит тебе.

Нина. Я сама себя помну. (*Мнёт себе шею.*) «Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы, ехал поезд запоздалый. Из последнего окошка вдруг посыпался горошка ...». Не хочет матери помочь.

Галя. Заколебали вы все. Я устала от вас, мать.

Нина. «Пришли куры, поклевали, пришли утки, пощипали, пришел слон, потоптал, пришла слониха, потоптала, пришел маленький слоненок, потоптался, повалялся...».

Галя. Почему мы так живём?

Нина. Хоть бы кто меня помял ... «Пришел дворник, все подмел...». Ты глянь, он много уже на веранде сделал.

Галя. Дак не один, этот ему помогает. Отец и ночевал тут. Мрак, в какой дешманской одежде этот друг его новый ходит. В своё, что ли, одел? У нас папаня – покупатель года Кировского рынка. Нет, человек года «Экономаркета». Позорит нас.

Нина. Отец его в своё одел. Это евоная, вроде. Хорошая одежда, не приставай. Зашилась я, дышалки нет, нахрячилась тут с вами...

Галя. Он спал на веранде, отец ему тряпок дал. И так спал.

Нина. А ты тут до сколько была? Все шаталась по саду с этим Антоном? И опять на такси едешь домой, столько денег тратит! И что, что спал он там? Жара.

Галя. Бобик в гостях у Барбоса. Говноулавливатель папа наш – собирает всякое сроду-роду, чтобы подешевле ему было.

Нина. Ну да. Всё выгадывает: в одну дырку залезает, в другую выглядывает.

Галя. А этот – видно же сразу, алкаш, присел давно на синюю лавочку. А батя наш уже халкает с утра пиво с ним – вон: бутылки валяются.

Нина. На отца не говори такое! Он для тебя старается и для твоих детей! (*Мнёт себе шею.*) «Пришел директор зоопарка, оставил стул, поставил стол, поставил печатную машинку и начал печатать: «Дорогие мои дочки, посылаю вам чулочки, девочкам картинки, мальчикам ботинки, бабушке корзинку, дедушке овчинку ...». Так я тебя любила в детстве, а выросла

– такая ты стала злая ... Мы для твоих детей и наших внуков живём!

Галя. Не будет у меня никаких детей. И вам внуков не будет. Мне не надо от вас ничего. Пиццу давай закажем. Позвони, ну? Жрать хочу.

Нина. Ага, пиццу тебе. Завяжи лямку, барагозишь. Ты ведь зожница, какую тебе пиццу?

Галя. Я была зожница и веган. Теперь нет. Я увидела, как девочки анорексички болеют. Не буду так. Буду толстой. И Антон мне вчера сказал, чтобы я немножко потолстела. Он любит пухленьких, сказал.

Нина. Пухленьких любит, да? Губу раскатал. Я вот пухленькая. В стул не влезаю. Сижу на полужописе. Такой пример с матери – не бери! Ты чего с ним, с этим парнем, дружишь? У тебя котёнок был, ты куда его дела?

Галя. Отнесла на улицу. Ну, а чего он? Он всё лез на платье и плямкотел, всё титьку искал. Всю меня обмусликал. Надоел.

Нина. Поиграла с маленьким месяц и выкинула, да? Всё просила котенка, я принесла, а она выкинула, да? Злая ты растёшь, Галя. Он мамку искал, а не титьку! Даже животное вот как про мать думает. А ты – не такая. Ты про мать не думаешь!

Галя. Да ладно тебе, надоела, мать. Достали вы меня все. Сбегу от вас.

Нина. Нельзя так, Галочка, нельзя так с матерью. Попомнишь мать еще, когда она помрёт, и ты на могилку приедешь, и упадёшь на травку, и начнёшь ...

Галя. Да хватит уже, не начинай, надоела про эту травку сколько раз! Ты нас всех похоронишь ещё! Начну,

начну выть, ага, начинать буду, уже сейчас. Что ты за кайфоломщица? Я отдохнуть приехала, позагорать, а ты опять: стрижено, стрижено, нет, нет – брито, брито! Помирать собралась? Тебя палкой не добьёшь.

Нина. Куда ты котёнка отнесла?

Галя. В соседний подъезд. Мне он зачем – раз мусякает.

Нина. Ты приехала сейчас, потому что вчера с этим парнем тут гуляла! Ты не помогать приехала! Он тебе не ровня!

Галя. Сама знаю, отстань.

Нина. Я вот котика брала в детстве, жамкала ему ушки и говорила: «Ушки, ушки!» Потом: «Усики, усики». Потом: «Глазки-глазки!». Потом: «Носик, носик!».

Галя. Потом: «Жопка-жопка» и в жопу его целовала.

Нина. Нет! А потом его так вот баюкала и говорила: «Тра-та-та, тра-та-та, блестят яйца у кота!». Вот как надо было. Бери пример с матери!

Галя. Мать, ты совсем сдурела уже.

Нина. Я вот привезла отцу еды в коробочках, еще там салфетки, всякие тарелки и всякое такое для кафе. Из дома. Вот, его покормлю и - домой.

Галя. Что он там орёт в саду? Вздрюченный, орёт по телефону, всех ворон распугал.

Нина. А ты тут останься. Помогай ему.

Галя. Стружку подметать? Я угораю с тебя. Зачем мне это? Я что ему помогу? Я гвоздик вбить не могу, а ты говоришь – помогай ему.

Нина. Угораешь? Угарни, а ты угарни со мной! С Антоном вот поговори. Пусть он поможет папе. Соседский мальчик, поговори с ним.

Галя. Нашла мальчика. Ты всё халяву ищешь, а? Чтобы кто-то что-то за тебя сделал. Прямо как отец. Надоела.

Нина. А что тогда приехала?

Галя. Загорать, сказала же!

Нина. А я коту говорила: «Тра-та-та! Тра-та-та! Блестят яйца у кота!»

Галя. Пиццу закажи!

Нина. А про пиццу, знаешь, как у нас в ресторане начинку для пиццы называют? «Помои». Или еще: «Обзор за неделю». Всё, что подгнило в холодильнике перемешают и - на тесто. Вот тебе и пицца. Лучком зелёным сверху посыпать ещё – и всё. Это же всё итальянцы придумали, а у них всё гниёт, там же солнце, вот – чтобы не выкидывать, они и придумали эту пиццу, помои выливают на тесто, а вы жрёте ...

Галя. Я бы поехала в Италию от вас от всех. Задрали. Сбегу вот.

Нина. Кем ты в Италии будешь работать? Проституткой? Венец блядской карьеры. Ну, вперёд. Кто держит? Ты вот лучше бери пример с матери. Я вот в самом дорогом отеле работаю, и не просто так, а столько лет - менеджером.

Галя. Менеджером по чистоте. То есть – уборщицей. И не отель, а сраная гостиница, хостел почти. А ты кем там работаешь? «Стой там, иди сюда», что ли?

Нина. Не ври. Менеджером. Направляю потоки гостей. От дверей и прямо.

Галя. Ага. Стоишь со шваброй у дверей и ждёшь, кто намусорит. Вот и всё. Менеджер ты. Из говнюшки печенюшки сочиняешь.

Нина. Нет, я даже там психологом работаю.

Галя. Каким на хер психологом?

Нина. Не ругайся на мать! А таким. Пьяный подойдёт – поплачет. Расскажет всё, а я его успокою. И, кстати, тоже про сыр вот зелёный, про гнилой, скажу тебе...

Галя. Некстати совсем. Давай, звони - пиццу закажи!

Нина. Я тебе сказала, ну? Кстати, да. Кстати, вонючий гнилой сыр придумали тоже не русские люди, а там, на гнилом Западе! Придумали его эти вот лягушатники – французы. Деликатес! Фу! Да мне суй его в рот за миллион – не стану жрать! Вонючка! Любое говно упакуют в золотую бумажку – на вот тебе, ешь. Там у них всё на Западе прогнило, правильно говорит по телевизору Путин.

Галя. Не говорит он так.

Нина. Говорил раньше. Ты вот тут давай поработай. Это наше. Мы купили. А купили – не пропили.

Галя. Где? Никого вы не покупали. Просто захватом взяли и всё. Что я тут работать буду?

Нина. Тут, на этом доме работай!

Галя. Да как я тебе поработаю?

Нина. Кого пускают вперёд на необжитые территории? Правильно! Культуру! То есть, меня. Я культурная. «Тра-та-та! Тра-та-та! Блестят яйца у кота!». Почву прочувствую – и давай, приходи следом за мной бизнес. Я вот это место нашла. Ехали мы с Васей с дачи – дом стоит. Смотрю – а тут техникум. Я сразу Васе сказала: сюда давай поедем. Посмотрим место, будем осваивать новые территории.

Галя. Куда вы хапаете всё?

Нина. Всё для тебя, говорю же.

Галя. Мне не надо ничего.

Нина. А ты помогай. Ты с её сыном вчера по саду ходила?

Галя. Ну, ходила. И что? Ночевать я домой поехала, не тут спала, на что намекаешь? Говнарь, я сказала же. И не мальчик он. Ему двадцать лет. У него зубы редкие. Брехливый, значит.

Нина. Ты людей по зубам, как лошадей? А красивый какой. Хоть прямо в кино его. Кукуруза, как у Тома Круза. То есть, я не про это. А про то, что – вот, красивый он! И в кого? Она, мать его, страхолюдная совсем.

Галя. Он такой дурак, такую дурь, такую пургу несёт – ужас. И всё тоже - про деньги только. Лучше бы рот не раскрывал. И ему все драться со всеми охота. Война всё ему. Всё говорит, кого он победил и кому по зубам дал. И очки чёрные не снимает. Прячет что-то в глазах.

Нина. Синяки прячет, что ещё. Раз драчливый. Я знаю, ты в артистки наметилась. Я тебе покажу артистку.

Галя. Мама, хватит, а? Я пойду в другое.

Нина. «Тра-та-та! Тра-та-та! Блестят яйца у кота!»

Галя. Заело у нее пластинку.

Нина. Ты вот иди в массажистки. Я вот была когда в Египте ...

Галя. Ну, завспоминала...

Нина. Так вот, я когда один раз была в Египте – без вас, без тебя и без отца, ну вот ... И пошла там на массаж. И мне хорошо там массаж делали, я была довольна. Пока не узнала всё про этот массаж...

Галя. И что?

Нина. И то. А потом я лежу на пляжу ...

Галя. «Ляжу на пляжу», ага.

Нина. И вот, один мужик русский был, там были

большей частью немцы, как-то так, как говорится...

Галя. Да я слышала сто раз!

Нина. И вот русский парень мне сказал, говорит: ёперный театр тут! Говорит, что эта баба татарка, ну или она кто там – ебибтянка, вот она зимой торгует овощами на улице, ну там, картошкой и свёклой, а когда лето и сезон – то она идёт в массажистки. И парень сказал, чтобы я не доверяла. А я уже пятьдесят долларов вбухнула и уже не отказывалась, ходила, и она меня мяла, а я думала всё время, что она на моей спине картошку перебирает ...

Галя. Да хватит тебе, походу, бредить. Сейчас вспомни, как ты работала на ткацкой фабрике ...

Нина. А вот когда я работала на ткацкой фабрике ...

Галя. Хватит, замолчи! Слушать не могу уже! Бредит! Закажи пиццу!

Нина. Ты лучше с этим Антоном дружи, поняла?

Галя. То дружи, то не дружи. Может, мне и с бичуганом вот с этим дружить?

Нина. И с ним дружи. Он мутный какой-то, вижу, да. Какой-то он нам сюрприз готовит. Чувствую. Он сиделец – понятно же. Я психолог. Я таких вижу. В гостинице насмотрелась. А папка наш – тюфяк. Что вот ты думаешь, почему он всё заикается? Потому что - ссыт, всего боится, от тени своей шарахается, делает вид, что деловой, а сам – ноль.

Галя. Он великий бизнесмен. Три шаурмячных.

Нина. Ага, бизнес. Откаты только успевай платить. Просто, чтоб не скучно было. Служил, служил, всё про свою армию говорит, а служил он в стройбате и полы мыл он там.

Галя. Говорит, в морфлоте? На день морфлота всё ходит в тельняшке и купается в фонтане? Нет?

Нина. Ага. В говнофлоте.

Витя вышел из дома, улыбается.

Вот она - бесплатная рабсила. Да, дядя?

Витя (*смеётся*). Да, тётя.

Галя. Поддоны валяются. Иди, поставь, отгородимся от чувырлы этой. Она боговерующая. Православие головного мозга. Забор поставить надо, да.

Витя. Василий не сказал вам, не дозвонился пока. Сообщаю: этот дом – мой. И парень. А я тут жил и убил брата. А там в саду повесился один раз дядька наш. Тут место горячее, да. Ну, Вася сейчас всё расскажет. А дом – мой. (*Говорит быстро, наизусть.*) «Если кто-то из жильцов жилой площади, на которой вы проживали, не согласен вас зарегистрировать, вы можете разделить счет, и квартира как бы становится коммунальной, вас прописывают не во всю квартиру, а на ту комнату или в комнаты, где проживает родственник. Если согласия нет - вам необходимо обратиться в суд». (*Пауза.*) Это я там, на киче выучил ... И вот вам – к сведению ...

Молчание.

Нина. Чего-то бредит и бредит. Ты, в смысле, что говоришь тут про жилплощадь? Про какую ты? В смысле – что? В смысле - этот дом?

Витя. Это мой дом. И пацан мой. И всё тут моё.

Нина. Да? (*Молчит.*) «Тра-та-та! Тра-та-та! Блестят яйца у кота!».

Галя. Кто, чей? Кого ты тут?

Нина. Помолчи. Так, стой. Это что такое, а? А Галя мне сказала, что подобрали на дороге бомжика и что он

работать станет ... Нет, а что такое, а? (*Молчит*). Нет, ну, а что? Сгорел сарай, гори и хата. Да? Где Вася-то наш?

Витя. В саду. По телефону говорит. Может, уснул. Пивка выпили с ним. Я Витя-Мурзилка. Так меня звать. (*Смеётся.*) Галочка меня видела вчера, а вы нет. Познакомимся? Я – Витя-Мурзилка, говорю. А вы, значит, Нина? А Галочку я знаю уже, говорю.

Нина. Да, Галочку ты знаешь ... Какая Мурзилка ты тут мне ещё?!

Витя. Я – Мурзилка. Галочка вчера сразу уехала, но спасибо, что помогла меня привести в себя, во-от...

Нина. Ага. Вот что, да? Нашёл Галочку? Ой, беда. Ещё и коты эти, и пиццы, и всё – вот, надо же ...

Витя. Да. А теперь вот с утра я с Васей работал там. Мы с ним договорились ...

Нина. Ага. Про что вы договорились, мальчики мои дорогие?

Витя. Про всё.

Нина. Ага. Вы про всё уже договорились. Ясно.

Молчание.

Ты что там плямкотишь, как котёнок, что ты там жрёшь, доченька миленькая?! Что за еда такая у тебя там?

Галя. Это не еда. А чупа-чупс.

Нина. И что? Как не еда? (*Молчит.*) Сладкое – вредно. Это тебе не халам-балам. (*Молчит.*) Дак ты это Васе сказал уже? Ты давай, доченька, иди в сад, нарви травы какой позеленей с цветочками и вот поставь тут в баночки в такие вот, простые, из-под соленья, на столы – всё посвежее будет. Баночки у меня тут в сумках, достань их. Может, кто зайдет – накормим, раз

объявление стоит, надо его перекрасить, поярче, кстати.

Галя. Потом.

Нина. Суп с котом потом! Иди, говорю. Картошка дорожает, капуста тоже. А страна у нас аграрная. Как же так? Потому что вредители – заграница. Запад, пицца, сыр зеленый – вот в чем причина. Кто это капусту солит, что ли? Укропом так воняет ...

Витя. Мне бы чтобы уголок только дали. Баба в семье генерал, ты же знаешь. Скажи ему. Уголочек маленький, и я буду помогать. Я выпивающий. Бывает – уйду, и нет меня. Уйду в запой, имеется ввиду.

Нина. Ладно, пойду с Васей поговорю. Испугал ты меня чего-то. Ну, трёшь-макарёшь, египетская сила. Ушла.

Вася пришёл.

Василий. Я тут. Все слышно как хорошо тут, типа, хорошо слышно. Слушай, Нина, а вот где-то там на Севере, типа, грубо говоря, я иду, да? И тут навстречу, типа... Ну и вот, короче, такой вот приколот ...

Нина. Где на Севере? В морфлоте?

Василий. Да нет, не там ... Хотя и там – тоже.

Галя. Отец, прикинь, ну ты можешь мысль начать и до конца довести хоть раз? Всё в кучу. Бэ, бэ, бэ. Чего ты говоришь, ну?

Нина. Всегда он так говорит, пусть так, я понимаю, хватит на отца! Привет, зая. Ты, что ли, там варишь чего? Масло горит, воняет как, а?

Василий. Нет, я только бутербродики сделал – вдруг кто заглянет, а у нас уже готово. А воняет - у них. Чего-то варят. Варит она. Анна Дмитриевна эта, короче.

Нина. Ага. Она варит. И мы варим. У нас будет приход, чувствую. Кто-нибудь придёт. (*Смотрит на Витю.*)

Только дебет с кредитом не сойдётся, вижу.

Василий. А что? Сойдётся. Третий день как открылись – человек двадцать пришло. Немножко заработали. Хоть на гвозди на веранду. Напротив техникум, там столовой нет, я узнавал, и не собираются, вроде, делать. Студенты тут будут учиться завтра уже, областники, колхозники, им родители денег присылать много будут, куркули, чалдоны, татарва чертова, они все с деньгами...

Нина. Ты что, как бабайка, мне это сто раз в день повторяешь? Или как Мурзилка вот?

Василий. Дак я к чему, короче? Вот и пойдут к нам, увидишь вот, ещё как пойдут. Не бойсь. А если ты про Витю – то я тебе всё скажу, грубо говоря, не бойся.

Нина. Да уж тут не бойся, ага. (*Крутит пальцем у виска.*) Вася, у тебя червяк в голове.

Василий. Не бойсь, сказал! Главное – расшириться надо. Веранда главное. Будут по дороге сюда идти ученички и в сад. Вот тут указатель надо сделать: «Иди туда!». Буквы у этих не будем заказывать. Раз они – из недружественной страны. «НИГА» назову это кафе, я придумал, хорошо, да? «Нина» плюс «Галя», ага?

Галя. Зашибись.

Василий. Не бойсь, сказал. Над умыслом слезами обольюсь. Тоси-боси, то есть.

Галя. Чего?

Василий. Того. Жизнь – говно, все люди – твари, солнце – долбаный фонарь, не сказать хуже. Пошли туда, поговорить надо, как бы.

Ушли вместе с Ниной в сад.

Витя сел рядом с Галей.

Витя. Ты с ним поосторожнее.

Галя. Ты про кого?

Витя. Про Антона этого.

Галя. Он, часом, твой сын или как, или что?

Витя. Угадала. Похожи?

Галя. Как клюшка с шайбой. *(Смеётся.)* Ну ты дал, дядя. Кино и немцы.

Витя. А что давал я?

Галя. Чем дальше в лес, тем больше дров – ты давал. Я тоже пойду.

Ушла в дом. Витя сидит. Поёт что-то, улыбается.

Витя. Да. Как хорошо укропом и капустой пахнет. *(Смеётся.)* Надо вам разрушить всё тут, дорогие. Сделаю... *(Смеётся.)* «Шла она, к забору прижималась! И спина скользила по гвоздям!». А как ещё? Я сидел там, а вы тут жили? Непорядок. Так не будет. Нет. Я сделаю вам. *(Смеётся.)* Недружественные страны, дружественные страны ... Я вам покажу страны, суки ... Всё кругом колхозное, всё кругом моё, мои хорошие... *(Смеётся.)* Смерть, где твоё жало?

Вася что-то бубнит в саду с Ниной. Витя пошел к ним, стоит, подслушивает.

На велосипеде приехал Антон. Поставил велосипед у крыльца. Вышла Галя.

Галя. Пристёгивай. Украдут. Кругом воры.

Антон. Тут не украдут, тут людей нету. Мы не ворует, мы с отцом и с матерью своё берём. Не знаю – никогда не пристёгивал.

Галя. У Вити у Мурзилки был сейчас каминг-аут. Он рассказал всё про себя. И про тебя. Капец, приехали.

Антон. У какой Мурзилки?

Галя. Это наше всё будет всё равно. Отец ушлый, он хоть и дурак, но он как танк или бульдозер пройдет и дорогу проложит.

Антон. А он для кого старается-то? Он кому богатство навяливает? Тебе? Оно тебе надо?

Галя. Для семьи, для внуков своих.

Антон. Которых ты нарожаешь?

Галя. А что бы и не нарожать?

Антон. Острая на язык ты. Прямо как стеклорез. (*Сел за столик.*) Раз острая на язык, поцелуй меня в зад! (*Смеётся.*)

Галя. Это тут шутки у вас такие?

Антон. Нормалды, ага? Шутки такие, ага. (*Смеётся.*) Вчера была побойчее, податливее. Ну, неси мне чаю, или ещё чего. Жрать хочу. Раз у вас кафе. Я заплачу тебе.

Галя. Я не слуга. Ну ты и даешь. Хамлюга.

Антон. Вчера была повеселее в саду-то.

Галя (*закурила, передразнивает*). «В саду-то». Вот и в саду-то. Пьяная была. А ты знаешь, что мне пятнадцать лет?

Антон. А выглядишь, как пожившая. Старородящая. Кобылка-то объезженная. Куришь вон.

Галя. А тебе что за дело? Если я вчера разрешала прижаться, то это не повод для знакомства.

Антон. Тебе не папа ли заставил? Вы пройды, гляжу.

Галя. Чего заставлял?

Антон. Что ты вдруг охладела?

Галя. Власть поменялась. В армию тебя не заберут?

Антон. Зачем мне в армию, я там никого не знаю ... (*Смеётся.*)

Галя. Хочешь, скажу что-то, что ты на задние копыта упадёшь?

Антон. Вчера, говорю, была веселее.

Галя. Не весело стало.

Антон. Вечером там же? Продолжим? Я тут привез кое-чего. Покурить и вообще.

Галя. Поменялось кое-что, говорю же. У нас закрыто. Не принесу я тебе жрать и пить.

Антон. Я на тебя поглядеть без одежды хотел бы вот...

Галя. За погляд деньги берут. Ты знаешь, что ляпнул сейчас этот? Говорит, он тут жил, он знает твою мамку, он хозяин, у него документы, а отец тут стройку развернул. И главное – что ты: его сын. Вот от кого гены...

Антон. Кто сын?

Галя. Да ты, идиот.

Антон. Ну, знаешь, много кто с улицы придёт и скажет. Какие-то сериалы вдруг. Анекдот: «Ваш сын жив, мы нашли его на помойке, вот он!». (*Смеётся.*)

Галя. Мне по боку. Как выйдет, так и выйдет. Просто сказала такое вот и всё. И мне – до свидания.

Витя идёт.

Антон. Этот, что ли? Здравствуй, папа. (*Смеётся.*) Что за новости тут?

Витя (*смеётся*). Здравствуй, сыночка.

Антон. Я сейчас упаду и буду ногами дрыгать от счастья. Семья воссоединилась.

Витя. Я, наверное, уйду сегодня вечером, ладно, успокойся.

Антон. Так быстро? Дак что, мамка моя в молодости позволяла себе?

Витя. Все позволяли.

Антон. А я думал: старики опылением только занимались, летали, как бабочки.

Витя. Бабочки, да. Струилось что-то там, на горизонте, от земли поднимался пар. Пашня, снег таял, будто река бежало, там было что-то живое-преживое, пар струился, а это был обман зрения ...

Антон. Ну, ты смотри, а? (*Смеётся.*) А папка мой, тот который – он что? Он откуда появился? И ты вот – откуда появился? Я как раз уезжать собрался. Завтра.

Витя. А я сегодня вдруг.

Антон. А я вот завтра вдруг.

Витя. Далеко?

Антон. На Север.

Витя. Я там был уже.

Антон. И там счастья нет? Ну, хоть деньги есть, судя по тебе, обрыган.

Витя. Ты как с отцом разговариваешь? Встал, ну? Развалился, хозяйство тут показывает.

Антон. Чего? Чего сказал? Ты что? Ты кто? Ты, замараха, чухан, иди вон отсюда.

Витя. Ты как с отцом разговариваешь?

Антон. Говнарь ужаленный, пошёл вон отсюда. Ты откуда выполз, из-под какой теплотрассы?

Витя. Дак я шёл посмотреть, как дом ... Бежал даже к нему, аж под машину попал. Думал – тут тихо и тепло. А тут – только паутина. Новые хозяева. Ну и пусть строит. Хотел остаться, но – нет. Ад, где твоя смерть. Уйду, сказал. Сейчас кое-что сделаю только. И я сразу уйду.

Антон. Как-то ты так легко: дом родной тебе, а ты – уже

и ушёл, а?

Витя. А я ада вам хотел принести, сыночек. Я хотел разрушить тут всё, если у вас налажено так. Затем и приходил. У вас всё есть, а у меня ничего. Вы живёте тихо-мирно, у вас войны нет, а я вот 15 лет в тюрьме, да пять лет в тайге гнил, батрачил. И вот я тут меньше суток, а вижу: вас мир не берет, война идет, все насаждают друг на друга, землю оттяпать хотите у друг друга, готовы травить и спалить друг друга. Ад – хорошо же это. Вот и жало смерти. Дак это же хорошо. Мне и делать почти ничего не надо. Завидовал, а не надо было, вот я дурак, дурак я какой, а?!.

Антон. Ты ротик бы не разевал, дядя, а? Да ты кто такой? Что это тут, а?!

Витя. Хотел всё разрушить, чтобы и вам не жилось спокойно и пойти куда дальше. Тут мира нет, а я ищу покоя. Нету его тут у вас, совсем нету. На свете счастья нет, а есть покой и воля. Не знал такие слова? А знаешь про мальчика светлорусого, нет? Это не ты, нет, это я – светлорусый, ты не в меня ...

Антон. Чего?! Я вот врежу сейчас ...

Анна давно стоит на крыльце и слушает.

Анна. Антон, не связывайся.

Антон. Он что такое говорит? Мама, ну?!

Анна. Да врёт всё, убийца он, уйди от него, смотри глаза какие. Ты кто тут такой? Уйди от нас. Мы воевали, будем воевать, да без тебя, ты нам не нужен.

Витя. А за что воюете-то? Вы от скуки? Вашим внукам, что ли, хотите оставить всё? А они у вас будут? Ну ладно, будут. А они какие будут? Хорошие? Думаешь – хорошие?

Анна. Ты кто такой? Иди вон в свой лес, в свои поля, в свою грязь ...

Витя. Да, да, ты прав, я из земли вылез, я гриб сморчок, водяной, но я - соль земли. Вы разрушили мою жизнь.

Анна. У него крыша поехала. Кто разрушал? Кто тебе разрушил? Кто схватился за ружье?

Витя. Схватился, да ...

На скандал идут Василий и Нина.

Все тут, все пришли. Хорошо. Туда смотрите, ну? Там нет пара, да?

Василий. Чего?

Витя. Видите? Там, где был пар – там рога поднимаются.

Анна. Какие рога? Допился, белочка у него, белая горячка ...

Витя. Не видите, нет? Дьявола рога. Идёт уже к вам. Везде он побывал, а теперь к вам он идёт ... Пора уже. *(Смеётся.)* Ну, вот вам, раз так хотите и меня чморите - теперь я вас чморить буду. Вот вам до кучи правда. Слушайте. Васенька, а жена твоя давно мужа себе завела, в Египте, чёрненького. Она же туда каталась. Она в Египет ездит, у нее там муж черный, три раза ездила уже. Она третья жена там. А ты, дурак, веришь ей. А ты вот от налогов бегаешь, а набегаешь на ржавый гвоздь. Ты на неё всё переписал, а нельзя так доверять людям. Она ведь – шкура. А ты на неё шаурмячную переписал, одну, и вторую, и третью, всё от налогов бегаешь, от полиции скрываешься. А она – уже готова без тебя жить.

Василий. Чего? Чего ты?

Витя. А ты от чего прячешься, Вася? От себя?

Нина. Я ежа сейчас рожу. Вася, какие налоги, какие чёрненькие, какие молодые?!

Витя. Стой, еще не всё. С женой разобрались. Теперь тебе, Ниночка. У Васеньки ведь тоже есть любовница. Он и на нее кое-что записал, про что ты не знаешь. И даже семья там есть. И ребёночек там родился недавно.

Василий. Кого, чего, что?! Какая любовница? Ты чего?!

Витя. А дочка твоя в 15 лет спит – вчера вот только спала, ночью сегодня! - в фургоне в том вон - с этим вот парнем! Парню 20, ей 15, надо парня посадить, да? Сыночка-то моего. А матом сявка эта кроет так, как синявка с вокзала, так на зоне мужики у нас не матерились!

Галя. Да что он врёт всё?

Антон. Это у него паническая атака. (*Смеётся.*) Вот ведь обрыган, я ж говорил, а?!

Галя. Мама, не было такого, ты, заткнись!

Василий. Ты ведь сидела с ним там вчера?

Галя. Пиво пили, разговаривали, и что?

Витя. Ну, не так? Про кого что еще сказать? Вру? Значит – вру. Простите странника.

Вася подошёл, ударил Витю, тот упал, поднимается, смеется.

Голову разбинтовывает.

Идет Игнат.

Василий. Тварь какая. А я его от крови мыл вчера...

Витя. Хорошо. Как хорошо. Бей, бей меня ... Рога, рога там, ад, смерть, где твоё жало ...

Игнат. Эй, вы чего?

Анна. Где ты был? Тут с ума сойдешь ...

Игнат. Машина сломалась. Пешком шел.

Витя. А вот и Игнатик, да? Игнатик, значит? Ну,

здравствуй, парень. Где ночевал, соперник мой? А я сейчас расскажу, где ночевал ...

Игнат. Ты чего? Это кто?

Витя. Твоя жена Аня – думаешь, что она такая? Она родила не от тебя, а я у неё был первый, и этот парень-то мой. И тебе правду ещё скажу. У неё два любовника есть, она к ним по очереди ездит в город, понял?

Игнат. Он что такое говорит?

Анна. Куда я ездила?!

Витя. Анечка, а главное – сказать, пусть даже и приврать, и – наврать сильно, а вы там разбирайтесь. *(Смеётся.)*

Галя. Да что это за ублюдок больной тут появился? Он всё врет! Сдохни!

Антон. Он врёт!

Василий. Он всё врет!

Витя. А еще: Анечка приворовывает у тебя, копит, сбежать от тебя хочет ...

Василий. Кормили, поили его, спасли, можно сказать...

Нина. Да он пьяный. «Тра-та-та, тра-та-та, блестят яйца у кота!».

Василий. Полицию вызвать, пусть заберут.

Витя. Зови. *(Смеётся.)* Да и повод есть. Там бумажник лежал твой, я взял себе, сколько захотел. А захотел – всё. И украл. Потому что Сталин говорил: воруй, а Ленин говорил: не трогай. Поеду в город, пройду по магазинам, оденусь и вернусь к ночи. В городе Сочи – тёмные ночи. А вы – на выход с вещами, пока я езжу. Это мой дом.

Нина. Мы ж тебя пригрели ...

Василий. Бери деньги и вали. Забери и сматывайся

отсюда.

Витя. Нет, я вернусь. А вы собирайтесь. А я на веранде буду праздновать в огоньках явление на Родину ... Что молчите? Правды я хочу. За что я сидел? Почему я сидел? Я ему отомстил, брату. Я не виноват. Она виновата.

Антон. Уйди, а?! Вы что его не бьёте?! Сдохни, сдохни, сдохни!

Витя. Я из-за неё сидел. Я выпил и за ружье – тогда ... А мне надо было тогда: стакан бражки, да кружку компота. И всё, и голова в кустах ... Зараза ... Память не дает покоя. Что же, что было тогда? Хожу по лысому лесу, по лысому саду, по руинам этим, гляжу – ничего не узнаю. Всё, как у Есенина: «Жил мальчик светлорусый ...» ... Так, что ли? Вот из-за этой старой бабки я, да? А зачем? Правду скажите мне. Ничего мне не надо сейчас, кроме правды. И я хочу, чтобы тут пусто было. Чтобы не напоминало ничто никому никогда ни о чем, будто тут и не было ничего ... Как у меня чтобы было пусто. Было детство, было так красиво тут... А потом эти приехали, как вы приехали сюда... Был сад наш, там всё росло, а потом эти тут появились и всё разрушили... Они приехали, они разрушили, она была девушка, она была ... А теперь я хочу вам разрушить всё. Вас надо стравить, чтобы вы разодрались, спалили бы друг друга, чтоб тут пусто стало, пустырь пусть будет, чтобы не было вас тут, лучше пусть только дорога и всё, и всё, и всё! А я потом приду и на пустыре построю своё, на пепелище на вашем жизнь свою ... (*Молчит.*) А потом я убил брата. Он с ней вон вошкался. А она уже моя была. Убил, и что? Не переживаю. Мне Бог судья, не вы.

Уходите, уходите все, сказал!

Игнат. Это что тут?

Василий. Врёт всё.

Галя. Врёт он всё.

Антон. Не трогал я вашу дочку.

Витя. Я в вашу чистую воду гною и тины запустил.

Игнат. Иди вон отсюда.

Витя. Я пошёл. Собирайтесь. (*Смеётся, слёзы вытирает.*)

Уходит по дороге.

Темнота

Занавес

Конец первого действия.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

КАФЕ

На следующий день, 1 сентября, к вечеру. Солнце садится. Верхушки деревьев красным горят. Фонарики по стенкам в недостроенной веранде мигают. Там появились деревья пластмассовые в кадучках, столы, стулья - всё готово. Горят огоньки гирлянды, мигают.

Витя в костюме, костюм выглажен, Витя пострижен, сидит один на веранде, курит, пьет пиво из бутылки. Потом встает, ходит по саду, с кем-то говорит, поёт чего-то, смеётся сам с собой.

В кафе с сумками сидят Василий, Нина, Галя. На крыльце с чемоданами Игнат, Анна, Антон.

Галя. А вы-то куда собрались?

Игнат. А вы? Можете ведь еще побороться и повоевать.

Галя. Отвоевались. Не хотим. Страшно с ним. Он смеется и уже страшно. Рот гнилой. Вася звонил в

администрацию. Кому ты там звонил, Вася? Кто там у тебя? Понятно. Секретутка какая-то, поди.

Василий. Отстань.

Анна. А нам тоже тут житья не будет. Он ходит там по саду и сучки трещат у него под ногами. И разговаривает с пугалами. Как с живыми. Даже тут слышно. Лучше бы вы тут жили. А с ним – нет, страшно тут жить. А ещё и мусорный завод, и крематорий, давно надо было отсюда убираться потихоньку ...

Василий. Ну, вот, поняла теперь, что не надо было с нами ругаться? И жили бы.

Анна. Откуда я знала?

Галя. И куда поедете?

Анна. Игнат говорит, у него подружка есть в городе, к ней поедем.

Нина. Дак есть подружка? Не врал этот?

Анна. Нина, ну как тебе не стыдно? Что ты веришь этому боталу?

Игнат (Антону). Сынок! Ты почему всё время в черных очках? Синяки прячешь? С кем ты подрался, сыночек?

Антон. С кем надо, папочка.

Игнат. Из-за чего, сынок?

Антон. Из-за чего надо, папочка.

Анна. Вот ведь мир его не берет, дурака.

Игнат. Дак гены, поди, Анечка.

Анна. Хватит уже!

Игнат. Вот ведь зараза. Одна лампочка, там, на веранде - сломана и мигает, а отсвет от неё на всю гирлянду, блики такие, и словно вся гирлянда сломана. Только одна из тысячи мигает, но как будто сломано всё.

Нина. Зачем ты повесил гирлянду? Ему?

Василий. Я же думал, он своровал, и ушел, и больше не появится. Я же для студентов сделал, для клиентов. И деревья поставил.

Игнат. Сад твой без земли, на синтепоне.

Василий. И что? Всё равно – сад, если не приглядываться сильно. Китайцы хорошо делают теперь цветы и деревья.

Нина. И где они, твои клиенты?

Анна. И правда – сломанная гирлянда... Всё дрожит, как в страхе в каком, весь сад. Все деревья. Так вот и с людьми. Один сломанный, а так – будто сломаны все.

Галя. Там в саду стоят пугалы, я так боюсь. Стоит штук десять. Зачем их поставили? Кто их поставил?

Анна. Они стоят сто лет тут. Просто так. Чтобы лишние не лезли и не ползали по ночам.

Антон. Вчера не боялась ...

Галя. Пьяная была!

Игнат. Я ехал на похороны к матери, плакал всю дорогу, и один фонарь сломанный был, одна фара горела в машине, сломалась, а я включил дальний свет и этой фарой светил – на обратной дороге, уже в темноте, не мог там остаться в доме у них. И мне все мигали. А теперь, если вижу, что с одной фарой кто едет, то я думаю, что едут на похороны. Что едут маму хоронить, или похоронили уже и назад едут ...

Василий. Да, походу, что так ... Все умерли, да. Всё заканчивается, говорил Соломон.

Нина. Какой Соломон?

Василий. Царь был такой, дура. У него кольцо было, а на нем написано: «Всё пройдет».

Нина. Еще что скажешь хорошего?

Василий. Всё.

Нина. А ты откуда знаешь? Из интернета?

Василий. Из говнета. Он умер, его раскопали, а у него в могиле на пальце кольцо такое.

Нина. Мы маму хоронили тоже – в золотых сережках. Оставили ей на тот свет.

Василий. А ей они там – куда?

Нина. Откуда я знаю. Может, есть рай и она там гуляет в сережках.

Василий. Ага. Она прям в рай попала, твоя мама.

Нина. Мою маму не трогай!

Василий. Не трогаю я твою маму. Мама у тебя была – курам на смех. Переводчица с китайского на китайский. Сильно пьющая переводчица.

Нина. Не трогай, сказала! Она была переводчица! Потому что в Китае много диалектов и она с диалекта на диалект переводила!

Василий. Кого она переводила? Ее алкаши через дорогу переводили. От магазина к лавочке. Она была просто алкашка, твоя мама. Не трогаю я ее, нужна больно.

Нина. Не ври. Я к ней на могилку хожу и оставляю пирожки с повидлом. А она мне приснилась и говорит: «Зачем ты носишь мне пирожки с повидлом? Ты что, забыла, что я люблю пирожки с осердием?».

Галя. С каким осердием?

Нина. Ну, это требуха такая разная, называется осердие.

Василий. Понятно. Ухо-горло-нос-сиська-писька-хвост. С ливером, походу. С говном, короче.

Нина. Нет! С осердием! И я тогда принесла ей пирожков с осердием!

Галя. И что?

Нина. И она мне перестала сниться.

Василий. Слушай, ты почему такая дура, Нина, а?

Нина. А ты умный?

Галя. Собрались два идиота.

Антон. Не два, а шесть.

Василий. Я вот всё хочу попробовать, а как убить человека? Хочу убить и мясо увидеть, хочу на его место. У меня было пару раз, когда накатывало и хотел убить...

Нина. Ты в смысле – про него? Чтобы мы его все хором чпокнули?

Антон. Скиньтесь мне – я сделаю.

Игнат. Да что это за слова, ты сдурел совсем? Они ведь поверят: что ты серьезно, ну?! Ты мне сын или нет?! Ты что такое говоришь, а?! Я вот повешусь сам от вас! Пойду вон в сад и повешусь! Что молчите? Хотите? Испугались, да? Ага, вот что! Очко-то у вас не железное, жим-жим, да? Нет?

Василий. Все давайте повесимся. И там будем болтаться. Внизу – пугалы, огородные чучела, а вверху – тоже пугалы. И высохнем. И нас будет по ветру качать. И сюда никто никогда тогда вообще не войдёт в сад. Даже Витя-Мурзилка.

Галя. Будем музей всковых фигур. Нет, высохших фигур. Будет такая тут романтика – на жопе два бантика. Дурь.

Нина. Ну, что ж никто не идёт? И гирлянды горят, и деревья пластмассовые купили, а не идёт никто. Нет покупателей, нет клиентов. А что такое?

Анна. А в техникуме объявили карантин, болезнь, не будет никого, закрыли, не открывая.

Василий. А ты, словно, радуешься?

Анна. А чего бы мне и не радоваться?

Нина. Дак мы теперь вместе, в одной лодке.

Анна. Я не в вашем бизнесе. У меня вон – буковки, режем да режем.

Василий. Какие буковки ты нарезаешь? Нарезь мне: «Хочу сдохнуть». И я себе на шею повешу и так буду ходить.

Анна. Заходи. Сбацаю со скидкой.

Игнат. Какой карантин? Опять какого-то таракана китайцы съели? Да как так-то? Да что происходит? Была у нас такая тихая и спокойная жизнь и вдруг всё сломалось, а?

Василий. Войну надо было, вы же всё бухтели, что вам нехорошо что-то, соседи не нравятся, то не так, и это не по-вашему. Ну, вот война и пришла.

Игнат. Какая война? Чего делить? Этот сад? Да забери ты его, он кому сто лет сдался?

Анна. Не отдавай им.

Игнат. А тебе он куда? Мы же уезжаем? Или нет?

Анна. Уезжаем. Пусть стоит.

Игнат. А их куда? Они вон уже какой дворец построили.

Анна. И что? Дворец – пустой, никто не идёт, все болеют.

Василий. Выздоровеют, поди.

Анна. И что? Витя-Мурзилка будет этим всем владеть.

Василий. А может – нет? Мои стройматериалы, вообще-то, практически. За материалы пусть отдаст.

Антон. Он уже отдал. Кошелек у тебя украл. Милицию надо вызвать.

Анна. Да какая тебе милиция? Его там эта милиция не хуже тебя знает.

Василий. Может, я с ним договорюсь? Об аренде? И возьму вот вас к себе официантами.

Игнат. Спасибо, благодетельствовал.

Василий. Спасибо мало, бутылки хватит.

Игнат. Юморист.

Василий. Будете тут борщи подавать. Всем. И мне тоже.

Анна. Да нет никого, кому подавать-то?

Игнат. Мне подашь.

Анна. Тебе? Я тебе и так с утра до ночи подаю борщи.

Василий. Не ему, а мне подашь.

Анна. Мы все тут вдруг родня стали. И тебе борщи от меня надо? Да? С чего?

Василий. погоди, вот придут все. Придут.

Анна. Не придут, говорю ведь. В техникуме закрыто, сказала же, ну? Говорят же тебе, что зараза какая-то снова пошла по свету и снова всё закрывают.

Игнат. Я всегда думал, что сейчас – это понарошку. А завтра или еще когда будет всё по-настоящему, по правде. Почему я так думал?

Анна. И я так думала. Я тебя всегда любила.

Игнат. Потому что я тебя пожалел. Ты не знаешь, почему в самолетах стоп-краны синие, а в поездах – красные?

Анна. А?

Игнат. Юмор. Да ты не поймешь. И вы не поймете мою душу несчастную.

Анна. Да что у тебя за душа-то такая?

Игнат (*плачет*). Отвали! Вот у меня котёнок был в детстве, маленький! Глаза косые у него были, на киргиза он похож был! Я плакал маленький если вдруг, то брал котёнка и котёнком слёзы себе вытирал, а он терпел и

мои слёзы потом облизывал, он меня жалел! А больше – никто никогда в жизни, только этот киргиз мягкий!

Молчание.

Нина. Где же у него совесть?

Анна. Иди, найди у змеи ноги.

Галя. Какие все психические.

Нина (*роется в сумке*). В квартире дома у нас бардак такой, хоть «Аллах!» кричи. Дочка не поможет прибраться.

Василий. Аллах? Какой Аллах? Это в Корее кричат «Аллах»? Корея, Корея, постой ... Это они собак в шаурме едят, походу?

Нина. Они, они, отстань. Такой счет большой за свет пришел в этом месяце. Я ведь в этом месяце белье гладила. Вот и набежало.

Галя. Блин, они бизнесмены, денег полные карманы. Но у них гладиться нельзя утюгом, потому что набегают счет. Три шаурмячных у них. Что ты всё время перебинтованную изображаешь, мать? Нищевродство какое-то играет. Каждый день - пьеса «На дне» Горького.

Нина. Что ты про «На дне» знаешь? Вы, молодёжь, не читали великую русскую литературу, а я читала! И стала менеджером в отеле!

Галя. Учили мы всё в школе. Мы все менеджерами станем.

Нина. Лучше бы ты у Горького роман «Мать» прочитала. Вот там – про меня, про мать настоящую. Как же она сильно листовки там бросала, мать ...

Галя. Где?

Нина. На вокзале, когда ее тормознули. Прямо до слез.

Галя. Горе с тобой, мать.

Молчание.

Анна. А что ж мы собрались-то кружком вдруг? Вдруг – все друганами стали?

Игнат. Дак он нас обозвал, какого говнища наговорил, вот мы и сели в «Будку гласности», чтобы сказать, что всё – неправда.

Нина. А это называется в интернете – фейк. То есть – враньё.

Галя. Объединились, так сказать, против нашего основного врага, Мурзилку.

Анна. Да какой он враг нам, тварь колченогая. Какой-то заморыш, бухенвальдский крепыш, чмо какое-то – пришел, хромал, слюни пускал, наговорил, а вы все сидите, обтекаете и говорите: «Нет, нет, неправда!».

Василий. А может – правда?

Нина. Да какие Египты мне. Ты че, придурок?

Василий. Ездил же?

Нина. Летала!

Галя. Сидим весь вечер ждем. А нет никого.

Василий. А кому строили мы?

Нина. Может, пойдём потихоньку отсюда?

Василий. Нет! Не договорились! Не договорились мы с ним ещё, практически! Он про рога говорит, слова какие-то церковные говорит, я не понимаю ничего, а мне душу страшно жгёт то, что он говорит!

Галя. Он же сказал тебе главное: на выход с вещами. Отец, до чего ж ты колченогий в словах, в разговоре, косноязычный, бе-бе, да бе-бе. Что ты сказать-то хочешь, а?

Василий. Я люблю вас всех, вот что хочу сказать.

Галя. А будто ненавидишь.

Василий (*кричит*). А вот так выходит! И еще! Я вот всё никак не могу выговориться. Слова ищу, ищу, а найти такие слова, чтобы высказать, что у меня на душе, никак не могу! Будто я не русский, или я маленький, и язык заплетается, а так сказать много надо, так много хочется! Или будто я котёнок и говорить не могу! Вот зачем – всё? А?! Кто-то скажет?

Игнат. Затем. Надо.

Галя. Был у меня котёнок. Выбросила. Плямкотел, как ты.

Василий. Молодец. Не надо мне ничего... Какая жизнь у нас, скажи? Пусто всё. Некультяпистая жизнь какая-то.

Анна. Хапать и хапать – вот твоя жизнь. А куда?

Василий. Это что он такое плёл про тебя? Про какой Египет?

Нина. Он в тюрьме сидел столько лет, крыша поехала. И вот вам – наговорил, как в лужу пёрнул. А вы верите.

Галя. Дак правда всё. Ездила же ты туда.

Анна. Правда всё про вас. Заврались уже. А про нас – нет!

Нина. Вы откуда что про нашу жизнь знаете?

Антон. Да я его сын?

Анна. Думай, что хочешь.

Антон. Его, значит. Вот хорошо как.

Нина. У меня, думаешь, есть любовник чёрный какой? Какая-то врака уже совсем завиралистая, никуда не годная. Я тоже люблю прихвастнуть, поднаврать, но не до такой же степени.

Василий. А до какой?

Нина. Спина болит. Сделай мне массаж. «Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы ...» Да, дождешься от вас. Я

опять буду себя мять сама ...

Василий. Вот был бы у тебя чёрненький любовник, он бы тебя и мял. Что ж не завела хотя бы для массажа?

Нина. Конечно, тебе надо мять молодую, ты про это и мечтаешь, а я что – тело дряблое, кому я нужна теперь?

Никому.

Василий. И молодую мне не надо.

Антон. Он, собака, семена сорняка в сад заронил. Специально. Чтобы всех перессорить.

Нина. А то мы дружно живем?

Антон. Нет, но не до такой же степени.

Нина. У меня никого. Галя? Ну, подтверди же ты отцу, что у меня никого, и у тебя.

Галя. У меня есть.

Нина. Кто у тебя есть? Этот? Мурзилкин сын?

Игнат. Полегче.

Галя. Ну, не он, а другой, в городе. Еще мне этот нужен зачем-то стал бы.

Нина. Ты целовалась с ним, он сказал?

Галя. Мне что, поцеловаться нельзя было с ним?

Антон. Да не целовались мы с тобой. Я ее не трогал. Так, пиво пили. Там качели, я ее покатал на качелях. И все. Какие поцелуи, что ты врешь?

Василий. Как мне одиноко, как мне поболтать надо с кем-то. Хоть какую душу живую. Хоть кошку завести, чтобы ей говорить всё, что думаю. А что такое любовь с бабой? Одноразовый секс. Вот – радость, да? А потом – скучно. Какая любовь? Пожертвуй себя другому, а потом возненавидишь его. Давай, давай. Есть мой опыт, моя жизнь, моя история – я всё про это знаю. Я же не котенок маленький, который учится ходить и ссыт по

углам, а его носом тыкают туда, меня тыкать не надо. Ищет руки котенок, руки хозяина, чтобы погладили. Нет, не надо меня гладить.

Галя. Ишь, гладко ты вдруг стал говорить. Есть у тебя, поди, с кем гладко говоришь, нет?

Василий. Да нет у меня никого! Нина, ну посмотри на меня, ну, кому я нужен? Какая вторая семья, какой второй ребенок? Ты мне веришь?

Нина. Нет.

Василий. Да какие у меня дети ещё где на стороне? Мне этой дурочки нашей хватает.

Галя. Я уеду от вас. Отдохнёте.

Нина. Куда ты уедешь? Уехала тоже мне.

Молчание. Витя сидит на веранде, фонарики трогает, смеется.

Ты эту веранду когда сделать успел?

Василий. Ну, он мне помогал, быстрее дело шло, за день почти достроили. Он вообще-то, рукастый. Говорит, в тюрьме строителем работал.

Нина. А что он там строил? Новые тюрьмы? Думал, что он тебе за еду работать будет? Вот и впустил змеюку в дом. Машина его сбила – дурак ты: подымать не надо было.

Василий. Злая ты.

Галя. А кому вы, правда, все это строите? У меня детей не будет, сказала же. И замуж выходить не стану.

Василий. А что ты станешь?

Галя. Не знаю пока.

Анна. Что-то она станет. Что по бабьему делу – ей это ближе.

Василий. Вы мою дочку не трогайте. Чаю хочу. Принеси мне, дочка, чаю.

Галя. Да прямо что.

Василий. Ну, правильно. Дождёшься от вас. Чай не пьешь, какая сила? А попил – совсем ослаб! Так отец говорил. Что это я всё отца сегодня и мамку вспоминаю? Отец всегда всё хвастал хлебом, который мать пекла. Придут к нему мужики водку пить, сядут за стол, а он им хлеб показывает, сжимает вот так – до ниточки, а потом хлеб – раз! – и выпрямляется. И отец счастливый такой, говорил мужикам: «Ну, что, кто из ваших баб может так печь хлеб, как моя жинка?!». Вот отец у меня был. Рукастый и работающий.

Галя. А что толку? Куда всё ушло? Зачем он жил?

Нина. Ты не пил?

Василий. Пиво.

Нина. А плачешь, как с водки.

Галя. А что, тут, правда, кто-то повесился?

Василий. Да врал он всё. Всё он врал от начала до конца.

Нина. Не наша земля. Пусть вешаются.

Василий. Вся земля наша. И даже если не наша, то что? Пока живем, на наш век хватит, а там – посмотрим. Надо с ним поговорить. Хоть и страшно. Такое место, как его бросать.

Стоит, смотрит на звезды.

Ничего, мы выберемся. Вот сентябрь начался, пойдут доходы, и мы выкрутимся. На студентах вылезем.

Анна. Говорят же тебе: не ваша земля.

Василий. Всё наше. Им, студентам, жрать всё равно охота будет. Потом: у меня дружок в администрации работает, где надо.

Нина. Ты же звонил ему?

Василий. Не дозвонился. Может, он в Турции. Или в Египте.

Нина. Ты врёшь всё и всё мечтаешь.

Василий. Нет. Есть дружок! Он в таком особом отделе, где помогают бизнесменам. Маленьким бизнесменам, малому бизнесу. Помогают не за бесплатно, понятное дело, но всё ж таки.

Игнат. Да нет там таких отделов. Кому вы там нужны.

Василий. Есть! Они там всё банкеты делают, вот мы на этих банкетах и вылезем. Надо мангал купить, котел для плова, уголь еще, тарелки и всякое такое. Они любят в администрации уехать куда за город, чтоб не видели и отдохнуть. Костерчик разведут. Сядут и сидят, едят, сидят и выпивают, а мы им подносить будем: шашлычок и пловчик.

Нина. Не русская еда.

Василий. И что? Едят все.

Нина. Прямо поднёс ты уже, уже прямо увидел ты всё. И костёрчик, и рыбалку, и палатки с девками гулящими.

Василий. Да, мы на этих выездах поднимемся, они хорошо платят.

Галя. Кейтеринг называется.

Василий. Умная ты. Я ему отдавать буду половину с заказов. Обналичка такая.

Нина. Да уж не половину, поди, а хотя бы процентов сорок. Или даже тридцать.

Игнат. Шкуру неубитого медведя делят.

Анна. Одно слово: бизнесмены.

Василий. И что? И бизнесмены. Надо мечтать, мечты исполняются. Пока на ноги поднимемся, а там, глядишь, и без него управляться станем, и вся выручка нам

пойдет.

Игнат. Надо было раньше еще: без разговоров распахать часть сада и посадить чего. И этим торговать. И он бы сейчас там не ходил по саду. Наше было бы.

Василий. Языком вы только распахивать умеете. А что раньше не распахали?

Игнат. А нам хватает и так. Мы покупное едим. Аня говорит: отравы тут. Тут крематорий – десять километров всё опыляет и загаживает. Пыль садится на помидоры и огурцы.

Василий. И на картошку тоже?

Игнат. И что? И на картошку.

Василий. Вот ты мужик или баба? И что вот ты веришь в такую херь? А потом: пусть будет отравы. Мы же это жрать не будем. Это сожрут студенты.

Анна. Не будет тут никаких студентов.

Антон. Вот что он тут такое плел про любовниц и Египты?

Галя. Да врал он всё. Всё он врал от начала до конца.

Игнат. Нет, правда.

Василий. Что правда?

Игнат. У меня в городе есть жена ещё одна и ребенок от неё. У них ночевал сегодня.

Василий. Да?! Значит, и про тебя правда, так? И ты, Ниночка, ездила в Египет, и у тебя там шашни были, да, так, практически? Были, признавайся?

Нина. Правду сказать, Васенька моя любимый? Да. Да. Да, Вася. Ну, были. Потому что ты – мешок картошки, тюфяк! И у тебя есть вторая семья, что ты тут мне плачешь? Врёшь всё и врешь! Думал, не знаю я про ту семью? Знаю. И про ребенка знаю. И что твоя бабу ту

зовут позорно: Октябрина Адольфона. Будто ее родили наша Революция Октябрьская и Адольф Гитлер. Да, знаю! И что она официантка и старая.

Василий. Не старая.

Антон. Это что такое тут?

Василий (Антону). А у тебя – на голове вшивник!

Антон. Не вшивник, а косичка. Эта прическа называется «Китайский школьник».

Василий. Одни «голубые» ходят с такими! Раз девку мою не прижал вчера, дак, может, ты из этих растёшь? Уже двадцать лет, а всё никого нет у него! Ты, поди, тридвараз?!

Антон. Есть. И прижал.

Галя. Помолчи.

Антон. А что, рассказывай? Чего боишься?

Галя. Хватит.

Нина. Хватит вам орать! Слушайте, ну всё, закончили, конец фильма, молчите вы все, вы, шошка-ерошка! «Будка гласности» закрывается. Разобрались. Туши свет по всем статьям.

Анна. Давайте по-хорошему, по-соседски решим всё. Вам что – места мало? Ну, разделим этот сад, поставим забор. Уже поддоны есть – их поставим. Живите. Хоть вы тут и без документов.

Василий. А его куда?

Анна. Да хоть куда. Надо дальше жить.

Василий. Да как жить – когда война, когда рога поднимаются, он говорит, когда всё – рассыпалось? И без него – всё само собой рассыпалось? Он только искорку заронил, а тут пожар начался, ну?

Антон. Сад будет весь наш. Только все старые яблони и

вишню вырубим. И посадим что-то толковое.

Василий. Ничего вы не посадите. Ты же уезжать собирался?

Антон. А передумал.

Василий. Что вдруг? А, понятно! Папа появился, открылась перспектива?

Антон. Помолчи, дядя, сойдёшь за умного. Я драться умею. Посадим, сказал.

Василий. Вы только языком садить умеете. Тут будет летняя веранда, я ее построю. Бригада, имеется ввиду построит.

Анна. Что ты привязался к этой веранде? Построит он. Делиться надо.

Василий. А что делить-то? Он столько лет стоял. Тут фургон ваш стоит с барахлом негодным – и всё. Хозяина ждали? Чего вы вдруг зажадничали?

Игнат. У нас здоровья нет садом заниматься. Сын дурачок, жена – больная вон.

Василий. На ней пахать можно.

Игнат. Она с виду такая. На деле – нет. Не такая. А потом – эта территория городу принадлежит. Нас снесут скоро, и тут построят высотку. Или вон общагу для студентов. И нас расселят.

Анна. Да не мели ты. Только что придумал?

Игнат. Везде так сделали. Откуда вы все упали, а? И вы, и Витя этот? Пустовал дом сто лет – вдруг вы сюда явились.

Василий. А чей дом был? Вити-мурзилки? Вот мы у него, считай что, и купили.

Игнат. Да что опять за новости? Когда купить-то успели?

Нина. Не купили, дак купим. «Коя балясы Пятачок, зур-зур секрет белям!». Понял?

Анна. Ты к чему это? Какой Пятачок?

Молчат. Смотрят: Витя идет. Все встали. Витя пришёл в кафе.

Витя (смеётся). Вот и Пятачок пришел. Сидите? Ждёте? Меня ждёте? А это не я, а рога из-за горизонта появляются, видите?

Анна. Не тебя. Уходим вот. Успокойся. Задрал со своими рогами.

Витя. Все в сборе. Хорошо, что уже упаковались. А то я хотел помочь.

Василий. Мы же тебя кормили ...

Витя. И что? Я теперь вам руки-ноги целовать должен? Вперед, пока я вам пенделя под жопу не дал.

Василий. Вот так людям делай добро ...

Витя сел, курит, ноги положил на стол, смеется. Все встали вокруг.

Витя. Тут у нас квартира была на втором этаже, а на первом – гараж. Отец ремонтом занимался. Машины ремонтировал. Пахло бензином всегда в комнатах – их две было. Жрать нечего было. Мать на табуретку нам горкой сахар насыпет – мне горку и брату, Сергей его звали, и кружку воды поставит. И две корки хлеба даст. Макали в кружку, потом макали в сахар и ели. Или в тарелку нальет масла подсолнечного, насыпет солью, даст хлеба тоже – макали и ели. Вкусно было.

Анна. Ему восемнадцать было – тебе двадцать. И ты его убил.

Витя. И я его убил. Да, Аня. Из-за тебя, Аня. Забыла? Дурак я. Он мне снится часто. Говорю с ним. Прощения

не прошу – нет такому прощенья. А он всегда смеётся. Тебе не снится?

Василий. Там наверху половица одна – на неё наступаешь и всё время из-под нее пыль идет. Я тряпкой вытираю. Наступишь – и снова пыль. На другие наступаю – ничего нет. А на эту наступишь – пыль летит. Что-то там внизу будто сгнило и высохло. Да?

Витя. Двадцать лет назад так же было. Наступишь – и пыль. Нет, не пыль, а пух, да!

Василий. Какой пух?

Витя. Да, да – там половицы крашенные красной краской ... Нас дразнили, у обоих клички были. Его звали «Красота», он был красавчик, а меня звали – «Мурзилка», «Дохлица», «Печерица», а «Печерица» похляцки – гриб поганый ... Я и плакал ...

Василий. А вот если тебя убить, а? И мясо увидеть? Типа того, а? А что? Как ты на это смотришь? Ты убивал, а мы тебя чпокнем, а? Тебя искать никто не будет, документов у тебя нет, а?

Витя (*смеётся*). Не знаю, попробуйте. Я не знаю ничего. Я сварщик не настоящий.

Анна. Убейте меня уже. И там закопайте в дальнем углу.

Василий. А как это – убивать человека, расскажи? Тут вот муху убьешь и то жалко: зачем-то же она жила. А тут – человека, это как?

Анна. Убей ты его уже. За ноги его в угол утащим и схороним. Кто его искать будет?

Витя. Да не пугай ты, Аня. Пуганный. У вас духу не хватит. Думаешь, так просто? Ага. У нас тут родни было с той и с другой стороны. Дома стояли. Там пять и справа – пять ... Сто лет было нашему деду, Алексею

Павловичу. Тут только мы жили. Собрались они все, вся родня, вся родова, пятьдесят человек, и разгрызлись в пух и в прах, накрыли стол там в саду, сад наш был, тут никакой «стеклорезки» тогда не было, я еще мальчик маленький был, светлорусый... И отметили они деду столетие. Да как еще отметили. Все пересрались, за ружья хватались, поубивать друг дружку хотели, и как сегодня: все друг другу правду сказали, а правды-то там и не было, всё было вранье. А утром один брат материн повесился с похмелья вон там в саду на дереве. И что? И всё треснуло. Столетие отметили деду, родоначальнику, ага. А потом и все стали помирать. Чуть червоточину дай – и всё разрушаться станет. Все померли. И нет домов. Фундаменты только.

Василий. Слышали, смени пластинку.

Витя. Вас надо тоже снести. Я вам жизнь испорчу. Я буду жить тут и буду вам жизнь портить.

Василий. Слышали, сказали же. Не пугай.

Витя. Я вам пух тополиный подожгу.

Встаёт, идёт в сад, подходит к пугалу, бьет его ногой, пугало валится. Все идут за ним, стоят, смотрят.

Анна. Какой ты пух тополиный поджигать собрался? Сентябрь на дворе.

Витя. Я автостопом ехал с севера, у меня документов нет, в поезд не садили, я в машине с дальнобойщиком, и пушинка влетела от тополя. Летает по кабине. Водила отмахивается. Сижу в кабине, едем, музыка играет, и пух так летает в машине, летает, а шофер всю дорогу с женой по телефону ругался и гнал фуру, и я думал – капец. А вот не капец. Летает пух. Я смотрю и радуюсь, и думаю: это я, это я – пушинка эта! Не поймать, не

схватить рукой, по воздуху – летит, или каждый человек так вот: пушинка, воздух, и он летает! И потом я сигаретку выкинул, а шофер не увидел, и там за нами так вспыхнуло! Я радовался! Уя! Там сгорело, поди, за мной – пол-России! И пусть горит. А потом ехали дальше и я видел: стоят ёлки горелые, и я думал: я не один такой, нет, не один, нас много, кто-то еще есть, кто ехал и спалил вам весь край ваш! А что? Плевать. Мне жить осталось два понедельника.

Анна. Дурак, а?

Витя. Тут по углам когда-то шепотом был, поцелуйчики, ветер березы качал, тут любили, мучались, а еще - тут теленок по саду ходил, тут поросятки бегали в стайке ... И вот - нет ничего. Всё исчезло ... (*Молчит*). Я сожгу вас. Только вот пуха дождусь тополиного и сожгу вас, сожгу...

Василий. Ты больной.

Витя (*кричит*). От власти ада я искуплю их, от смерти избавлю их! Смерть, где твоё жало? Ад, где твоя победа? (*Шепчет.*) Надо сжечь всё. Сжечь, сжечь, сжечь ... Ехал оттуда, сбежал, паспорта нет – ни в поезд, ни в самолет. Ползком, бегом, шел, снова ехал. Велика Россия. Столько видел. Народ – сволочи. Человек – скотина, человек – сука, человек – подлец, гнида и ничтожество. Воюет с матерью родной, с природой... Всё уничтожил человек у матери... Всё берёт у неё и всё убивает, мучает мать смертью лютой... В машине ехал я и видел облака, как снег у нашего дома. И думал: хоть бы раз ещё увидеть такое, хоть бы раз еще побывать зимой у дома ... Там, где сидел я, я ночью смотрел в окно – куда еще-то смотреть-то? Звёзды. Сколько миров,

сколько земли.... Какая свобода. Бездна. А они меня - в клетку. Звёзды летят, летят... Березы тут кудрявые, а там на Севере - низкое всё, малорослое... А тут – тут зимой я с отцом ходил в кино туда, далеко, в город, а шли мы назад, и берёзы стояли в инее... Сказка была!

Анна. Витя, прости меня.

Витя. Нет, нет, нет, не надо! Завидую всем. Вы жили, а я нет! Вот, я думал, они хлеб с маслом белый едят, а сверху еще кренделёк на хлеб выдавят, кренделёк с майонезом, да майонез не простой, а сметанный! Я тоже хочу. Я хочу всё разрушить, и чтобы вы мучились так же, как я мучаюсь. Вот об этом только думаю, как бы не пытался думать, что я думаю о чем-то другом ...

Игнат. Витя, как тебе помочь? Давай, а? Тебе помочь надо, да?

Витя (*кричит*). Нет, нет, уйди, нет – дорогой, не надо! Я знаю одно: человек - зверь, отойди, уйди ... Нет, нет, нет! Хорошо сказать «Нет!» и умереть, но лучше сказать «Нет!» и победить! Нет, по-вашему не будет! Что вы прячете там, в фургоне? Там скелеты у вас, да? А где могилки брата моего, матери моей, отца моего, не знаю, не могу сходить даже ... Вам есть куда ходить, плакать, а мне куда идти?! Что там у вас, что прячете?!

Бежит в сад, дергает дверь фургона. Оттуда из двери вдруг пух – пух тополиный поднимается, заполняет сад, дома закрывает.

Анна. Это что такое? Снег?

Нина. Снег!

Витя ложится у пугала, плачет.

Все повернулись вдруг и побежали назад, в кафе.

Встали в кафе у дороги.

КАФЕ

Галя. Ой, снег пошёл...

Василий. А что так рано?

Антон. Это пух, не снег.

Нина. Да снег, что ты мелешь?! Будем жить! Мухи белые летят!

Игнат. Сегодня первое сентября, пора уже.

Анна. Рано еще. Какой снег?

Василий. В России живем.

Галя. Зима идет.

Нина. Наступает.

Василий. Зима всё заберет.

Игнат. Зима всё съест.

Игнат. Кого она есть будет?

Василий. Меня, и тебя. Так говорят: погреб съест. Банки в погребе, картошку, еду нашу – зима всё съест ...

Нина. Говна она съест. Мухи белые летят.

Василий. Молчи. Хватит орать, воевать. Смотри лучше: вот, первый снег идёт...

Антон. Какой снег красивый! Мама, это снег, да? Мама?

Анна. Ты, что, сыночка, снега не видел никогда? Нет?

Антон. Нет ... Нет ...

Галя. Снег!

Ветер поднялся, снег и листья летят и лепятся на дом, на сад и на всё-всё на белой земле нашей. Всё в снегу или в пуху – кто его знает...

Сгорим мы в этой войне или живы будем?

Кто знает...

Кто?

Темнота. Занавес.

Август 2023 года, Екатеринбург

Алексей ПЛАТОНОВ

*драматург, сценарист,
победитель Международного
конкурса драматургов
«Евразия-2022»,
Санкт-Петербург.*

ВАРЕНАЯ КУКУРУЗА

Действующие лица

Анка, 25 лет

Ксю, родная сестра Анки, 23 года

Вадим, около 30

Туристы

Менты

Мужик со спортивной сумкой «Russia»

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

1.

Утро. Небольшое жилое пространство с двумя кроватями. На них две спящих девушки. Звонит будильник на мобильнике. Одна из девушек (Анка) открывает глаза, вскакивает с кровати, выключает телефон, затем идет к другой спящей девушке (Ксю) и будит ее.

Анка. Вставай, красавица! Проснись и пойд!
Ксю не реагирует. Анка трясет ее за плечи.

Анка. Глаза открывай, лицо умывай!

Ксю не реагирует.

Ксю (*вздрагивает*). Да че те, Анка?

Анка. Ехать надо. Будильник не слышала?

Ксю. Это твой будильник, а мой через полчаса сработает.

Анка. Пошли краситься, э!

Ксю. Одна иди. Я не пойду. Так поеду.

Анка. Ты че, Ксю, некрашенной нельзя ехать, вдруг потенциальные покупатели в поезде будут. Первое впечатления – залог успеха.

Ксю. Ага. Сто раз проходили. Хоть крашенная, хоть перекрашенная... (*Зекает.*) В общем, толку... Если потом все равно тебя убогую увидят.

Анка. Не увидят. У меня осечек еще не было.

Ксю. Все, Анка, дай полчаса поспать, а? Я в поезде намылюсь.

Анка. Ну в поезде так в поезде. (*Вдруг хватает Ксю за ноги и скидывает с кровати.*)

Ксю. Ты че?! Ты че, совсем дура?!

Анка. Кто рано встает, тому в бизнесе везет!

Ксю. Анка, ну ты совсем ненормальная, а? Больно же.

Анка. Я в ванную, а ты завтрак сваргань, и мотивации наберись.

Анка включает магнитофон на тумбочке, уходит. Ксю закрывает глаза. Из магнитофона раздается громкий, но приятный бас:

Голос коуча. «Жизнь толкает нас со всех сторон. Некоторые поднимают лапки кверху. Другие ведут борьбу. Мало кто усваивает урок и движется вперед. Те, кто начинает что-то понимать, приветствуют жизнь, толкающую их со всех сторон. Для этих немногих людей это означает, что им что-то нужно, и они хотят чему-то научиться. Они учатся, и они двигаются вперед. А большинство сдается, и мало сражаются так, как ты...»

Ксю открывает глаза, тяжело вздыхает.

Ксю. Ненавижу!

2.

Анка и Ксю в цветастых платьях стоят в прихожей. Анка суетится, складывает в дамскую сумочку косметику.

Анка. Ты все взяла?

Ксю. Да.

Анка. Конфорку точно взяла?

Ксю. Взяла. Анка, да не пихай ты все подряд, а? И так с четырьмя мешками кукурузы премся. Не поднять, ни опустить! Вот на фиг вообще столько на разведку брать, может, нас вообще оттуда выпрут как с Москвы с этой

косметикой американской! Или вообще зарежут и в море сбросят...

Анка. Э, пессимизм в сторону, никто нас не выпрет, мы по пляжу ходить не будем, у входа встанет и тихо будем торговать... Там одни реализаторы наживаются, говорила. Сами они не суются.

Ксю. Боже, как это все унизительно. Просто капец!

Анка. Душой торговать – унизительно, а кукурузой нормально.

Ксю. Лучше б мою душу купили. *(Зевает.)* Пожила б нормально.

Анка. Но-но! Что б я от тебя таких слов не слышала, Ксю. А то сразу уложу.

Ксю. В кровать?

Анка. На лопатки. Ничего, Ксю, покрутимся, понизжаемся, зато если все успешно пройдет, мы на весь сезон там засядем и разбогатеем. Знаешь сколько там за летний сезон наживаются на кукурузе?

Ксю. И сколько?

Анка. Миллион, вот сколько!

Ксю. Ты мне про Москву и косметику американскую тоже самое втирала и че? Где мой миллион?

Анка. Легко никогда не бывает, бизнес он такой, тут разные пути надо пройти.

Ксю. Сначала косметика, теперь кукуруза... *(Продолжает зевать.)* Ну ты все, не?

Анка. Т-эк... Крем солнцезащитный взяла, лосьон... Помада? Помады у тебя?

Ксю. Не знаю.

Анка. Проверь. Мы всегда как картина маслом должны быть.

Ксю заглядывает в свою сумочку, полную различной косметики.

Ксю. Взяла. Пошли. (*Открывает дверь.*)

Анка. Стой.

Ксю. Ну че еще?

Анка. На дорожку присесть надо.

Ксю. Да господи!

Садятся. Молчат.

Анка. Вот увидишь, Ксю, когда мы сюда вернемся, мы совсем другие будем. И жизнь наша другая будет. Лучше. Ремонт тут забабахаем, по машине купим. Вот увидишь. Совсем все по-другому будет у нас.

Поднимаются. Уходят.

3.

День. В поезде. Анка с двумя полными мешками кукурузы тащатся по плацкарту, высматривает места. Стыдливо опустив голову, Ксю также с двумя мешками идет позади. Вдруг Анка утыкается в спину молодого мужчины, который загоразживает собой весь проход, пытаясь при этом переместить на верхнюю багажную полку большой чемодан.

Анка. Пройти дай.

Вадим не реагирует. Он безуспешно пытается разобраться со своим тяжелым чемоданом.

Анка. Эй, ты глухой? Пройти, говорю, дай.

Вадим молчит, ему наконец удается запихнуть чемодан, но Анка к этому времени не выдерживает и грубо толкает его.

Вадим (*чуть не падая*). Эй, аккуратней можно, девушка?!

Анка. А ты в сторону уйди. Стоишь как столб.

Вадим. Чего-о? Кто столб?

Анка и Ксю проходят на свои места.

Ксю (Вадиму). Извините.

Вадим. А вы, девушка, не извиняйтесь за нее. Пусть она. Или у нее манер совсем нету?

Ксю. Анка, извинись перед человеком, а?

Анка. Ага, щас, перед нищевродом еще извиняться буду тут. (*Закидывает мешки кукурузы на верхнюю багажную полку.*)

Вадим. Да вы, девушка, тоже не принцесса, раз в плацкарте едите.

Анка. Билетов в купе не было. Вот и еду.

Вадим. Да ну? Щас проводница придет, я у нее даже спрошу ради интереса.

Анка. Слышь, ты сам отсюда свалишь или тебе помочь?

Вадим не отвечает, садится на койку напротив, начинает раскладываться.

Ксю. А вы че, тут едете?

Вадим. Сочувствую себе и вам.

Анка. Так, Ксю, я на первой. Ты на второй.

Ксю. Эй, Анка, договорились ж, что я на первой, я высоты боюсь.

Анка. Ты дрыхнешь, как мумия, а тут глаз за глаз нужен, видишь с кем едем?

Вадим. О! Получается, вместе за друг другом присматривать будем? А то вы меня тоже настораживаете.

Анка. Тебя прямо щас уложить?

Ксю. Анка!

Вадим. Я уже лежу, спасибо.

Ксю. Анка, можно я сниму платье, а то я щас сдохну от жары в этом плацкарте страном?

Анка. Можно. (*Вадиму.*) Отвернись!

Вадим отворачивается к стенке. Вдруг откуда-то из вагона раздаётся громкий женский голос. Настолько громкий, что кажется, будто кто-то кричит в радиорупор прямо над головой.

Голос проводницы. Товарищи-проводящие на выход! Поезд отправляется! Провожающие? Есть провожающие? Где провожающие?

Пока Ксю переодевается, а Анка застилает свою койку, поезд трогается и, издавая размеренный успокаивающий стук, набирает скорость навстречу моря.

4.

Ночь. Там же. Вадим и Анка лежат на своих застеленных койках. Пристально смотрят друг на друга. Долго, неотрывно, подозрительно. Вадим, не отводя от нее взгляда ворочается, вздыхает, напрягается.

Вадим. Вот зараза, курить хочется... (*Приподнимается.*)

Анка настораживается.

Анка. Иди.

Вадим. Ага. Я уйду, а ты сразу в мой чемодан, да?

Анка. С чемоданом иди, идиот.

Вадим. Хм... Логично. Хотя хрен с тобой... (*Поднимается.*) Рискну...

Анка. Рискни.

Вадим. Хотя хрен с тобой, потерплю... (*Ложится обратно на койку.*)

Анка и Вадим снова смотрят друг на друга, молча, неотрывно. Спустя какое-то время теперь Анка начинает ворочаться, вздыхать, напрягаться.

Анка. Твою ж... Мне в туалет надо.

Вадим. Иди.

Анка. Я че – дура, по-твоему?

Вадим. Ну терпи.

Анка. И потерплю.

Вадим берет со столика бутылку воды, наливает журчащей струйкой воду в стакан. Очень долго, размеренно.

Анка. Ты издеваешься, что ли?

Вадим. А ты в курсе, что мочевого пузыря способен выдержать два часа без вреда здоровью?

Анка. Ниче, я и не такое выдерживала, я в бизнесе работаю.

Вадим. О! Коллега.

Анка. Ага. Какой из тебя бизнесмен, ты на себя посмотри? На заводе каком-нибудь пасешься всю жизнь за копейки.

Вадим. Могу ответить взаимностью.

Анка. Да ты знаешь кто вообще я? Да я...

Мужской голос из вагона. Эй, можете заткнуться, а? Спят же все! Бла-бла-бла! Бла-бла-бла!

Анка замолкает.

Вадим. Слушай, девушка, уговор. Тебе ж в туалет надо? А мне в тамбур покурить. Идти в одну сторону. Вместе идем, вместе возвращаемся. Как идея?

Анка. А как мне узнать, что, когда я зайду в туалет, ты не вернешься сразу обратно?

Вадим (*задумывается*). Хм... Ну как... Хм... Ну, я

сначала при тебе зайду в тамбур, а потом из тамбура буду следить, как ты заходишь в туалет. Уговор?

Анка. Ага. Только я-то все равно из туалета не увижу, что ты еще в тамбуре.

Вадим. Хм... Ладно... Я захожу первым в тамбур, потом слежу, как ты заходишь в туалет. Так? Если я захочу выйти из тамбура первым, ты сразу услышишь, как я открываю дверь. И сразу выйдешь из туалета. Уговор?

Анка. Ага. А если ты тихо откроешь дверь?

Вадим. Это плацкарт, девушка! Тут нельзя тихо открыть дверь!

Анка. А если кто-то другой выйдет из тамбура. Не ты. Как мне понять, что это не ты? Ну, чтобы я зря не выходила из туалета.

Вадим. Тогда я буду подавать знак!

Анка. Какой? Надо, чтобы я сразу поняла.

Вадим. Слушай, девушка, да не вор я!

Анка. Ага. И я не вор.

Вадим. Хм... Ладно, такой вариант: «Тут-тук! Это я - Вадим!» Уговор?

Анка (*задумывается, кивает*). Ладно. Пошли.

Вадим. Слава тебе, Боже!

Одновременно встают и уходят.

5.

Утро. Там же. Вадим, Ксю и Анка спят. Поезд встряхивает на неровном фрагменте пути, Анка открывает глаза. Открывает глаза и Вадим. Они смотрят друг на друга. Затем словно срываются с цепи, вскакивают и начинают проверять свои сумки и вещи.

Анка. Ксю, вставай! (*Трясет сестру.*)

Ксю не реагирует.

Анка. Вставай, эй!

Ксю. Да че тебе, Анка?

Анка. Пересчитай кукурузу всю быстро!

Ксю. Ты че? Совсем шизанулась?

Анка. Пересчитай, давай!

Ксю. Анка, отвали, а? (*Закрывается одеялом.*)

Анка. Да чтоб тебя!

Анка одна снимает с верхней багажной полки мешок, заглядывает в него. Вадим тем временем стаскивает с полки напротив большой чемодан, открывает, вздыхает.

Вадим. Фух... На месте родные...

Анка. А ты че думал, мне твое нищее барахло надо?

Вадим. Во-первых, не нищее. А во-вторых, кто тебя знает.

Анка убирает мешок кукурузы обратно на багажную полку.

Вадим. Ну че, кукурузку кто не стырил?

Анка показывает средний палец Вадиму.

Вадим. Не, вообще нормальная такая зарядка. Давненько я так замотивирован не был сигарки пересчитывать.

Анка. Понятно все с тобой.

Вадим. Что – понятно?

Анка. Смертью торгуешь.

Вадим. Ну это как посмотреть... Смерть – это желание добровольное. Мое дело предложить – того дело отказаться или согласиться. К тому же мы на юг едем, а южане, по статистике, из-за климатических особенностей живут дольше других регионов на пять-

десять лет. Так что я уравниваю баланс. Чтобы все мы жили одинаково. Ну а у тебя товар не лучше, между прочим.

Анка. Че?

Вадим. Явно не из собственного хозяйства, а с поля какого-нибудь ворованная...

Анка. Ты че, debil? Это с нашего огорода.

Вадим. Да знаю я какая она... с огорода... В Ростове поля наши обчищают по ночам...

Анка. Не, ну ты реально нарываешься, мужик? Как с поезда сойдем, каюк тебе будет, понял? Меня муж встречать будет, я ему расскажу, как ты меня оскорблял.

Голос проводницы (*очень громко*). Просыпаемся, товарищи! Поезд прибывает через полтора часа. Через полтора часа!

Мужской голос из вагона. Господи, баба, да шо ж ты орешь, как резаная, если через полтора часа только? Ну дай ты людям поспать!

Голос проводницы. Товарищ, грубить мне не надо, вы не в купе. Лучше белье мне сдайте. А то мне потом ходи, собирай за вами по всему вагону. Просыпаемся, товарищи, моем ручки, чистим зубки, белье собираем, посуду сдаем!

Вадим (*задумывается*). Хм... (*Анке.*) Да нет у тебя мужа никакого... Хотя не хотелось бы проверять, если честно... (*Отворачивается.*)

Отворачивается и Анка, надевает наушники, включает плеер.

Голос коуча. «Да. Надо разумно мыслить, а не реагировать на эмоции. Вместо того чтобы просто подниматься и топтать на работу решать свои проблемы, из-за страха, что не будет денег для оплаты счетов,

страха, довлеющего над вами. Размышления потребуют времени, чтобы задать себе вопрос. Вопрос типа: «Является ли усердная работа наилучшим решением моей проблемы». Большинство людей опасаются говорить себе правду, страх нависает над ними, они не способны думать, вместо этого они бегут на работу. Жилетка, перемазанная дегтем, висит на них, контролируя их мысли. Поэтому я и говорю об отборе наших мыслей, тех мыслей, чей эффект будет реальным».

6.

Все еще утро. В гостинице. Анка и Ксю заходят в одноместный маленький номер. Очень маленький. Стены голые. Мебели почти нет. Лишь одна кровать посреди пространства.

Ксю. Фу! Ну и курятник!

Анка (*затаскивает мешки с кукурузой*). Давай, заноси. Заноси, давай.

Ксю. Да заношу я!

Анка. Быстрее заноси.

Ксю. Анка, да тут... (*С трудом тащит свои мешки.*) Три тонны! (*Вздыхает.*) Говорила, не нагружай, не продадим, ты видела, как на меня мужики у ресепшена смотрели?

Анка. Как?

Ксю. Как на блядь!

Анка. Не преувеличивай. Может, они с достоинством глядели. Как на самостоятельную, сильную...

Ксю. Блядь!

Анка. Так, все, без паники, Ксю, в душ и за работу. Туристы кукурузу не ждут. Быстрее начнем, быстрее

закончим. Я гостиницу на три дня бронировала, чтобы экономней было.

Ксю. Три дня?! Четыре мешка кукурузы за три дня?! Анка, ты дура?

Анка. Не дура, а умная. Дедлайны всегда должны быть. Это критерий мотивации в бизнесе. А мотивация залог успеха. Так что, давай, пока в душе первая, развязывай первый мешок и начинай варить. Конфорка в каком-то из мешков... Там, короче, найдешь... Ой, успех на гарантирован, я прям чувствую, богатыми вернемся.

Ксю падает на кровать, издавая долгое звериное мычание. Анка весело идет в душ.

Ксю. Вот за что мне это? Вот за что, Господи? Мне двадцать три! Я должна быть замужем за богатым красивым любящим мужем, у меня должен быть ребенок, я должна его в детсад водить, уроки с ним делать, на карусели кататься, на завтрак бутерброды с колбасой жрать, а не хлеб с сахаром. Я должна на сраный юг отдыхать ездить, а не кукурузу продавать! Господи, за что ты так со мной?

Чей-то голос непонятно откуда. А я-то тут причем?

Ксю ошарашенно поднимает голову к небу

7.

День. У входа на пляж. Море. Солнце. Легкое дуновения ветра. Анка и Ксю накрашенные и переодетые в сексуальные купальники стоят в тени с ведрами вареной кукурузы. Анка сооружает импровизационный прилавок. Ксю вооружившись маркером пишет на куске картона «Вареная кукуруза».

Анка. Ксю, ты че делаешь?

Ксю. Че опять?

Анка. Ты где пишешь «Вареная кукуруза»?

Ксю. В смысле, где, блин? На картонке.

Анка. А надо на себе!

Ксю. Где-где?

Анка. Ну, на животе пишешь «вареная», а выше груди «кукуруза». Мы в поезде обсуждали, забыла?

Ксю. Я вообще-то думала, ты прикалываешься...

Анка. Не прикалываюсь. Пиши. Это маркетинг такой. Надо, чтобы все видели. Бизнес строится на маркетинге, поняла?

Ксю. Анка, ты вообще представляешь, как это выглядеть, блин, будет? И почему на мне-то сразу, Анка?

Анка. На мне нельзя, у меня складки на животе и грудь меньше твоей.

Ксю. Может, мне еще и цену на лбу написать, чтоб все видели, а, Анка?

Анка. Цену не надо. Так, Ксю, не выпендривайся, а то быстро уложу, поняла?

Ксю. Да поняла, поняла...

Пауза. Закончив сооружать импровизационный прилавок, Анка смотрит по сторонам, по всей видимости, на туристов мужчин, улыбается им. Потом улыбка исчезает с ее лица.

Анка. Твою ж...

Ксю. Че?

Анка. Смотри.

Ксю (*вертит головой*). Куда?

Анка. Туда.

Ксю (*продолжая вертеть головой*). Куда – туда?

Анка. Ну, вон.

Ксю. Анка, блин, куда смотреть? Вон – это направо, налево или прямо?

Появляется Вадим.

Вадим. Оп, какие люди и без охраны.

Анка. Ты че тут забыл, урод?

Вадим. Еще ничего не забыл. Я только пришел.
(*Смеется.*)

Ксю. Кажется, я знаю, че он забыл. Чувство юмора.

Вадим. Ой, да ладно вам... (*Пристраивается с чемоданом рядом.*) Э, вы не против если я рядом пристроюсь? У меня сигаретки, у вас кукурузка. Туристам удобно.

Анка. Против. Пошел отсюда, быро, а то мужа позову!

Вадим. Где-то я уже это слышал... А, точно, в поезде и слышал... А, где муж? Ну, чтобы я примерно представлял в какую сторону бежать. (*Смеется.*)

Анка бросает в него вареную кукурузу. Вадим стонет.

Вадим. А!.. Горячо, дура!

Ксю. Анка, ты че, а?

Анка. Да не парься, она все равно упала. Пошел отсюда! (*Достает из ведра еще вареную кукурузу.*)

Вадим. Э, стоп, стоп! Все, ухожу... (*Берет чемодан, отходит в сторону на несколько метров.*) Дура неадекватная...

Анка и Ксю наблюдают за ним.

Анка. Дальше отошел!

Вадим отходит еще дальше.

Анка. Еще отошел!

Вадим отходит еще на десять метров, сооружает там свой импровизационный прилавок сигарет.

8.

Вечер. Анка и Ксю возвращаются в номер. Ксю несет два ведра вареной кукурузы. Судя по ее движению, кукурузы в ведрах ни сильно убавилось.

Анка. Ниче, Ксю, на сегодня задачу выполнили.

Ксю. Какую задачу, Анка? Мы даже два ведра не продали!

Анка. Без паники, Ксю. Один из важнейших этапов в бизнесе – реклама. Считай, сегодня мы просто презентовали себя. Туристы ж эти одни и те же на пляж ходят. Им нужно время. Завтра они уже, считай, нас знать будут, а значит доверие возрастет, а там и спрос. Все чики-пуки будет!

Ксю. Ты вообще видела, как на нас смотрели, а? Точнее, на меня?

Анка. Видела. Маркетинг так и работает, Ксю. Ты лицо нашего бизнеса.

Ксю. Не, а та баба, которая меня шлюхой назвала? «А чего это у тебя на сиськах «кукуруза» написано? Это твое рабочее имя, что ли?» - капец просто!

Анка молчит.

Ксю. А вот у мужика того, в отличие от нас, прям бизнес в гору... Видела, сколько он сигарет впихнул?

Анка молчит.

Ксю. Че, молчишь?

Анка. Видела. Завтра разберемся с ним, если опять на нашу точку припрется.

Ксю. Как? Он-то просек, что мужа-то у тебя никакого нет.

Анка. Вот и узнает.

Ксю. Ты че задумала?

Анка. Все, спать, нам на рассвете вставать, новую партию варить еще.

Ксю. А с этой че делать?

Анка. Эту тоже допродадим. Завтра.

Ксю. Анка, она стухнет за ночь.

Анка устало плюхается на кровать, достает CD-плеер, надевает на голову наушники.

Анка. Не стухнет, все, ложись. (*Закрывает глаза.*)

Голос коуча. «Итак, зачем озадачивать себя развитием своего финансового коэффициента интеллекта? На этот вопрос каждый отвечает себе сам. Я могу рассказать вам, почему я сам делаю это. Я делаю это потому, что это самое волнующее действие для меня, я чувствую, что я живу, когда развиваю свой финансовый коэффициент интеллекта. Я приветствую перемены в жизни, а не боюсь их. Я прихожу в возбуждение от мысли, что можно заработать миллионы, а не от мысли, вызывающей беспокойство, по поводу неполучения повышенного жалования. Время, в которое мы живём, даёт нам беспрецедентные исторические возможности. Будущие поколения будут оглядываться на этот отрезок времени и отмечать, что это, должно быть, было необыкновенное время, это было время рождения нового и отмирания старого, возбуждения и суматохи...»

9.

Утро. Анка и Ксю на своей точке. Стоят в красивых купальниках, смотрят на очередь у прилавка Вадима. Двое туристов (мужчин) покупают у него сигареты, закуривают и со стороны любуются на Анку и Ксю.

Ксю. Вот блин... Анка, ты видишь? На меня все палятся, а подходить не подходят. Анка, твой маркетинг как-то не на нас работает. Ну, можно, я уже сотру эту надпись с груди?

Анка. Нельзя... Надо от него избавиться. Всех туристов, урод, отвлекает своими сигаретами.

Ксю достает из лифчика маленькую чекушку коньяка, открывает, делает несколько глотков.

Анка. Не поняла, это че такое?

Ксю. Коньяк. Будешь? Для энергии.

Анка дает Ксю подзатыльник. Коньяк, который Ксю набрала в рот, выплескаться фонтаном.

Ксю. Эй, ты че, Анка? Больно же!

Анка. Алкоголь – это слабость, а не энергия, поняла? Убрала, быстро.

Ксю прячет коньяк. Анка идет к Вадиму.

Вадим. О, какие люди и без охраны.

Анка. Слышь, урод, че ты тут пасешься? Это наше место, понял?

Вадим. А чего это сразу ваше?

Анка. Мы первые пришли сюда. Вали на другой пляж.

Вадим. Так тут других пляжей и нет. Только нудистский, только туда я не пойду.

Анка. Вали в другой конец!

Вадим. Туда я тоже не пойду, там тени нет. Послушайте, девушка, мы с вами вроде не конкуренты. У меня сигареты, у вас кукурузка. В чем проблемка-то?

Анка. В том! Из-за того, что ты тут торчишь, наш... Наш маркетинг против нас работает!

Вадим. Ну а я причем? Не любоваться же мужику

красивыми девушками поедая кукурузку? Правильно?

Анка. Значит, так, если ты не свалишь, у тебя будут проблемы, понял?

Вадим. Дай, угадаю, опять муж? Признаюсь, я уже и увидеться с ним захотел. А то вы мне все угрожаете им, угрожаете... заинтриговали. Хочу глянуть, как он выглядит.

Анка закипает.

Вадим. Ну ладно, ладно... Уговор. Я там у твоей подружки бутылочку такую красивую видел, ну, коньяк... В общем, вы мне бутылочку, а я завтра на тот конец пляжа перемещусь. Как вам такое предложение?

Анка задумывается. Идет к Ксю.

Ксю. Ну че? Умыла уroda?

Анка. Дай бутылку сюда.

Ксю. Анка, я больше не пила, отвечаю.

Анка. Дай, говорю. Для дела надо.

Ксю. Какого дела?

Анка лезет рукой в лифчик Ксю, забирает бутылку коньяка.

Ксю. Эй!

Анка открывает коньяк, затем достает из дамской сумочки какую-то косметическую жидкость и незаметно добавляет в бутылочку несколько капель.

Ксю. Анка, ты че делаешь? Совсем, что ли? Он полтос стоит!

Анка возвращается к Вадиму с коньяком.

Анка. На. И чтобы завтра я твоей рожи тут не видела!

Вадим. О, какой напиток и без закуски. Да шучу-шучу. (Протягивает Анке руку). Договорились.

Анка долго смотрит на протянутую руку, затем разворачивается и молча уходит.

10.

Поздний вечер. В гостинице. Анка и Ксю сидят в номере на полу, варят кукурузу и слушают коуча.

Голос коуча. «Когда кто-то говорит: «Я не хочу отремонтировать туалеты», мне хочется спросить: «Что заставляет тебя полагать, что я этого хочу?» По существу же получается, что, зациклившись на проблемах с туалетами, люди перекрывают себе путь к свободе. Я подразумеваю свободу от «крысиных гонок». Подобное мышление, когда человек видит туалеты вместо свободы, является образцом мышления, приводящего людей к бедности. Люди критикуют, вместо того чтобы анализировать. Богатый отец говорил, что словосочетание «я не хочу» мешает добиться успеха одним, и является ключом к успеху для других...»

Ксю, хлопая сонными глазами, клонится в бок и вырубается.

Анка. Э!

Анка ставит плеер на «стоп», встряхивает Ксю.

Анка. Э, не спать!

Ксю приходит в сознание. Хлопает сонными глазами.

Анка. Давай, давай, работаем. Не расслабляемся.

Ксю. Все, Анка, я дрыхнуть, не могу больше.

Анка. Какой спать, э? Нам еще 20 штук варить!

Ксю. Блин, Анка, не могу я больше! У меня руки уже отказывают. Башка трещит. Спина не поворачивается. И

я вся провоняла этой сраной кукурузой. Прямо блевать хочется!

Анка. Понятно все с тобой! Слабая ты просто вот и скажи!

Ксю. Я не слабая!

Анка. Слабая! Я же сижу, не ною. А ты слабая. Таким место сама знаешь где.

Ксю. Анка, блин, вот ты дура ненормальная! Отдыхать тоже надо вообще-то! Не все же 24, блин, часов работать как раб.

Анка. Отдыхают слабые и бедные. А мы такими не должны быть. Ты слышишь, что он говорит?

Ксю. Ага. Слышу, слышу. Одно только бла-бла-бла. Богатым так стать, богатым эдак. Тьфу, блин! *(Плюхается на кровать, закрывает глаза.)*

Анка продолжает варить кукурузу, включает плеер:

Голос коуча. «Итак, зачем озадачивать себя развитием своего финансового коэффициента интеллекта? Затем, что, если вы это сделаете, вы будете здорово процветать, преуспевать. А если не сделаете, этот отрезок времени будет лишь пугать вас. Приближается время, когда одни люди будут отчаянно и смело рваться вперед, а другие лишь цепляться за истлевшие рассказы о прежних временах. Оно уже началось...»

11.

Утро. Анка и Ксю на своем рабочем месте. Смотрят по сторонам. Вадима нигде нет.

Ксю. Гля-ка, свалил. Молодцом, Анка. А че ты ему сказала вчера такого?

Анка. Коньяк твой отдала.

Турист 1. Девушки, здравствуйте! А вы не видели случайно мужика такого... Э, сигаретами еще торгует?

Анка. Не видели. Извините, а как вас зовут?

Турист 1. Э, Саша.

Анка. О, Саша, приятно познакомиться, а меня Аня, можно просто Анка. Саш, а можно не скромный вопрос, у вас есть жена?

Турист 1. Э, ну, к сожалению, да... Да, есть...

Анка. Замечательно-то как. Саш. Слушайте, Саш, а вы давно в браке?

Турист 1. Ну, давно, да, лет двадцать.

Ксю. Сколько?!

Анка. Вау, это круто. Саш, а вы давно делали вашей жене приятное?

Турист 1. Э, в каком это смысле?

Анка. Ой, ну я имею в виду, вы давно делали ей сюрпризы?

Турист 1. А, в этом смысле... Ну, знаете, мы уже столько лет в браке, что ей уже сюрпризы не нужны.

Анка. Ну как же так, Саш? Это страшное заблуждение. Знаете, вот как девушка вам скажу, по секрету, неважно в каком возрасте, а девушка сохраняет романтические ожидания до конца жизни.

Турист 1. Да?

Анка. Да, вот вы сделайте, вот просто так, без поводов, несколько подарочков и увидите, как она сразу преобразится. Станет добрее, счастливее... (*Вдруг лезет в свою дамскую сумочку и достает из нее маленькую баночку крема.*) Вот, смотрите, возьмите даже самый простой крем для лица. Такая простая вещь всего за две

тысячи способна столько всего сделать. Упаковываем?

Турист 1. Э, нет, спасибо.

Анка. Согласна, возьмем оружие посильнее. (*Копается в своей сумочку, вытаскивает помаду.*) Смотрите, помадки с оттенком черничкой. Прямиком из Америки! С этим она точно вас расцелует! В прямом и переносном смысле. (*Смеется.*) Две с половиной. Упаковываем?

Турист 1. Э, нет, спасибо.

Анка. О, Саш, вы решили сразу ядерной бомбой взять... (*На этот раз достает из сумочки духи.*) Тогда вот для этого у нас духи есть Шанель! Прямо из Франции! Пять. Я вам заверну. Кукуруза в подарок. (*Начинает упаковывать духи и кукурузу.*)

Турист 1. Э, нет. Я, это, пошел, спасибо, девушки, вы если мужика увидите, передайте, что его весь пляж ищет.

Анка. Да пошел ты!

Турист 1. Э, что, простите?

Анка. На хер пошел, мудака конченный!

Турист ошарашенно смотрит на Анку и Ксю.

Анка. Пошел, пошел, старпер подкаблучный!

Турист 1 уходит. К прилавку подходит Турист 2.

Турист 2. Привет, красотки!

Анка. Че? Тоже за сигаретами?

Турист 2. О, а у вас есть? А то весь пляж обошел, не нашел мужика... Вчера был, главное...

Анка. И ты на хер пошел!

Турист 2. А?

Анка. Б! Пошел, сказала! Свалил!

Анка замахивается на туриста горячей кукурузой. Турист 2

убегает.

Турист 2. Ненормальные!

Ксю. Это че щас было, Анка? А косметика-то откуда у нас опять в ассортименте?

Анка. Да это так... С прошлого раза еще осталось... Гостиницу хотела еще на сутки оплатить...

Ксю. С Москвы, что ли? С прошлого раза?

Анка кивает.

Ксю. Анка, ты, блин, определись, мы косметикой торгуем или кукурузой? А то я как шлюха выгляжу, а ты как цыганка! От нас вообще все шарахаться теперь будут!

12.

Ночь. Ксю дрыхнет на кровати. Анка в наушниках сидит на полу, варит кукурузу.

Голос коуча. «Вы должны знать разницу между активом и пассивом и приобретать активы. Если вы хотите быть богаты, это все. Что вам следует знать. Это правило No 1. Это — единственное правило. Это может звучать до безобразия просто, но большинство людей ведут финансовую борьбу, потому что они не знают разницу между активом и пассивом...»

Анка задумчиво смотрит на варящуюся в кастрюле кукурузу и медленно засыпает. Вода в кастрюле закипает, выходит из-за бортов и разливается на пол.

13.

Утро. Анка и Ксю с тяжёлыми ведрами вареной кукурузы плетутся на свою торговую точку. Вдруг замечают Вадима, на

вид бледного, который уже разложился и торгует неподалеку сигаретами.

Ксю. Анка, ты только глянь! Опять он!

Анка (*спокойно*). Раскладывайся пока... А я щас...

Анка идет к Вадиму.

Вадим. О, какие люди и...

Анка. Как чувствуешь себя?

Вадим. Я? Ну как тебе сказать. Ты знаешь, что такое клизма?

Анка качает головой.

А что такое тройная клизма?

Анка качает головой.

О! Тогда у тебя все впереди.

Пауза.

И не стыдно тебе?

Анка опускает голову.

Вадим (*продолжает*). Это ж самоубийство! Коньяк палёный пить. И где вы такой только раздобыли? У какого-нибудь (*с акцентом*) Ахмета?

Анка поднимает голову.

Вадим. Вы адресок мне скажите, чтоб я сам к нему случайно не заглянул. А то, чую, еще три клизмы станут для меня последними... Не хотелось бы так позорно.

Анка. Ну, это сестра, дура, где-то купила. Спрошу у нее.

Вадим. А. Ну спроси. Спроси. А она-то сама как?

Анка. Она? Че – она?

Вадим. Ну, я видел, она тоже из этой бутылки хлебала.

Анка (*не сразу*). Ну, тоже ночью прочищало... немного...

а так нормально.

Вадим. Повезло.

Анка. Так че? Ты опять тут пастись будешь?

Вадим. Буду. Сделка наша вчера аннулировалась, так сказать. К тому же помимо физических убытков, я еще материальные понес. Целый день коту под хвост. А мог уже все продать и обратно в Ростов ехать.

Анка. Бухать надо меньше. Если б коньяк не попросил, все нормально было б.

Вадим. Ну, теперь коньяк я еще долго просить не буду, а вот другое...

Анка. Че – другое?

Вадим. Новый уговор. Ты меня ведешь вечером в кафе за свой счет, а завтра я в конец пляжа.

Анка. Ага – щас! А в ресторан случаем не хочешь?

Вадим. Хочу, но совесть имею.

Турист 1. О, Вадим, ты вернулся дорогой! А мы с мужиками вчера весь пляж обошли, думали, менты тебя оприходовали.

Вадим. О, если бы менты! Вчера меня коньяк оприходовал. Армянский. Трижды!

Турист 1. Ну, наш коньяк еще и не такое может. (Смеется.) Блок ЛД, дорогой.

Вадик дает туристу сигареты. Тот благодарственно кивает и уходит.

Вадим (Анке). Уговор? (Протягивает руку Анке.)

Анка фыркает, но руку жмет.

14.

Вечер. В кафе на берегу моря. Анка и Вадим за столом. Вадим

жадно поедает блюда со стола. Анка голодными глазами просто смотрит на него.

Вадим. А ты чего себе ничего не заказала?

Анка. Не хочу. Ты не нажрался, не? Уже три блюда схавал!

Вадим. Ну, после клизмы у меня новый вкус к жизни проснулся. Хочется прям все перепробовать. Вот, щас грибочки еще закажу и...

Анка. Слышь, такого уговора не было. Я тебе все меню покупать не собираюсь, понял? Вот это дожирай, и я расплачиваюсь.

Вадим. Ну, уговор был - ты ведешь меня в кафе за свой счет, а поскольку детали были не оговорены, уговор обретает гибкую форму, а если подытожить – я как учредитель данного сотрудничества, имею право вносить корректировки. Ты ж в бизнесе крутишься, неужели не научилась, что на сделке в первую очередь детали обговариваются?

Анка смотрит на него зло.

Вадим. Ладно, ладно. Шучу, последнее блюдо и расход. *(Поднимает руку.)* Официант! Белоньезу повторите!

Анка. Какую белоньезу, э? Ты и так две схавал уже! Э!

Вадим. Две подытожить, третью закрепить.

Приносят белоньезу.

Вадим. О, благодарю.

Анка смотрит на тарелку, сглатывает. Вадим смотрит на Анку, улыбается, пододвигает белоньезу ей.

Вадим. На, поешь. Угощаю. А то с голоду помрешь.

Анка смотрит на тарелку, готовая вот-вот на нее накинуться, но Вадим вдруг забирает у нее из-под рук вилку.

Анка. Че? Ты сам сказал!

Вадим. Руки сначала надо вымыть, девушка.

Анка вздыхает, поднимается, уходит. Вадим в это время смотрит по сторонам, затем быстро достает из кармана пакетик кошачьего корма, выливает на белоньезу и перемалчивает. Анка возвращается и тут же накидывается на тарелку.

Вадим. Ну, как? Вкусно?

Анка кивает с набитым ртом.

Вадим. Да не ешь ты как, это самое... Растягивай удовольствие. Это же белоньеза! Вкушай какую специю, каждую гранулу...

Но Анка его не слушает, она набивает рот еще больше и больше.

Вадим. Слушай, а как тебя зовут-то?

Анка (*прожевывая*). Анка.

Вадим. Как?

Анка. Анна.

Вадим. Ну, приятно, так сказать, познакомиться. Вадим.
(*Протягивает руку.*)

Анка. Познакомились уже.

Вадим. Но тогда ты не пожала руку. Значит, не познакомились.

Анка жмет руку.

Вадим. Вот теперь приятно познакомиться, так сказать... (*Как-то странно улыбается.*)

15.

Вечер. В гостинице. Анка возвращается в номер. В номере бардак. Ксю сидит на полу, листает журнал.

Ксю. Ну че, накормила этого урода?

Анка. Что за срачь, Ксю? Ты на завтра подготовила кукурузу?

Ксю. Подготовила, только сварить надо.

Анка хочет что-то ей ответить, но не отвечает, она хватается за живот.

Ксю. Ну как прошло, спрашиваю? Завтра этот мудака на нашу точку не придет?

Анка. Не придет.

Ксю. А ты че такая бледная?

Анка. Че-то мутит меня... устала, наверно... Ксю, завтра последний день, хочешь не хочешь завтра все продать должны.

Ксю. Ты че, Анка, мы только два мешка продали!

Анка. Завтра акцию сделаем. Один плюс один...

Ксю. Сколько?! Да это ж... Да это ж в такой минус уйдем, ты че, Анка, а? Так бизнес не делается. Ты сама говорила.

Анка. Говорила...

Ксю. Вот зачем сюда надо было переться с этой кукурузой вонючей, а? Ну ты капец просто!

Анку закрывает ладонью рот и бежит в туалет. Раздаются рвотные звуки.

Ксю. Анка? Анка, ты че? Че с тобой? (*Бежит за Анкой.*)

Ой, фу! Я щас, скорую вызову, подожди...

Анка (*гневно*). Нет! Только попробуй, уложу!

И снова раздаются отвратительные звуки.

Ксю. А что делать-то, Анка? У нас ни таблеток нет, ни фига.

Анка. Мне... Мне уже легче...

И снова эти звуки...

Ксю. Все. Я в аптеку пошла тогда.

Анка. Нет! Только попробуй деньги потратить!

Ксю уходит. Анка остается одна. Бледная, обессиленная у унитаза.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

16.

Утро. Печет южное солнце. Ксю торгует одна. На этот раз надпись «вареная кукуруза» на картонке. А сама она одета в обычное платье.

Ксю. Солнце жарит ваше пузо - время скушать кукурузу! Кукурузу покупай, вторую в подарок получай! Кто кукурузку не возьмёт, от того жена уйдет!

Мимо Ксю проходит Вадим, останавливается, расплывается в улыбке.

Вадим. О, вторая в подарок? А что за праздник такой?

Ксю. Пошел отсюда, урод! Давай, вали!

Вадим. А ты чего сегодня одна?

Ксю. Ты не понял, что ли? Пошел отсюда!

Вадим. Ну а как насчет кукурузки?

Ксю. Че?

Вадим. Ну, хочу купить. А то не завтракал ни черта.

Ксю испепеляет его взглядом, затем:

Ксю. Сколько?

Вадим. Две. Гулять так гулять.

Ксю. 200 рублей.

Вадим. Ну, это по акции, да? Четыре, получается?

Ксю. Четыре. Четыре. (*Быстро упаковывает кукурузу в газетку.*) Бабло давай.

Вадим. Так подруга твоя где?

Ксю. Сестра. В номере блюет. Плохой ей. Отравилась.

Вадим. Ого. Печально. (*Не скрывает своей улыбки.*) Ну как говорится, страданием очищается душа.

Ксю. Ага. У нее и так гастрит был. Не лечилась ни фига, а теперь вообще...

Вадим. Гастрит? Гастрит это плохо...

Ксю. Это еще нормально. У нее и тахикардия еще и камни в почках...

Вадим. А чего ж она за собой так не следит?

Ксю. Времени нет. И денег тоже. Прошлый раз все в сраную косметику вбухала... «Если хочешь стать богатым, нужно уметь жертвовать» - Тьфу! Тупая книга!
Молчание.

Вадим. Ну ладно, как договаривались вчера, я на тот край пляжа...

Вадим уходит, но быстро возвращается.

Вадим. А в какой вы гостинице живете?

17.

День. Анка лежит на кровати в наушниках. Рядом с ней тазик.

Она бледная, потная. Глаза закрыты.

Голос коуча. «В мире много талантливых бедных людей. Очень часто люди бедны и сражаются за выживание, и зарабатывают меньше, чем могли бы, не из-за того, что они знают, а из-за того, чего не знают. Они зациклены на совершенствовании своих навыков в

стряпни лучшего гамбургера и не думают, как продать и доставить тот же гамбургер. Может быть, МакДональдс и не делает самый лучший гамбургер, зато здесь лучше всего обстоит дело с продажей и доставкой наиболее ходового среднего бургера...»

Раздаётся стук в дверь.

Вадим. Тут. Тук.

Анка открывает глаза, недоуменно смотрит на дверь.

Анна, это я. Ну, Вадим, ну с сигаретами который...

Анка молчит.

Я хотел кое-что тебе сказать... Но сначала – ты как там себя чувствуешь?

Анка. Тебе тазик показать?

Вадим. Э, нет, спасибо. Скажи, а ты сейчас в каком положении, ну, в смысле вертикальном или горизонтальном?

Анка. Ты издеваешься? Ты и тут меня решил задолбать, урод?

Вадим. Не совсем. Ну, ты там встать можешь? Или как?

Анка. Не могу. Болит все у меня.

Вадим. Это хорошо... То есть плохо... Анна, я должен тебе кое-что сказать. Это я тебе вчера отравил, ну в смысле, в белоньезу корм кошачий подсыпал... Помнишь, ты мыть руки отходила?

Анка приподнимается, но ничего не отвечает.

Вадим. Я искренне хочу извиниться перед тобой. Хотя, если честно, ты первая начала. Я в курсе, что ты в коньяк какую дрянь химическую подлила... Мне врачи сказали, что когда клизму делали, пахло духами какими-то...

Анка с трудом встает на ноги, и пока Вадим говорит, она делает медленные шаги в сторону двери.

Вадим. Так-что мы квиты, Анна. Ну, я и не знал, что у тебя это... ну, гастрит...

Когда Вадим произносит последнее слово, Анка резко открывает дверь.

Вадим. О, какие люди и на ногах...

Анка бьет Вадиму между ног, затем хватается за шею и заталкивает в номер. Вадим ахает, стонет.

Вадим. Ай!

Анка начинает бить его кулаками по всему телу, затем валит на пол. Вадим пытается сопротивляться, но у него ничего не выходит. Удар за ударом прилетает ему.

Не надо! Не надо! Больно!

Анка. Получай, урод конченный! Получай!

Анка не успокаивается. В ней появляются силы, которых до этого не было совсем.

Вадим. Хватит! Успокойся, дура ненормальная!

Анка заметно уже устала и удары ослабевают. Вадим выходит из обороны в атаку. Он бросается на Анку и тоже валит ее на пол.

Анка. Отпусти, урод! Я тебя щас! Я тебя щас!

Вадим. Это я тебя щас!

Они борются. Катаются по полу, постоянно меняясь положением. То он снизу, то она. То он. То она.

Вадим. Оу!

Анка. Ай!

Вадим. Оу!

Анка. Ай!

Они уже заметно устали, у обоих силы на исходе. Они застывают в странном акробатическом положении и так замирают.

Анка. Слез!

Вадим. Это ты слезла!

Анка. Ты!

Вадим. Ты!

Возникает пауза. Анка и Вадим пыжатся, краснеют, но друг другу не уступают.

Вадим. Ну, так мы долго будем стоять. Сдавайся.

Анка. Это ты сдавайся, урод.

Вадим. Ладно, уговор! Слезаем друг с друга на два-три? Уговор?

Анка мычит.

Вадим. Два... Три!

Анка и Вадик отпускают друг друга и валятся на пол. Вадим падает первым, а Анка на него. Они лежат так лицом к лицу. Смотрят друг другу в глаза.

Вадим. Ничья?

Анка. Хрен тебе, я сегодня блевала.

Вадим. Э, и чего?

Анка. А того. *(Целует Вадима).*

Вадим *(брыкается).* Фу! Фу! Фу! Фу!

Анка целует его страстно. В засос. Входит Ксю, волоча ведро вареной кукурузы. Замирает.

Ксю. Не, ну понятно, че!

Анка оборачивается. Вадим трет свои губы.

Вадим. Фу! Фу! Фу! Фу!

Ксю. Значит, я там горбачусь как блядь, а ты тут с этим кувыркаешься. Ну понятно, Анка, все с тобой, понятно, че.

Анка (*слезает с Вадима*). Ксю, херню не городи. Никто не кувыркается.

Ксю. Слышь, Анка, вот не надо щас мне, а? Я че слепая? Под дурочку вчера больной прикинулась, а самой отлежать захотелось, потрахаться, да?

Анка. Ниче не прикинулась, мне реально плохо. И вообще он сам пришел.

Ксю. Ну а ты и не сопротивляясь, гляжу, да?

Анка. Ксю...

Ксю. Да я там вся на солнце сварилась на хрен, пока ты тут кувыркалась! На кожу мою посмотри! На кожу! Я желтая вся, как кукуруза! Ветер все лицо обветрил, голос сорвала, пока орала: «Кукурузе полный ход - суй початок прямо в рот!»

Анка. Ксю...

Ксю (*лизет свою кожу*). Капец, я и саленая еще... Знаешь че, Анка, да пошла ты в жопу! Вместе с кукурузой своей!

Швыряет ведро и уходит. Вареная кукуруза рассыпается по всему номеру.

Анка. Эй, ты куда пошла?

Вадим поднимается на ноги. Все еще трет свои губы.

Вадим. Да ты реально чокнутая! (*Уходит.*)

Анка обессиленно садится на кровать, прямо на плеер, закрывает ладонями лицо.

Голос коуча. «Неудача вдохновляет победителей. И неудача сокрушает не извлекающих пользу из

поражения проигрывающих. Самый большой секрет победителей, секрет, о котором не знаю те, кто проигрывает, заключается именно в том, что неудача вдохновляет победителей побеждать. Победители не бояться проиграть...»

На этих словах Анка вдруг хватает плеер и швыряет об стену.

Плеер разбивается вдребезги. Голос исчезает.

18.

Вечер. Вадим в своем номере. Сидит на кровати. Перед ним стул. На стуле бутылку коньяка и лимон. Он с жадными глазами разливает коньяк в рюмку, поправляет по-джентельменски воротник своей рубашки, готовится опрокинуть рюмку, но в это мгновение раздается стук в дверь.

Анка. Открой!

Вадим вздрагивает, смотрит на дверь.

Анка. Это я!

Вадим (недоуменно). Кто - я?

Анка. Ксю пропала! Открывай!

Вадим. Ага, еще чего, я на дурака похож?

Анка. Быстро, открой, урод! Пошли искать ее!

Вадим. Искать? А я-то причем? Тебе надо, ты и ищи.

Анка. Слышь, урод, если не откроешь, я щас дверь выбью! Это из-за тебя она сбежала!

Вадим. Куда сбежала?

Анка. Ты совсем тупой? Наверно, если бы я знала, я к тебе не пришла?

Вадим. Хм... Ну да, логично... Но я все равно не открою. Скатертью дорожка, так сказать.

Анка замолкает.

Вадим (*не сразу*). Ты еще там?

Молчание.

Вадим. Ты что-то задумала?

Молчание.

Вадим. Если да, то предупреждаю, я буду драться. Я женщин вообще не бью, но за себя не отвечаю. Поняла?

Молчание.

Вадим. Не, ну что за молчаливые угрозы, девушка?

Молчание.

Вадим. Думаешь, я боюсь тебя? Хрен тебе на ухо!

Вадим сидит на кровати, подносит к губам рюмку, но не пьет, нервно смотрит на дверь, долго смотрит и не выдерживает.

Вадим. Ладно! Ладно! погоди! погоди! погоди! Не надо! Не надо! Чего бы ты не задумала, не делай это! Я открою. Открою. Но уговор. Прежде чем я открою, ты отойдешь на три метра? Уговор?

Анка. Открывай!

Вадим. Отойдешь?

Анка. Твою ж теб... Отойду. Отойду.

Вадим. Точно?

Анка. Точно.

Вадим. И не накинешься, как Тарзан на меня?

Анка. Не накинусь.

Вадим. Ладно...

Вадим поднимается, идет к двери, осторожно приоткрывает ее, смотрит на стоящую в трех метрах Анку.

Анка. Выходи, не трону я тебя!

Вадим. Так чего случилось?

Анка. Ты глухой? Ксю, после твоего феерического

появления в наш номер сбежала фиг знает куда, и не вернулась до сих пор! Уже двенадцать почти! Я весь район обошла, нет ее нигде! Искать пошли! Это из-за тебя все!

Вадим. Слушай, я чисто по-человечески тебе сочувствую, но, во-первых, там щас темно, как жопа слона, во-вторых, я не особо-то и хочу...

Вадим открывает дверь шире и в это мгновение Анка срывается с места, прыгает, как Тарзан на него, вытаскивает из комнаты и тащит по коридору.

Вадим. Ай! Ай! Ай!

Анка. Пошел, сказала!

Уходят.

19.

Ночь. Анка, вцепившись в шею Вадима, ведет его по пляжу головой вниз.

Вадим. Может, отпустишь уже!

Анка. Ага, щас! Чтобы ты сбежал сразу!

Вадим. Да какой от меня толк тогда? Если я мордой вниз. Мне что, крабов высматривать в песке?

Анка (*задумывается*). Ладно, отпущу, но только попробуй сбежать. Не сбежишь?

Вадим. Не сбегу.

Анка. Точно?

Вадим. Точно.

Анка отпускает Вадима. Тот тут же срывается с места и убегает.

Вадим. Хрен тебе на краба!

Анка, словно зная, как он поступит, никак не реагирует. Вадим бежит, бежит, потом вдруг останавливается, тяжело дыша, оборачивается.

Вадим. погоди, а мы где? А то... как вышли с гостиницы, я только свои ноги созерцал.

Анка. На пляже.

Вадим возвращается к Анке.

Вадим. Ну это я понял. А где гостиница?

Анка. Там.

Вадим. Вот терпеть не могу такие ответы. Там – это где? Прямо, направо, налево?

Анка молча шагает вперед, озираясь по сторонам. Вадим догоняет ее.

Вадим. Ну и куда она могла пойти?

Анка. Не знаю.

Вадим. Ну а места любимые есть у вас тут? Куда вы обычно ходите?

Анка. Мы никуда не ходим.

Вадим. Как?

Анка. Так.

Вадим. То бишь приезжаете на море и никуда не ходите. В гостинице, что ли, только сидите?

Анка. Мы работаем.

Вадим. Да... Тяжелый случай.

Анка. Че ты сказал?

Вадим. Говорю – тяжелый случай... ну, это, у нас... искать-то не понятно, где...

Идут. Молчат. Вадим закуривает. Анка смотрит по сторонам.

Вадим (*протягивает сигаретку Анке*). Будешь?

Анка. Ага, я на самоубийцу похожа?

Вадим. Ой, ладно тебе. На пять лет больше. На пять лет меньше. Все равно все умрем. За то, видишь, я закурил и сразу разговор пошел.

Анка. То есть, рак тебя совсем не парит, да? Ты готов стать лысым куском ненужного мяса, разлагающегося на солнце как коровье говно, вечно стонущего и белеющего в унитаза, ожидающегося, когда наконец тебя положат в гроб и забудут, потому что к этому времени ты ничего не добился?

Вадим (*выбрасывает окурок*). Хм... Ну и оптимистка ты... Умеешь простой радости лишиться, которой в нашей стране и так - хрен да два. Даже как-то внутри тускло стало и курить перехотелось... И что я теперь без сигарет делать буду? Вот появилась ведь на мою голову, не могла в другой день поехать?

Анка. А ты че, думаешь, я охренеть как в восторге?

Вадим. Я, в отличие от тебя, войну не объявлял. И вообще не понимаю вот эту простую вещь... Я тебе как бы не конкурент, на вареную кукурузу не претендую...

Анка. Ага, не конкурент. Ходит, своей смертью людей соблазняет, они и кукурузу не хотят мою покупать.

Вадим. Не, ну я все равно не понимаю эту вещь... Вот как может... Хотя ладно, разговор в никуда... Тебе не переубедить. Встала на своем как танк и прешь, не различая ни друзей, ни врагов. Опасная дорожка, скажу тебе.

Анка. Ради цели я на все готова.

Вадим. А в чем цель-то? Деньжат побольше загрести? И это для тебя счастье?

Анка. Деньги - не счастье, но они дают возможность это счастье получить.

Вадим. И как?

Анка. Да вот так! Вот ты хотел бы на море?

Вадим. Хм... Так мы и так море.

Анка. Я про нормальное море. Где пальмы и настоящие кокосовые коктейли, а не кишечная палочка и вонючая вареная кукуруза.

Вадим. Не знаю, как-то в голову не приходило даже...

Анка. Ну, а в Америку бы ты хотел? А в Париж? В Венецию?

Вадим. Мне и тут нормально... На рассвете встал, удочку, коньячок, да на Дон, солнце с карасями встречать... Вон оно счастье...

Анка. Понятно. Ты вообще на фига в бизнес тогда пошел?

Пауза.

Анка. Че замолк?

Вадим. Детей кормить надо.

Анка. У тебя есть дети?!

Вадим. Ну, есть.

Анка. Дети, серьезно?

Вадим. Дочь и пацан.

Анка. Мда... Еще скажи, жена у тебя лучшая на свете?

Вадим. Нету жены...

Анка. Оп, в разводе?

Вадим. Нет.

Анка. А че тогда? Ушла от тебя?

Вадим не отвечает.

Анка. Изменила?

Вадим. Нет.

Анка. Ты обрюхатил кого-то? Ну, конечно... Как я сразу

не додумалась...

Вадим (*взрывается*). Слушай, закрой свой рот к чёртовой матери!

Анка замолкает. Вадим отворачивается. Возникает долгая неловкая пауза.

Анка. А я хочу быть лучшей. Хочу, чтобы меня знал весь мир, чтобы все ценили, уважали, красные дорожки стелили, чтобы наконец, когда я возвращаюсь в свою деревню, все мои знакомые завидовали и проклинали, но все равно говорили: «Вон, Анка - сука, чего добилась!»

Вадим. Хм... Амбициозно, конечно...

Анка. И хочу, чтобы мама гордилась мной... Не жила в нищете...

Вадим. А она чего не гордится?

Анка молчит, отворачивается.

Вадим. Ну, а с мужем у тебя-то чего? Я прав был? Нету у тебя его?

Анка. Брак – это телега говна, которая тормозит всю жизнь и не приносит ничего, кроме еще большего говна.

Вадим. Ты, видно, и любить не научилась еще... Брак много приносит хорошего. Детей...

Анка. Чтобы достичь своей цели, надо постоянно...

Вадим. Жертвовать... Да, да, наслышан.

Анка. Ты тоже читал «Богатого папу»?!

Вадим. «Богатый папа, бедный папа?» - Читал, ага. В Москве, когда был года два назад, на прилавке на глаз попалась. Меня названия тогда подкупило... «Бедный папа...»

Анка. И как тебе? Она вообще мою всю жизнь

перевернула. Я ее даже на плеер записала и каждый день слушаю.

Вадим. Ну, толково написано, да. Только не про наши края, так сказать. Про коррупцию нашу, например, там не слово. Да и биржи, фиржи... Сложные проценты... Какие к чёртовой матери сложные проценты, вы мне скажите, как мне детям детство дать, а не ползать по стране как червяк, только и думая, как их одеть...

Пауза.

Вадим. Вот что за люди, говорят не купайтесь ночью, да все по барабану...

Анка. Че?

Вадим. Да вон. Идиот какой-то плавает.

Анка. Где?

Вадим. Да вон.

Анка. Да где?

Вадим. Ага, не нравятся неопределённости? (*Показывает пальцем на море.*) Вон, видишь. Терпеть не могу вот таких людей.

Анка. А тебе какая тебе разница? Это их дело. Хотят и плавают.

Вадим. Ага, их дело... Залезут ночью в море, потом на утро трупак на берегу лежит. Туристы потом два дня на пляж не суются, выручки ноль. Эй, молодой человек! Из моря выходите, ночью нельзя купаться!

Тишина.

Вадим. Вы слышите? Эй! Из моря выходите, говорю! Опасно!

Тишина.

Вадим. Эй! Вы там живы или как?

Анка всматривается в море. Щурится.

Вадим. Ну вот о чем я и говорил... Тоже приплыл походу...

Анка. Ксю?

Вадим. А, где? Нашла? *(Вертит головой.)*

Анка. В море... *(Вдруг срывается с места.)* Там! Она!

Вадим. Эй, куда? Куда? *(Бежит за Анкой.)*

Анка *(истерически).* Ксю! Ксю! Ксю!

Анка забегают в море, но Вадим ее останавливает.

Вадим. Не лезь! Не лезь! Я сам! *(Отталкивает Анку и сам забегают в море.)*

Анка остается одна на берегу, видит, как Вадим погружается в море и тут же исчезает в нем. Анка падает на колени, истерически кричит.

Анка. Ксю! Ксю! Ксю!

Ветер завывает. Волны грохочут. Анка смотрит на море, где никого не видно и не слышно.

Анка. Ксю! Ксю! Ксю!

Вскоре показывается Вадим. Он вытаскивает на берег Ксю, которая дрыгает ноги и размахивает руками, ругаясь.

Ксю. Отпусти меня! Отпусти, сказала!

Вадим. Да не бей ты меня! Я тебя спасаю!

Но Ксю продолжает наносить удары по Вадиму. Вадим, вытащив полностью Ксю на берег, отскакивает.

Анка *(подбегают к сестре).* Ксю! Ксю! Ты живая? Ксю!

Ксю. Вы че совсем, блин, а?! Вы совсем?!

Анка. Ксю, ты как?

Ксю. Зашибись просто! Купаюсь, на луну смотрю, никого не трогаю, а этот как начал топить!

Вадим. Я спасал!

Ксю. Себя лучше начинай спасать, я щас встану, на медузу тебя натяну!

Анка. Ты купалась просто?

Ксю. Нет, блин, жить надоело, Анка. Не, Анка, вы совсем, я не понимаю? Головой думать надо, а?

Вадим. Я кричал вообще-то, девушка!

Ксю. Ты там вообще заткнись!

Анка. Да, заткнись!

Вадим. Да идите вы все к чертовой кукурузе!

Вадим уходит. Анка и Ксю остаются наедине.

Анка. Я так испугалась за тебя... *(Взрывается.)* Не делай так больше, поняла? Никогда! А то я тебя сама на медузу натяну!

Возникает долгая неловкая пауза. Ксю снимает с себя футболку, начинает выжимать.

Ксю. Анка... Отпусти меня, Анка... Я так больше не могу. Я реально устала, Анка. У меня ни личной жизни, ни хрена вообще. Мы с тобой на дне блин вечном каком-то. Все выплыть не можем, с каждым разом только все ниже и ниже погружаемся. Уже под дно блин какое-то. Я реально устала уже. Вон у наших знакомых и семья уже, квартиры, а мы как говно в трубах. То туда, то сюда. Не обижайся, Анка.

Анка ничего не отвечает, смотрит на море.

Ксю. Может, бизнес — это реально не наше? Может, наше предназначение, не знаю там, в чем-то другом.

Анка все еще молчит.

Ксю. Я любить, Анка, хочу. Я вот купаюсь тут уже пятый час и только щас это поняла. В любви — женское счастье. Любить мы должны уметь.

Анка молчит.

Ксю. Ну че ты молчишь?

Анка. Пойдем, мне еще кукурузу варить на завтра.
(*Поднимается, подает руку Ксю.*)

Ксю. Подожди ты. Сядь. Да сядь ты на минуту, а?

Анка садится обратно.

Ксю. Посмотри, как красиво... Море такое прекрасное...

Анка. Ниче не видно же.

Ксю. Да ты всмотрись, блин, че как эта... Столько раз на море были и ни разу его не видели нормально...

Анка и Ксю замолкают, смотрят на море. Ничего и правда не видно, лишь слышно, как волны разбираются о побережье. То ласково, то грубо. То страшно, то спокойно. Море, море. Прекрасное море.

20.

Утро. Анка торгует одна.

Анка. Кукурузе полный ход - суй початок прямо в рот!
Кукурузу покупай, две в подарок получай!

Появляется Вадим.

Вадим. О, какие люди и без... Хм... Без...

Анка. Че, словарный запас иссяк?

Вадим. Похоже... Ну как сестра-боксер твоя?

Анка. Нормально. Я ей сегодня выходной дала. Пусть отоспится. Все равно торговать нечем почти.

Молчание.

Анка. Вадим?

Вадим. А?

Анка. Спасибо.

Вадим (*смотрит по сторонам, напряженно*). Ты слышала?

Анка. Че?

Вадим. Кто-то твоим голосом сказал – спасибо!

Смеется. Анка улыбается.

Вадим. Рад помочь, так сказать... Хм... если почестноку, это самая интересная моя поездка на юг за пять лет. Обычно приезжаешь, поторговал, позагорал, от ментов побегал и обратно в Ростов. А в этот раз как-то все по-другому...

Анка. Че по-другому?

Вадим. Не знаю... Все по-другому... И тройная клизма в первый раз и поцелуй с блевотиной...

Анка смеется. Вадим подходит к ней вплотную и целует.

Анка. Э! (*Дает сильную пощечину Вадиму.*)

Вадим. Ай! Боже, да какого!.. (*Стонет.*)

Анка. Надо предупреждать, прежде такое делать, понял?

Вадим. А вот ты, тогда как-то не предупреждала меня. (*Трет щеку.*) Охренеть, ну и удары у вас! Бьете, как в последний раз!

Анка. Мы на бокс полгода ходили... В бизнесе надо уметь драться. Так... в книге, короче...

Вадим. Ай, челюсть походу отлетела... Ай!

Анка. Больно?

Вадим. Больно!

Анка. Ну, извини.

Вадим. Вот знаешь, вот это твое извини...

Не успев закончить предложение, как Анка подходит к нему и теперь сама целует. Вадим машинально встал в оборонительную

стойку, но губы свои с губ Анки не убирает. Он так стоит напряженно какое-то время, словно ожидает чего-то неожиданного, но потом сдается и поглощается в поцелуе. Долгом, нежном. Неподалеку слышится прибой моря, печет летнее южное солнце. Вдруг Вадим замечает приближающегося к прилавку мента.

Вадим (*прерывая поцелуй*). Ой, е! Накаркал.

Лейтенант. Эй, Вадик, руки вверх!

Вадим срывается с места и бежит влево, но ему перегородивает путь второй мент (Сержант), который тоже приближается к прилавку.

Вадим. Ой, е! (*Бежит вправо.*)

Но и тут ему не дают хода. Менты окружают его с двух сторон.

Вадим. Мужики! Мужики, да вы чего? Все, все, я сваливаю сегодня.

Лейтенант. Это уже вряд ли, Вадик.

Менты накидываются на Вадима и грубо валят на землю.

Вадим. Не, не, в этот раз реально навсегда сваливаю. Больше не увидите меня.

Сержант. Заткнулся! (*Сильно бьет Вадима дубинкой.*)

Вадим стонет. Анка в шоке наблюдает за этим.

Лейтенант. Вадик, ну шо ты за человек? Каждый год одно и то же. Ты от нас убегаешь, мы тебя ловим. Ты убегаешь – мы ловим. И вот опять... с сигаретами своими... На том же месте! Единственное, что мне в тебе нравится, Вадик, шо ты себе никогда не изменяешь... (*Сержанту.*) Все, забирай его в машину, в клетку сразу повезем. Отбегался.

Вадим. Э, мужики, вы чего? Какая тюрьма? У меня поезд вечером! Мужики!

Сержант (*Лейтенанту*). А сигареты?

Лейтенант. Товар конфискуем.

Вадим. Мужики, я больше не буду, клянусь! Ну, мужики! У меня дети!

Сержант. Не будешь... не будешь. (*Снова бьет Вадима дубинкой, на этот раз еще сильнее, бьет по рукам, по ногам, по голове, бьет так, что откуда-то появляется кровь и начинает растекаться по всей сцене.*)

Лейтенант. Вадик, ты только опять на жалость не дави мне, не надо. В прошлом году у тебя жена от рака умирала, в позапрошлом дом сгорел. В этом - дети, оказывается, у тебя еще есть. Ты меня удивляешь, Вадик.

Вадим. Ну, мужики...

Сержант (*передразнивая*). «Ну, мужики...» (*И снова замахивается на Вадима дубинкой.*)

Вадим (*произносит через боль*). Я не врал...

Лейтенант. Это как надо перед Богом провиниться, чтобы он таким невезением человека отблагодарил?

Чей-то голос непонятно откуда. Я не при делах!

Все ошарашенно поднимают голову к небу. Затем менты поднимают почти потерявшего сознание Вадима и куда-то тащат. Анка вдруг достает из ведра горячую вареную кукурузу и замахивается на них.

Анка. Отпустили его! Быстро!

Лейтенант. О, а это откуда такая принцесса?

Сержант. Да это она нам вчера звонила, товарищ лейтенант. Про Вадика стуканула. Тоже тут торгует третий день. Кукурузой.

Лейтенант. Разрешение на торговлю есть, девушка?

Анка. Отпустили его, сказала! (*Готовится вот-вот в них запульнуть кукурузу.*)

Лейтенант. Девушка, вы тоже в тюрьму захотели? Перед вами представитель власти, между прочим.

Анка. Слышь, урод, знаешь сколько мне это за всю мою говяную жизнь говорили?

Вадим. Аня, это ты? Ты?!

Лейтенант (*Сержанту*). В машину его!

Сержант. А с кукурузой че делать, товарищ лейтенант?

Лейтенант (*смотрит на ведро кукурузы*). Кукурузу тоже конфискуем. Алкаши пусть в клетке погрызут. Протрезвеют быстрее.

Анка. Только попробуй, урод!

Лейтенант. Так, девушка, вы уже на две статьи мне наговорили и почти на одну сделали.

Анка. Только попробуй! Это мое! Мое! Мое! Мое!

Сержант. Товарищ лейтенант, да в наручники ее и все.

Лейтенант (*достает из-за пояса наручники*). Раз... Два... Два с половиной...

Анка еще какое-то время защищает ведро вареной кукурузы, затем отступает. Лейтенант забирает ведро, и они все уходят.

Анка. Вадим! Вадим!

Анка стоит на месте, ошарашенная, провожает взглядом Вадима, а тот смотрит на нее - разочаровано. Капает дождь.

21.

День. В гостинице. Ксю выходит из душа в халате, трет голову полотенцем. Анка врывается в номер. Ксю вскрикивает.

Ксю. Блин, напугала, Анка!

Анка начинает в панике собирать свои вещи.

Ксю. О, да ладно, пустые руки... Все продала, что ли? Ну наконец-то блин. А ты со скидкой или как?

Анка. Собирайся!

Ксю. Че?

Анка. Быстро!

Ксю. Куда? Я только с душа вышла.

Анка. Собирайся, сказала! Мы сваливаем!

Ксю. Да че случилось-то? Сказать, можешь?

Анка. Они Вадима забрали... И кукурузу тоже...

Ксю. Вот щас не поняла? Кто, что и кого?

Анка. Они! Они! Менты сраные! Собирайся!

Ксю. Ой, господи, ты щас шутишь? Скажи, шутишь, Анка?

Анка молчит. Ксю срывается с места, начинает собирать свои вещи тоже.

Ксю. Ой, господи, да за что нам такое, блядь?!

Слышно, как Анка хлюпает, но с каждой сложенной в чемодан вещью, это хлюпанье усиливается и усиливается, а потом и вовсе превращается в плачь. Анка с силой швыряет чемодан в сторону, падает на пол и бьется в слезах, словно в истерическом припадке.

Ксю. Анка! Анка! (*Подбегает к сестре.*) Ты че, Анка? Не надо. Ты че? (*Пытается поднять Анку, но та сопротивляется, кричит и плачет.*) Анка, Анка, успокойся! Успокойся! Блин!

Но Анка не успокаивается, она продолжает плакать. Ксю опускается тоже на пол, крепко обнимает Анку.

Ксю. Анка! Все будет хорошо! Все будет хорошо! Анка, успокойся, успокойся, а то я тоже щас заплачу. Все будет

хорошо.

У Ксю тоже появляются на глазах слезы. Сестры сидят так, обнявшись и плача.

Ксю. Все будет хорошо! Анка, у нас все будет хорошо! Все будет хорошо!

22.

В плацкарте. Ночь. Сестры сидят на незастеленных койках, опустив головы. В душном вагоне царит тишина. Все спят.

Анка. Прости меня, Ксю...

Ксю (*не сразу*). За че?

Анка. Я обещала тебе, что мы не вернемся домой такими какими уедем, а видишь, как оно...

Ксю. Анка, ну ты че, а?

Анка. Не вышло... Не сдержала я обещания.

Ксю. Да ладно тебе, ты че, Анка? Приедем, передохнем, составим новый бизнес-план, и в бой. Сама так говоришь всегда. Только в Питер на этот раз. Мы там еще не были. Там все культурно, говорят.

Анка. Не, все, Ксю, я тут выхожу.

Ксю. В смысле - тут?

Анка. На остановке.

Ксю. Какой?

Анка. Ну, где поезд тормознет, там и выйду.

Ксю. Анка, ну не городи херню, где ты выйдешь? Все, давай, вставай, я тебе разложу. Давай, давай, тебе отдохнуть надо.

Анка поднимается. Ксю начинает застилать постель на нижней койке. Поезд потихоньку сбавляет обороты.

Анка. Ну, вот, Ксю, моя.

Ксю. Не, Анка, ты щас серьезно?

Анка. Маме скажи... Скажи, что у меня все нормально.
(Обнимает Ксю.)

Ксю взаимностью не отвечает, лишь спустя минуту на ее глаза появляются слезы, она крепко-крепко обнимает сестру.

Ксю (плача). Не, Анка, ты щас серьезно?

Анка. Не плачь, не надо, в этом мире плаксивым нету места, поняла?

Поезд останавливается. Вдруг откуда-то из вагона раздается громкий женский голос. Настолько громкий, что кажется, будто кто-то кричит в радиорупор прямо над головой.

Голос проводницы. Товарищи, особенно мужчины, остановка на две минуты. Вышли, одну затяжку сделали, вернулись. Мужчины! Есть курящие товарищи? Где курящие товарищи?

Мужской голос из вагона. Баба, ну как ты надоела уже, ну! У Кремлевской стены все твои товарищи! Ну дай ты поспать!

Голос проводницы. Не дам! Потом тамбур мне весь загадите, а мне штраф платить! Товарищи! Есть курящие товарищи?

Анка. Присядем на дорожку.

Садятся. Молчат. Ксю плачет еще больше.

Анка. Ну, все. Я пошла. (Поднимается.)

Ксю (плача). Анка!

Анка делает шаг по направлению выхода.

Ксю. Ну куда ты, Анка?

Анка оборачивается, улыбается Ксю, затем уходит. Поезд трогается. Железные колеса стучат, набирают скорость. Тут.

Тук. Тук. Тук. Тук. Ксю заливается слезами. В этот момент на место напротив проходит Мужик со спортивной сумкой с надписью «Russia».

Мужик со спортивной сумкой. Здрасьте.

Ксю не реагирует.

Мужик со спортивной сумкой. Познакомимся сразу? *(Протягивает ей руку.)* Сергей.

Ксю не реагирует, все еще хнычет.

Мужик со спортивной сумкой. Че плачете?

Ксю. Ниче.

Пауза. Мужик вытаскивает из спортивной сумки «Russia» бутылку водки, открывает, отпивает.

Мужик со спортивной сумкой. Куда едете?

Ксю. Туда.

Мужик со спортивной сумкой. И я туда. Вот совпадение.

Ксю ложится на койку, поворачивается к нему спиной.

Мужик со спортивной сумкой. Вы внимания не обращайте, я не алкаш, это так... издержки профессии. Я певец. С гастролей возвращаюсь.

Ксю молчит. Мужик вдруг запел слегка пьяным, но красивым, голосом.

Мужик со спортивной сумкой. День тянется и теряется, ночь плачет и говорит. Когда горизонт растворяется, в окне появляется вид. Ручей под березовым деревом, и он очень нежно журчит. Пора. Я готов в нем исчезнуть. Неважно куда, но уплыть. Устал я теперь, что противно, есть вещи приятней уму. Так каждую ночь измеримо гоню эти мысли ко дню...

Ксю слушает его, глядя в стену. Тут раздается знакомый мужской голос.

Мужской голос из вагона. Господи, да когда вы все, еп вашу мать, заткнетесь! Бла-бла-бла-бла-бла-бла! Сколько, еп вашу мать, можно?! Ну, сколько, еп вашу мать, можно, Господи?! За что?! За что мне этот плацкарт, Господи?!

И, кажется, на этот раз тот, к кому обращаются – Господь - наконец услышал Человека. Все вдруг становится тихо. Очень тихо. Не слышно, как стучат колеса, не слышно, как скрипит дверь тамбура, не слышно, как храпит бабка на соседней койке. И проводницу не слышно. Ничего не слышно. Ксю и Мужик переглядываются, улыбаются.

Занавес.

Журнал «ДрамТеатр» предлагает свои услуги
по размещению рекламы.

Обращаться по адресу:
dramteatr.zhurnal@mail.ru

Светлана СОЛОГУБ

*писатель, сценарист, драматург,
член Гильдии драматургов России,
Москва*

МИСС ИДЕАЛЬНАЯ ОСАНКА

*«Балет - это каторга в цветах.
Я не пожелал бы им заниматься
даже врагу».*

Н. Цискаридзе

Действующие лица

Ирина, 38

Мама, 76

Дмитрий, 43

Комната в квартире, которая находится в старом доме. Высокие потолки, высокое окно. На окне тюль и гардины. Старинный буфет с тарелками, поставленными стопочками, и разнообразным хрусталём – салатницы, рюмки, бокалы. Посередине комнаты круглый деревянный стол – тоже старинный, накрытый парадной скатертью с бахромой. Два венских стула. Над столом хрустальная люстра. На стене висит большой портрет в богатой раме – балерина делает элегантное па. Книжный шкаф с подписными изданиями. Напольные часы.

Тумбочка с городским телефоном. Единственная современная деталь обстановки – диван.

Мама в инвалидном кресле напротив часов. Сверяет время на своих наручных часиках и на напольных. Трясёт рукой, подносит часы к уху. Подъезжает к напольным часам, с трудом открывает дверцу, тянется к стрелкам, пытается достать.

Входит Ирина с пакетами, наполненными продуктами.

Ирина. Мама, что ты делаешь?! Опрокинешься!

Ставит пакеты, идёт к маме. Отодвигает коляску, закрывает дверцу часов.

Ирина. Зачем тебе понадобилось переводить часы?

Мама. Они опаздывают. Уже полшестого.

Ирина смотрит на свои наручные часы, потом на циферблат напольных.

Ирина. Всё нормально. Ещё пять.

Мама. Я же чувствую, что полшестого.

Ирина. Пять.

Мама. Нет.

Ирина. Хорошо, давай я проверю.

Достает мобильник. Включает громкую связь. Набирает 100. Механический голос отвечает «Точное время семнадцать часов три минуты».

Мама. По мобильнику ещё не то скажут.

Ирина закатывает глаза, идет к городскому телефону, набирает 100.

Ирина. Московское время семнадцать часов четыре минуты.

Пауза.

Мама. Всё равно я чувствую, что уже позднее, чем показывают часы.

Ирина (*разбирает пакеты, выкладывает продукты*).
Значит, я ничего не успею приготовить.

Мама. Я читала в интернете, что Земля стала вращаться быстрее, чем раньше.

Ирина. Я подарила тебе планшет, чтобы ты смотрела в интернете фильмы, а не читала всякую ересь.

Мама. Ересь – это то, что ты готовишь, а я читаю только научные статьи.

Ирина. По-твоему, в сутках теперь не 24 часа?

Мама. Я не знаю, сколько часов теперь в сутках, я знаю только то, что я теперь ничего не успеваю.

Ирина. Мама, ты целыми днями смотришь сериалы, что ты не успеваешь, скажи, пожалуйста.

Мама. Ты думаешь, я не знаю, сколько всего надо сделать? Я вижу. Я всё вижу! Плитку в ванной, плинтус на кухне...

Пытается встать и дотянуться до продуктов на столе.

Ирина. Сиди, ради Бога, я сама!

Мама. Ты совершенно не видишь во мне полноценного человека.

Ирина. Я вижу. Я всё вижу.

Подкатывает мамино кресло к столу, мама рассматривает продукты. Ирина достает из буфета тарелки, ножи, разделочные доски.

Мама. Что ты собралась готовить? Колбасу?

Ирина. Бутерброды.

Мама. Ты первый раз приглашаешь мужчину в дом и хочешь поставить на стол бутерброды?!

Ирина. Не вижу в этом ничего страшного.

Мама. Плебейство. Ты еще картошку отвари и поставь в кастрюльке – вот прямо посреди стола и поставь. И селёдку в круглой такой банке, железной, можешь даже не чистить.

Ирина. Зачем ты опять преувеличиваешь.

Мама. Я не хочу позориться перед незнакомым человеком.

Ирина. Уверяю тебя, бутербродами мы не опозоримся.

Мама. Положи колбасу на тарелку, а хлеб – в хлебницу.

Ирина. Так будет не плебейство?

Мама. Так будет хотя бы прилично.

Ирина. Хорошо, мама.

Пауза.

Мама. Ты была у остеопата?

Ирина. Была.

Мама. И что он тебе сказал?

Ирина. Сказал, что сколиоза у меня нет.

Мама. Странно. При твоей-то сидячей работе. Я же вижу. Я всё вижу. Ты забрала у него снимок?

Ирина. Забрала.

Мама. Покажи.

Ирина. Мама!

Мама. Покажи, говорю!

Ирина достает из большого бумажного пакета огромный рентгеновский снимок – вся верхняя часть позвоночника. Мама забирает у неё снимок, отъезжает, отворачивается, рассматривает.

Мама (про себя). Ну... Так вроде всё нормально... Но... (*Ирине.*) У тебя выпирает левая лопатка. Ну вот

повернись.

Ирина. Мама...

Мама. Повернись.

Ирина поворачивается.

Мама. Ну вот же. Явный сколиоз.

Ирина (*забирает у мамы снимок*). Врач сказал, что у меня идеальная осанка для моего возраста и образа жизни.

Мама. Что этот эскулап может знать о твоём образе жизни, господи.

Ирина. У меня нормальный образ жизни.

Мама. Нормальный образ жизни в твоём возрасте – это муж, двое детей и отдых у моря, а не вот это вот всё!

Ирина. Ты разговариваешь как необразованный подросток. «Вот это вот всё».

Мама. Не меняй тему!

Ирина. Какую тему? Разве у нас была тема?

Мама (*начинает плакать*). Я не доживу до внуков, не доживу...

Ирина. Мама!

Мама (*перестает плакать*). Что мама, что мама! Господи, вот уж не думала, что моя дочь добровольно захочет остаться старой девой!

Ирина (*ровно*). Добровольно я хотела выйти замуж за Петра.

Мама. В семнадцать лет! На заре карьеры!

Ирина. Какой карьеры?

Мама молчит.

Ирина. Моей карьеры балерины, которая была только у тебя в голове.

Мама. Тебе просто не хватило упорства.

Ирина. И выворотности. И гибкости. И прыжка. И еще много чего, о чем тебе талдычили мои преподаватели.

Мама. Дилетанты. Ты прекрасная стройная, гибкая девочка. И с прыжком у тебя всё нормально.

Ирина. Мне все эти качества по жизни очень помогли. И сейчас помогают. Особенно прыжок.

Часы бьют четверть шестого.

Мама. Мы ничего не успеем.

Ирина. Всё уже готово.

Мама. Бутерброды и овощи. Это позор, а не стол для мужчины.

Ирина. А нужен был кусок мяса с кровью?

Мама. Ты никогда не выйдешь замуж.

Ирина. Надеюсь, меня можно ценить и не за кулинарные способности.

Мама (мягко). Когда любишь человека, тебе хочется его накормить.

Ирина. Лишний вес вреден для здоровья.

Мама. В кого ты такой сухарь, господи.

Ирина. Действительно, в кого.

Звонок в дверь. Женщины смотрят на часы.

Мама. А я говорила. Часы врут. Уже шесть!

Ирина. Нет, это просто кто-то пришел на 45 минут раньше.

Мама. Очень вежливо, однако. А если бы ты была в ванной, например.

Ирина. Подождал бы. (*Идёт открывать дверь.*)

Мама двигает на столе приборы и тарелки.

Мама. Что-то ни один путный пока не дождался...

Ирина возвращается с Дмитрием. Высокий, интеллигентного

вида, в очках, с букетом.

Дмитрий. Добрый день. Великодушно прошу прощения, что пришёл раньше и внёс сумятицу. Не рассчитал время в пути, на улице ждать холодно, а в машине, извините, насиделся.

Мама. Ну что вы, любезный, ничего страшного. Мы всегда во всеоружии, правда, Ирочка. А за употребление слова «сумятица» я прощаю вам вообще всё на ближайшие десять лет вперёд.

Неловкая пауза. Дмитрий не может решить, кому же подарить цветы.

Ирина (*забирает у него букет*). Не мучайтесь. Это неважно.

Мама. Очень важно.

Дмитрий. Прошу прощения, не подумал. В следующий раз принесу два.

Ирина. В следующий раз.

Мама. Ира.

Дмитрий смущается.

Дмитрий. Да, наверное, я тороплю события...

Мама. Некоторые события и правда надо бы поторопить.

Ирина. Мама!

Мама. Земля вращается быстрее, Ира, и только ты одна за ней не успеваешь.

Дмитрий несколько ошарашен. Мама лучезарно улыбается ему, подъезжает ближе и протягивает руку.

Мама. Любовь Фёдоровна.

Дмитрий целует маме руку.

Дмитрий. Дмитрий.

Мама. Очень, очень рада, Дмитрий. Наконец-то я вижу в этом доме мужчину с достоинством.

Ирина. Мама!

Мама. Что? Дмитрий - мужчина, который полон внутреннего достоинства, разве ты не видишь?

Ирина. Я всё вижу. По-русски это называется «достойный мужчина», мама, а не вот это вот всё. Давайте уже садиться за стол.

Мама (Дмитрию). Ирочка работает в библиотеке, вы знаете?

Дмитрий хочет ответить, Мама перебивает.

Мама. Ирочка очень много читает, она очень умная, видите, сколько у нас книг, она всё прочитала!

Ирина. Не всё. Только Жюль Верна. В 13 лет.

Мама принуждённо смеется.

Мама. Вот, Дмитрий, у Ирочки ещё и оригинальное, а главное, ни на кого больше не похожее чувство юмора! Вы обязательно оцените! Жена с юморком – это клад, говорю я вам, клад, не каждому так повезёт!

Дмитрий опять хочет ответить.

Ирина. Давайте уже сядем за стол.

Мама. Что ты так спешишь.

Ирина. Мама, ты разберись уже. То события надо поторопить, то я слишком спешу.

Мама. Потому что надо понимать, когда следует ускоряться, а когда можно и притормозить. Правда, Дмитрий?

Дмитрий (Ирине). Вы любите Жюль Верна?

Ирина. Я вообще люблю фантастику. Рассказы о том,

чего в жизни не бывает.

Мама. Вот и я говорю, Дмитрий, Ирочка с детства очень много витает в облаках, мечтает о чем-то несбыточном, придумывает всякие глупости, ей очень нужен мужчина, который твёрдо стоял бы на земле, приземлял её немножко, вы понимаете, о чём я, вы ведь из таких, Дмитрий?

Дмитрий хочет ответить.

Ирина. Может быть, уже выпьем чаю?

Мама. Чай не молоко, не убежит.

Мама едет к картине.

Мама. Дмитрий, как вам эта картина?

Дмитрий подходит, рассматривает картину.

Дмитрий. Экспрессивно. Но в то же время сдержанно. Скромно. И с гордостью.

Удивлённая мамина пауза.

Дмитрий. Это ведь Жизель? И... Любовь Фёдоровна, это ведь вы?

Ирина у них за спиной закатывает глаза. Мама млеет.

Мама. О да, конечно, Жизель! Моя Жизель!

Дмитрий. Балет – это удивительное искусство. Оно спорит с гравитацией.

Мама. Балет спорит с понятием «человечность», молодой человек, и иногда со здравым смыслом. (*Гладит раму картины.*) Другие девочки мечтают об Одетте и Одиллии, а я грезила о ней... Сколько всего положено на алтарь... Ира могла быть моим третьим ребенком, вы понимаете, Дмитрий, о чём я, не краснейте, все тут взрослые. Арабеск был для меня важнее. Первый арабеск, Дмитрий. Ручки из первой

позиции открыты, левую ножку назад... То есть в первом арабеске ручки на зрителя открыты и ножки открыты. Можно ведь быть открытым на зрителя, а можно закрытым, понимаете, Дмитрий?

Дмитрий. Сценический ракурс вообще больше тяготеет к положению анфас, Любовь Федоровна.

Мама. Ира, достойный мужчина разбирается в сцендвижении! Немедленно сажай его за стол! И ухаживай! И тебе должно быть стыдно за свои бутерброды!

Дмитрий поворачивается к Ирине, та незаметно показывает ему кулак.

Дмитрий. Ничего страшного, я не привередлив. (Садится за стол, увлекается, ляпает, не подумав.) Однажды меня накормили борщом и селёдкой под шубой, и это еще меньше походило на романтическое свидание, чем...

Ирина пихает его в спину.

Мама. Где вас накормили? Борщом?

Дмитрий глупо улыбается.

Дмитрий. Это... Жена бывшая, жена. Совсем не понимала толк в романтике.

Мама. Моя Ирочка очень романтична.

Ирина. Кушайте бутерброды.

Мама. Ира, я тебя не понимаю. Первый раз пригласила мужчину в дом, а ведешь себя так, будто делаешь ему одолжение!

Ира смущается. Хотя скорее, спохватывается.

Ирина. Эээ... Даа... (С милой улыбкой.) Дмитрий, как вы добрались, благополучно? На дорогах, наверное,

жуткие пробки, ведь сейчас час пик?

Дмитрий (*говорит как заученный текст*). Хорошо добрался, благодарю вас. Выехал немного раньше, успел до пробок. Но и пробки меня не пугают, я люблю слушать в дороге хорошую музыку, например, Чайковского или Стравинского, или аудиокниги, например, Ремарка или Чехова. (*Смотрит на Ирину.*) И Жюля Верна.

Мама. Вы, наверное, много работаете и очень занятой человек, раз успеваете слушать музыку только в машине?

Дмитрий. Мой бизнес, конечно, требует постоянного личного контроля, но я умею хорошо делегировать обязанности, у меня широкий штат высокопрофессиональных помощников и ассистентов.

Мама. Серьёзный бизнес, наверное?

Дмитрий. У меня модульный цех по термической обработке минерального сырья с целью разложения его на солевые компоненты для последующего производства простых амидных удобрений.

Пауза.

Мама. Простых.

Дмитрий. Простых амидных.

Мама. И вы в курсе про Жизель и сценические ракурсы?

У Дмитрия в глазах мелькает лёгкая паника. Небольшая пауза.

Дмитрий. Кхм. Я приглашаю для своих сотрудников преподавателей актёрского мастерства. Для преодоления персональных комплексов и разрешения коллективных конфликтов через актёрские тренинги. Очень эффективно. И познавательно. Хоть и не всем дается

легко, да.

Ирина незаметно показывает Дмитрию большой палец.

Мама. Как интересно. Например?

Дмитрий. Что?

Мама. Каким тренингом можно преодолеть комплекс книжного червя, синего чулка и старой девы в совокупности?

Ирина. Мама меня очень любит. С самого детства.

Дмитрий. Ну... Ээ..

Смотрит на Ирину, которая отвечает ему взглядом, в котором явственно читается: «Только попробуйте».

Дмитрий. Думаю, начинать всегда можно с тренинга на доверие, Любовь Фёдоровна.

Мама. Очень интересно. Продемонстрируете?

Ирина. На маме.

Мама. Да с удовольствием. У меня с доверием нет проблем.

Дмитрий встаёт, подходит к маме, аккуратно берёт ее за руку.

Дмитрий. Закройте, пожалуйста, глаза, Любовь Фёдоровна. Хорошо. Я буду везти вас за собой. А вы просто следуйте за мной.

Мама. Здесь же тесно!

Дмитрий. Это неважно.

Мама. Мне нужно как-то поворачивать коляску!

Дмитрий. Вы сможете это делать свободной рукой, я вам обещаю.

Мама. Ну... Давайте попробуем.

Дмитрий аккуратно сдвигает маму в коляске на шаг, ещё на один. Очень осторожно хочет повернуть в сторону.

Мама. Не туда!

Ирина громко смеется.

Дмитрий. Любовь Федоровна... Это тренинг на доверие. Я вас веду. Вы мне доверяете и следуете за мной.

Мама. Глупый тренинг. Это моя квартира, я знаю, где что тут стоит, и ориентируюсь в ней даже с закрытыми глазами. Если бы мы повернули туда, я врезалась бы в буфет.

Дмитрий. Я бы этого не допустил.

Мама. Ах, оставьте, молодой человек, вы первый раз в этом доме, вы в любой момент можете тут налететь на что угодно.

Ирина. В нашей семье ни у кого нет проблем с доверием, Дмитрий, уверяю вас. Идите дальше кушать бутерброды.

Мама. Можно было предложить какой-нибудь другой тренинг, я не знаю. Разве нет каких-нибудь специальных женских актёрских тренингов? «Я самая обаятельная и привлекательная», ещё что-нибудь...

Ирина. Мама, это из другой оперы. Ты дашь человеку спокойно покушать? Он ведь наверняка голодный после рабочего дня. Правда, Дмитрий?

Мама. Да, кстати. Как же вы в таком плотном графике серьезного бизнеса умудрились обнаружить мою Ирочку? Где?

Ирина и Дмитрий (хором). В библиотеке.

Мама. Вы посещаете библиотеки? Дмитрий, по степени неожиданности сочетания положительных качеств в отдельно взятом мужчине с вами может поспорить только известный сантехник Гоша, он же Гога, он же Жора, он же Григорий Иванович.

Дмитрий. Конечно, в наше время книги можно читать и в электронном виде, но я, знаете, люблю ощущать в руках настоящую, бумажную. Люблю переворачивать страницы, люблю их запах. И к тому же от экрана у меня глаза слезятся. (*Опять простодушно ляпает.*) А покупать каждый раз дорого.

Мама. Вы мало зарабатываете на удобрениях?

Ирина тихает Дмитрия под столом ногой.

Дмитрий. Эээ... (*Входит опять в роль мужчины с достоинством.*) Не беспокойтесь, зарабатываю я достаточно. Просто не считаю целесообразным именно такое вложение средств. На книгах в домашней библиотеке, как правило, скапливается пыль. А это аллерген.

Мама. Книги – нецелесообразное вложение средств... (*Оглядывается на книжный шкаф.*)

Дмитрий. Мне вполне хватает библиотек, Любовь Фёдоровна. Например, в библиотеке Ирины вполне обширный фонд. И потом, я достаточно легко запоминаю прочитанное, могу долго осмысливать, и мне, как правило, не нужно ничего перечитывать, разве что для удовольствия. И вообще я предпочитаю задумываться больше о ценностях духовных, невещественных. Не о лишнем сборнике фантастики или очередном столовом сервизе. А о том, что в сердце, в душе, понимаете?

Мамина пауза.

Мама. Конечно, понимаю. Ира, можно тебя на минуточку, надо достать из шкафа... Что-то там надо достать, в общем, поди сюда, Ира!

Ирина и мама около шкафа. Дмитрий в этот момент лезет в

карман. Достает оттуда сложенные листы, быстро пробегает глазами, кивает, убирает листы обратно в карман.

Мама (*шёпотом*). Если ты не выйдешь за него замуж, я тебя прокляну!

Ирина. Я так понимаю, что у нас в доме появился идеальный зять? Но, может быть, он при этом совсем даже не идеальный муж?

Мама. Напомни-ка мне, кто в твоём начитанном воображении был бы идеальным мужем?! Женатый таксист, на которого ты угробила три года моей жизни?!

Ирина. Мама, это другое!

Мама. Конечно, другое! Жизнь к тебе привела...

Ирина. Мужчину с достоинством, я поняла.

Ирина с грохотом достаёт тарелку из шкафа, возвращается к столу. Опять надевает милую улыбку.

Ирина. Так неожиданно наступила осень в этом году, правда? Кажется, еще вчера было жарко, а сегодня всего плюс десять. И листья уже осыпаются.

Мама. Дмитрий, как вы относитесь к времени?

Дмитрий от неожиданности закашливается. Ирина с милой улыбкой стучит его по спине.

Дмитрий. Смотря в каком контексте, Любовь Федоровна.

Мама. Разумеется, он знает слово контекст.

Ирина. Мама!

Мама. Простите, я всего лишь хотела подчеркнуть факт ваших исключительных интеллектуальных способностей. Даже неловко как-то на вашем фоне рассуждать об абстрактных философских категориях. Вдруг сморожу какую-нибудь ерунду. Но вы уж

позвольте, я просто, по-бабьи, на одних только эмоциях, как это принято у нас, у девочек, спрошу. Как вы относитесь к времени в контексте его скоротечности?

Дмитрий смотрит на Маму. Ирина дёргает его за пиджак на спине. Дмитрий не реагирует.

Дмитрий. Я думаю, Любовь Фёдоровна, нам только кажется, что время иногда бежит быстрее, а иногда тянется медленно. На самом деле это мы постоянно куда-то бежим. И время мчится вместе с нами. И в какой-то момент ты перестаешь понимать – то ли это ты бежишь за временем, пытаешься его догнать, а оно от тебя убегает. То ли это само время пытается успеть за тобой, бегущим. А если мы не бежим, то ложимся на диван и смотрим в потолок. И времени приходится ложиться рядом. *(Пауза, оборачивается на Ирину, Ирина молча смотрит на него, Дмитрий опять поворачивается к Маме, переходит на официальный тон.)* По сути, Любовь Фёдоровна, в состоянии стресса и в состоянии покоя вы проживаете одинаковые временные отрезки, и скоротечность времени так же иллюзорна, как и его неспешность.

Пауза.

Мама. Иллюзорна.

Дмитрий. Да.

Пауза.

Мама. Приятно было услышать в этом доме рационально мыслящего человека. Скоротечность времени иллюзорна. Иллюзорна. Действительно. Я действительно сморозила глупость.

Ирина. Мама...

Мама. Всё нормально, Ирочка. Я только ещё больше уверилась в достоинствах Дмитрия. Он действительно твёрдо стоит на земле.

Ирина. Пожалуй, я подогрею чайник.

Мама. Нет-нет, сидите, общайтесь. Это же, в конце концов, ваше свидание. Я сама.

Мама выезжает из комнаты.

Молчание. Ирина и Дмитрий сидят, как чужие.

Дмитрий. Вас пока всё устраивает?

Ирина. Пока да. Одна большая просьба – не увлекайтесь. Будьте достойным ровно настолько, насколько это нужно, чтобы мама не усомнилась в моей способности привлекать адекватных партнеров. Но и расстаться с вами в конце вечера она должна без сожаления, понимаете, о чем я?

Дмитрий. Понимаю. Не беспокойтесь, свои гонорары я отрабатываю честно. Нареканий пока не было.

Ирина. Я читала отзывы.

Дмитрий. А бутерброды вкусные.

Ирина. Ой, прекратите, это просто колбаса с хлебом, не надо так стараться, чаевых не будет.

Дмитрий. Мужчина для вас – партнёр?

Ирина всхликает.

Мама (из-за двери). Тук-тук, воробушки, я возвращаюсь, если вы целуетесь, прекращайте немедленно, до свадьбы нельзя!

Дмитрий показательно приобнимает Ирину.

Возвращается мама, у неё в руках планшет.

Мама. Я поставила чайник, скоро вскипит.

Смотрит некоторое время на Ирину и Дмитрия с умилением.

Мама. Дмитрий, я понимаю, у человека вашего уровня запросы в отношении спутницы жизни, наверное, завышены. И не нам, инвалиду второй группы и библиотекарю первой категории – первой, прошу заметить – претендовать на ваше внимание...

Дмитрий. Ну что вы...

Ирина. Мама, ты сегодня в ударе.

Мама. Дмитрий, скажите, только честно, вам нравится Ирочка?

Ирина и Дмитрий смотрят друг на друга с непередаваемым выражением, мама этого не видит.

Дмитрий (*неожиданно искренне*). Ира очень милая. И скромная. И нежная.

Ирина вдруг смущается, тоже искренне.

Мама. Это у неё от меня.

Ирина (*опять превращается в ёжика*). Конечно, мама, от тебя.

Мама. Только она очень закрытая. Как моллюск. Она боится жизни, как ваши сотрудники боятся заданий по актёрскому мастерству. Ей кажется, что, если она станет чуть более искренней, настоящей, на неё сразу все будут пялиться, как на голую.

Пауза.

Ирина. Зато ты мама, очень искренняя.

Мама. А что мне терять? В моём-то положении и моём-то возрасте. И так уже всё утеряно. Способность говорить то, что думаю – вот, пожалуй, и всё, что у меня осталось. Ну, и интернет, конечно. (*Поднимает планшет.*) Дорогой Дмитрий. Я рада, что вы пришли.

Вдвоём у нас обязательно получится.

Ирина (*подозрительно*). Что получится?

Мама (*не обращает на нее внимания*). Мы вдвоём обязательно поможем Ире выбраться из её раковины. Я всё уже придумала. А вы меня поддержите, пожалуйста.

Дмитрий. Ну, я...

Ирина. Дмитрий!

Дмитрий. Я ещё не настолько хорошо знаю Ирочку, но я уверен, что...

Мама. Вот именно, что не знаете. Зато я знакома с ней достаточно. Она никогда сама не сделает ничего, что было бы ей полезно, всё время приходится направлять и подталкивать. Вот, полюбуйте, сегодня я разрешила ей самостоятельно накрыть на стол к вашему приходу, и что?

Дмитрий. Что?

Мама. Бутерброды, господи! Бутерброды!

Ирина. Мама, ты повторяешься.

Мама. Я повторяюсь с самого твоего рождения.

Ирина. Зато у меня не было бы проблем в тренинге на доверие. Я же готова идти с закрытыми глазами туда, куда меня ведут, правда, мама?

Дмитрий. Знаете, Любовь Фёдоровна, я не против бутербродов. Из рук любимой женщины можно принять хоть сухарь с водой и ими насытиться.

Пауза.

Мама. Звучит вполне... по-библейски. Вы верующий?

Дмитрий. Задумывающийся.

Мама. О Боге?

Дмитрий. О жизни.

Мама. В контексте её смысла?

Дмитрий. В контексте совести.

Пауза.

Мама. Совесть – понятие относительное, молодой человек. У каждой медали две стороны.

Пауза.

Дмитрий. Разумеется, вы можете повернуть каждую медаль той стороной, которая вам кажется правильной, Любовь Фёдоровна. В каждый конкретный момент.

Мама. Вот именно, могу.

Ирина. Я, пожалуй, схожу за чайником.

Мама. Подожди. Оставим схоластику. А, Дмитрий, заценили, какое я слово знаю?! Плюс один в мою пользу. Итак. Любезный достойный мужчина. Напоминаю, я взяла вас в союзники. (*Берёт конверт с рентгеновским снимком Ирины*). Я придумала, как мне распаковать свою дочь и помочь ей обрести уверенность.

Ирина. Мама, я вполне уверена...

Мама. Я вижу. Я всё вижу. Что я тебе всегда говорила? Не отказывайся от подарков, которые сама судьба дает тебе в руки.

Ирина. Я и не отказывалась. Только ты их потом всё равно не одобряла.

Мама. Женатый таксист – это не подарок.

Дмитрий. Простите?

Мама. Не обращайтесь внимания, Дмитрий, таксист – это у нас с Ирочкой личное. Лучше посмотрите сюда. (*Достает из конверта снимок.*)

Ирина. Мама!

Дмитрий. Что это? Кто это?

Мама. Это Ирочка. Правда, она идеальна?

Дмитрий. Ну-у... Э-э-э...

Мама. Вот! (*Поднимает планшет.*) Конкурс! Я нашла конкурс, который ты, Ирочка, точно выиграешь! И тогда твоя жизнь наполнится наконец смыслом! Конкурс «Мисс Идеальная осанка!»

Пауза.

Мама. Для регистрации нужно прислать своё фото в купальнике с рентгеновским снимком позвоночника.

Пауза.

Дмитрий. Эээ... Ирина, нууу.... У вас действительно безупречная осанка. И, может быть...

Ирина. Действительно. Почему бы и нет.

Мама и Дмитрий переглядываются.

Ирина. Нельзя отказываться от подарков, которые тебе предлагает судьба. Откуда я знаю, может быть, выйти на сцену полуголой со своим рентгеновским снимком позвоночника – это именно то, что мне нужно с точки зрения судьбы. Ведь это именно то, о чем я мечтала всю жизнь. Доказать всему миру, что у меня самая идеальная осанка.

Мама. Это поможет тебе раскрепоститься.

Ирина. Ах, ты считаешь меня недостаточно раскрепощенной?

Ирина подходит к Дмитрию походкой роковой женщины, виснет на нем и страстно целует. Дмитрий сначала в ужасе пытается отстраниться, потом поцелуй затягивается и почти переходит в искренний. «Почти» - потому что Ирина отрывается от Дмитрия и молча уходит.

Пауза.

Мама. Мда. Дмитрий, какие тренинги существуют для раскрепощения, не подскажете?

Дмитрий. Этюд на поцелуй. Например.

Мама. Что вы говорите?!

Дмитрий. Что, вы сказали, нужно, чтобы выиграть в этом конкурсе?

Мама. В каком конкурсе?

Дмитрий. Осанки.

Мама. Мне кажется, вы уже выиграли. В конкурсе.

Дмитрий встаёт, начинает быстро ходить по комнате.

Дмитрий. Она выиграет, выиграет, обязательно выиграет...

Мама. А вы целеустремлённый, Дмитрий. Мне это нравится!

Дмитрий. Так, покажите мне сайт конкурса. Что там ещё нужно, кроме фото и рентгена?

Мама. Согласие конкурсантки.

Дмитрий. А, ерунда, она согласна.

Мама. Вы уверены?

Дмитрий. Конечно. Просто капризничает немного. Это чепуха. Я её знаю.

Мама. Ой, «чепуха» - прекрасное слово, оно мне так нравится!

Ирина входит с чайником.

Ирина. Интересно, когда это вы успели меня так близко узнать.

Дмитрий. Отзывы почитал.

Ирина. Смешно пошутил, да, ха-ха-ха.

Дмитрий. Милая, не злись.

Ирина. Я вам не милая. И вообще. Достаточно. Вам уже пора, Дмитрий.

Мама. Ира! Человек только пришёл!

Ирина. И уже уходит.

Дмитрий. А вот и нет.

Ирина делает ему страшные глаза.

Дмитрий. Мы еще не заполнили анкету.

Ирина. Так заполняйте! И не забудьте приложить своё фото в купальнике с рентгеновским снимком позвоночника!

Дмитрий подходит к Ирине и берёт ее за руки.

Дмитрий. Ирочка... Есть такой тренинг...

Ирина хочет отдернуть руки, но Дмитрий её держит.

Дмитрий. Просто. Прямо сейчас. Спроси у себя. «Ира, что ты хочешь?»

Ирина молчит, смотрит на него.

Дмитрий (мягко). Что ты хочешь, Ира?...

Ирина вдруг закрывает глаза, перестаёт напрягать руки, она словно выдыхает, успокаивается, становясь при этом как будто выше, сильнее, красивее.

Ирина. Хочу... Лететь над землей... И чтобы за спиной были крылья... Сильные... Мощные... Красивые... Чтобы я была спокойна и уверена в этом полёте. И ни минуты не сомневалась, не думала о том, что могу упасть... Или врезаться в гору... Или в закрытую дверь... Чтобы ни одной мысли... Я не хочу знать о том, куда лечу, что там, впереди. Я не хочу каждую минуту просчитывать, куда мне приземляться. Я хочу лететь... И знать, что я совершенна в этом полёте...

Дмитрий. Ира...

Ирина открывает глаза, «приземляется».

Ирина (*горько*). И разве для этого нужны конкурсы?

Пауза. Дмитрий хочет что-то сказать, но его опережает мама.

Мама. А я говорила, говорила вам, Дмитрий, про её дикие фантазии! Крылья! Полёты! Жизнь – это не полёт, Ира, это гонка на выживание! Как ты хочешь её выиграть, не соревнуясь?!

Дмитрий. Любовь Фёдоровна... А как же фаза полёта... Например, в прыжке гранд жете... Ведь Жизель спорит с гравитацией...

Его не слушают.

Ирина. А кто тебе сказал, что я хочу выигрывать?! Тебе никогда не приходила в голову мысль, что можно жить, не бегая ни с кем наперегонки?! И не требовать от своего ребёнка побед, побед, бесконечных побед, превращая его жизнь в гонку-невроз за приманкой в виде высочайшего родительского одобрения!

Мама (*озабоченно*). У тебя невроз? Тебе врач сказал?

Ирина. Мама, ты же опять меня не слышишь!

Мама. Надо ходить по земле, Ира!!!

Дмитрий. Девочки... Ирина... Давайте решим всё спокойно.

Мама (*очень спокойно*). А давайте. Давайте для начала прикинем, сколько мне осталось жить. Согласно статистике, которую любой может легко найти в интернете, продолжительность жизни женщины в России – 78 с половиной лет. Мужчины, кстати, по той же статистике живут в среднем на десять лет меньше женщин, Дмитрий, я бы на вашем месте прямо сейчас задумалась о правильном питании. Мне до

статистической нормы осталось всего ничего, слава тебе, Господи, и никаких иллюзий относительно своего долгожительства я не испытываю, и, в принципе, готова. Тем более, если внимательно на меня посмотреть, что мы увидим? Арабеск? Спор с гравитацией? Разрешите представиться, я – обуза. Я - бесполезный придаток к этим напольным часам. Всё, что я умею сейчас – это считать минуты, оставшиеся до статистического предела и пытаться понять, почему, почему в старости твоё время мечется, как безголовая курица по деревенскому двору, бестолково и безнадежно. Еще я могу чувствовать себя виноватой. Да, виноватой за каждый прожитый день, потому что, наверное, этот день я отнимаю у собственной дочери, которая могла бы уже пожить, как человек, а вместо этого жертвует собой ради меня, обузы. Даже если у вас, Дмитрий, имеется своя жилплощадь, свободная от бывшей жены и её борщей, жилплощадь, которая не воняет нафталином, как вот это вот всё, и вы готовы привести туда мою Ирочку, она откажется, откажется от этого сама, только ради того, чтобы продолжать с утра до вечера слушать моё нытьё. Она отказывается от всего, в её жизни есть только я и её библиотека, и ни одной минуты настоящего счастья. Которого вы, Дмитрий, я надеюсь, поможете ей добиться.

Ирина. Мама...

Мама. Не перебивай! Да, я гоню её, гоню вперёд, и каждый день гоню быстрее, потому что Земля, Дмитрий, ускоряется, и время совсем не слушается – подгоняю, только с одной-единственной целью, чтобы, когда я лягу, наконец, в гроб, успеть увидеть, что моя

девочка счастлива. А так получается тут, среди людей, Дмитрий, что счастье себе нужно выгрызть зубами в борьбе, в бесконечных ежедневных конкурсах, особенно если ты - женщина, ведь с женщины всегда больше спрос – даже, видимо, у Господа Бога. Не зря же он, шельмец, отвалил нам по статистике в среднем на десять лет жизни больше, чем нашим мужикам, не иначе, чтобы мы, похоронив мужиков, потом десять лет общались только с Ним, отчитывались и за себя, и за того парня. Вот приду я к Нему, спросит он меня, Люба, что ты сделала, чтобы быть счастливой, я ведь тебя для этого в жизнь посылал. Где твой мужик, Люба, ведь сказано – каждой твари по паре, как твои дети, Люба, ведь сказано – плодитесь и размножайтесь. А я ему отвечу, Господи, с мужиком как-то не задалось, понимаешь, не считала я это важным – любить близкого, когда вот она – сумасшедшая Жизель в фазе полёта. А дети, ну что дети. Вот она, Жизель, и она сумасшедшая, какие уж тут дети. Но ты же знаешь, Господи, и меня вот научил, что для матери главное счастье, оказывается – это когда её ребенок счастлив, а у нас, видишь, с этим как-то не сложилось. У моего ребенка глаза мёртвые, и совсем не светятся, потому что она ни разу в жизни не узнала, что такое победа, хоть я её и учила, своими победами учила. (*Пауза.*) А я не хочу так отвечать. Я. Хочу. Чтобы. Она. Выиграла.

Пауза. Бьют часы. Ирина молча выходит.

Дмитрий. Долгих, долгих лет вам, Любовь Федоровна.

Мама. Оставьте, молодой человек. Я всё про себя вижу.

Дмитрий. Если вы считаете, что Ирине для счастья необходимо выиграть в этом конкурсе, я приложу все

усилия...

Мама. А вы как считаете? Ей необходимо?

Дмитрий. Ну... (*Берёт рентгеновский снимок Ирины, рассматривает.*) Я думаю, у неё велики шансы на победу... Объективно говоря...

Мама закатывает глаза.

Входит Ирина в купальнике. Молча проходит, забирает у Дмитрия снимок, встает в эффектную позу вместе со снимком.

Ирина. Дмитрий, возьмите у мамы планшет и сделайте фотографию для анкеты.

Дмитрий. Эээ... Вы уверены? (*Берёт планшет, направляет на Ирину.*)

Ирина. Конечно. Если маме в разговоре с Господом Богом необходимо отчитаться о моей победе в конкурсе «Мисс Идеальная осанка», разве я могу её подвести.

Дмитрий опускает планшет.

Мама молча выезжает из комнаты.

Пауза.

Дмитрий. Мне кажется, ваша мама желает вам добра.

Ирина. Прежде чем пожелать человеку добра, неплохо было бы его спросить. Хочет ли он именно этого добра. Может быть, у него совсем другие представления о добре.

Дмитрий кладет планшет, снимает пиджак, накрывает им Ирину. Ирина оседает за стол, закрыв лицо руками.

Дмитрий (*осторожно*). А вы... Ты... Какое добро ты хотела бы получить от мамы?

Пауза.

Ирина. Чтобы она никогда не умирала.

Дмитрий. Ира...

Ирина. Что? Вы своим рациональным умом мужчины с достоинством скажете, что это инфантильная позиция?

Дмитрий. Моя мама умерла, когда мне было одиннадцать. Тромб. Я сам её нашел, когда пришел из школы. Сам просил соседей вызвать скорую. Ей было 38.

Ирина. Простите... Прости.

Дмитрий. Ей, наверное, тоже за меня стыдно. Там.

Ирина. За что ей стыдиться, по-моему, вы вполне счастливы. Никаких обязательств, возможность хоть каждый день оттачивать актёрское мастерство, приятные женщины, накрытые столы, диваны на ходу, ещё и деньги за это получаете.

Дмитрий. Вы жестокая.

Ирина. Вы сами выбрали этот род деятельности.

Дмитрий. Может быть, я таким образом ищу. Долго ищу. И жду. (*Пауза.*) И сексуальные услуги в прейскурант не входят.

Ирина. Но деньги-то берёте.

Пауза.

Дмитрий хочет что-то сказать, но въезжает мама. У мамы в руках одежда Ирины. Мама бросает одежду Ирине.

Мама. Оденься.

Ирина начинает молча одеваться.

Мама (любезно). Дмитрий, давайте пить чай. И кушать бутерброды.

Пауза Дмитрия. И его выход на авансцену.

Дмитрий. Обычно мы ценим красочность позы. Чистый фас однозначен. Если другая поза, например,

в три четверти, как будто бы выражает целую фразу с несколькими придаточными предложениями, то простой фас — это одно слово. Тем интереснее случаи, когда абсолютный фас есть как раз то, что требуется. Эта поза чаще всего выражает одно из двух.

Во-первых, беззащитность. Этот случай разворота полностью анфас можно назвать фасом Белого Пьеро. Белый Пьеро — символ беззащитности, наивной прямолинейности и чистоты.

Во-вторых, если персонаж не содержит в себе обезоруживающей трогательности Пьеро, но его простота соединяется с глупостью, тупостью и достойна осмеяния — этот распространенный случай назовем глупым фасом.

Простите, Любовь Фёдоровна. Что-то аппетит пропал. И вообще, знаете, мне уже пора. Время и правда не слушается, это вы очень правильно заметили.

Мама. Да, наверное, мы вам не подходим. Простите. Всего доброго.

Дмитрий надевает пиджак. Медлит. Уходит. Ирина начинает собирать тарелки.

Мама. Белый Пьеро... Глупый фас...

Дмитрий быстро возвращается, кладёт на стол перед Ириной деньги, быстро уходит.

Мама. Не то чтобы я удивлена.

Ирина молчит.

Мама. Но ты мне всё-таки объясни. Вдруг я ошибаюсь. Что это за деньги.

Ирина (устало). Это его зарплата, мама. Он актёр. По совместительству эскортник.

Мама. Всё-таки.

Ирина. Я хотела, чтобы ты увидела меня счастливой. Для тебя же это важно.

Мама. А для тебя нет?

Пауза.

Ирина. Я привыкла к такому счастью, какое у меня есть. Иду по улице, вижу, листочек с дерева падает – счастье. Хорошая новая книга в библиотеку пришла, я её прочитала, что-то кольнуло от неё тут, внутри – счастье. Фильм старый любимый пересмотрела – счастье. (*Пауза.*) Вспомнила, как любила – счастье. (*Пауза.*) Для счастья мало надо. На самом-то деле.

Мама. Девочка моя... Тебе еще рано жить воспоминаниями.

Ирина. Разве? А чем ещё жить? Все живут воспоминаниями. Никакого настоящего нет. Жизнь в моменте – это иллюзия, мама. Каждая секунда вот прямо сейчас из будущего, которого нельзя знать, превращается в прошлое, которое уже знаешь, но не можешь изменить. И только и остаётся – помнить то, что в эту секунду произошло. Жить воспоминанием.

Мама. Но ведь только от нас зависит, что мы будем помнить. От нас зависит, что в эту секунду произойдет.

Ирина (*вздыхает*). Мама... Можно я не буду помнить конкурс «Мисс Идеальная осанка». Давай я лучше буду помнить, как наливаю тебе чай, как мы с тобой кушаем эти несчастные бутерброды, как смотрим какую-то ерунду в интернете. Я хочу помнить, как у меня была мама. Не тренер, не хореограф, не воспитатель. Мама. Давай попробуем вместе прожить так хоть одну секунду. Чтобы было, что вспомнить.

Пауза.

Мама. Жаль, что он ушёл. Я бы хотела, чтобы у вас с ним тоже были общие воспоминания. Такие вот... Кофе, который он только что сварил в турке и добавил в него немного соли, немного корицы, немного имбиря и кардамона... Чайки над морем... Горы, солнце и ветер...

Ирина (*просто*). И я бы хотела.

Мама (*подбирается*). Так. Звоним ему.

Ирина. Ни за что. Я его обидела, мне стыдно, никогда в жизни больше ему не позвоню.

Мама. Господи, в кого ты такая.

Ирина. Действительно, в кого. Может быть, у папы спросим.

Мама. Это другое!

Ирина. Конечно, другое.

Пауза.

Мама. Детка... Знаешь... Я, наверное, была не права. С папой.

Ирина. Боже мой, у меня слуховые галлюцинации. Впервые в жизни.

Мама. Ира... Дня не проходит, чтобы я не просила у него прощения. Только, увы, по телефону я это теперь сделать не могу. Одна надежда на то, что Бог действительно есть, и вся эта история с загробной жизнью – не православный хайп, а правда. И что я действительно потом встречу с твоим отцом и смогу сказать то, что должна была сказать десять лет назад, до его инфаркта. (*Пауза.*) Да, дорогой, да. Не получится у меня перед тобой отбрехаться этой замечательной отговоркой про две стороны у медали. Не получится. Сумасшедшая Жизель дала мне много. А отняла – всё.

Как ты и предупреждал.

Ирина подходит к маминой коляске со спины, крепко-крепко её обнимает.

Мама. Не повторяй моих ошибок. В конце концов, мамы для того и существуют – чтобы совершать ошибки, на которых потом должны учиться их дочери. Ты же у меня умная. Учись.

Ирина. Ну... (*Подходит к столу, берёт телефон.*)

Раздаётся звонок в дверь. Ирина и мама переглядываются.

Ирина. У нас открыто!

Входит Дмитрий с двумя букетами. На лице у него – грим Пьеро. Молча дарит цветы маме и Ирине. Мама хочет что-то сказать, но Дмитрий жестом просит ее помолчать.

Дмитрий. Уважаемая Любовь Фёдоровна. У меня никогда не было детей, но, уверен, если бы они у меня были, я тоже желал бы им счастья. И старался бы делать всё, от меня зависящее, лишь бы их глаза светились. Скорее всего, я был бы очень плохим отцом, потому что прощал бы детям всё, а потом вместе с ними оплакивал бы их неудачи, которые случились бы с ними именно из-за моего всепрощения. Или, наоборот, я бы направлял каждый их шаг в надежде обезопасить от любой неудачи и, безусловно, из-за этого тоже был бы плохим отцом. Не знаю, Любовь Фёдоровна. Никто не рождается взрослым. Никто не рождается родителем. Все учатся быть мамой и папой. И только дети рождаются, уже умея быть детьми. И они не виноваты, что мы не умеем быть родителями. Но мы же стараемся, правда, Любовь Фёдоровна? Что нужно детям и родителям? Просто немножечко прощать. Просто немножечко понимать.

Просто немножечко делать друг друга счастливыми. На данный – иллюзорный – отрезок времени я понимаю, что счастье Ирины напрямую зависит от вашего благополучия и продолжительности жизни. Не спорьте. Я с вами не спорил. Поэтому от себя могу предложить путёвку в санаторий, специализирующийся на заболеваниях опорно-двигательного аппарата и сердечно-сосудистой системы. Судя по отзывам, тамошние специалисты творят чудеса.

Мама. Тамошние... Дмитрий, где вы берёте все эти словечки...

Дмитрий. Мастер курса в театральном приучил. Вы еще зажжёте на дискотеке с парнями, Любовь Фёдоровна.

Мама. Арабеск, Дмитрий, арабеск...

Дмитрий. Дорогая Ирина. Возможно, я тороплю события и подгоняю Землю, но... На данный – иллюзорный – отрезок времени я понимаю, что счастье вашей мамы напрямую зависит от...

Ирина. Я хочу выиграть этот конкурс. Помогите мне.

Мама и Дмитрий (хором). Что?!

Ирина. Чёрта с два я позволю Земле вращаться быстрее, чем это нужно мне. Чёрта с два я позволю тебе баловать наших детей. И чёрта с два у кого-то получится меня обставить в том, что касается осанки.

Мама. Дмитрий. Мне срочно нужен тренинг на доверие.

Музыка. Дмитрий и Ирина держат маму за руки и катают в танце по всей комнате. Мама, закрыв глаза, счастливо и расслабленно улыбается.

Конец

ТЕАТР СЛЕДУЕТ ЖИЗНИ

Этим летом в столице Колымского края Магадане проходил Третий фестиваль современного театрального искусства «Территория. Магадан». Это стало большим культурным событием для всей северно-восточной территории России.

Перед закрытием фестиваля мы побеседовали с Анной Шавгаровой - театроведом, театральным критиком, руководителем литературно-драматической части Хабаровского ТЮЗа, членом экспертного Совета фестиваля.

Анна Владимировна, как Вы оцениваете фестиваль, его программу?

Анна Шавгарова. В целом, фестиваль интересен, а главное многообразен. Я, как один из экспертов, отвечала за те спектакли, которые мы отсматривали

в конкурсе «Полюс. Золотой сезон». Этот конкурс был объявлен золотодобывающей компанией «Полюс» среди театров тех территорий, в которых они работают: Красноярский край, Иркутская область, Магаданская область, Республика Саха (Якутия), и с этого года Хабаровский край. Было прислано около 40 заявок, спектаклей всех видов театрального искусства: театр кукол, драматический и пластический театр. Причем, заявки подавали как профессиональные коллективы, так и любительские. Отобрать всего шесть спектаклей в шорт-лист было достаточно сложно. Мы совещались с членами экспертного Совета, долго обменивались своими мыслями, идеями... В результате магаданцы увидели спектакли: «Рассекая волны» драмтеатра из г. Шарыпово, «Человек в закрытой комнате» г. Лесосибирска и танцевальную компанию из Иркутска со спектаклем «12 присяжных». Мне кажется, что выбор мы сделали достойный. Спектакли разноплановые, несомненно, все они относятся к категории «Фестиваль современного искусства». Спектакли вызвали споры, неоднозначные мнения.

Помимо фестивальной программы, еще проводилась обучающая программа. Расскажите о ней.

Анна Шавгарова. Организаторами фестиваля был объявлен «open call». Для участия в фестивале «Территория. Магадан» требовалось заполнить онлайн заявку, чтобы пройти творческий отбор. В фестивале были представлены самые разные регионы. Участниками стала молодежь до 35 лет, профессионально занимающаяся театром. Для них

проводились лекции, мастер-классы, различные профессиональные тренинги, встречи с известными театроведами, хореографами, артистами.

Поговорим о спектаклях. Мне, например, очень понравилась постановка молодого режиссера Полины Кардымон из Новосибирска «**Детство. Коромысли. Глава 3**». Хотелось слушать и слушать эти замечательные голоса, погружаться в историю древней Руси и ее обычаев...

Анна Шавгарова. Не случайно спектакль получил «Золотую Маску» в 2023 году. Да, «Коромысли» Егора Зайцева, режиссер Полина Кардымон, «Фрида» режиссера Сергея Сотникова с Дарьей Мороз, «Дыры» Лидии Головановой, режиссера Алексея Мартынова, моноспектакль Дмитрия Сердюка «Р. С. Ахматова», «Ловля бабочек в ночное время» Сергея Чонишвили - это все так называемые «хэдлайнеры» - главные спектакли, которые привез фестиваль «Территория. Магадан» для широкого спектра показов.

Надо сказать, что не все зрители принимают и понимают современную драматургию и режиссуру, некоторые говорили: «Ничего не понятно, но интересно».

Анна Шавгарова. Такие фестивали, как раз нужны, чтобы зритель начал разбираться в современном искусстве, видел его направления и течения, размышлял. Конечно, можно в принципе питаться одной морковкой, можно не пользоваться интернетом, можно по телефону только звонить, можно не смотреть современное искусство - это выбор каждого. Человек

купил билет в театр для чего-то, а если он купил билет, то должен постараться понять то, что он увидел. И еще одна очень важная вещь для понимания современного искусства: современный спектакль в большей степени происходит в голове у самого зрителя. С каким жизненным опытом, с каким опытом насмотренности он пришел на этот спектакль и что он для себя в итоге вынес.

Например, участники образовательной программы - люди насмотренные, профессионалы - их больше интересует конкретный метод построения спектакля, способ актерской игры. А обычный зритель, театрал, который пришел посмотреть спектакль, он тоже должен как-то с этим новым опытом поработать. Это не отдохновение, это работа. Если зритель приходит провести время, то, может быть, ему не в театр надо, а пойти в ресторан, на музыкальный концерт. Такие формы всегда существовали, и развлекательную функцию никто у театра не отменял. Но фестиваль современного искусства, он, как раз, и призван поддеть, спровоцировать наши чувства, наше восприятие, например, как спектакль «Рассекая волны» драматического театра г. Шарыпово (режиссер Галина Зальцман), который в большой степени является провокацией. Да и спектакль «Дыры» - это тоже провокация, когда зритель вначале пытается мыслить на сюжетном уровне, понять, что происходит, а затем до него доходит, что здесь не в сюжете дело, а в другом, в той цикличности этого спектакля, и что каждый из этих циклов означает. На обсуждении спектакля «Дыры», например, говорили о том, что, несомненно,

виден интерес режиссера к театру авангардному, театру, построенному на принципах абсурда.

Я приезжала в Магадан 9 лет назад, смотрела магаданские спектакли, обсуждала их с труппой. Могу сказать, что театр с тех пор изменился. Жизнь изменилась. А театр следует жизни, он ищет материал для исследований именно в реальности, он с ней связан непосредственным образом. Любое классическое произведение, признанные шедевры, образцы литературы или драматургия - они неизбежно переосмысляются сегодня.

Наталья АЛЕКСЕЕВА
 Фото автора

Петр ГЛАДИЛИН

*драматург, режиссер
театра и кино, художник-
график, Москва*

КОМЕДИЯ ГОРОДА ПЕТЕРБУРГА

Действующие лица

Федор Апполинариевич Соломатин, *писатель.*

Маша, *дочь Федора Апполинариевича (она же баронесса Сафабель Застурция фон Фарфалия).*

Косолапер, *он же барон Филеро фон Фарфалия.*

Баронесса Сцифероцида фон Фарфалия, *старшая дочь Маши и Филеро.*

Баронесса Астрата Ферлопес Франческо Филеро, *средняя дочь Маши и Филеро.*

Баронесса Манифея Фениция Венченция де Фонтен-файер фон Фарфалия Эпедокла, *младшенькая дочь Маши и Филеро.*

Кулакова Надежда Юрьевна, *домработница.*

Камердинер.

Грузчики.

Действие пьесы происходит в наши дни.

Сцена первая

Петербург. Квартира отца и дочери Соломатиных на Бассейной улице. Все готово к переезду: упаковано, сложено, составлено, закрыто чехлами, перевязано.

Федор Апполинариевич. Несчастные стены, сиротинушки вы мои, на кого это я вас покидаю? Вошел я в спальенку, гвозди висят над обоями, словно это не гвозди, а ржавые слезы. Посмотри, Маша, я их плоскогубцами выдрал. Мой отец сорок пять лет назад их забивал. Что это за космос, в котором мы проживаем? Что за мироздание? Папы нет, а гвозди остались. Они для меня как родные, заберу их с собой на вечную память!

Маша. Мы из старой жизни переезжаем в новую, незачем над ржавыми гвоздями рыдать! Свежие гвозди купим и вобьем! Новая квартира больше на три комнаты, и на Литейном жить значительно веселее, чем на Бассейной!

Федор Апполинариевич. Нет, нет, Маша. Гвозди заберу. Я для них уже коробочку присмотрел. Эти окна, сколько им отдано жизни. Ах ты хорошая моя квартирочка, брошеночка моя. Маленькая, но уютненькая. Куда я портсигар положил? Машуля, где список вещей? Ты бумажку не потеряла? Мы ничего не забыли?

Маша. Не волнуйся, ничего не забыли. Список на подоконнике.

Федор Апполинариевич. Вот теперь будут у нас, дочка, осьмикомнатные хоромы! Могли ли мы когда-нибудь мечтать? Полжизни человек работает на свое имя. А полжизни имя на человека. Я на диване лежу,

а мое имя вкальывает, как ломовая лошадь. Говорил вчера с издателем, с Анциферовым Василием Палычем. Разбирают мои книжулечки, хватают, аки горячие блины! Замечательно! Правда, Маша?! И на бумаге и через интернет, в электронном виде тоже превосходнейше покупают!

Маша. Замечательно, папа, все это замечательно! И что переезжаем, и что романы разбирают, как блины!

Федор Апполинариевич. Гремит мое имя! Федор Соломатин! Писатель номер один! А дальше будет больше! Когда грузовик?

Маша. На завтра на восемь утра заказала. Грузовик и бригаду. Ты уже интересовался, папа.

Федор Апполинариевич. Хороший перевозчик-то?

Маша. Мне его Коробейниковы посоветовали, крепкий перевозчик и очень порядочный человек.

Федор Апполинариевич. Коробейниковы — посредственные люди. Тамара одевается безвкусно! Вечно вся в муке и в капусте. Жаль, что Коробейниковы. Коробейниковы для меня не авторитет. Надо было бы проверить, что это за перевозчик. Какой-нибудь аферист, погрузит все наше имущество в грузовик и поминай как звали.

Маша. У тебя, папа, вечно какие-то странные модели в голове. Ты всегда представляешь себе все самое худшее.

Федор Апполинариевич. Такие модели, как ни странно, оказываются самыми жизнеспособными.

Маша. Я никогда не слышала, чтобы перевозчики исчезали вместе с имуществом.

Федор Апполинариевич. А я слышал. Может, ты мой

портсигар выбросила, вместе с мусором?

Маша. А хорошо бы, если выбросила, сколько можно твердить, что когда у человека внутри накурено, то это вредно.

Звонок в дверь.

Маша. Я открою.

Входит молодой человек (Косолапер).

Косолапер. Здравствуйте! Бассейная, дом девять?

Маша. Папа, это перевозчик, про которого я тебе рассказывала. Здравствуйте, проходите, пожалуйста. Вот они, наши вещи. Готово, упаковано, перевязано.

Федор Апполинариевич. Все, что нажили. С прошлым разлука предстоит! Тяжело. Камни на душе.

Косолапер. Ничего, за одну ходку свезем. Грузовичок большой. Все поместится.

Федор Апполинариевич. Тогда давайте знакомиться.

Федор Апполинариевич Соломатин! Писатель.

Косолапер. Очень приятно.

Федор Апполинариевич. Моя дочь Маша. Учительница младших классов. Сама в детстве была круглой отличницей, а теперь точно таких же круглых выращивает.

Косолапер. Косолапер. Перевозка мебели. Вот моя визитная карточка.

Федор Апполинариевич (*разглядывает, читает*). Косолапер?

Косолапер. Так точно. Косолапер. Перевозка мебели.

Федор Апполинариевич. Косолапов, может быть?

Косолапер. Нет. Косолапер!

Федор Апполинариевич. То есть от косые руки, Криворучко если по-украински? То есть неумелый человек?

Косолапер. Никак нет. Косолапер ничего не значит, это не фамилия.

Федор Апполинариевич. А что это, прозвище?

Косолапер. Нет, не прозвище.

Федор Апполинариевич. Кличка? Так они только у собак.

Косолапер. Нет, не кличка.

Федор Апполинариевич. А что же это, черт побери, означает это ваше Косолапер?

Косолапер. Ничего не означает. Пустое слово.

Федор Апполинариевич. Хорошо, вы Косолапер, и это ничего не значит. А имя и фамилия у вас есть?

Косолапер. Нет.

Федор Апполинариевич. А как вас люди зовут?

Косолапер. Никак. Косолапер.

Федор Апполинариевич. А что же вы пишете в квитанции, в анкете, в графе «Ф.И.О.»?

Косолапер. Я подкидыш. В нашем Чилищенском районе больницы не было, роды у мамы пьяный фельдшер принимал. Посмотрел на меня, повертел в руках, и говорит... у какой косолапер! Потому что у меня были ножки колесом и ручонки тоже. Потом моя мама исчезла, сбежала. Взяли меня на воспитание в детский дом, вот и закрепилось за мной Косолапер. Воспитатели так звали и дети. Прикипело оно ко мне. Нет у меня ни имени ни отчества, я просто Косолапер... и это не прозвище! У меня поэтому свое дело, чтобы никаких анкет не заполнять. Ничего не пишу.

Маша. Пап, может, от чтения визитной карточки к делу потихонечку перейдем?

Федор Апполинариевич. Да погоди ты! А я чем, потвоему, занимаюсь? Скажите, а паспорт у вас есть?

Косолапер. Нет.

Федор Апполинариевич. Как это понимать, что у вас нет паспорта?

Косолапер. Был паспорт. Там Толик Иванов было написано. Я паспорт сжег. Я не Толик Иванов. Я так решил еще в детстве. У всех людей есть имя, а у меня никогда не будет! Я просто Косолапер! Это пустое, полое слово, полое. Как бутылка.

Федор Апполинариевич. А имя все ж есть? Может, Семен, Иоахим, Мустафа?

Косолапер. Нет имени и фамилии тоже. Просто Косолапер. И компания моя называется «Косолапер и Ко!» Давайте к делу перейдем. Вещи ваши посчитаем!

Федор Апполинариевич. Да что значит, что ничего не значит? Во имя имени совершали подвиги и преступления! Шли на костры инквизиции! Герострат сжег храм Артемиды в Эфесе, чтобы его имя звучало в веках! А сколько незабываемых судеб прожито ради имени. Особенно в искусстве, где у каждой мухи под брюшком имя начертано! А моя жизнь! Я всего себя на имя положил! Недоедал. Недосыпал. Недолюбивал порой! И вот звучит по всей святой Руси... Федор Соломатин! Гений! В пространстве жизни ничего пустого нет и быть не может! Природа не терпит пустоты!

Косолапер. Я на десять минут зашел. У меня дел по горло. Давайте посмотрим ваши вещи. Это что?

Маша. Это буфет.

Косолапер. Хорошо задрапировали. Только надо веревкой перевязать. А это что?

Маша. Это телевизор и компьютер. В пенопласте, чтобы не разбить.

Косолапер. Отлично! А это шкаф?

Маша. Шкаф.

Косолапер. Добро! Завтра в восемь утра мы у вас. Приятно было познакомиться. Думаю, завтра к одиннадцати перевеземся. Приятно было познакомиться!

Косолапер уходит.

Федор Апполинариевич. И как это называется? Кому я должен доверить свое имущество? Человеку без имени, без паспорта? Косолапову? Косорукову! Он мне все вещи переколотит!

Маша. Папуль, остановись! Ты писатель номер один, ты Соломатин, твое имя что-то значит, а его имя ничего! Человек решил прожить жизнь без имени, ну и ладно, пусть себе живет!

Федор Апполинариевич. Только через мой труп! Чудакомозгов не будет нас перевозить! Этому не бывать никогда!

Маша. А Коробейниковы говорят, что он хорошо, на твердую пятерку перевозит!

Федор Апполинариевич. Плевать я хотел на Коробейниковых! Коробейниковы зимой ходят в летних ботинках, спят на потолке и не едят ничего, кроме истлевшей капусты!

Маша. Они не спят на потолке, папа! Да! Капуста им нравится. В капусте железо! Они за собой следят. Что плохого? Они хотят высушиться на двадцать

пять процентов! Этот самый Косолапер их отлично перевез! С блеском! Я в интернет заглянула, отзывы все хорошие.

Федор Апполинариевич. Я принципиальный человек. Этой косорукой косоногой, косоглазой, кривобокой, сикось-накось перевозке не бывать!

Маша. Но подкидыш же, папа, разве не жалко? Без мамы рос! Без отца!

Федор Апполинариевич. Сиротские песенки! Слышали мы такое в дальневосточных поездах! Вор! Бандит! Загрузит наши вещички в фургон, и ищи-свищи в чистом поле. А кровать моя, между прочим, антикварная, немецкая! А чешский хрусталь! А бюро, за которым я «Червленую осень» написал?! Свой лучший роман! Только через мой труп!

Маша. Надо же людям верить, папа!

Федор Апполинариевич. Кому верить?! Не состоявшемуся Толику Иванову? Уж что проще, чем быть Толиком Ивановым? Никто не просил тебя быть Альбертом Эйнштейном или Лео Толстым! Будь просто Толиком, живи себе... копти небо, ласкай и царапай женщин, и не выкабенивайся! А там, освобождение... могила!

Маша. Всем надо верить. Станным и непонятным людям тоже, не все люди поддаются осмыслению, есть и нетривиальные! Я этому детей в школе обучаю. А родной отец никому не верит.

Федор Апполинариевич. Где ты его нашла, по какому адресу, учительница первая моя?

Маша. На Миллионной, дом номер семнадцать. Там у него контора.

Федор Апполинариевич. Поезжай сейчас же на Мильонную, отменяй заказ! Бери мобильный, звони! Отменяй!

Маша. Папа, ну, люди разные бывают, может, он не такой, как все, особенный, он так мир ощущает! Хочет быть неким Косолапером. По первому слову, которое услышал в жизни! Оно наверное поэтому ему и понравилось. Это его личное дело!

Федор Апполинариевич. Он ощущает мир вполне своеобразно, деточка! А я ощущаю, деточка, что без обстановки останусь! Без холодильника и без носок!

Маша. Он хороший человек! Это же сразу видно! По глазам!

Федор Апполинариевич. Я в человеческих глазах не разбираюсь. Только в собачачьих! Был у меня терьер, посмотришь ему в глаза, понятно: жрать хочет!

Маша. Ведь ты художник слова, папа! Окстись! Книжки у тебя такие... обмечтаешься, а сам такой заземленный!

Федор Апполинариевич. Если мебель пропадет, как мы афериста искать будем? Что я следователю расскажу? Что Кривошупенко— это не фамилия, а бутылка? Как найти вора без имени и без фамилии?

Маша. Почему преступника? Он еще ничего не украл!

Федор Апполинариевич. Я на косолапом аферисте в новую жизнь не поеду. Пока ты за авансом пойдешь, я найду вменяемого, с именем и прямыми и красивыми руками!

Маша. За один день невозможно! Все заранее зафрахтованы, абонированы!

Федор Апполинариевич. Был бы он действительно

Косолапов, ну ладно, бывает, с фамилией не повезло! И то мураши по коже, а вдруг фамилия говорящая? К тому ж еще и безродный! Увезет мебель, с кого спросить? Родственников нет!

Маша. Папик, вечно ты все самое простое усложняешь.

Федор Апполинариевич. Отменяй перевозку, Мария! Дуй на миллионную! Спасай жизни наши!

Сцена вторая

Улица Миллионная. Контора, надпись «Косолапер. Перевозка мебели».

Маша. Здравствуйте.

Косолапер. Бассейная дом девять? Мария Соломатина? Проходите!

Маша. Спасибо.

Косолапер. Что вы такая белая, как мел. Лицо все выцвело. Что-нибудь случилось?

Маша. Папа взбрыкнул!

Косолапер. Вы что, хотите отменить заказ?

Маша. Я не хочу, Федор Апполинариевич желает! Он не хочет пользоваться услугами непонятного человека. Папа во всем ясность и красоту предпочитает.

Косолапер. Так, значит, я ему не по вкусу пришелся? Вот какое дело?

Маша. Вы ему безразличны. Ему то, что вы Косолапер, не нравится, что нормального имени и документов нет. Поэтому! Просит вернуть деньги за перевозку. Такие у него пожелания.

Косолапер. Так это же бессовестный грабеж! Я прежде, чем с вами подписаться, другим людям отказал.

Перевозка завтра, где же я новый заказ найду? А мне кредит за грузовичок выплачивать!

Маша. То, что имени нет, не нравится. Мама моя при родах умерла, Федор Апполинариевич меня один на ноги поднимал. Я с ним поспорить не могу, он в Петербурге писатель номер один.

Косолапер. Вы меня без ножа режете, Мария! Я на вас, на Соломатиных, заранее целый день отдал! Где я за полдня отыщу нового клиента на перевозку? Грузчикам тоже вперед мною заплачено.

Маша. Я осознаю, это папа уперся.

Косолапер. Не плачьте. Что вы плачете?

Маша. Мне горько. Мне вас жалко, папу жалко и себя тоже, вот я и плачу.

Косолапер. Вам меня жалко?

Маша. Ужасно жалко! Ведь мы вас с Федором Апполинариевичем по ветру пускаем!

Косолапер. Рано вы слезы льете, я себя в обиду не отдам!

Маша. Ладно, пусть по-вашему будет! Забирайте себе аванс, а вторую половину я вам из своего учительского оклада отдам. Только чтобы Федор Апполинариевич ничего не узнал!

Косолапер. Откуда у вас свои деньги, Маша, вы же детей учите!

Маша. У меня через две недели лотерейный билет сыграет.

Косолапер. Лотерейный билет, лотерейный билет! Это слишком туманная перспектива. Может, сыграет, а может, и проиграет!

Маша. Что же нам делать?

Косолапер. Какая вы красавица, и плачете. Перестаньте.

Маша. Ужасное у нас горе, вот они, слезы-то, и льются из глаз. Нехорошо, плохо получается.

Косолапер. Найдем выход, выход отыщется. Найдем выход, выход отыщется. Найдем выход, выход отыщется. Найдем выход, выход отыщется. Найдем выход, выход отыщется. Найдем выход, выход отыщется.

Маша. А мне кажется, что это беспросветная ситуация.

Косолапер. В жизни не бывает беспросветных ситуаций. А давайте перевезем имущество, пока вашего папы не будет дома!

Маша. Это как?

Косолапер. Он выйдет подышать. На бульвары. Или в магазин! Вернется папа, а мебели дома нет. Я быстро сработаю. Я вам еще мебель расставлю. Бесплатно. В свой счет возьму.

Маша. Папа на улицу не выходит. Сидит дома. Смотрит в окно и злится. Денег ожидает. Возвращения аванса.

Косолапер. Давайте ночью перевезем. Пока он спит!

Маша. Как это?

Косолапер. А вот так. Он уснет! Мы сначала его свезем на новую квартиру! А потом мебель! Просыпается ваш Федор Апполинариевич в новой квартире. Мебель по углам расставлена! Знаете, как обрадуется!

Маша. У папы сон чуткий.

Косолапер. А мы нальем ему в вечерний чай настойку пиона обыкновенного. Прекрасное, сильнодействующее снотворное. Из пушки не

разбудишь! Мы его вместе с кроватью перевезем. Без шума и пыли! Ботинки снимем, пойдем с ребятами по паркету в шерстяных носках, овечьих, самых мягоньких! Заснул, проснулся! Мебель на местах!

Маша. Дерзко все это очень!

Косолапер. Соглашайтесь, Машенька! Вот увидите, все хорошо будет. Папа нам еще спасибо скажет!

Маша. Скажет?

Косолапер. Сто процентов скажет!

Маша. А, была не была! Давайте перевозиться.

Косолапер. Завтра в полпервого ночи я у вас. Всего хорошего, Маша! Вы очень красивая женщина, Маша!

Сцена третья

Перевозка № 1

Ночь. Квартира Соломатиных на Бассейной. Федор Апполинариевич спит. Косолапер и грузчики в овечьих носках бесшумно несут мебель. Маша сидит рядом с папиной кроватью и не дышит. Косолапер руководит грузчиками одними жестами (большая немая сцена). Грузчики уносят вещи, уходят. Остаются комод, кровать и папа. Маша смотрит на папу. Только бы не проснулся. Косолапер подходит к Маше. Далее вся сцена идет вполголоса или высоким шепотом.

Маша. А пион-то, получается, самый что ни на есть необыкновенный. Папа спит как младенец. Мне кажется, он так две тысячи лет не спал. Обычно кричит во сне, разговаривает, ругается, зубами скрежещет. А под пионом совершенно другой человек. Как подменили. Кроткий, смиренный такой. Улыбается.

Косолапер. В красивых цветах заключена волшебная сила.

Маша. Я обожаю пионы, они фантастической красоты!

Косолапер. А вы в зеркало на себя, Маша, смотрели? Какого опьянения вы цветок! Роза. Благоухающая коралловая роза!

Маша. Да что вы, я скорее фиалка, одинокая, скромная, стою себе в стакане на подоконнике и наблюдаю за трамваями.

Косолапер. Так я вам и поверил, что фиалка, вы все о себе знаете, по сто раз на день в зеркало смотрите! Я на полу в кабинете нашел. Письмо, старое, желтого цвета. Видно, при перевозке из книги выпало. Незаклеенное!

Маша. Дайте гляну.

Открывает конверт, достает письмо, читает, меняется в лице.

Косолапер. Что такое?

Маша. Письмо. От мамы. Не умирала она. Отцу меня четырехмесячную подбросила.

Косолапер. Да ладно!

Маша. Хотите, прочитаю?

Федор Апполинариевич (во сне). Все начиналось с бактерий. Потом пришли динозавры. Их вытравили млекопитающие и обезьяны. Они привели с собой человека. Человек написал роман в стихах и прозе. Роман — это кульминация жизни на планете Земля. Человек, пишущий роман — это вершина эволюции. Особенно хорош роман страниц на четыреста-пятьсот!

Маша. Заговорил. Перехвалила я настойку.

Косолапер. Неожиданно. Испугался я. Читайте же! Что там в письме?

Маша. Папа правду от меня всю жизнь скрывал.

Федор Апполинариевич (во сне). Все, что человек

говорит, это становится текстом великой таинственной книги. Например, мама говорит мне: «Федя, сходи в магазин и купи рыбу». Амба! Ее слова останутся в космосе на века. Я знаю, как и где фиксируются слова, но вам не скажу. Вся жизнь человечества есть написание гигантской книги. Автором этой книги выступает Всевышний. Все писатели в этом смысле богоподобны! Женщины, дарите писателям любовь. Вы будете за это щедро награждены судьбою. Мужчины, отдавайте писателям свои сбережения, носите их на руках. Дайте выступающему воды! Что за неуважение!?

Маша. Бедный папа, мозг не может отключить.

Косолапер. Читайте, что там написано?

Маша. «Дорогой, мой милый Феденька!» — Почерк красивый. Мамин почерк. — «Ты нанес мне чудовищную боль своим страшным признанием, что ни я, ни тем более твоя дочка четырехмесячная Машенька тебе не нужны. Что для тебя самое главное в жизни — это литература, служению которой ты целиком собираешься посвятить себя. Если я родила тебе дочку, а она тебе оказалась не нужна, тогда возьми ее целиком, но без меня. Я оставляю тебе Машу и уезжаю вся в слезах. Куда, не скажу. Не ищи меня, ты нигде и никогда меня больше не найдешь. Зря я тебя любила. Какой-то ты зацикленный на литературе и очень заумный. Может, воспитание девочки сделает тебя добрым и понятным человеком. Твоя Елизавета». Число. Дата. Подпись.

Косолапер. Вот это история. Шармант!

Маша. Что же ты наделала, мама!

Появляются два грузчика.

Косолапер (*жестикулируя*). Комод берите.

Грузчики забирают комод, уносят.

Косолапер. Все вещи в машину погружены. Осталась только кровать. Ребята вернутся, и мы папу понесем.

Маша. А место для папиной кровати в кузове оставили?

Косолапер. Оставили.

Маша. А если он проснется по дороге?

Косолапер. Я мягко повезу, сам за руль сяду. Не проснется.

Федор Апполинариевич (*во сне*). Строчки ровные. Перья все заточены, и пишу я красивенько, ровнехонько, убористо!

Маша. О, папа, папа, что же ты натворил в далекой молодости! Зачем ты маму обидел?!

Федор Апполинариевич (*во сне*). Танцы в отличие от литературы не передают мыслей человека. Они больше скрывают, чем рассказывают. Заберите бубен, я его в руки не возьму! Я буду танцевать с гусиным пером и чернильницей. На худой конец с печатной машинкой. Уберите Штрауса, я буду танцевать под хоральную прелюдию Иоганна-Себастьяна Баха!

Косолапер. С кем-то спорит. Это диспут. Я бывал однажды на таком мероприятии, в Доме ученых.

Возвращаются трое грузчиков.

Маша. А мы папу по дороге на кочке не вытряхнем? Не потеряем?

Косолапер. Не переживайте, не потеряем! Не таких людишек перевозили! Полководцев, архимандритов, полярников!

Маша. Архимандритов?

Косолапер. Архимандритов!

Маша. Хорошо, послушаюсь вас. А кто еще в кабине будет?

Косолапер. Никого больше, только вы и я.

Маша. Это хорошо.

Косолапер. Сейчас погрузим Федора Апполинариевича и поедем в новую жизнь!

Маша. Как скажете, я на вас полностью положилась. Была не была!

Косолапер (*грузчикам*). Ну что, взяли? Дружно! Понесли!

Косолапер и грузчики берут кровать со спящим Федором Апполинариевичем, поднимают, плавно выносят.

Косолапер (*неся кровать*). Аккуратненько, аккуратненько, аккуратненько! Дивно, дивно несем! Ровненько, господа, ровненько! Шармант, шармант, шармант!

Маша. Эх, ноги у папы на улице! Будильник забыли!

Косолапер. Хватайте будильник, догоняйте, Машенька!

Косолапер с рабочими уходит. Маша хватается будильник, догоняет.

Сцена четвертая

Новая квартира Федора Апполинариевича Соломатина. Рабочие под руководством Косолапера вносят хозяина.

Входит и Маша с будильником.

Косолапер (*командует*). Аккуратненько, аккуратненько, аккуратненько! Дивно, дивно несем! Ровненько, господа, ровненько! Заходи левее, прямо. Шармант, шармант, шармант! Ставим мягонько, нежненько ставим.

Маша. Вот здесь, подальше от окна ставьте. Папе оконные сквозняки противопоказаны.

Косолапер. Ставим подальше от окна!

Маша. Эх! Не надо было мне соглашаться на перевозку!

Косолапер. Почему, Машенька?! У нас пока все гладко.

Маша. Нервы заканчиваются, волнуюсь я ужасно.

Ставят кровать подальше от окна. Рабочие уходят разгружать, повинувшись деловым жестам Косолапера.

Косолапер. Вы знаете, я свою первую учительницу помню. Ее Ангелиной Алексеевной звали. Хорошая была женщина: мягкая, покладистая, нежная. Вы на нее очень, очень похожи. Это сходство я сразу обнаружил, только вас увидел!

Маша. К чему вы меня склоняете, не пойму?

Косолапер. Маша, давайте завтра в кино сходим?

Маша. На какое кино?

Косолапер. На любое кино! Безразлично!

Маша. А почему вам безразлично?

Косолапер. Потому что я не на кино, а на вас смотреть буду.

Федор Апполинариевич (во сне). На компьютере сочинять нельзя! Я не верю в литературу, рожденную электрическим способом. Литература — искусство рукотворное. Или пером скрипи, или печатай на «Ундервуде»! Тогда появится литература! Между бумагой и буквой не должно быть электрического разряда. Электрический разряд — плохой посредник. Все то, да не то!!

Маша. Зачем на меня смотреть?

Косолапер. Любоваться вами стану.

Маша. Вы на меня смотреть будете, а я куда смотреть стану?

Косолапер. Я на вас смотреть стану, а вы на кино.

Маша. А что мне на кино смотреть. В кинематографе давно уже души нет.

Косолапер. Тогда просто пойдем погуляем. Под ручку. В парк.

Я знаю закуточек, где есть лебеди. Или в лес.

Маша. Какой еще лес?

Косолапер. За город поедем. В Парголово!

Федор Апполинариевич (*во сне*). Повсюду разбросаны идеи. Их много. Хватайте их, не задумываясь. Пишите по ним произведения. Отправляйте мне по почте. Мой адрес. Петербург. Писателю номер один в Петербурге! Соломатину Феде! Третий этаж!

Косолапер. Шебутной.

Маша. Никак не угомонится.

Косолапер. А давайте никуда не пойдем и не поедем. Ни в кино, ни в Парголово! Выходите за меня замуж, Машенька! Без прогулок и без кинематографа. И то и другое — глупость. Когда мы друг другу в глаза посмотрели, и так все понятно стало.

Маша. Я согласна. Вы мне нравитесь. Вы рискованный. И необычный. Безымянный какой-то.

Косолапер. Позвольте я вам руку поцелую.

Маша. Целуйте.

Косолапер нежно целует Машину руку.

Маша. Странно.

Косолапер. Что странного, Маша?

Маша. Слышите? Не топчется никто.

Косолапер. Не топчется.

Маша. Сколько уже минут проскочило, а мебель не приносят!

Косолапер. Не знаю.

Маша. Слышали?

Косолапер. Что?

Маша. Звук какой-то дикий разрезал тишину ночи.

Косолапер. Нет.

Маша. Почему не слышали?

Косолапер. От руки вашей опьянел.

Маша. А я слышала, сильный, невероятный звук.

Косолапер. А на что было похоже?

Маша. На гудение мотора. Тяжело загруженной машины.

Косолапер. Странно. Минутку. Я сейчас вернусь. Сбегаю, гляну!

Косолапер тихонечко выходит. За окном мощно гудит мотор и визжат тормоза.

Федор Апполинариевич (во сне). Позволительно ли писателю для привлечения самой широкой аудитории использовать нецензурную лексику? Если в книжках будут бранные слова, а книжки будут талантливые, то на уроках литературы будет стоять мат-перемат! Учительницы будут краснеть и выбегать из класса. Кому мы доверим будущую поросль? Алкоголикам? Или пригласим к преподаванию прапорщиков и хамов?

Маша. Папа, ты весь переполнен творческой энергией, как мартовские ручьи вешними водами! Можешь ты помыслить во сне о чем-нибудь, кроме литературы? Невозможно же так интенсивно изнурять себя творчеством. Как же возможно жить на таком пике?!

Косолапер (вбегает, кричит громким шепотом). Угна-

ли! Грузовик с мебелью угнали! Вместе со всем вашим имуществом! Я за ним двести метров пробежал, пока он не исчез за поворотом!

Маша. Что же мы с вами наделали? Что мы папе-то скажем?

Косолапер. Я в милицию. Ждите. Есть надежда. Верьте мне, я люблю вас, я обязательно... обязательно вернусь!

Косолапер убегает, на ходу надевая ботинки на носки из овечьей шерсти.

Сцена пятая

Новая квартира на Литейном. Утро. Рассвет. Маша с мокрым платком в руках сидит у постели отца. Федор Апполинариевич открывает глаза.

Маша. Доброе утро, папа.

Федор Апполинариевич. Где я?

Маша. Дома, папа!

Федор Апполинариевич. У кого дома?

Маша. У нас дома. В новой квартире.

Федор Апполинариевич. На Литейном?

Маша. На Литейном! Да, на Литейном!

Федор Апполинариевич. А как я здесь оказался? Я на Бассейной спать ложился!

Маша. Ложился спать на Бассейной, а проснулся на Литейном!

Федор Апполинариевич. Не понимаю, в голове не склеивается!

Маша. Мы тебя перевезли, папа!

Федор Апполинариевич. Как это перевезли?

Маша. Так это, перевезли, и все тут! Пока ты крепко спал.

Вместе с кроватью перевезли!

Федор Апполинариевич. Кто это — вы?

Маша. Кто — мы?

Федор Апполинариевич. Кто это — вы?

Маша. Я и...

Федор Апполинариевич. Я и кто?

Маша. Я и!..

Федор Апполинариевич. Я понимаю, Маша, что ты!

А кто еще?!

Маша. Я и...

Федор Апполинариевич. Кто этот второй, с кем ты меня перевозила?

Маша. Я не могу сказать.

Федор Апполинариевич. Почему ты не можешь сказать?

Маша. Язык не поворачивается.

Федор Апполинариевич. Ты и?!

Маша. Не могу!

Федор Апполинариевич. Говори! Поворачивай, черт побери, кукла, свой язык! В шкафу было четыре пары новых ботинок! Ты и кто?

Маша. Я и!..

Федор Апполинариевич. Ты и Лапер? Тупер? Мупер? Бабакер?

Маша. Да, папа!

Федор Апполинариевич. Зачем вы меня перевозили? Говори, иначе я с ума сойду!

Маша. Ты деньги попросил вернуть, а Косолапер уже рабочих нанял, аванс им отдал. Мне его жалко стало. Вот мы и решили сами сделать перевозку! Ночью! Пока ты спишь! Погрузили тебя и мебель в толиков

грузовичок.

Федор Апполинариевич. Он не Толик, он от человеческого имени отказался! Предал его! Не называй его Толиком! У меня всю жизнь полно Толиков! Толики нормальные все люди! Его фамилия Мумырин! Пустомозин! Мозговертов!

Маша. Я тебе пионовой настойки в вечерний чай бухнула, чтобы тебя спящего перевезти! А после мебель расставить. Просыпаешься ты — ни хлопот, ни забот! Мебель по углам стоит! Мы хотели тебе сюрприз сделать.

Федор Апполинариевич. Сюрприз сделать?

Маша. Ага.

Федор Апполинариевич. Говори дальше, кукла, не молчи! Мебель где? Где имущество? Что далее случилось?

Маша. Принесли тебя спящего на кровати в дом. А мебель все не несут. Пошел наш перевозчик посмотреть, что там. Почему задержка, и что это завизжало там, за окном. А грузовичок-то!..

Федор Апполинариевич. Что грузовичок-то? Говори!

Маша. И угнали! Вместе с имуществом.

Федор Апполинариевич. Кто угнал? Косомозгов угнал? Криволапенко-Бабамырин?

Маша. Не он! Он со мною в комнате был. Мы у твоего изголовья разговаривали.

Федор Апполинариевич. У моего изголовья разговаривали?

Маша. Да.

Федор Апполинариевич. О чем разговаривали?

Маша. Он мне предложение делал. Руки и сердца.

Федор Апполинариевич. И ты, разумеется, согласилась!

Маша. Мне тридцать* скоро, папа. Сколько можно в старых девушках пребывать? Он милый, он свою первую учительницу помнит. Я на нее похожа! И вообще, мы друг в друга с первого взгляда! Пожизненно! Мой он по душевным качествам, и по развитию мой! Я согласилась, папа, я так счастлива!

Федор Апполинариевич. Ты понимаешь, твой Косорылов — вор! Бандит! Кровопийцев он!

Маша. Он честный. Он хороший человек! Он нашей мебели не брал!

Федор Апполинариевич. Где он? Я хочу увидеть его!

Маша. Запил с горя! Он тоже пострадал. Мы мебель потеряли! А он свой личный грузовичок. А ему за машину еще кредит выплачивать. Мы всю ночь до утра по Петербургу ходили и рыдали! Я пойду за него замуж! Не отговаривай меня!

Федор Апполинариевич. И что, ты его наименование возьмешь?

Маша. Возьму! А что, красиво! Мне нравится! Мария Косолапер. В этом есть что-то французское.

Федор Апполинариевич. И что, ты тоже будешь называться пустым, чудовищным именем? Что люди скажут? Глядите... вот Косолаперша пошла. У тебя красивая фамилья — Со-ло-ма-ти-на!

Маша. Да, буду! Косолапершей я буду, папа! Потому что люблю! Будь он хоть Крысин, хоть Гнидолюбов или Предателев! Или Жиромордов! Хоть Оглы - Алаверды- головой во все пруды! Или даже пусть будет

---

* от возраста актрисы

Авессалом Дураков! Сердцу любящему не прикажешь! При чем тут слова, когда сердце в куски рвется. А имущество мы тебе отыщем и вернем! Обещаю! Торжественно клянусь! Маминой памятью клянусь!

Федор Апполинариевич. И детей от Васисуалия Мутного хочешь народить?

Маша. И детей нарожаю. Мы уже договорились. Когда от нахлынувшей любви рыдали. Семерых рожу!

Федор Апполинариевич. И все они будут Белебердакерами?

Маша. Мне без разницы. Хоть Бардакерами, хоть Бабодуриными, хоть, Косомозговыми, хоть Белебердакерами! Я втрескалася, отец! Я обожаю этого мужчину! Не он украл! Он чистый, порядочный!

Федор Апполинариевич. Я твоего женишка-афериста безымянного за чугунную решетку упрячу! В тюрьме ты с ним, чокнутая училка, плодиться будешь!

Маша. Мы все тебе вернем! До последней булавки, зубочистки, листочка... все вернем! Мой Косолаперушка – честный человек!

Федор Апполинариевич. Я же тебя на пианино учил, ухо твое фонетике, музыкальности дрессировал! Было уже сказано мною... Косолапер - это дурно, неблагозвучно звучит! Отвратительно! Где твой музыкальный слух и вкус? Ко-со-ла-пер! Это же фонетическая катастрофа! Каца-лапер! Коцые-лапки! Тьфу! Одни углы в буквах! Не хочу я произносить это имя всю оставшуюся жизнь! Это мука! Мне такие катастрофические родственники не нужны!

Маша. Тебе нужны родственники с благозвучными

и красивыми именами?

Федор Апполинариевич. Разумеется, вот именно!
Дай телефон!

Маша. Зачем?

Федор Апполинариевич. Мне надо позвонить.

Маша. Куда?

Федор Апполинариевич. В полицию!

Маша. Нет телефона.

Федор Апполинариевич. Где мой мобильный?

Маша. На грузовичке угнали!

Федор Апполинариевич. Воды! Мне дурно! Пить!
Что стоишь, как мумия египетская?! Воды мне налей! Да
будет тебе известно, у меня в шкафу за перегородкой
семь миллионов наличными лежало! И в евро три
косаря!

Маша. Папа, не могу! Не получается воды тебе дать!

Федор Апполинариевич. Почему? Она же в трубах
гудит!

Маша. Стаканы тоже угнали! Папа! Чашки, стаканы,
все упаковано было!

Федор Апполинариевич. Вон из дома! На улицу!
Под мост! На вокзал! В картонную коробку! Вон!
Бомжевать! Будь ты проклята! Навеки! Это я тебе
говорю! Твой отец! Федор Соломатин!

Маша. Как ты смеешь, папа! Я же дочка твоя.
Единственная!

Федор Апполинариевич. И потомство твое пусть
будет проклято! Косолаперова мутная, неясная
живность! Вон!

Рыдая, Маша уходит.

Сцена шестая

Новая совершенно пустая квартира писателя Соломатина. Домработница и пенсионерка Кулакова Надежда Юрьевна прибирается, наводит красоту. Писатель номер один Петербурга Федор Апполинариевич Соломатин сидит за столом с перевязанным горлом (простуда) и пишет от руки. Когда мысль гения сверлит небо, разговаривать категорически запрещено. Наконец Федор Апполинариевич встает из-за стола, чтобы походить по диагонали. Надежда Юрьевна трет, Федор Апполинариевич движется по диагонали.

Надежда Юрьевна. Как же так можно, Федор Апполинариевич, в пустом доме жить?! Не почеловечески как-то все это. Мебелишку хоть какую прикупили бы. Тиражи у вас немыслимые, а живете, как триста спартанцев!

Федор Апполинариевич. Мне чужая мебель не нужна, вот вернут иудушки мне мою обстановку, тогда все былое расставлю по углам и заживу полной грудью!

Надежда Юрьевна. Когда еще вернут? Уже семнадцать лет возвращают.

Федор Апполинариевич. Обещали сегодня комод поставить. Выкупили в Выборге, в комиссионном магазине.

Надежда Юрьевна. Долго уж больно возвращают. А помещение ваше все необставленное простаивает в торричеллиевой пустоте!

Федор Апполинариевич. Кое-что вернули. Вот он, родной ковер. Торшер. Две чашки японские. Люстру. Мыльницу с достопамятным обмылком. Пегаса бронзового с крыльями. Будет еще и комод. Если, конечно, не обманут.

Надежда Юрьевна. Негусто! За столько-то лет.

Федор Апполинариевич. Кто ж спорит. Негусто!

Надежда Юрьевна. А Машу, дочку, последний раз когда видели?

Федор Апполинариевич. Лет пять—семь назад. И сегодня бы отказал в свидании, если б она не рассказала мне, что комод отыскала.

Надежда Юрьевна. Может, махнуть рукою на пропавшее барахло, снять проклятие? Простить дочку-то?

Федор Апполинариевич. Это не барахло, многоуважаемая Надежда Юрьевна! Это вещи из моего литературного быта. Вот умру, пожелают мои читатели сделать музей. Что они в моем музее поставят? Новодел? Вещи, соструганные по фотографиям? В прошлом году был в Ясной Поляне у графа Толстого! Все фальшивое, от рубахи до кожаного дивана! Скажите, а где здесь Толстой?! Я был возмущен обманом! От злости мне хотелось выть и топтать ногами!

Звонок.

Федор Апполинариевич. Откройте, Надежда Юрьевна. Что вы застыли?! Это они!

Надежда Юрьевна открывает. Входит Маша и Косолапер. Супружеская чета в муках вносит комод.

Маша. Здравствуй, папа.

Косолапер. Здравствуйте. Тяжелый, собака!

Ставят комод на пол.

Федор Апполинариевич. Я просил, чтобы одна пришла!

Маша. Одна я бы не донесла, уж больно комод

неподъемный!

Федор Апполинариевич. Наняли бы человека!

Маша. Папа, нам с детьми на хлеб не хватает. А ты говоришь — человеку заплатить! Голодаем, недоедаем, только бы ваши, папенька, вещи вернуть.

Федор Апполинариевич. Не надо, не разжалобишь, я слезы не пролью! Поставьте комод в угол. Сюда.

Маша. Он?

Федор Апполинариевич изучает комод.

Федор Апполинариевич. Истинная вещь. Доподлинная. Вот здесь след от сабли. Любил дед мой, Лука Матвеевич, с палашом танцевать после трехсот грамм беленькой. Ступайте. Благодарю. Ждем новых поступлений!

Маша. Я так соскучилась по тебе, папа. Можно, мы на минуточку у тебя задержимся?

Федор Апполинариевич. Зачем?

Маша. Посмотрю на тебя, полюбуюсь, может, обнять позволишь!

Федор Апполинариевич. Зачем на меня смотреть? Что я, рубль золотой?

Маша. Я скучаю по тебе, папа.

Федор Апполинариевич. Не надо по мне скучать.

Маша. Почему?

Федор Апполинариевич. Не хочу, чтобы ты по мне скучала. Что здесь непонятного?

Маша. Сжался надо мной, я же дочка твоя, кровинушка твоя.

Федор Апполинариевич. Ступайте откуда пришли!

Маша. Как же так, внуки твои взрослые уже, старшей

семнадцать, тебя ни разу в жизни не видели. Некрасиво, папа. Ты бы слышал, что люди говорят!

Федор Апполинариевич. Мне плевать, пусть что угодно говорят! Всего вам наилучшего.

Косолапер. Мы на след буфета вашего родового напали, Федор Апполинариевич!

Федор Апполинариевич (с оживлением, *аффектом*).
Буфет нашли?

Маша. Нашли, папа! Совершенно неожиданно.

Косолапер. Позавчера всплыл в Воронеже.

Федор Апполинариевич. И когда же я его получу?

Косолапер. Вот накопим денег и выкупим ваш буфет.

Федор Апполинариевич. Ну, вот и дивно. Это дает надежду. До свиданья!

Маша. Нехорошо получается, папа. У тебя три внучки, старшей уже семнадцать, а они своего дедушку живого в глаза не видели. Неужели ты не хочешь на внучек посмотреть? Младшенькая такая муся, очень на тебя похожа.

Федор Апполинариевич. Мне до чужих людей дела нет.

Маша. Внучки, деточки, они разве чужие? Это жестоко, папа!

Федор Апполинариевич. А не жестоко оставить немолодого уже человека в безвоздушном пространстве, без привычных вещей, без органичных для моего тела стульев, без дивана, без исторических галстуков, которые были подарены после первого свидания моей мамой. Моей памяти не на что опереться! Верните мне знакомые, привычные ощущения! Верните в мою жизнь характерную для нее предельную ясность!

Маша. Мы стараемся, будет ясность! Мы ищем! Мы не останавливаемся.

Косолапер. Мы не сдаемся. Мы не только буфет разыскали, мы попали на след американского письменного стола!

Федор Апполинариевич. Без которого я прожил уже семнадцать лет! А я на нем «Мама мыла раму» в пять лет, между прочим, детской рукой написал!

Косолапер. Можно два слова произнести в свое оправдание?

Федор Апполинариевич. Нет вам оправдания. Нужно оглохнуть, чтобы согласиться на такое неблагозвучное не имя! Какая вопиющая безвкусица! Слово несет в себе не только смысл, этику, но и эстетику!

Маша. Папа, мой муж больше не Косолапер! Не Буба-бо! Не Чудакомозгов! Не Белебердакер! Чтоб слух твой нежно заласкать, мы все переименовались полностью!

Косолапер. С тем, чтобы доставить вам удовольствие!

Маша. Мы подумали и решили. Ты прав! Абсолютно, совершенно прав! Мы взяли изящные, возвышенные имена. Чтобы тебе угодить.

Федор Апполинариевич. Кто же вы теперь, позвольте узнать?

Косолапер. Меня теперь зовут Филеро! Филеро Фарфалия! Это мое полное имя.

Маша. Правда, красиво звучит! Неужели тебе не нравится?

Федор Апполинариевич. Филеро Фарфалия?

Филеро. По-итальянски «фарфалия» — это бабочка.

Чтобы великолепно, изысканно было!

Маша. И я теперь вовсе не какая не Косолаперша, я Сафабель, папа!

Федор Апполинариевич. Ты Сафабель?

Маша. И не просто Сафабель! Я Сафабель Застурция! Чтобы ласкало твой тонкий литературный слух и доставляло тебе, папа, эстетическое наслаждение! И муж мой не просто Филеро Фарфалия! Он Филеро фон Фарфалия. Потому что Филеро фон Фарфалия куда многообещающе и пышно звучит, чем просто Филеро Фарфалия!

Филеро. Мы ради благозвучия и еще одного великолепного «фон» добровольно и самостоятельно приняли баронство!

Маша. Теперь мой муж — барон Филеро фон Фарфалия. А я баронесса Сафабель Застурция фон Фарфалия! Вслушайся только! Сколько в этом прелести! Только, чтобы помириться с тобой, папа мы благозвучно зазвучали! Это, конечно, в каком-то смысле самозванство, но оно не преступно, потому что ради красоты! Вот документы. Здесь крупными буквами написаны наши имена. Они трудные. Чтобы ты их запомнил!

Федор Апполинариевич. То есть я это должен выучить?

Маша. Ну конечно. А когда ты простишь нас и познакомишься с внучками, мы дадим тебе новый листочек, и там будут написаны детские имена. Они у девочек просто невероятные!

Федор Апполинариевич. Вон подите! Подите вон! Я вам не верю! Это все не от души, неискренне! Я

простужен. Всего хорошего.

Филеро. Мы уйдем! Только можно обратиться к вам с заключительной просьбой?

Сафабель. Папа, с последней. Филеро пишет книгу.

Филеро. Роман.

Сафабель. О любви.

Филеро. «Апельсиновый Айсберг».

Сафабель. Так называется.

Филеро. Немного вычурно.

Сафабель. Но так лучше, чтобы прославиться!

Филеро. И сделать огромные тиражи.

Сафабель. Вызывающее, конечно, название.

Филеро. У нас есть план. Вырваться из нищеты!

Сафабель. Девочки же у нас.

Филеро. Старшей уже семнадцать. Одни ботинки десять тысяч стоят.

Сафабель. Это произведение — наш единственный шанс!

Филеро. Я уже десять лет пишу. Мне осталось еще страниц тридцать.

Сафабель. Я принесла для тебя одну главу. Ты не смог бы дать свое литературное устное заключение? Насколько это хорошо?

Филеро. И вообще, имеет ли смысл мне этим делом заниматься?

Сафабель. И надеяться на успех.

Филеро. Сделайте заключение, и мы исчезнем!

Надежда Юрьевна. Прочтите, Федор Апполинариевич. И они уйдут. А так еще долго пальцем на дверь указывать придется. Что здесь, три паршивые странички!

Федор Апполинариевич. Если я прочту, вы правда уйдете?

Сафабель. Честное слово!

Федор Апполинариевич. Очки! Надежда Юрьевна!

Надежда Юрьевна приносит очки.

Федор Апполинариевич. Дайте свету! (*Надевает очки на нос, читает.*) В истории не было прецедентов, чтобы перевозчики мебели становились хотя бы сносными писателями.

Тишина. Федор Апполинариевич царственно читает.

Федор Апполинариевич. Не может быть!

Сафабель. Вот видишь, папа!

Федор Апполинариевич. Невероятно.

Сафабель. Ну же!

Федор Апполинариевич. Это вы написали?

Филеро. Да, я.

Федор Апполинариевич. Грандиозно! Какой стиль!

Сафабель. Папа, милый!

Федор Апполинариевич. Это запредельно гениально!

Сафабель. Папа, как я тебя люблю.

Федор Апполинариевич. Это находится за гранью человеческого мозга!

Сафабель. Папа, это так широко, так щедро! Папа, родной, спасибо! Ты такой гениальный!

Федор Апполинариевич. И что, весь роман написан подобным стилем?

Филеро. Да, весь роман.

Федор Апполинариевич. Невероятно!

Сафабель. Правда, Филеро талантлив?

Федор Апполинариевич. Какая острая мысль! Какая

свежесть!

Сафабель. Правда, мощно, папа?

Федор Апполинариевич. Ты понимаешь, что написал?

Филеро. Еще нет, наверное, не до конца.

Федор Апполинариевич. Если вы опубликуете это произведение, вся моя жизнь в литературе станет полной бессмыслицей! На следующий день после первой публикации вашей книги обо мне никто не вспомнит! Никогда!

Сафабель. Я не сомневалась в твоей литературной, художественной порядочности и честности! Как можно не гордиться тем, что я твоя дочь, как можно тебя не любить?!

Федор Апполинариевич. Будь ты проклят гадкий Мозгососов! Ты украл у меня мою жизненную обстановку, украл мою единственную дочь, мерзавец, а теперь, злодей, взялся вытравить мое имя из мировой литературы! Чтобы лишить мою жизнь последних остатков смысла!

Сафабель. Папа, разве красиво так на молодого писателя кричать. Надо, наоборот, восхищаться, если тебе понравилось, и поить его чаем с вареньем. Разве знаменитый Четвертаков так с тобой поступил, когда ты ему первый рассказ принес?!

Федор Апполинариевич. Думаешь превратить мое бытие в ничто, в пустоту кимвальную-торричелиеву! Но я не дамся! Я сам тебя первый в порошок сотру!

Филеро. Я же говорил, надо было взять третью главу, она написана значительно слабее. И там есть неудачное описание второго свидания Матерого. Может, и не произошла бы яростная вспышка сознания!

Федор Апполинариевич. Это бессовестно, аморально так блистательно писать! Бесчестно по отношению к человеку, который всю свою жизнь положил на владение словом и нацелился на нобелевку по литературе! Разве допустимо такое легкое и завораживающее владение метафорами, эпитетами и метонимиями! Я этого не допущу! Я знаю, что ты задумал! Ты хочешь свести меня, как чернильное пятно со скатерти! Этого никогда не будет, понятно тебе? Ты не Мозгососов, ты хуже, ты Судьбососов! Ты ластик, ты стираешь меня из жизни и литературы, словно я слово, написанное на бумаге мягким карандашом! !

Филеро. Можно только два слова сказать в свое оправдание?!

Надежда Юрьевна. Уходите, Христа ради. Ступайте все! Побагровел весь! Как бы удара с ним не случилось!

Федор Апполинариевич. Вон, вон! Подите вон! Чтобы духу вашего здесь больше не было! Не нужен мне воронежский буфет и американский письменный стол! Ничего мне не нужно! Вон пошли отсюда, родственнички! Вон!!! Чтоб глаза мои на вас больше не смотрели!

Сафабель. Пойдемте, папа закипел.

Федор Апполинариевич. Ступайте, ступайте! С моим праведным гневом вам не совладать!

Сафабель. Прости, папа. Мы не хотели, чтобы так вышло, прости! Кто ж знал, что тебе так сильно понравится!

Фарфалии уходят.

Надежда Юрьевна. Что же вы делаете со своим сердцем, вам нервничать нельзя. Успокойтесь, Федор Апполинариевич!

Федор Апполинариевич. Вы только послушайте, как это великолепно все написано! «Под ногами захрустел снег, я сладко потянулся, вдохнул холодный и влажный воздух, застегнулся на все пуговицы и пошел куда глаза глядят. Снегопад начался во время оттепели и не прекращался ни на минуту. Улица уходила в бесконечность, деревья процеживали снежный напиток, оставляя самое вкусное на ветвях». Не получится! Ничего у вас не получится! Мы не гнилыми нитками пошиты! Мы ответим, мы вам еще как ответим! Так ответим, что у вас алфавит из головы повыскочит! Деревья, видите ли, процеживали снежный напиток, оставляя самое вкусное на ветвях!!! Ах-ах-ах!

Сцена седьмая

Крохотная, нищая однокомнатная квартира барона и баронессы фон Фарфалия. Чердак старого дома. Вопиющая бедность. Барон Филеро фон Фарфалия пишет и проговаривает текст про себя.

Филеро. Она привела меня в свой дом. Я выпил чашку зеленого чая, взял в руку живого бенгальского тигра, в другую руку — зажигалку и стал медленно-медленно жечь тигру усы. Тигр зарычал и начал рвать мои внутренности зубами. С новогодней елки осыпались игрушки. Тельце акробата заиграло, как блесна. Она была безумно нежной, я медленно умирал в ее объятиях, я чувствовал, как сквозь меня идет мощный поток чего-то большего, чем сама жизнь.

Звонок в дверь.

Филеро. Сафабель, Сафабель, откройте!

Сафабель. Нам звонят, барон?

Филеро. Долго и настойчиво! Будьте так любезны!

Сафабель. А вы уверены, барон, что звонят именно нам?

Филеро. У меня в этом нет совершенно никаких сомнений!

Сафабель. Когда же у нас появится свой собственный камердинер?

Филеро. Едва сказочно разбогатеем, первого человека, которого найдем себе, будет именно камердинер! Я это вам клятвенно обещаю, баронесса.

Сафабель открывает. Входит Кулакова Надежда Юрьевна.

Сафабель. Это вы?

Надежда Юрьевна. Здравствуйте.

Сафабель. Что-нибудь случилось?

Надежда Юрьевна. Вот именно. Случилось. Только вы ушли, некоторое время папенька ваш пребывал в истерике, сто раз перечитывал ваши гениальные три странички, забредил ими до полуночи. К мозгам прилипли ваши треклятые деревья, процеживающие снежный напиток. Потом пал на паркет! Апоплексический удар. Вчера привезли из больницы, три недели провалялся, а толку-то немного. Недвижим, как памятник. Всю жизнь мечтал забронзоветь. И нате, вот оно! Готово! До пояса — изваяние, бронзовый. Выше пояса — шевелится чуток. Просит бумагу. Писать. Но я не даю. Доктора против. Рано еще гениальничать.

В комнату вбегают три юные очаровательные девушки.

Сафабель. Познакомьтесь, пожалуйста. Это наши девочки.

Надежда Юрьевна. Очень приятно. Какие милые деточки!

Сафабель. Моя старшая дочь. Сцифероцида фон Фарфалия.

Надежда Юрьевна. Кулакова Надежда Юрьевна. Пенсионерка.

Сцифероцида (*реверанс*). Очень приятно.

Филеро. Моя срединная дочь баронесса Астарта Ферлопес Франческо Филеро. Моя, так сказать, центральная дочь.

Надежда Юрьевна. Кулакова Надежда Юрьевна. Пенсионерка. Рада, счастлива знакомству.

Астарта. И я тоже премного счастлива.

Филеро. Это моя самая младшая дочь, баронесса Манифея Фениция Венченция де Фонтенфайер фон Фарфалия Эпедокла.

Надежда Юрьевна. Эпедокла?

Манифея. Эпедокла!

Надежда Юрьевна. Очень приятно, Кулакова Надежда Юрьевна. Пенсионерка. Домработница вашего родного дедушки.

Сцифероцида. Которого мы в глаза не видели.

Астарта. Отродясь.

Манифея. Интересно, какой он, наш милый дедушка?

Надежда Юрьевна. Я полагаю, девочки, что уже очень скоро вы своего единокровного дедушку увидите!

Филеро. Сцифероцида, принеси чаю Надежде Юрьевне.

Сцифероцида. С превеликим наслаждением, папенька!

Сафабель. На чем чаю? Надежда Юрьевна? На мяте или на ягоде?

Надежда Юрьевна. На мяте. Вся дрожу, колотит меня. Федор Апполинариевич ужасно сердит оттого, что свалился. Утром запустил в меня раскаленным стаканом с кипятком. Я домработница, не патронажная сестра. Я уезжаю к тетке в Балаклаву. Размышляйте, как быть, ищите выход. Забирайте себе родственничка.

Сафабель. Выхода нет. Надо перевозить.

Филеро. Куда?

Сафабель. К нам!

Филеро. Куда ж еще.

Сафабель. Может, в папенькины восемь комнат перебраться?

Филеро. Ни за что.

Сафабель. Почему?

Филеро. Станет думать, что мы воспользовались ударом, чтобы уллучшиться.

Надежда Юрьевна. А сколько-то у вас комнат на пятерых?

Сафабель. Одна, всего одна.

Сцифероцида. И еще кухонька есть, три метра.

Астарта. Санузел.

Сафабель. И маленький балкончик.

Надежда Юрьевна. Небогато.

Манифея. А что поделаешь?

Филеро. Надежда Юрьевна, не могли бы вы оказать нам одну услугу?

Надежда Юрьевна. Какого рода услугу вам оказать?

Филеро. Не могли бы вы перед сном налить в чай вечерний, который папенька так обожает, содержимое этого флакона?

Надежда Юрьевна. Яд?

Сафабель. Гомеопатическое снотворное. Пионовая настойка. Мы забираем Федора Апполинариевича к себе.

Надежда Юрьевна. Отчего же не налить, я налью! Я вся к вашим услугам, барон! Когда перевозка?

Сафабель. Когда у вас поезд на Балаклаву?

Надежда Юрьевна. Завтра утром.

Филеро. Сегодня ночью перевезем.

Надежда Юрьевна. Ваш папа богат как Крез, а вы живете в такой стесненности, в такой бедности! Есть ли справедливость на свете?

Сафабель. Всего вам доброго, Надежда Юрьевна.

Сцена восьмая

Перевозка № 2

Входит все семейство Филеро фон Фарфалия, исключая самого Филеро фон Фарфалия. Одни дамы.

Сафабель. Заснул?

Надежда Юрьевна. Спит. Проходите. Только каблуками по паркету не тарабаньте.

Манифея. Мы на цыпочках.

Надежда Юрьевна. Где же ваш папенька, девочки?

Сцифероцида. Роман пишет.

Астарта. Ему отвлекаться нельзя.

Надежда Юрьевна. Дед ваш дюже тяжелый!

Манифея. Справимся.

Надежда Юрьевна. Донесете-то до грузовика?

Сафабель. Донесем, донесем, Надежда Юрьевна, не переживайте.

Сцифероцида. Спит?

Надежда Юрьевна. Провалился.

Астарта. Боже мой, дедулечка!

Манифея. Какая лапочка!

Астарта. Жалко, что характер у него такой мерзкий!

Манифея. Я все равно его обожать буду!

Сцифероцида. И я буду обожать.

Астарта. Мама, ты не запретишь нам его любить и обожать?

Сафабель. Да что вы, деточки, как можно, как нам его не любить, он всем нам дал жизнь.

Сцифероцида. Могучий старик.

Манифея. Бедненький, живет без нашей любви, без нашей ласки.

Сцифероцида. Поэтому и свалился!

Сафабель. Тише вы, воробьи апрельские, разбудите деда. А разбудите — мало не покажется. Характер у него штормовой!

Федор Апполинариевич (*во сне*). Будут ли актуальны штаны дудочкой в следующем сезоне?! Штаны могут быть модными? А писатель, должен ли писатель быть модным? И желать себе оного?! То есть моды на самого себя? Или это пошлость?

Астарта. Страшно как, мама!

Сцифероцида. У меня в животе от ужаса кусок льда намерз!

Сафабель. Во сне разговаривает. Не обращайтесь внимания.

Манифея. Я чуть в обморок не хлопнулась, мама.

Сафабель. Довольно вам болтать. Приступаем. Подошли. Все вместе. Еще ближе. Взяли. Дружно! Подняли! Понесли, понесли, понесли! Шармант, шармант, шармант! Ровненько, девочки, аккуратненько,

ровненько! Шармант, шармант, шармант! Жете, жете, жете. Шармант, шармант, шармант!

Надежда Юрьевна. Здесь по коридору направо!

Манифея. Гран мерси.

Сафабель. Шармант, шармант, шармант! Деми-плие! Па-де-Буре! Деми-плие! Проходим, проходим, проходим! Плие, плие. Пуи, пуи, пуи!

Надежда Юрьевна. Прошли!

Сафабель. Так, так, так! Дышим, дышим, дышим!

Надежда Юрьевна. А теперь прямо, к двери.

Сафабель. Шармант, шармант! Де-фо! Де-фо! Шармант, шармант, шармант! Браво, брависсимо!

Манифея. Флер вашу брошь! Куда вы прете? Вы меня подавите.

Надежда Юрьевна. Такие маленькие крохотулечки, деточки тянут на своих жилочках такую огромнющую, тяжеленнющую железную кровать, да еще с таким стопудовым дедушкой!

Сцифероцида. Уйдите, бабушка, с дороги!

Астарта. Подавим, как таракана!

Сафабель. Фани, фани, де-плие! Тандю! Шармант, шармант, шармант!

Юные баронессы под предводительством Сафабель Застурци фон Фарфалия выносят спящего Соломатина из его огромной и пустой квартиры на улицу.

Сцена девятая

Квартира барона Филеро фон Фарфалия.

Федор Апполинариевич. Где я нахожусь?

Сафабель. Морская, дом шестнадцать, седьмой этаж,

один пролет вверх пешком, квартира номер сорок семь.

Федор Апполинариевич. Вы меня что, опять перевезли? Как вещь? Как чемодан?

Сафабель. У нас, к сожалению, не было иного выхода.

Ты свалился, папа!

Федор Апполинариевич. У меня имеется свой дом и личная прислуга, везите обратно!

Сафабель. Надежда Юрьевна уехала, папа. В Балаклаву. Она официально заявила, что патронажной сестрой не нанималась.

Федор Апполинариевич (*смотрит в окно*). Дом напротив универсального магазина? С якорями и беременными русалками?

Сафабель. Да, он самый. Давай я тебя умою. Сегодня торжественный ужин.

Федор Апполинариевич. Почему торжественный?

Сафабель. Мы будем тебя знакомить с внучками.

Федор Апполинариевич. Дай телефон, я вызову такси. Я еду домой, я не хочу ни с кем знакомиться, я не стану дышать с предателями одним и тем же воздухом!

Сафабель. Поздно, деточки идут, я слышу их шаги.

Входят юные баронессы и Филеро.

Сафабель. Девочки, это ваш дедушка. Федор Апполинариевич Соломатин. Писатель номер один во всем Петербурге!

Филеро. А может даже во всея Руси!

Сцифероцида. Как это мило! Наш дедушка!

Астарта. Проснулся!

Манифея. Наконец-то.

Сафабель. Итак. Папа, прошу любить и жаловать. Моя

старшая дочь. Сцифероцида фон Фарфалия.

Федор Апполинариевич. Соломатин. Писатель. Беллетрист.

Сцифероцида. Можно вас обнять, дедушка, поцеловать?

Федор Апполинариевич. Не подходите, я простужен.

Сафабель. Моя срединная дочь. Баронесса Астарта Ферлопес Франческо Филеро.

Филеро. Так сказать, центральная дочь!

Федор Апполинариевич. Соломатин. Федор Апполинариевич Соломатин. Беллетрист.

Сафабель. Это моя самая младшая дочь, баронесса.

Манифея (*делает реверанс*). Манифея Фениция Венченция де Фонтенфайер фон Фарфалия Эпедокла.

Федор Апполинариевич. Эпедокла?

Сафабель. Эпедокла!

Федор Апполинариевич. Соломатин. Писатель. Беллетрист.

Манифея. Вы не находите, дедушка, что мы с вами очень похожи?

Федор Апполинариевич. Нет, я не нахожу.

Манифея. Но, дедушка, это было бы так мило, если бы обнаружили.

Федор Апполинариевич. Запрещаю звать меня дедом. Я для вас посторонний человек, зовите меня официально... а именно Федором Апполинариевичем.

Сафабель. Ну что ж, давайте садиться за стол.

Филеро. Стемнело, пора зажечь свечи.

Манифея приносит канделябр, Филеро и Сафабель двигают Соломатина к столу.

Федор Апполинариевич. Овсянка! Какая мерзость.

Астарта. Английская королева ест на завтрак овсянку.

Сцифероцида. И живет уже сто лет.

Астарта. И не осыпается.

Манифея. И не вянет.

Федор Апполинариевич. А хлеба нет?

Филеро. На хлеб не хватило. Только на кашу.

Сафабель. Нам бы продержаться... до следующей пятницы.

Федор Апполинариевич. А что будет в следующую пятницу?

Филеро. Во вторник я отношу роман к издателю. К Михаилу Ивановичу Рындиному, вам знакомо это имя?

Федор Апполинариевич. Понятия не имею. Наверное, самозванец.

Филеро. Лукавите, Федор Апполинариевич. Рындин — знаменитый издатель. Так вот, он к следующей пятнице обещал прочитать. Я надеюсь, в этом месяце подписать контракт.

Сафабель. Роман выходит совершенно невероятный. Так что уже очень скоро мы рассчитываем разбогатеть.

Сцифероцида. Папусик, ну, право слово, заканчивай уж поскорее свой гениальный роман!

Манифея. Не надо торопить папу. Финал романа — это самое важное в романе.

Астарта. В каком-то смысле весь роман и пишется только ради финала.

Федор Апполинариевич. Это браво, тонко подмечено.

Сцифероцида. Я понимаю, что ради финала, однако мне семнадцать, а я никогда в своей жизни не видела моря, и мне уже не терпится посмотреть.

Сафабель. Девочки, вы вообще ничего не кушаете.

Астарта (*отодвигает тарелку*). Совсем нет аппетита, мама. Наломалась так, что спина отваливается.

Манифея. Гарнитур был тяжеленный, как собака. Я думала, что жилы разорвутся.

Сцифероцида. И еще этот глупый холодильник.

Астарта. Мы тащим, а из него течет.

Манифея. Прямо на спину.

Федор Апполинариевич. В каком смысле вы тащите холодильник, а из него течет прямо на спину? Куда вы его тащите?

Манифея. В самом прямом, перевозим холодильник, тащим его на пятый этаж, потому что в доме нет лифта.

Федор Апполинариевич. Вы хотите сказать, что ваши дети занимаются перевозкой мебели?

Сафабель. Увы, папа. Так оно и есть.

Филеро. Да. Я не могу отвлечься на перевозку, мне надо выдавать в день по пяти страниц гениальнейшего текста.

Сафабель. Я помогаю Филеро, правлю и перепечатаваю из черновика, это занимает все мое время.

Филеро. А на грузчиков нам средств не хватает. Если б не наши девочки, мы бы давно умерли с голоду.

Сцифероцида. Папа, у нас не найдется водочки? Грамм пятьдесят.

Астарта. Я махнула бы не глядя грамм четыреста и упала бы до утра.

Манифея. Сорокоградусной! Самой жгучей!

Филеро. Может быть, сегодня не стоит? Денечек бы пропустили.

Сафабель. Невозможно же каждый день не просыхая,

в стельку!

Манифея. Мама, мы не в стельку.

Сцифероцида. В стельку, сапожницы.

Астарта. Мы грузчицы! Мы в доску!

Сцифероцида. Мы мебель носим.

Федор Апполинариевич. Юные баронессы употребляют водку?

Сцифероцида. А как же здесь не запить, Федор Апполинариевич!

Астарта. Когда за целый день так наломаешься!

Сцифероцида. Что остается только напиться...

Астарта. И упасть плашмя!

Манифея. На соленый паркет!

Федор Апполинариевич. Отчего же он соленый?

Сцифероцида. От слез, Федор Апполинариевич, на соленый от слез паркет.

Сцифероцида. Папа! Пожалей своих девочек! Невозможно, так забыться хочется.

Манифея. Мы так наломались, папусечка! По сто грамм на нос!

Филеро. Какое сердце это выдержит. Знают, на какую педаль надавить!

Сафабель. Початая бутылка в буфете. Возьмите, барон.

Манифея. Ну, наливайте же, барон, что вы медлите.

Барон ставит граненые стаканы, наливает водки.

Астарта. Папа, лей!

Манифея. Лей, не жалей!

Сцифероцида. И мне до самого края, полный.

Сцифероцида. Скорее бы в небытие!

Манифея. Завтра день тяжелый.

Астарта. Есть наряд на перевозку рояля!

Сцифероцида. Малая Охта. Седьмой этаж. Дом с лифтом, но дека не войдет. Доплатят за каждый этаж по сто двадцати рублей.

Филеро. Рояль?.. Замечательно!

Сафабель. Значит, у нас будет на что купить хлеб, вино и что-нибудь из одежды или обуви.

Сцифероцида. Мне новые ботиночки.

Астарта. Мне новые ботиночки.

Манифея. Мне нужнее, у меня отвалились каблуки, а второй пары у меня нет.

Филеро. Довольно ссориться по пустякам. Ботинки не главное в жизни.

Сцифероцида. А что тогда главное?

Сафабель. Духовность. Литература.

Сцифероцида. Ах, мамочка, прости.

Астарта. Мы позабыли.

Манифея (*разливает по бокалам*). Баронесса, может быть, все-таки жахнете с нами?

Сафабель. Я хочу выпить за нашу семью, за то, что все мы здесь сегодня. Я волнуюсь, к-хм, к-хм, извините. В полном, так сказать, составе собрались. Исключая мою беглую мать. Да, папа, я все знаю. Давайте не забывать, что все мы одна семья. За нас!

Федор Апполинариевич. Я к вашей семье никакого отношения не имею и иметь не хочу. Это алаверды. (*Нагло переворачивает стакан кверху дном.*)

Филеро. А мы вас, Федор Апполинариевич, очень любим.

Манифея. А я еще уважаю. Особенно как писателя.

Сафабель. Действие в ваших книжках не стоит на месте.

Сцифероцида. Особенно удаются девичьи образы и портреты подлецов!

Манифея. Вы номер один в Петербурге! Пройдут столетия, а окажется, что во всем мире!

Федор Апполинариевич. Мелкий подхалимаж.

Сцифероцида. Папа, еще хочу, налей еще граммулечку!

Астарта. Самую малость, папа!

Манифея. Чутьочку-пречутьочку!

Филеро. Все, милые баронессы, довольно с вас, наливаю последние сто грамм и прячу бутылку.

Разливает водку по стаканам.

Манифея. Мама, прости, работа очень тяжелая. *(Опрокидывает стаканчик.)*

Астарта. Папа, это все временно. *(Опрокидывает стаканчик.)*

Сцифероцида. Разбогатеешь, папа, и мы больше не станем... злоупотреблять. *(Опрокидывает стаканчик.)*

Астарта. Не могу сидеть, падаю.

Сцифероцида. Глаза уж ничего не видят.

Манифея. Ма, можно, я на полу полежу!

Сафабель. У вас у каждой есть своя кровать.

Манифея. В кроватке душно.

Сцифероцида. На паркете прохладно и свежо.

Астарта. Полезно к тому ж. На жесткой, на доске.

Манифея. Мама, косточки так любят, они отдыхают.

Юные баронессы поочередно сползают на пол. Моментально засыпают.

Сафабель. Заснули мои деточки.

Федор Апполинариевич. Я сыт по горло картинами из жизни петербургской бедноты!

Увезите, пожалуйста, меня в дольний угол, спрячьте от фарфалиевых ужасов! Только, подальше от окна, чтобы не сквозило.

Родители отвозят дедушку в угол.

Федор Апполинариевич. Не найдется почитать какой-нибудь книжулечки?

Филеро. Золя. Руггон и Маккары.

Федор Апполинариевич. Сгодится.

LUNA-SOMNAMBULA-ADAGIO

Сцифероцида (*во сне*). Ну и шкафина!

Астарта (*во сне*). Литой, из чугуна. Три-четыре! Взяли! Потасили, потасили! Манифея, оторви его от паркета, черт побери! Мы поцарапаем лак!

Сцифероцида (*во сне*). Шармант, шармант, шармант!

Манифея (*во сне*). Проходим в дверь, аккуратнее... тандю, тандю, тандю... проходим.

Сцифероцида (*во сне*). Ровненько, девочки, аккуратненько, ровненько несем!

Астарта (*во сне*). Деми-плие! Деми-плие! Проходим, проходим, проходим!

Манифея (*во сне*). Жете, жете, жете!

Сцифероцида (*во сне*). Пуи, пуи, пуи!

Астарта (*во сне*). Бо-вуа, бо-вуа! Бо-вуа, бо-вуа!

Федор Апполинариевич. Разговоры во сне, легкий лунатизм, это наше наследственное! Прабабка наша Фатима, по крыше в одной ночнушке бегала. Зимой. Арии распевала. Вагнера Парцифаль все больше.

Сцифероцида (*во сне*). Шармант, шармант, шармант.

Манифея (*во сне*). Сил нет, больше не могу! Остановитесь, я больше не могу!

Сцифероцида (*во сне*). Еще четыре пролета!

Астарта (*во сне*). Девочки, у меня руки оторвались!

Сцифероцида (*во сне*). По локти?

Манифея (*во сне*). По самые плечи! Вдвоем мы не донесем.

Сцифероцида (*во сне*). Суровые нитки с цыганской иглой взяли?

Манифея (*во сне*). Забыли!

Астарта (*во сне*). Несчастный Андре, завтра бал, как он станет целовать мне руки!

Сцифероцида (*во сне*). У нас нет иного выхода, Астарта, ты должна вцепиться в шкаф зубами и донести до грузовика.

Астарта (*во сне*). А руки возьмем с собой?

Манифея (*во сне*). Я заверну их в газету. Мама пришьет дома!

Сцифероцида (*во сне*). Взяли, подняли, понесли! Шармант, шармант, шармант. Заноси направо, выше, еще выше, проходим, проходим!

Сафабель. Не обращай внимания, папа, читай, скоро это закончится.

Манифея (*во сне*). Есть! Прошли! Ура!

Астарта (*во сне*). Есть, готово, донесли!

Сцифероцида (*во сне*). Viva император!

Манифея (*во сне*). Viva император!

Астарта (*во сне*). Viva император!

Федор Апполинариевич. Ну слава Богу, угомонились. Страшно то как! Невыносимо!

Манифея. О, Петербург, как много в твоей роскоши больного, напускного тщеславия! Ты сводишь с ума своими роскошествами... дворцами и парками,

позолоченными куполами, львами и решетками. Город-нарцисс, склонившийся над невскою водою. Очнись, оторви взор от своего отражения, устрями взгляд в небо! Там в небесах плывут легкие облака, они как ласковые ягнята простодушны, нежны, кротки и самодостаточны! Петечка, будь ну хоть немножко скромнее.

Федор Апполинариевич. А девочка не без талантов! Бредит восхитительно!

Сафабель. Она называет Петербург Петечкой.

Федор Апполинариевич. Это обоятельно, это трогает.

Манифея. Ножки болят, и ручки. Мама! Мама!

Сцена десятая

Полдень следующего дня. Филеро собирается в издательство.

Сафабель помогает. Соломатин читает Золя, наблюдает.

Филеро. Ну что, звонить?

Сафабель. Звони!

Филеро. Кхм. (*Набирает, волнуется.*) Алле! Издательство? Приемная главного редактора? Здравствуйте, Зоя, это говорит Филеро фон Фарфаля. Я хотел бы переговорить с Рындиным, да, Михаилом Ивановичем. Благодарю. Жду. Михаил Иванович? Здравствуйте, да, Филеро, мы договаривались созвониться за час, на всякий случай. Да, да, верно, хорошо, мне удобно, да, Михаил Иванович, с удовольствием, с радостью, к половине третьего? Ну конечно, успею, благодарю вас, благодарю вас. Рындин ждет меня в половине третьего.

Сафабель. Мы не успеем тебя собрать, уже четверть второго.

Филеро. Пешедралом по Невскому. Семнадцать с

половиной минут.

Сафабель. Я приготовила тебе штрудель.

Филеро. Нет аппетита, дрожу.

Сафабель. Тебе нужны калории. Редактор станет смотреть тебе прямо в глаза.

Филеро. Очень волнительно, пища во мне не сварится.

Федор Апполинариевич. В издательство собираетесь? Роман отнести?

Филеро. Да собираемся, Федор Апполинариевич.

Федор Апполинариевич. Волнующая минута. Приятно будет идти по улице, смотреть на прохожих! Они не знают, кто мимо них шествует! Такое раз в жизни бывает. С первым романом в портфеле идти по Невскому и щуриться на солнце! Незабываемые минуты! Портфель-то у вас имеется?

Филеро. Разумеется.

Федор Апполинариевич. Именно с портфелем, с портфелем надоте-с идти по Невскому и держать его за ручку, ощущая тяжесть четырехсот страниц! Прохожие навстречу такие все замороченные, земные, с мятыми лицами, и не догадываются даже, что мимо них новый Гоголь шествует навстречу своему бессмертию!

Сафабель. Папа, ты плачешь?

Федор Апполинариевич. «Айсберг» гениальнейший роман. Новое слово в мировой литературе. Сенсация! Миллиардные тиражи в Европе и Америке, дорога на олимп, в империи, туда где на самой вершине человеческой цивилизации восседают Микеланджело и Гоголь! Феллини и Хемингуэй! Бетховен и Пушкин!

Входят Сцифероцида, Астарта. Они несут на руках Манифею.

Сафабель. Что случилось, девочки?

Сцифероцида. Папа! У нас горе!

Астарта. Мы Манифеечку подавили.

Сцифероцида. Роялем!

Сафабель. Девочка моя, моя маленькая, боже, какая бледная!

Филеро. До смерти, что ли?

Сцифероцида. На три четверти до смерти раздавили!

Сцифероцида. Левая ножка...

Астарта. Два раза хрустнула, папа.

Сцифероцида. Мы только что из травматического пункта.

Астарта. Вот принесли малышку.

Филеро. Где, где она, я хочу увидеть ее.

Сцифероцида. Где ж еще, папенька, вот она, перед вами.

Сафабель. Спит.

Астарта. После хлороформа.

Сафабель. Кладите ее на кроватку. Бедная моя деточка.

Филеро. Где же она? Где Манифея? На улице? В карете скорой помощи?

Сцифероцида. Вот она, папа, лежит перед тобой.

Филеро. Я не вижу ее!

Астарта. Как же не видишь — вот она, папа, она вся перед тобою распластанная!

Филеро. Вы что, разыгрываете меня? Здесь пусто!

Сцифероцида. Ну вот же!

Филеро. Это?

Сафабель. Да, Филеро, это она! Манифея!

Филеро. Это же пожарник.

Сафабель. Дорогой мой! Какой же это пожарник? Это наша Манифея.

Филеро. Какая Манифея? Манифея из Лондона или Манифея из Стамбула?

Сафабель. Наша Манифея! Манифея Фениция Венченция де Фонтенфайер фон Фарфалия Эпедокла! С нашей квартирки!

Филеро. Эпедокла?

Сафабель. Эпедокла!

Филеро. Я не вижу никакой Эпедоклы. Это же офицер с усами, а не девочка! А вот и лампасы на штанах!

Сафабель. Его разум отказывается понимать, что это его родная дочь!

Астарта. От горя сошел с ума!

Филеро. Это же не девочка, это наездник! Такими распластанными девочки не бывают! Это кавалерист Давыденко. А вот и шпоры на сапогах. Наверное, с лошади упал!

Астарта. Мама, уведите папу, он обезумел, у меня сердце кровью обливается!

Филеро. Это не моя дочь. Моя дочка не такая, она тонюсенькая, а это боксер, мастер спорта Куропатов, у него нокаут. Он лежит и не двигается. Вспрысните на него водой. Где рефери? Ушел за свежим карпом, куда? В гастроном?! Давайте я за рефери посчитаю. Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один!

Сцифероцида. Жалко папу, смотреть невозможно.

Сафабель. Как же так получилось?

Сцифероцида. Мы поднимали рояль на седьмой этаж.

Астарта. Манифеечка оступилась.

Федор Апполинариевич. Вот, во что ты превратила свою жизнь! Я предупреждал! Вот так и живи свою

несчастную жизнь, в кимвальной пустоте ее проживай!
Сафабель. Давайте, папа, не будем. Не та минута!
Надо ее переодеть. Все платьице в крови! У нас есть
другое платье?!

Сцифероцида. Да откуда же, мама?!

Сафабель. Будь проклята наша отчаянная бедность!

Астарта. Ничего, мама, есть наряд на завтра.

Сцифероцида. На мороженую треску. Двести ящичков
в порту.

Астарта. Справим Манифее платьице!

Манифея (*приходит в себя*). Не надо мне нового
платья, пятнышки уже подсохли. Папе купите белую
рубашку с парадным стоячим воротничком. Ему в
издательство ехать. И ботиночки купите ему новые!
Чтобы заглавному редактору понравилось. И еще, папа,
когда пойдешь к Рындиному, не брейся! Гениальные
писатели должны быть небритые, колючие.

Сафабель. Проснулась!

Филеро. Манифея, деточка! Как скажешь, я пойду
небритый.

Астарта. Он узнал ее!

Сцифероцида. Очнулся!

Федор Апполинариевич. Слава тебе господи!

Сафабель. Уже без четверти четырнадцать. Собирайся,
выходи. Опоздаешь!

Филеро. А как же Манифеечка?! Я не могу оставить ее.

Манифея. Ты иди, а я здесь пока полежу. Отдохну
немножко. Дайте мне таблетку. Чтобы не было больно.

(*Закрывает глаза.*)

Астарта. Она опять провалилась.

Сцифероцида. Пусть подремлет.

Сафабель. Собирайся, к Рындиному опаздывать нельзя!

Филеро. Верно, мне пора. Где мой роман?

Сафабель. Где ж ему быть? В верхнем ящике письменного стола.

Филеро. Я волнуюсь. Где ключ?

Сафабель. У тебя в кармане.

Филеро. Ну да, ну конечно, у меня в кармане. Ключ у меня в кармане. (*Смотрит на часы.*) Без пяти четырнадцать! Десять лет я писал книгу. Священная минута.

Филеро отпирает замок, выдвигает ящик.

Филеро. Моего романа здесь нет.

Сафабель. Как это — нет?

Филеро. А вот так. Я не вижу моего романа.

Сафабель. Я посмотрю.

Сцифероцида. И я.

Астарта. Ящик пустой.

Сафабель. Посмотри в портфеле.

Филеро. Но здесь был второй экземпляр, под копирку. Пропал.

Сафабель. Может, заблаговременно положил в портфель?

Филеро. В портфеле романа нет.

Сцифероцида. В шкафу!

Сафабель. И в шкафу нет!!!

Филеро. Сверяла перед сном и оставила под подушкой?

Астарта. Под подушкой чисто.

Филеро. А где же он, где мой «Айсберг»?

Федор Апполинариевич. Вашего романа в природе более не существует! Искать рукопись не имеет никакого смысла. Я сжег ваш роман!

Сафабель. Что?

Федор Апполинариевич. Сжег все до последней промокашки! Сам роман и черновики к нему. Растопил, расплавил я ваш «Апельсиновый айсберг»! В жестяном помойном ведре!

Филеро. Как это — сожгли, Федор Апполинариевич?

Федор Апполинариевич. А вот так это! Сжег, и амба! Сегодня ночью. Ночью, пока вы спали, перочинным ножом я вскрыл днище письменного стола, достал рукопись и спалил ее! Гениальный был роман! Горел превосходно!

Астарта. Какое злодейство!

Сафабель. Я не верю, папа, ты же в душе хороший!

Сцифероцида. Дедушка!

Федор Апполинариевич. Ах, как пылали союзы, предлоги, как корчились в огне глаголы. Прежде чем сжечь сердца людей, они сами первые заживо сгорели! Там, на лестничной клетке ведро. Полюбопытствуйте!

Филеро. Вы мерзавец, Федор, это же чистейшей воды злодеяние!

Сцифероцида. Это преступление!

Сафабель. Против своих детей и внуков.

Астарта. Против мировой литературы.

Федор Апполинариевич. Мелко берете, господа. Это преступление против истины, красоты и гармонии мира! «Айсберг» был великолепен! И еще доложу вам, мои дорогие Фарфалии, Сцифероциды, Астарты и Сафабели, что я здоров как конь! Не было у меня никакого апоплексического удара! Я его сочинил! Провели мы вас с Надеждой Юрьевной за нос! Последнюю перевозку свою я вам сам заказал! Не

было в моем чае пиона обыкновенного! Я все слышал, как дамы вошли, как тяжело дышали, спуская меня по лестнице к грузовику! Здоров я! А не верите, я вам сейчас чечетку сбацаю!

Бацает.

Сафабель. Как все это низко, как подло!

Федор Апполинариевич. И остаюсь, несмотря на все ваши старания, писателем номер один в Петербурге!

Сцифероцида. Вы гадкая ледяная медуза, Федор Апполинариевич!

Астарта. Какие писатели бывают противные!

Филеро. Что же, по-вашему, нам всю жизнь проживать в беспросветной нужде?

Федор Апполинариевич. Разумеется! В нищете и безвестности! До конца дней своих! В руинах от разрушенных надежд! Что ж, по-вашему, от меня в далекой вечности должно было остаться пустое место? Увы! Такого не будет! Огромный кусок звездного неба принадлежит лично мне! Бессмысленные вы люди! Мое высокое имя малиновым звоном будет звенеть в веках! И еще вот что я вам скажу! Никакие вы не Фарфалии, вы все до одного Косолаперы!

Соломатин уходит.

Сафабель. Он нас уничтожил.

Филеро. Размазал!

Астарта. До конца своей жизни будем грузить соль и цемент.

Сафабель. Станки и мебель!

Филеро. Запасные части для машин.

Сцифероцида. Буфеты.

Астарта. Кирпич и краску!

Сафабель. Рулоны с типографской бумагой!

Астарта. Уголь.

Сцифероцида. Дрова.

Филеро. Мешки с солью!

Манифея (*просыпается, поет*).

Красивый ветер на ветках уснул.

И желтый лист, и красный лист

Дрожали от холода, словно щенки,

В объятьях коварной тоски.

Астарта. Манифеечка проснулась.

Манифея (*маме*). Мама, отчего вы рыдаете?

Филеро. Лучше бы ты не просыпалась, милая Манифея.

Сафабель. Федор Апполинариевич сжег папин роман.

Мы все обречены.

Манифея. Сжег «Апельсиновый айсберг»?

Филеро. Спалил, дотла!

Сафабель. И черновики, и рукописи, и то, что было набело. Ни буквочки, ни одной запятой в живых не оставил.

Манифея. Подумаешь, мама, что сжег... ничего страшного. Поправимое дело!

Филеро. Как это понимать, красавица ты наша, что — ничего страшного?

Манифея. Только ты меня не ругай, папенька, дай слово, что ругать меня не станешь, тогда я объясню, отчего ничего страшного!

Филеро. За что ж мне ругать тебя, деточка! Я ни за что не стану тебя бранить!

Манифея. Вот вам моя история. Две недели тому назад папенька запер роман в верхний ящик своего

письменного стола, а ключ по рассеянности, по гениальности своей, на подоконнике оставил. Достала я роман из верхнего ящичка папиного письменного стола и втянулась, увлеклась чтением. Как вдруг зашел ко мне товарищ мой из шестого «Б» класса Боря Красновертов. А я, дуреха, решила показать ему произведение. Так понравился папин роман Боре! Дай, говорит, Манифеечка, мне еще прочесть! А я ему говорю: не могу, у нас дома всего один чистовой экземпляр, и роман папа уж десять лет пишет, из дома выносить не велел. А Боря говорит: «У меня дядя, Фил Матвеевич Мухин, на копировальном аппарате работает, на Малой Охте. Поехали мы к его дяде Филу Матвеевичу, в двух экземплярах скопировали бессмертное произведение, мне и Боре! Так что простите, милый папенька, свою непослушную и озорную дочку баронессу Манифею Феницию Венченцию де Фонтенфайер фон Фарфалия Эпедоклу.

Сафабель. А где же твоя копия, деточка?

Манифея. В моем портфеле школьном, в клеенчатом отделении лежит.

Сафабель бросается к Манифеевому портфелю.

Сафабель. Вот она, копия!

Сафабель. Рысью, барон, к редактору!

Астарта. Аллюром в три креста, папа! (*Ударение на завершающий слог.*)

Филеро выбегает с романом на улицу.

Сцена одиннадцатая

Многокомнатная квартира писателя Соломатина. Надежда Юрьевна моет окно. Федор Апполинариевич мыслит новый

роман.

Надежда Юрьевна. Лучше, чем газетой, стекло оконное ничем не моется. Я вас газетным скрипом, Федя, не сильно от работы отвлекаю?

Федор Апполинариевич. С точностью до наоборот! Люблю я газетный скрип. Послушайте, Наденька, какой монолог я спроецировал из головы на бумагу!

Надежда Юрьевна. Не обращайтесь внимания, что тружусь в поте лица своего. Я слушаю очень внимательно.

Федор Апполинариевич. Я припоминаю весною все свои влюбленности, но не душой, а скорее телом, то есть соматически. Все, что происходит с нами в жизни, как бы откладывается в туловище... в костях и лимфах! Именно таким макаром весна вторгается в каждую клеточку нашего организма! Она всего тебя берет в оборот! От макушки до пяток! От мизинца левой ноги до большого пальца правой руки. Ты весь звенишь! Как будто стоишь в центре космической стиральной машины! Весна тебя скребет и чистит! Хочется орать от счастья и бежать в небо по кипящим струям бытия!

Надежда Юрьевна. Гениально!

Федор Апполинариевич. Кон-конгениально! Наденька, именно... кон-конгениально!

Надежда Юрьевна. Вот отмою ваши окошки, они станут прозрачные, красивые, станут поглощать огромными порциями солнечный свет! И вы напишете новую повесть!

Федор Апполинариевич. Только смотрите... не простудитесь, Наденька, это первое весеннее тепло, оно коварное. Сидишь на лавочке, бывает, в скверике,

подставляешь себя теплему ветерку. А оно не теплый ветерок, а наоборот, ледяная кислота, ядовитая отравка!

Надежда Юрьевна. Не переживайте, Федор Апполинариевич. Под меня кофточка пододела!

Федор Апполинариевич. А вы не стесняйтесь, смелее! Я газетный скрип ужас как люблю. Только одно замечу... полчаса тому назад газета ваша как-то иначе скрипела.

Надежда Юрьевна. Это была другая газета. То была «Невские новости», а сейчас в моих руках «Ладожская правда».

Федор Апполинариевич. «Новости» скрипели как-то весело, легкомысленно, я бы сказал, черешнево.

Надежда Юрьевна. А «Правда» как скрипит, позвольте заинтересоваться?

Федор Апполинариевич. Эта как-то надрывно, как будто египетская плакальщица над гробом Аменхотепа, как будто мне что-то очень важное и трагическое рассказать желает. Дайте-ка, я загляну в газету.

Надежда Юрьевна. Читайте.

Федор Апполинариевич (*берет скомканную газету*). Что же ты мне хочешь рассказать, милая моя газета? Так-так, так-так! (*Разворачивает газету.*) «Ладожская правда» от 21 марта 2008 года. Смотрим. Клуб любителей скалолазания приглашает на новую отвесную стену. Ага. Вот! Новости литературы. «Небывалый успех нового произведения отечественной литературы. В издательстве «Гиперборей» вышел роман писателя Филеро фон Фарфаля «Апельсиновый айсберг». Роман выдвинут на Нобелевскую премию и переводится на 124 языка мира, в том числе на хинди

и бенгальский! Пятнадцатый тираж за три месяца! Критик Недотопорчук бежал по Мойке с воплями: «Новый Гоголь явился!» Бег редактора превратился в многотысячную процессию. Книги лидеров литературной гонки последних лет Соломатина, Трясунова и Ряхина, привычно занимающие в рейтингах продаж первые места, перестали продаваться и пылятся нетронутыми уже третий месяц. Эти грустные имена можно смело предать забвению и передать на хранение в литературный музей имени Афанасия Кукольника! Рядом с «Апельсиновым айсбергом» другие современные романы меркнут, как меркнет Луна на восходе Солнца!»

Надежда Юрьевна. Что с вами, Федор Апполинариевич?

Не качайтесь! Мне страшно!

Федор Апполинариевич. Стер, начисто стер, проклятый Косолапер! На Нобелевку заявили! Ничего не осталось более от моей жизни, ни-че-го! Белое пятно на белой бумаге. Вот что такое теперь моя жизнь! Невыносимо! Сердце останавливается! На меня наваливается гранитное петербургское небо!

Федор Апполинариевич сгибается в тоске надвое, скулит, рыдает.

Сцена двенадцатая

Шикарный загородный дом (почти дворец) всемирно известного петербургского писателя барона Филеро фон Фарфалия. Все шикарно: люстры, стены и дорогая мебель. Сцифероцида дает Манифее урок музыки за роялем. На всех Фарфалиях великолепные дворцовые наряды, засыпанные дорогими

каменьями.

Сцифероцида. Это Шопен. Так его играть нельзя.

Манифея. Расскажи, как именно, я сразу перестроюсь!

Сцифероцида. То шторм, то затишье! На контрастах! Особенно после цифры пять. Вот здесь, на третьей строке.

Манифея. После пять я талантлива опять.

Сцифероцида. Какая же ты хвастунишка, Манифея. Что же ты застыла, вступай!

Манифея. Начинать?

Сцифероцида. Погодите, мы тоже хотим прикоснуться. Мама! Мама! Манифея будет божественно музицировать! Все сюда!

Входят Филеро, Астарта, Сафабель. Рассаживаются.

Манифея. Не смотрите на меня, я волнуюсь. Смотрите в окно. Или на потолок!

Сцифероцида. Не обращай на них внимания, они тебя любят.

Манифея. Шопен такой трудный. Вступать?

Сцифероцида: Вступай, вступай!

Манифея.

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж... Королева играла — в башне замка — Шопена, И внимая Шопену, полюбил ее паж.

Вступает. Игрет Шопена. Манифея заканчивает.

Филеро. Доченька, это было великолепно!

Все (*аплодируют*). Bravo, bravo, bravo!

Сафабель. Я требую на бис.

В дверь звонят. Входит камердинер.

Камердинер. Надежда Юрьевна Кулакова. Собственной персоной. Просит милостиво принять ее.

Камердинер ударяет палкой о паркет.

Филеро. Велите войти.

Камердинер уходит, чтобы повелеть войти. Входит Надежда Юрьевна.

Филеро. Здравствуйте, Надежда Юрьевна, зачем пожаловали?

Надежда Юрьевна (*грубо заглядывая в шпиргалку*). Здравствуйте, барон Филеро фон Фарфалия, здравствуйте, Сафабель, я приветствую вас, юные баронессы Сцифероцида фон Фарфалия, Астарта Ферлопес Франческо Филеро, Манифея Фениция Венченция де Фонтенфайер фон Фарфалия Эпедокла.

Сцифероцида. Рассказывайте, с какой целью мы вам сегодняшним утром пригрезились?

Надежда Юрьевна. Какой великлепный дом. Шелковые обои! Амбир! Люстра — с ума можно сойти! Она одна всего Лувра стоит. Я давно не созерцала подобной дворцовой роскоши. Хотела на прошлой неделе сходить в Эрмитаж, на экскурсию, да все времени нету, а теперь и ненужно.

Манифея. Короче, тетя!

Манифея. Берите быка за рога, Надежда Юрьевна!

Филеро. Вы заехали проститься по дороге в Балаклаву?

Надежда Юрьевна. Нет у меня родственников в Балаклаве! И никогда не было! Я прежде мелко лгала, а нынче стала другим человеком. Жизнь меня поправила своей железной рукой. Я хотела бы заказать перевозку.

Филеро. Что именно вы хотели бы перевезти?

Надежда Юрьевна. Ваш дедушка Федор Апполинариевич желает перевезтись своею собственной персоной.

Филеро. Но наша транспортная компания не занимается перевозкой бывших в употреблении злых эгоцентричных самодуров...

Сафабель. И тщательно забытых литераторов.

Надежда Юрьевна. А что же вы перевозите?

Сафабель. Птичек, если им надоело сидеть в клетках.

Манифея. Мы перевозим их прямо в небо.

Сцифероцида. Мячи для лаун-тенниса.

Астарта. Первозим их через сетку.

Сафабель. Бутылочное стекло.

Манифея. Шлифованное морем.

Манифея. Первозим в дырявых от счастья карманах.

Филеро. Мы доставляем письма.

Сафабель. Но только те, в которых есть признания в любви.

Астарта. Но хищных животных...

Филеро. И одержимых манией величия писателей...

Манифея. Мы не перевозим.

Надежда Юрьевна. Но Федор захотел, чтобы именно вы его перевезли.

Манифея. В Петербурге полным-полно компаний по перевозке вторсырья.

Филеро. Они с удовольствием возьмутся за любую работу, только бы заплатили.

Надежда Юрьевна. Сжальтесь над стариком. Это его последнее пожелание. Он очень плох, он на предпоследнем издыхании.

Сафабель. А куда же он просит себя перевезти?

Надежда Юрьевна. Понятия не имею, он вам все расскажет, он знает куда.

Манифея (*надменно*). А что же мы укажем в квитанции, если заказчик не предоставляет сведений о том, куда надобно отвезти?

Филеро. Хорошо. Доставим. Когда нужна перевозка?

Надежда Юрьевна. Завтра. Ночью. Дело срочное. У вашего родственника стремительно падает самочувствие.

Сцифероцида. Вы только вспомните, папа, какой дедушка ужасный человек, и как он захотел всех нас погубить. А главное погубить великий роман созданный для всего Человечества. Мне ужасно, ужасно, ужасно как не хочется видеть его!

Астарта. И мне не хочется!

Манифея. И мне!

Филеро. Перевезем! В самом лучшем виде перевезем, Надежда Юрьевна!

Сцифероцида. Папа, папа!

Астарта. Отчего ты такой великодушный

Манифея. Так не надо!

Филеро. Тише вы, ишь, раскудахтались!

Надежда Юрьевна. Благодарствуйте, барон! Благодарствуйте!

Надежда Юрьевна уходит.

Сцена тринадцатая

Перевозка № 3 (заключительная).

Квартира Соломатина на Литейном. Федор Апполинариевич сидит у окна. Любуется ветром. Входит Надежда Юрьевна.

Федор Апполинариевич. Где они, Наденька?

Надежда Юрьевна. Вошли, идут по коридору.

Федор Апполинариевич. Все?

Надежда Юрьевна. Все до одного. В полном составе.

Входят Фарфалии.

Федор Апполинариевич. Доброй ночи, господа!

Филеро. Доброй ночи, Федор Апполинариевич!

Федор Апполинариевич. Оставьте нас наедине, Надежда Юрьевна.

Кулакова сходит на нет.

Федор Апполинариевич. Дамы и господа, леди и джентльмены! Фрейлины, баронессы, графини! Я нижайше прошу вас о последней в своей жизни перевозке!

Филеро. А куда бы вы хотели, чтобы вас перевезли?

Федор Апполинариевич. Никуда! В Абсолютное Ничто! В Зиро! Я навсегда ухожу из этого мира.

Филеро. Но мы никогда не доставляли грузы в Ничто! Это не наша эстетика. Цветы, бархат, кресты, ангелы, туман над гранитными плитами!

Сафабель. Потом... мы не знаем, где находится это Ничто.

Федор Апполинариевич. Не беспокойтесь, я покажу вам дорогу. Это недалеко.

Филеро. Хорошо. Мы сделаем то, о чем вы нас просите.

Федор Апполинариевич. Еще у меня есть одно горячее желание. Именно это желание заставило меня обратиться именно в вашу контору, барон.

Филеро. Я внимательно слушаю вас.

Федор Апполинариевич. Я хотел бы поцеловать руки,

которые понесут меня.

Филеро. Натруженные и нежные руки юных баронесс?

Федор Апполинариевич. О да. Это самое горячее мое пожелание. Я хотел бы поцеловать руки Сафабель, Сцифероциды, Астарты и Манифеи!

Сцифероцида. О! Неслыханная наглость!

Сафабель. Что за вольности себе позволяет этот простолюдин!

Манифея. Пусть лучше палач отрубит мне мои ручки! Чем я отдам их ему лобызать.

Астарта. Какой позор!

Сцифероцида. Да как он смеет!

Филеро. Мы выполним ваше первое желание, мы вас перевезем в Никуда. То, что касается второго желания, наш вердикт... увы! Это невозможно!

Федор Апполинариевич. Но почему?

Филеро. Руки баронесс могут целовать только представители высочайшего света, только дворяне вселенной. Вы не принадлежите к знати и не являетесь Аристократом Духа! У вас нет титула.

Федор Апполинариевич. В таком случае могу ли я вас просить о даровании мне титула?

Сафабель. Нет, это невозможно.

Федор Апполинариевич. Ну хотя бы какогонибудь завалящего помещика.

Манифея. Увы.

Федор Апполинариевич. Но я столько времени отдал изящной словесности.

Манифея. Ваша словесность была, увы, не совсем изящна.

Федор Апполинариевич. Вы имеете в виду слог или размер или тему?

Манифея. Нет, я имею в виду нечто совершенно незримое.

Астарта. Тонкое.

Сцифероцида. Невидимое.

Сафабель. Ускользящее.

Филеро. Утоньченное.

Сцифероцида. То, что мы называем поэзисом.

Манифея. В вашей словесности не было священного поэзиса.

Федор Апполинариевич. Что же такое поэзис?

Манифея. Это магический момент перерождения.

Астарта. Выход мотылька из кокона.

Сцифероцида. Вызревание зерна.

Сафабель. Таяние снега.

Манифея. Прикосновение к тайне мироздания.

Филеро. Итак. Вы готовы к последнему в своей жизни путешествию?

Федор Апполинариевич. Да.

Филеро. Что вы возьмете с собой?

Сафабель. Может быть, комод?

Сцифероцида. Или японскую чашку?

Астарта. Или письменный стол?

Манифея. Может, чековую книжку?

Астарта. Вид из окна?

Сцифероцида. Громкое имя?

Федор Апполинариевич. У меня нет больше громкого имени. Мои произведения забыты. Мое имя ничего не значит. Оно пустое, полое. как бутылка. Я хочу пуститься в это путешествие налегке. Без банковского

счета, любимого шифоньера и письменного стола.

Филеро. Это мудрое решение.

Сафабель. Это красивое решение.

Сцифероцида. Это изысканно.

Астарта. Ну что ж, давайте перейдем к делу!

Сафабель. Вы готовы, папа?

Федор Апполинариевич. От волнения немного ослабло дыхание. Да, готов.

Федор Апполинариевич ложится в кровать.

Филеро. Ну что ж, превосходно!

Сафабель. Один час.

Сцифероцида. Восемнадцать минут.

Астарта. От полуночи.

Манифея. По подоконнику стучит глухой осенний дождик.

Филеро. Свет горит в прихожей.

Сафабель. На полу лежит брошенная книга.

Сцифероцида. Рядом стоит наполовину пустой стакан с водой.

Астарта. На прикроватной тумбочке телефон и старые рецепты.

Манифея. По потолку поехал прямоугольник света.

Сафабель. Тяжело и грустно вздохнул ветер, оконное стекло едва прогнулось и заскрипело.

Федор Апполинариевич. Ну, с Богом!

Филеро. Все вместе. Дружно!

Федор Апполинариевич. Манифея, ты здесь?

Манифея. Я рядом, Федя, я здесь!

Федор Апполинариевич. Можно я только один мизинчик поцелую на левой твоей руке, я едва коснусь его губами?

Манифея. Целуй деда. Ладно уж, так уж и быть уж.

Соломатин целует мизинчик на руке внушки.

Филеро. Дружно! Взяли! Подняли! Понесли!

Все (*поднимают, несут*). Шармант, шармант, шармант! Ровненько, девочки, аккуратненько, ровненько несем! Шармант, шармант, шармант!

Сафабель. По коридору направо!

Филеро. Проходим, проходим, проходим! Деми-плие! Деми-плие! Па-де-буре! Жете, жете, жете!

Сафабель. Пуи, пуи, пуи!

Сцифероцида. Аккуратнее! Очень узкая дверь! Спокойно,

плавно, прямо, Астарта, на себя! Есть! Прошли!

Манифея. Viva Астарта!

Сафабель. Viva Манифея!

Астарта. Viva Сцифероцида!

Филеро. Вниз по ступенькам, смотрите под ноги, здесь темно, не торопитесь! Шармант! Шарамант! Шармант! Бо-вуа, бо-вуа! Бо-вуа, бо-вуа! Тандю, тандю, тандю! Жете, жете! Есть! Прошли!

Манифея. Viva Боря Красновертов.

Сафабель. Viva Фил Матвеевич Мухин!

Манифея. Viva Клара Абрамовна Пульмахер!

Сафабель. Выносим на улицу! Вдоль по тротуару! Скользко, аккуратно — лужа!

Филеро. Шармант! Шарамант! Шармант! Легче, легче!

Сцифероцида. Бо-вуа, бо-вуа! Бо-вуа, бо-вуа! Жете, жете!

Филеро. Шармант! Шармант! Шармант! Отлично несем! К грузовику! Поднимаем! Ставим на кузов!

Сафабель. Поставили! Bravo!

Манифея. Viva Лео Толстой!
Астарта. Viva Уильям Блейк!
Филеро. Viva Фолкнер!
Сцифероцида. Viva Достоевский!
Филеро. Viva Пушкин и Дефо!
Сафабель. Viva Тютчев и Заболоцкий!
Филеро. Все по местам! Поехали!!!
Сафабель. Viva император!
Сцифероцида. Viva императрица!
Астарта. Viva император!
Манифея. Viva император!

Занавес.

Информация для участников сценического фестиваля детских (школьных) и юношеских театральных коллективов «Живая Книга» имени В.К. Бегунова 2023 года.

1. Сроки подачи заявок на участие в сценическом фестивале до 15 октября 2023 года. Заявки подаются в произвольной форме путем направления письма по адресу: agacher.bragbook@gmail.com.
2. Сроки проведения сценического фестиваля октябрь-ноябрь 2023 года. Место проведения — Московский Дом Книги на Арбате в соответствии с решением жюри фестиваля. Объявление номинантов. Вручение призов.
3. В фестивале могут участвовать любые детские, школьные и юношеские театральные коллективы путем направления заявки в произвольной форме в адрес жюри фестиваля.

Нина МАЗУР

БЫТЬ?

«**БЫТЬ**»... Название 24-го Международного фестиваля монодрамы, который состоялся в городе Битола (Северная Македония) в мае этого года, может на первый взгляд показаться претенциозным. Однако после просмотра и осмысления фестивальной программы отсылка к гамлетовскому монологу обнаруживает иное, не шекспировское содержание. Здесь нет размышления над экзистенциальным выбором; жестокие решения принимают другие, а человек решает для себя: «**быть – вопреки**»...

Отстаивание права на простое человеческое счастье, - да, собственно, на саму жизнь, - и явилось тем глубинным течением, которое вело фестивальный корабль все эти дни.

Итальянец **Сальваторе Арена** (театр Мана Чума, Калабрия), получивший награду в номинации «Лучший актер фестиваля», уже при первом появлении на сцене словно отсылает нас к временам итальянского неореализма; его манера игры родом оттуда. Кому нужен «маленький человек»? **«Маленькое зернышко песка»** (именно так называется спектакль), 18-летний Джузеппе Гулотта попадает в равнодушные жернова коррумпированной системы. Откуда ждать спасения? Цинично осужденный за убийство, которое совершили другие, Джузеппе решает «быть». Через 36 лет ада он добьется пересмотра дела и реабилитации. Но кто вернет человеку потерянную жизнь?...

Куда нас ведут, есть ли спасение? Этот вопрос отчаянно выкрикивают молодые герои еще двух спектаклей: македонского и эстонского. Географическая отдаленность не отменяет общности проблем. В поисках ответа театры обращаются к прошлому: спектакль Битолского Народного театра (Северная Македония) **«Когда цветут тыквы»** - к эпохе распада Югославии, а **«Беглец»** театра Р.А.А.А.М. из Эстонии – к более далеким временам крепостного права.

Герой македонского спектакля - молодой боксер, не предполагавший, что спорт, которому он фанатично предан (о спорт, ты – мир!), в реальности не уберезет от необходимости убивать. **Кристиан Танчевски**, с предельной самоотдачей существующий на сцене, показывает, как война настигает его героя и делает его убийцей поневоле. Мир не таков, каким кажется. Боксерские груши, свисающие над сценой, на самом деле – мешки с камнями, и нож вспарывает их один за

другим... Мирная жизнь, родительский дом, любовь, вера в себя, надежда на будущее, - все рассыпается, превращается в беспорядочную грудку камней... Только ли Балканы рушатся? Развалины множатся...

Что делать крестьянскому парню, в порыве праведного гнева убившему ненавистного помещика? Конечно, бежать. Да вот бежать некуда... Эстонский актер **Кристо Вийдинг** (автор пьесы Иан Каплински, режиссер Мадис Калмет) выразительно показывает, как беглец снова и снова переходит от надежды к отчаянию. Где место загнанному зверю? – В лесу, конечно. Там свобода, там не действуют людские законы. Но в том-то и дело, что беглец – не зверь, а человек. И он не может смириться с тем, что ему отказывают в праве на человеческое достоинство. «Я не хотел его убивать», - повторяет Беглец, запертый преследователями в сарае. «Или хотел?» Вновь и вновь проживая цепь событий, приведших его в безвыходную ситуацию, Беглец все же

находит выход из несвободы в свободу, - выход в смерть. Он поджигает сарай. Живым его не возьмут...

Тема тотальной несвободы обретает особое звучание в авторском спектакле «Сундук» Ментора Зимберай из Косово. Молодой человек покинул родительский дом в поисках работы, стал нелегалом, попал в тюрьму, и после многих лет вернулся домой, но уже не застал никого в живых. Он открывает старый сундук, как ящик Пандоры, - там хранятся воспоминания, которые лучше не трогать. Вынимая из сундука предметы, дорогие сердцу, герой спектакля обращается к тем, кого уже нет, раскрывая перед нами обстоятельства их преждевременной смерти. И на наших глазах актер меняется, превращаясь из реального персонажа в

трагического клоуна. Это не человек в клоунской маске, это клоун – марионетка. У него нет собственной воли, им управляют. Теперь открытый сундук – как отверстый зев гроба. Туда опускается маленькая кукла, точная копия клоуна-марионетки, - и много таких кукол может поместиться в сундуке... Для скольких предназначена его зияющая пустота? На что опереться человеку? И в надвигающейся тьме начинает звучать женский голос, поющий песню без слов... Мелодия Балкан, голос родины, единственный и вечный...

Существует ли он, зов родины, или это выдумка романтиков? Может, свобода и счастье где-то там, вдали от нее? Об этом – спектакль **«Торонто Экспресс»** македонского актера **Александра Микича** (Национальный театр, Скопье) в постановке Иордана Симонова, по тексту Зорана Спасова. В руках у зрителей - программки, на которых написано «Сертификат на эмиграцию». С изрядной долей юмора (не без горькой иронии) рассказывает немолодой актер о приключениях (злоключениях?) македонского эмигранта и его семьи, переехавших в Канаду. Повествует от первого лица, в форме, близкой к «стенд ап». Зритель смеется, безусловно верит актеру и получает ответ, идентичный чеканной формулировке Еврипида: *«Не дай Бог искать нам хлеба в пустыне чужого неба»*.

О тщетных поисках чуда и человеческой наивности повествует вместе с Дарио Фо в спектакле **«Мистерия Буфф»** Дражен Шивак (Загреб, Хорватия, постановка Ли Делонга). Средневековый странствующий актер, в прошлом крестьянин, надеявшийся на справедливость

и обманутый в своих ожиданиях, делится со зрителем причудливыми перипетиями своей судьбы. Актер мастерски переходит от комической интонации к трагической. Что ж, прав был Пушкин: *«Нет правды на земле, но нет ее и выше»...*

Вглядываться в прошлое, чтобы осмыслить настоящее... Автор текста и режиссер из Сербии Желько Хубач так говорит о героине спектакля **«Чучук Стана - сербка и гречанка»** (Национальный театр «Зоран Радмилович»): *« Она не только сербская героиня времен восстания против турок, но и женщина, которая своими поступками, не имеющими равных в сербской истории, явилась фактически первой сербской феминисткой»*. А актриса **Наташа Петрович**, воплотившая в спектакле образ Станы, добавляет: *« Я*

счастлива, что имею привилегию играть монодраму о женщине - героине, родом из моего края». Казалось бы, простыми средствами, реалистично, без сценических метафор, существует актриса на сцене. Ее Стана пришла к могилам дорогих людей, храбрых мужчин-воинов. Покосившиеся кресты, спокойная и сильная женщина в черном... И грозное высокое небо за ее спиной... Воины покоятся в горах, над ними – высота небес, под ними - глубина горных пропастей. А рядом с ними – эта женщина, воплощенная память...

К памяти о прошлом обращается и спектакль из Израиля **«Моя мать была секретаршей Менгеле»** (Камерный театр, Тель-Авив). Текст написал Якоб Бучан, - это его мать на самом деле была секретарем у фашистского врача-садиста Менгеле. В тексте пьесы речь не о сыне, а о дочери, - возможно, автору так было проще дистанцироваться от событий. Режиссер Хана Вазана-Гринвальд и актриса **Хадар Галрон** исследуют боль второй генерации выживших после холокоста. 45-летняя героиня осознает, что, в сущности, не жила; травмированная психика создала в душе Тами некую черную дыру, в которой исчезает любая попытка стать счастливой. Невидимые раны не заживают, и забывать о прошлом недопустимо, - взывают к нам создатели спектакля. Прошлое имеет свойство повторяться...

Награду за лучшую режиссуру получил спектакль, исполненный женщиной и срежиссированный мужчиной. Собственно, жаль, что на фестивале не предусматривалась награда за творческий тандем. Ибо **«Кровавая свадьба»** по Ф.Г. Лорке (Театр Абrego,

Испания) однозначно заслужил бы ее. Режиссер **Пати Доменек** и актриса **Мария Видал** создали зрелище очень театральное, многозначное, ярко национальное и одновременно не нуждающееся в переводе. Мать, Невеста, Луна, - трагические образы метафоричной поэзии Лорки подвластны маленькой хрупкой женщине с нежным именем Мария. Образный строй спектакля режиссерски четко выстроен, оставаясь одновременно логичным и непредсказуемым, объяснимым и загадочным. Пение, фламенко, современный танец, видео, слово, - образуют гармонию, призванную прикоснуться к главным тайнам бытия: Любви и Смерти.

Гран При фестиваля получил спектакль «**Кто я?**» (Центр монодрамы, Улан-Батор, Монголия), исполненный молодой актрисой **Янджиндулам Рагкасурен** (автор и режиссер Б.Батделгер). Самоидентификация женщины и осознание ею своей

значимости – в семье, в обществе, в мире... Проблема, очевидно не потерявшая актуальности. Красавица-монголка отыгрывает мельчайшие оттенки чувств своей героини. Вот она в старинном одеянии мечется

в условном шатре, как в клетке, - диковинная птица, созданная для свободы... Вот она в современной одежде баюкает дитя, - а клетка все та же... Но, быть может семья и рамки, налагаемые ею, - и не клетка вовсе, а долг, данный женщине природой, и освященный любовью? И свобода – не вне, а внутри нас?

Вопросы, вопросы...

Фестиваль утверждает: надо искать ответы, бороться, противостоять и созидать.

«БЫТЬ».

Л е г к о е о б а я н и е а р и с т о к р а т и и

Алан МИЛН

В переводе Виктора ВЕБЕРА

ТРЕУГОЛЬНИК КЭМБЕРЛИ

Действующие лица

Кейт Кэмберли.

Сирил Норвуд, ее любовник.

Деннис Кэмберли, ее муж.

Горничная (эпизодическая роль).

Вечер в гостиной Кейт. 1919 год. Кейт ожидает Норвуда. Занавес поднимается в тот момент, когда горничная объявляет о его прибытии.

Горничная. Мистер Сирил Норвуд.

Он входит.

Норвуд (*явно произносит свою реплику с тем, чтобы не ставить горничную в неудобное положение, но можно не сомневаться, что она и так все знает*). О, добрый вечер, миссис Кэмберли!

Кейт. Добрый вечер!

Они пожимают друг другу руки. Норвуд, в костюме и белой жилетке, выглядит холемым и преуспевающим. Он вполне привлекателен, что подчеркивают его совершенно определенного типа усы. Большинству женщин он нравится – во всяком случае, сам он полностью в этом уверен.

Норвуд (*стоит им остаться наедине*). Дорогая моя!

Кейт. Сирил!

Он берет ее руки и расцеловывает их. Готов осыпать поцелуями

и ее лицо, но она не вполне расположена к этому.

Норвуд. Вчера ты позволяла целовать тебя. Что изменилось сегодня?

Кейт. Не сейчас, милый. Я хочу поговорить. Присаживайся.

Они садятся на диван.

Норвуд. Ты не сожалеешь о том, что сказала вчера?

Кейт (*задумчиво смотрит на него, качает головой*).

Нет.

Норвуд. Так что же стряслось?

Кейт. Я только что получила письмо от Денниса.

Норвуд (*встревоженно*). Деннис - это твой муж?

Кейт. Да.

Норвуд. Откуда он написал?

Кейт. Из Индии.

Норвуд. Допустим.

Кейт. Он пишет, что скоро будет дома. Сразу после того, как придет письмо.

Норвуд. Святой Боже!

Кейт. Да...

Норвуд (*с надеждой*). Может, он опоздал на свой пароход? Он наверняка прислал бы телеграмму с полпути.

Кейт. Шансы невелики. Что же нам делать, Сирил?

Норвуд. Ты отлично знаешь, что я отвечу. (*Он берет ее за руки.*) Давай просто сбежим, ты и я!

Кейт (*с сомнением*). Чтобы Деннис вернулся в пустой дом?

Норвуд (*нетерпеливо*). Ты ему не нужна, и он не нужен тебе. Спешный брак по случаю мобилизации! После недельной помолвки! Сорок восемь часов вместе, его

отправляют на фронт – и с тех пор вы не виделись.

Кейт. Да. Про себя я повторяю это снова и снова.

Норвуд. Формально вы муж и жена, но ведь ты совсем его не знаешь. Он уже даже не тот парень, за которого ты вышла замуж. Незнакомец, которого ты можешь и не узнать. И ты уже не та девчонка, на которой он женился. Теперь ты женщина, которая только начинает узнавать, что такое любовь. Пойдем со мной.

Кейт. Это правда, это все правда. Но он сражался за нас. И вот он возвращается домой после четырех лет изгнания только для того, чтобы...

Норвуд. Изгнание – это уже чересчур. Он благополучно прошел войну и, вероятно, неплохо провел время.

Откуда мы знаем, сколько интрижек у него было за это время – может, не меньше полдюжины. Индия! Тебе определенно стоит почитать Киплинга.

Кейт. Я не могу решиться. Конечно, ты прав, я совсем не знаю его. Но я чувствую, что нам обоим будет легче, если мы откровенно расскажем, что произошло за время его отсутствия. Может, он даже порадуетя за нас.

Норвуд (*с беспокойством*). Дорогая, не думаю, что это та тема, которую можно спокойно обсудить с мужем, пусть он... Мы не хотим никаких проблем, и... э-э-э... (*Снова берет ее за руки*) И потом, ты нужна мне, Кейт. Может, до его возвращения остается еще несколько недель. Мы не можем вечно... Кейт!

Кейт. Ты так сильно меня любишь?

Норвуд. Единственная моя!

Кейт. Что ж, давай подождем до конца недели. Я не хочу, чтобы показалось, будто я сбежала в ужасе.

Норвуд (*нетерпеливо*). А потом?

Кейт. А потом я уйду к тебе.

Норвуд (*заклячая ее в объятия*). Милая моя! ...Вот! А что теперь? Позволишь мне остаться на ужин, нет?

Кейт. Конечно, нет, сэр. Этим вечером у меня уже назначена встреча.

Норвуд (*ревниво*). С кем?

Кейт. С тобой.

Норвуд (*нетерпеливо*). В нашем маленьком ресторанчике? (*Она кивает.*) Ты моя хорошая! Тогда ступай и выбери шляпку, а я пока позвоню и узнаю, остался ли у них свободный столик.

Кейт. Как здорово! Я мигом. (*Она направляется к двери.*) Сирил, ты ведь всегда будешь меня любить?

Норвуд. Конечно, глупышка. (*Она кивает ему и выходит. Наедине с самим собой он кажется еще более самодовольным. С улыбкой идет к телефону.*) Джеррард – 11 001. Да... Мне нужен столик на двоих. Сегодня вечером... Мистер Сирил Норвуд... Да, примерно через полчаса... Да, на двоих. Все в порядке?.. Спасибо. (*Он вешает трубку, оборачивается и видит Денниса Кэмберли, который только что вошел. Деннис, вне всякого сомнения, выглядит как новый хозяин положения, держится легко и уверенно, готовый подчинить своей воле каждого, кто станет у него на пути.*)

Норвуд (*удивленно*). Добрый вечер.

Деннис (*любезно кивая*). Здравствуйте!

Норвуд (*пытаясь понять, кто перед ним*). Вы... э-э-э?..

Деннис. Буквально только что зашел, мистер Норвуд.

Норвуд. Вы знаете мое имя?

Деннис. О да, я много слышал о вас, мистер Сирил

Норвуд.

Норвуд (*натянуто*). Э-э-э, не вполне уверен, что имел удовольствие...

Деннис (*победоносно*). Но я даже не сомневаюсь, что вы много слышали обо мне.

Норвуд. Боже милостивый, что вы имеете в виду?

Деннис. Именно это. (*Кланяется.*) Деннис Кэмберли, пропавший муж. (*Многозначительно.*) Вы слышали обо мне, верно?

Норвуд. Я... э-э-э... Мистер Кэмберли, да, конечно. Значит, с возвращением?

Деннис. Да, я вернулся. Бывает, с войны не возвращаются, мистер Норвуд, но иногда все же возвращаются... Пусть и спустя четыре года... Но вы ведь иногда вспоминали обо мне?

Норвуд. Откуда вы знаете мое имя?

Деннис. Да начирикала одна маленькая птичка.

Норвуд (*в гневе отворачиваясь*). Ух!

Деннис. Одна из тех маленьких восточных птичек, что садятся на спины крокодилов в поисках... Ну, допустим, завтрака. И вот однажды утром она и говорит: «Кстати, о паразитах, вы знаете мистера Сирила Норвуда?

Потому что у меня есть пара занятных историй о нем, если вам, конечно, интересно». Вот прямо так она и прочирикала.

Норвуд (*яростно, оборачиваясь*). Послушайте, сэр, давайте поговорим откровенно. Я не потерплю никаких завуалированных оскорблений и насмешек. Признаю, сложилась непростая ситуация, но давайте смотреть фактам в лицо. Положим, вы законный муж миссис Кэмберли, но вы не виделись четыре года, а мы... Мы

любим друг друга. Вот так обстоят дела. Что думаете?
Деннис (*встревоженно*). Вам ведь не кажется, что я не уделял ей достаточно внимания? Видите ли, я был в местах, откуда не так просто вырваться домой на выходные, так что...

Норвуд. И что же вы собираетесь делать?

Деннис (*любезно*). А какие есть идеи?

Норвуд (*застигнутый врасплох*). На самом деле, сэр, я...
 Э-э-э...

Деннис. Видите ли, я порядком оторвался от цивилизации. Последние четыре года провел в таких диких, отвратительных условиях, что уже с трудом соображаю, что к чему. А вы, в свою очередь, возвращаетесь в высшем обществе... Занимаетесь боеприпасами...

Норвуд (*натянуто*). Я выполнял важные поручения правительства, носящие конфиденциальный характер...

Деннис. Вот-вот, вы, как я уже упомянул, возвращались в высших сферах, выполняя важные поручения правительства, носящие конфиденциальный характер...

Норвуд. Я очень сожалел и сожалею, что мне не выпало возможности попасть в боевые части...

Деннис. Именно, я как раз хотел добавить, поскольку вам не представилось возможности попасть в боевые части, но, к счастью для вас, выпали многочисленные возможности заняться любовью с моей женой.

Норвуд. Послушайте, мистер Кэмберли, я ведь уже сказал вам...

(Входит Кейт, держа по шляпке в каждой руке, она окликает Норвуда на ходу.)

Кейт. Ах, Сирил, которая из этих... *(в этот момент она*

видит своего мужа.) Деннис!

Деннис (*пристально глядя на нее*). Как обстановка, Кейт?

Кейт (*заикаясь*). Т-т-ты – ты вернулся? (*Шляпки падают на пол.*)

Деннис. Да, я вернулся. Как раз обсуждаем это с мистером Норвудом.

Кейт (*переводя взгляд с одного на другого*). Ты?..

Деннис (*улыбаясь*). Да, мы уже почти что давние друзья.

Норвуд (*подходит к ней*). Я все рассказал ему, Кейт.

(*Он берет ее за руки и пытается смотреть на Денниса вызывающе, что выходит не слишком убедительно.*)

Кейт (*с тревогой глядя на Денниса*). Что ты собираешься делать?

(*Она с видимым напряжением вглядывается в него.*

Он сильно отличается от человека, которого она последний раз видела четыре года назад.)

Деннис. Вот и Сирил спрашивает меня только о том же.

(*Обращаясь к Норвуду*) Вы ведь не возражаете, если я буду называть вас Сирил? Вы давно знакомы с моей женой...

Кейт (*похоже, она так и не признала знакомых черт*).

Деннис! (*Она явно напугана.*)

Норвуд (*успокаивающе*). Все в порядке, милая.

Деннис. Давайте присядем и обсудим все по-человечески.

Кейт (*подходит к нему*). Деннис, сможешь ли ты когда-нибудь простить меня? Нам не следовало жениться...

Мы так мало знали друг друга... Тебе пришлось уехать так скоро, а я... Я собиралась написать и рассказать тебе... Ах, я бы так хотела...

Деннис. Все в порядке, Кейт. (*Не позволив ей подойти слишком близко, отступает назад и оглядывает ее с головы до ног.*) Ты изменилась.

Кейт. В том-то и дело, Деннис. Я уже не та девушка, которая...

Деннис. Ты стала на четыре года моложе и на четыре года красивее.

Кейт (*опуская глаза*). Правда?

Деннис. Да... У тебя другая прическа.

Кейт (*удивленно*). Тебе нравится?

Деннис. Очень.

Норвуд (*кашлянув*). Так что ж, возможно, нам лучше...

Деннис (*вздвигнув*). Прошу прощения, Сирил. На мгновение я забыл о вашем существовании. Да, присаживайтесь. (*Норвуд и Кейт садятся на диван, но Деннис остается стоять.*) Отлично.

Кейт. Точно?

Деннис (*обращаясь к Кейт*). Итак, ты хочешь выйти за него?

Норвуд. Мы уже изложили вам ситуацию, мистер Кэмберли. Едва ли мне нужно говорить, как жаль, что... э-э-э... Но поскольку... э-э-э.. Все уже произошло...

Кейт. Мне кажется, что я совсем не знаю тебя, Деннис. Любила ли я тебя, когда мы поженились? Теперь уже непонятно. Все произошло так спонтанно. У нас и времени не было толком познакомиться. А теперь ты возвращаешься... Чужой человек...

Деннис (*кивок в сторону Норвуда*). А он для тебя не чужак, верно?

Кейт (*опуская глаза*). Д-да.

Деннис. Думаешь, знаешь его как облупленного?

Кейт. Я... Мы... *(Она сникает.)*

Норвуд. Мы любим друг друга. *(Берет ее за руки.)*

Милая моя, это все так тяжело для тебя. Позволь мне—
Деннис *(резко).* Это не было бы так тяжело, если бы вы перестали морочить ей голову. Какого черта вы не сели отдельно, на стул?

Норвуд *(возмущенно).* Ну право же!

Кейт *(освобождаясь от него, отодвигается на край дивана).* Что ты собираешься делать, Деннис?

Деннис *(задумчиво смотрит на них, подперев подбородок рукой).* Вот думаю... Выбор непрост. Не хотелось бы устраивать мелодраму. *(Обращаясь к Кейт.)* В смысле, не пристрелить же его на месте, в конце концов?

(Кейт молча смотрит на него, пытаясь понять незнакомца, ворвавшегося в ее жизнь. Норвуд нервно сглатывает, порываясь что-то сказать.)

Норвуд. Я... Я...

Деннис *(поворачиваясь к нему).* Вы согласны со мной, верно?

Норвуд. Я... Я...

Деннис. Да, я совершенно уверен, что вы согласны. Так дела не делаются. Трудный выбор, как я уже сказал. Видишь ли *(обращаясь к Кейт),* ты любишь его... *(Он выжидает мгновение, чтобы дать ей время согласиться, но она только молча смотрит на него.)* А он утверждает, что любит тебя, но вместе с тем я твой муж... *(Он задумчиво ходит взад-вперед, а потом вдруг говорит, обращаясь к Норвуду.)* Вот что я вам скажу... Я буду драться за нее.

Норвуд *(стараясь говорить твердо).* Полагаю, мы

обойдемся без этой ерунды из восемнадцатого века.

Деннис (*любезно*). В двадцатом столетии тоже дерутся, мистер Норвуд. Возможно, вы не знаете, чем мы занимались последние четыре года? Практически только этим одним... Так что же?

Норвуд. Вы же не думаете, будто я поверю, что это все всерьез?

Деннис. Отлично. Шпаги, пистолеты, кулаки, что там еще? Выбирайте скорее.

Норвуд. Я не собираюсь ввязываться в грязную свару из-за... э-э-э... из-за своей возлюбленной.

Деннис (*весело*). Не любите грязные свары, так? Хорошо, тогда я просто набью вам морду у нее на глазах.

Норвуд. А сейчас вы просто ведете себя недостойно.

(*Обращаясь к Кейт*). Милая моя...

(*Она делает отстраняющий жест, не сводя глаз с Денниса.*)

Деннис. Знаете, мистер Норвуд, вам прямо не угодить. Если вам не подходят мои предложения, может, выдвинете свои собственные?

Норвуд. Очевидно, что в нашем случае решение должна принять... э-э-э... Дама.

Деннис. Вы полагаете, что миссис Кэмберли должна выбрать между нами?

Норвуд. Именно так.

Деннис. Что скажешь, Кейт?

Кейт. Ты очень великодушен, Деннис.

Деннис (*после паузы*). Хорошо. Делай выбор.

Норвуд (*самодовольно*). Уфф!

Деннис. Подождите минутку, мистер Норвуд.

(Обращаясь к Кейт.) Когда вы познакомились?

Кейт. Год назад.

Деннис. И весь год вы были близки? *(Кейт наклоняет голову.)* Целый год?

Норвуд. Полагаю, сэ, чем скорее дама сделает свой выбор, тем лучше будет для всех... И для нее самой в первую очередь.

Деннис. Но позвольте, разве это справедливо? У вас был целый год, а у меня всего две ночи, и те четыре года назад. И теперь она должна выбрать. Конечно, это нечестно.

Норвуд. Вы едва ли вправе рассчитывать, что мы будем ждать целый год, прежде чем она примет решение.

Деннис. Я ждал встречи с ней четыре года... Впрочем, нам действительно не придется ждать год. Управимся за пять минут.

Кейт. Что ты хочешь? Что ты задумал, Деннис?

Деннис. Я хочу, чтобы вы выслушала нас обоих, по пять минут каждого. Вот и все. В конце концов, мы оба претендуем на твое сердце. Выбор за тобой. С этим я согласен, но сначала выслушай каждого. У мистера Норвуда будет пять минут наедине с тобой, чтобы изложить свое видение ситуации, пять минут, чтобы рассказать, какая ты красивая... и какой он богатый... и как вы будете счастливы вместе. А потом – мои пять минут.

Норвуд *(усмехаясь)*. Пять минут, чтобы наврать ей обо мне, ага?

Деннис. Какого черта, у вас был целый год, чтобы врать обо мне. Как-нибудь выдержите пять минут. *(Обращаясь к Кейт.)* Так что же?

Кейт. Я согласна, Деннис.

Деннис. Отлично. (*Подбрасывает монету, ловит ее и говорит Норвуду.*) Выбирайте!

Норвуд. Что, черт возьми?..

Деннис. Выбирайте – орел или решка.

Норвуд. Никогда не слышал о таком... Решительно никогда... Решка.

Деннис (*раскрывая кулак*). Орел. Вы начинаете.

Норвуд (*сбитый с толку*). Что вы... Я не...

Деннис. У вас есть пять минут, чтобы побеседовать с миссис Кэмберли. (*Он смотрит на часы.*) Пять минут – а потом я вернусь. В столовой есть камин, Кейт?

Кейт (*неволью улыбаясь*). Газовый, но сейчас он не включен.

Деннис. Тогда я включу его. (*Норвуду.*) Комната как раз успеет прогреться. Там будет очень уютно, когда вы закончите. (*Он направляется к двери, повторяя.*) Пять минут.

(*После его ухода повисает неловкая пауза. Кейт ждет, что скажет Норвуд, но Норвуд понятия не имеет, что ему делать.*)

Норвуд (*с тревогой глядя на дверь*). Что за игру затеял этот парень?

Кейт. Игру?

Норвуд. Да. Что он затеял?

Кейт. Он что-то затеял?

Норвуд. Мне это все не нравится. Какого черта он притащился именно сегодня? Подождал бы всего неделю, и мы были бы уже далеко, вместе, в безопасности. А что теперь?

(*Встревоженный, он ходит взад-вперед.*)

Кейт. Не думаю, что это игра. Просто он дал мне шанс.

Норвуд. Какой еще шанс?

Кейт. Шанс выбрать между вами.

Норвуд. Кейт, ты сделала выбор уже давно. У тебя был целый год, чтобы все обдумать. Мы любим друг друга. Ты уезжаешь со мной - это дело решенное. Только вот... Что, черт возьми, у него на уме?

Кейт (*садится, разговаривая сама с собой*). Ты совершенно прав... действительно, я совсем не знаю его... Мы поженились в первые дни войны, ничего толком не зная друг о дружке. А сейчас он вернулся, совсем не похожий на того мальчика, которого я помню. Полагаю, он чувствует то же самое.

Норвуд (*про себя*). Черти его разорви!

Кейт (*после паузы*). Так что же, Сирил?

Норвуд (*резко оборачиваясь к ней*). Что?

Кейт. Времени остается всего ничего.

Норвуд (*смотрит на часы*). Он правда, что ли, вернется через пять минут?

Кейт. Ты слышал его слова.

Норвуд (*подходит к ней, и запальчиво произносит*).

Давай просто сбежим. Твоя шляпа здесь. Сбежим потихому – и все. Он ничего не услышит. Вернется и обнаружит, что никого нет – ну и что он будет делать? Посидит тут, а потом отправится в свой клуб. Мы поужинаем, позвоним горничной, попросим ее собрать вещи и уедем ночным поездом. В Шотландию, да куда угодно. Пусть пыль уляжется. Кому нужны эти скучные мелодрамы двухсотлетней давности?

Кейт. Сбежать, не дав ему и пяти минут?

Норвуд (*нетерпеливо*). Вот что он вцепился в эти пять

минут? Что можно успеть за это время? Трогательно попрощаться, обставив все так, что ты ему всю жизнь поломала? При этом посмеиваясь, что от тебя удалось избавиться с такой легкостью. Знаю я таких ребят. Жена какого-то майора, с которым они служили в Индии, вот что интересуется их на самом деле. Или он ударится в грабежи, что там еще остается бывшим воякам. Ты же не хочешь вляпаться в такое позорище? Лучшее, что можно сделать в этой ситуации – эти без шума исчезнуть, пока еще есть такая возможность. Объясниться в деталях можно и потом, в письменной форме.

Кейт (*удивленно смотрит на него, как будто в ее жизни появился еще один мужчина, которого она не узнает*). Скажешь, это честно по отношению к Деннису?

Норвуд. Боже мой, мы тут не в игры играем! Пусть Кэмберли вбил себе это в голову, его право, но мы-то не дети. В таких делах никакой справедливости не бывает. Так, быстро одевай шляпку... Вот она. (*Подает ей шляпку.*) И вперед!

Кейт (*встает*). Я не уверена, Сирил.

Норвуд. В смысле?

Кейт. Он ждет, что я выслушаю его.

Норвуд. Если на то пошло, он надеялся, что ты дождешься его с войны, четыре года назад.

Кейт. Да... (*Тихо.*) Спасибо, что напомнил.

Норвуд. Кейт, не дури. Что с тобой? Конечно, я понимаю, это дикий стресс, но зачем усугублять ситуацию? К чему эти лишние сцены? У тебя есть возможность выпутаться из этого всего и... (*Он*

смотрит на часы.) Боже мой!

Кейт. Пять минут истекли?

Норвуд. Быстрее, быстрее! *(Он прикладывает пальцы к губам.)* Тихо. *(На цыпочках подходит к двери.)*

Кейт. Сирил!

Норвуд. Ш-ш-ш!

Кейт *(снова садясь).* Это нехорошо, Сирил, я должна дождаться его.

(Дверь открывается, и Норвуд быстро отскакивает назад, когда входит Деннис.)

Деннис *(смотрит на часы).* Время вышло. *(Обращаясь к Норвуду.)* В столовой уже тепло, и я оставил вам вечернюю газету.

Норвуд *(подходит к Кейт).* Послушайте, мистер Кэмберли, Кейт и я...

Деннис. Миссис Кэмберли, без сомнения, сама скажет мне все, как есть.

(Он придержививает дверь и вежливо ждет, пока Норвуд выйдет.)

Норвуд. Я не понимаю, что за игру вы затеяли...

Деннис. Случалось ли вам бывать в Месопотамии, мистер Норвуд?

Норвуд. Никогда.

Деннис. Жарища там едва выносимая... Люди от нее становятся крайне раздражительными и вспыльчивыми. Прошу вас!

Норвуд *(нерешительно).* Ну что ж, я... *(Он угрюмо подходит к двери.)* Я вернусь за Кейт через пять минут.

Деннис. Мы с миссис Кэмберли будем рады принять вас. Как пройти, знаете?

(Норвуд выходит. Деннис закрывает дверь. Стоит,

глядя на Кейт.)

Кейт (*неловко*). Так что же?

Деннис. Нет, замри, пожалуйста. Я просто хочу любоваться на тебя... Именно такой я видел тебя эти четыре года. Замри... Я побывал в ужасных местах, но со мной была ты, почти все время. Я просто хочу продлить этот последний взгляд.

Кейт. Последний?

Деннис. Да.

Кейт. Ты прощаешься со мной?

Деннис. Я не знаю, Кейт. Я прощаюсь с девушкой, которая жила в моем воображении последние четыре года. Это была ты, или же нет?

Кейт (*опуская глаза*). Я не знаю, Деннис.

Деннис. Ах, если бы Господь мог сделать так, чтобы я не был твоим мужем.

Кейт. А что бы ты сделал, если бы не был моим мужем?

Деннис. Повалил бы тебя на диван.

Кейт. А что мешает сделать это сейчас?

Деннис. Вот как раз то, что я твой муж, и мешает. Где я и где тот парень.

Кейт. Ты сказал, что я должна выбирать между вами.

Похоже, ты уверен, что я уже все решила?

Деннис (*улыбаясь*). Думаю, да.

Кейт. И выбрала его?

Деннис (*качая головой*). Ну нет!

Кейт (*удивленно*). Ты думаешь, я выбрала тебя?

Деннис (*кивает*). М-м-м.

Кейт (*возмущенно*). В конце концов, Деннис! Двадцать минут тому назад я едва не пообещала ему сбежать с ним! Ты, видимо, считаешь, что я вообще без царя в

голове.

Деннис. Почему же. Просто у тебя богатое воображение.

Кейт. О чем ты? Почему ты так уверен, что я выберу тебя? К чему тогда этот разговор что ты смотришь на меня последний раз? И почему...

Деннис. Милая, у нас всего пять минут. Мне кажется, что будет разумно разобрать вопросы по очереди –

Кейт. (*улыбаясь*). Что ж, не обязательно отвечать сразу на все.

Деннис. Тогда начнем. Почему я уверен, что ты выберешь меня? Потому что впервые в жизни ты осталась наедине с мистером Сирилом Норвудом. Вот это я и имел в виду, говоря о твоём богатом воображении. Норвуда, которого, как тебе казалось, ты любишь, никогда не существовало. Чего там, такие пять минут стали бы серьезным испытанием даже для архангела Гавриила. А Норвуд провалил его с треском. Я уверен, ты поняла это сразу. Ну что он мог пролепетать? Норвуд? Боже мой, не было у него ни единого шанса. Ты ведь все это время знала, что он ничтожество, так?

Кейт (*задумчиво*). Ты очень умен, Деннис.

Деннис (*весело*). Четыре года среди восточных людей.

Кейт. Но откуда ты знаешь, что я и тебя не осуждаю?

Деннис. Осуждаешь, конечно. Но это два совершенно разных осуждения. Одно дело такой незнакомец, как я, и совсем другое – тот мужчина, в которого, как тебе казалось, ты была влюблена.

Кейт. Ты ведь и правда незнакомец.

Деннис. Знаю. Поэтому и хотел попрощаться с той девушкой, что была со мной последние четыре года, с

девушкой, на которой женился. Что ж, я попросился с ней. Ты больше не моя жена, Кейт, но если ты не возражаешь, притворись теперь, что я тоже не твой муж. И тогда мы можем заняться любовью – а это все, чего я хочу.

Кейт. Как же ты великодушен, Деннис.

Деннис. Вовсе нет. Я очень сильно влюблен, и для очень сильно влюбленного веду себя еще не слишком глупо. Разве ты обязана любить меня? Ты влюбилась в мою форму в начале войны. Я получил приказ отправиться на восток, и ты влюбилась в уходящего на смерть героя. Что потом? Что ж, у меня было четыре года, чтобы мечтать о тебе в одиночестве, а у тебя было четыре года, с другими мужчинами, чтобы забыть меня. Нет ничего удивительного в том, что?..

(Входит Норвуд.)

Норвуд *(грубо)*. Что тут у нас?

Деннис. Вы как раз вовремя, мистер Норвуд. А то я что-то заболтался. *(Обращаясь к Кейт.)* Миссис Кэмберли, мы в вашем распоряжении. Угодно ли вам сделать выбор, который из нас будет иметь счастье служить вам?

Норвуд *(протягивая ей руку, говорит хозяйским тоном)*. Кейт!

Кейт *(медленно подходит к нему, пожимает Норвуду руку)*. Прощайте, мистер Норвуд.

Норвуд *(изумленно)*. Кейт! *(Обращаясь к Деннису.)* Ах ты, черт!

Деннис. А я-то всего пару минут назад сравнивал вас с архангелом Гавриилом.

Норвуд *(насмешливо, обращаясь к Кейт)*. Итак, ты решила стать его любящей женой?

Деннис (*легонько похлопывая его по плечу*). Помните, что я говорил про Месопотамию?

Норвуд (*поспешно берет себя в руки*). До свидания, миссис Кэмберли. Надеюсь, вы будете счастливы. (*С достоинством выходит.*)

Деннис (*закрывая дверь*). Что ж, хоть в этом мы совпали.

(*Возвращается к ней.*)

Кейт. Какой же я была дурой, идиоткой. (*Протягивает к нему руки.*) Деннис!

Деннис (*отступая в притворной тревоге*). Ну нет, только не это! (*Грозит ей пальцем.*) На этот раз мы не будем торопиться.

Кейт (*укоризненно*). Деннис!

Деннис. Полагаю, вам следует называть меня мистер Кэмберли.

Кейт (*с улыбкой*). Мистер Кэмберли.

Деннис. Так-то лучше. Теперь мы можем начать. (*Низко кланяясь.*) Мадам, вы не откажетесь отужинать со мной этим вечером?

Кейт (*делает реверанс*). Почту за честь.

Деннис. Так поторопимся. Карета уже ждет.

Кейт (*держа в руках две шляпы*). На какой бы вы остановили свой выбор, мистер Кэмберли?

Деннис. Позвольте отдать предпочтение черной с алыми розами?

Кейт. Она так элегантна, правда? (*Надевает шляпу.*)

Деннис. Подходит просто идеально, за всю жизнь такого не видел. Кажется, я уже упоминал, что сегодня остаюсь в клубе. Что ваша светлость изволит делать завтра?

Кейт. Абсолютно ничего важного.

(Он предлагает ей руку, и она берет ее.)

Деннис *(пока они идут к двери).* Тогда, возможно, мне будет дозволено зайти завтра утром около одиннадцати и справиться о здоровье вашей светлости.

Кейт. Это было бы очень любезно с вашей стороны, сэр.
(Они выходят, держась за руки.)

2

МАЧЕХА

Действующие лица

Сэр Джон Пембери, *парламентарий.*

Леди Пембери.

Перкинс.

Незнакомец.

(Летнее утро. Самая солнечная и, возможно, самая уютная комната в лондонском доме сэра Джона Пембери, члена парламента. Именно поэтому Леди Пембери любит бывать здесь, хотя у нее есть своя собственная. Комната обставлена без изысков, и, вероятно, служит чем-то вроде приемной для многочисленных посетителей сэра Джона. Впрочем, рука Леди Пембери также заметна.

Перкинс, дворецкий, – чуть полноватый мужчина, все еще в расцвете сил, входит первым, за ним следует Незнакомец. Перкинс уже отнес его к голодранцам, но наблюдательному зрителю очевидно, что Незнакомец

не так-то прост, пока неясно только, то ли персонаж идет к успеху, то ли катится с вершины на дно.

Незнакомцу чуть за тридцать, он одет бедновато, но в рамках приличий. Ему слегка не по себе; но не из-за материальных, а скорее, из-за этических причин.

Чтобы скрыть это, он чуть хорохорится, как будто бы убеждая себя самого, что он, в сущности, неплохой парень. Его голос ничем не примечателен, но в нем нет интонаций, свойственных необразованной прослойке.)

Перкинс. Я доложу сэру Джону, что вы прибыли, но имейте в виду, я не могу гарантировать, что он примет вас.

Незнакомец. На этот счет не беспокойся. Примет.

Перкинс. Прямо сейчас он занят. Ну что ж... *(Он с сомнением оглядывает Незнакомца.)*

Незнакомец *(с деланной горечью)*. Итак, ты рассудил, что мне нечего делать в доме джентльмена. На этом все?

Перкинс. Я ничего такого не говорил, верно?

Возможно, вы избиратель? В Палате общин мы нередко сталкиваемся с довольно странными ситуациями. На любой вкус, прямо скажем... Или, может быть, вы представляете чьи-то интересы?

Незнакомец *(яростно)*. Какая, черт возьми, разница, кто я такой? Ступай и доложи хозяину, что я здесь, и все тут. Доступно?

Перкинс *(невозмутимо)*. Полегче, уважаемый, полегче. Вы пока даже не представились. Вы персидский шах или мистер Задкинс?

Незнакомец. Чем меньше имен, тем лучше. Скажи просто: «Кое-кто из Ламбета». Он сразу поймет.

Перкинс (*с юмором*). Ах, прошу прощения, архиепископ Кентерберийский. Я не узнал ваше преосвященство.

Незнакомец (*сердито*). Именно из-за таких, как ты, людей тошнит от этого мира. Вы – паразиты, холуи изнеженной аристократии. Нашел бы лучше достойную работу.

Перкинс (*добродушно*). А теперь послушайте меня, молодой человек. Сейчас не время для подобных разговоров. Если вы хотите высказаться по поводу лакеев, обезьян или еще чего-нибудь, оставьте это до воскресенья, когда у меня выходной. (*Он пододвигается поближе к Незнакомцу.*) В воскресенье, в четыре часа дня... (*Тычет большим пальцем через плечо.*) Сразу за углом... На Болтон-Мьюз. Понятно, о чем я? Там нам никто не помешает. Все ясно? Решим все по-джентльменски, один на один, пока работать будет мой сменщик. Понятно, да? (*По ходу реплики он пододвигается все ближе и ближе.*)

Незнакомец (*нервно отступая*). Я не хотел тебя обидеть, дружище. Мы в одной лодке — ты и я; нам ни к чему ссориться. К тебе нет вопросов. Просто походи и скажи сэру Джону, что к нему пришел джентльмен из Ламбета, и готов уделить ему несколько минут своего драгоценного времени. Он сразу поймет. Нормально все.

Перкинс (*отступая, разочарованно*). Получается, в воскресенье днем я вас не увижу?

Незнакомец (*неловко посмеиваясь*). Да нормально, нормально все. Не хотел никого обидеть. Человек из Ламбета – вот и все, что надо доложить. И передай, что я спешу. Он поймет, что я имею в виду.

Перкинс (*неторопливо направляется к двери*). Что ж, это странные манеры, но, работая в Палате Общин, привыкаешь и не к такому. На любой вкус ситуации, так сказать, ну вообще на любой.

(Перкинс исчезает за дверью.)

(Незнакомец, оставшись один, нервно расхаживает по комнате взад-вперед.)

Входит леди Пембери. За двадцать восемь лет счастливого брака она стала матерью одного мужа и пяти дочерей, но так и не родила сына — и это огорчает ее. Ее девиз мог бы звучать так: «Добродетель — это просто»; и вне зависимости от того, придете вы к ней за утешением или чтобы поздравить с чем-нибудь, вы уйдете с чувством, что она — единственный человек на свете, который действительно вас понимает.)

Леди Пембери. Ах! *(Она останавливается, а затем подходит к Незнакомцу)* Как ваши дела? Ждете встречи с моим мужем?

Незнакомец *(застигнут врасплох ее появлением)*. Так точно.

(В этот момент он еще не понимает, нарушает ли появление Леди Пембери его планы, или, напротив, идет им на пользу.)

Леди Пембери. Полагаю, сейчас он занят. Но это ненадолго. Перкинс сообщит вам, как только муж освободится.

Незнакомец *(презрительно)*. Его зовут Перкинс, получается?

Леди Пембери *(удивленно)*. Дворецкого? Да.

Незнакомец *(ядовито)*. Мистер Перкинс, дворецкий.

Леди Пембери (*с дружелюбной улыбкой*). Вы же не против, что у нас есть дворецкий? (*Она берет со стола шитье, и относит его на диван.*)

Незнакомец (*пожимая плечами*). Еще один паразит.

Леди Пембери (*заинтересованно*). Мне всегда казалось, что паразиты намного меньше Перкинса. (*Садится.*)

Присаживайтесь, прошу вас. (*Он неохотно садится.*)

Пусть вас не удивляет и не стесняет мое присутствие.

Эта комната – в своем роде мой рабочий кабинет. Муж пригласит вас, когда освободится.

Незнакомец. Ваш рабочий кабинет?

Леди Пембери (*смотрит на него с улыбкой*). Похоже, вы не в восторге от порядков в нашем доме.

Незнакомец (*указывая рукой на ее шитье*). Вы называете это работой?

Леди Пембери (*любезно*). Работа других людей всегда кажется такой ничтожной, правда? Если бы вы попробовали вышивать, я бы глянула на результат.

И мне бы пришлось непросто, попытайся я... А где, кстати, вы работаете, мистер... Э-э-э... Бог мой, я ведь даже знаю вашего имени.

Незнакомец (*ожесточенно*). Мое имя не имеет значения. Можете считать, что у меня его вовсе нет.

Леди Пембери. Но ваши друзья обращаются к вам как-то.

Незнакомец. Можете считать, что у меня нет друзей.

Леди Пембери. Ах, не говорите так! Уверена, они у вас есть.

Незнакомец (*угрюмо*). Разве вам важно, есть ли кому-то дело до меня?

Леди Пембери. Допустим, не важно, но вам-то самому

есть дело до кого-нибудь?

Незнакомец. Нет таких.

Леди Пембери. Бедный, несчастный юноша!

(Возвращается к шитью.) Если вы не расположены назвать свое имя, то, может, расскажете, где вы работаете? *(С улыбкой.)* Об этом-то мне позволено осведомиться?

Незнакомец. Я могу рассказать, к какой работе я намерен приступить, начиная с этого самого дня.

Леди Пембери. Да, пожалуйста!

Незнакомец *(яростно)*. Ни к какой!

Леди Пембери *(удивленно)*. Ни к какой?

Незнакомец. Начиная с сегодня – больше никакой работы.

Леди Пембери. Не боитесь заскучать?

Незнакомец. Что ж, вам скажу. Я собираюсь стать одним из праздных богачей, вроде вас и сэра Джона, и позволить другим людям работать на меня.

Леди Пембери *(задумчиво)*. Пожалуй, мне не следует настаивать сейчас, что мой муж вовсе не бездельник. Пусть даже это именно так. Но мы никогда не можем прийти к согласию относительно того, что является работой, а что нет.

Незнакомец. Да что вы знаете о работе? Вы, аристократы.

Леди Пембери *(мягко)*. Знаете, ведь мой муж всего лишь кавалер Ордена Британской империи 2-й степени. И то совсем недавно.

Незнакомец *(не обращая на нее внимания)*. Вы, выросшие в роскоши, никогда в жизни не испытывали ни дня неудобств...

Леди Пембери. Мой милый юноша, вам не следует говорить такое женщине, которая вырастила пятерых детей... Ни дня неудобств... Ни одной женщине такое бы в голову не пришло.

Незнакомец (*раздраженно*). Да что же это такое!? Я явился сюда не для того, чтобы спорить с вами. Это вы начали. Почему вам просто не оставить меня в покое?

Леди Пембери (*подходит к приставному столику и берет фотографию*). Пятеро детей, все девочки, а теперь я еще и бабушка. (*Показывает ему фотографию.*) Вот! Это моя старшая дочь со своим старшим сыном, моим первым внуком. Разве он не миляга? Говорят, он похож на меня... Сына у меня так и не было. (*Незнакомец неловко берет фотографию.*) Ах, отдайте. Чужие семьи никому не интересны, так ведь? (*Она забирает у него фотографию и ставит на приставной столик. Затем возвращается на свое место и вновь берется за шитье.*) Итак, вы заработали много денег? Как это здорово, должно быть!

Незнакомец (*мрачно*). Денег еще нет, но скоро они появятся.

Леди Пембери. Скоро?

Незнакомец. Сегодня.

Леди Пембери. Вы ведь не женаты, верно?

Незнакомец. Вы много хотите знать, верно? Допустим, не женат.

Леди Пембери. Я просто подумала, насколько приятнее, когда можно поделиться хорошим с кем-то еще, со своими любимыми. Это сильно улучшает хорошие новости, и делает плохие почти сносными.

Незнакомец. Прямо как у вас с вашим мужем, да?

Леди Пембери (*кивая*). Да, именно. Вот уже двадцать восемь лет.

Незнакомец. Он рассказывает вам все-все-все, так ведь?

Леди Пембери. Ну, если дело не касается закрытой служебной информации. Все остальное рассказывает.

Незнакомец. Ха! Поразительное дело.

Леди Пембери. Вот вы утверждаете, что у вас никого нет. Но вы можете поделиться хорошими новостями со мной. Что думаете?

Незнакомец. Это уж точно, эти новости вы узнаете обязательно.

Леди Пембери. Это так мило с вашей стороны. Позволю себе вопрос. О какой сумме идет речь?

Незнакомец (*задумчиво*). Ну, пока неясно. Может, тысяча в год? Что думаете?

Леди Пембери. Ух ты, как много!

Незнакомец. Тысяча в год – это нормально, вы согласны? На жизнь хватит?

Леди Пембери. Холостяку точно хватит.

Незнакомец. Холостяку, холостяку.

Леди Пембери. Вам же никого не надо поддерживать?

Незнакомец. Ни единой живой души. В живых остался всего один родственник.

Леди Пембери. Да ну?

Незнакомец (*наслаждаясь собственной шуткой*). Отец. Но мне не придется его содержать. Только не это.

Леди Пембери (*она немного озадачена, но не собирается это демонстрировать*). Тогда, я уверена, тысячи фунтов в год хватит вам с лихвой.

Незнакомец. Да, именно так я и рассудил. Тысячи в год это все стоит.

Леди Пембери. А о чем речь? Это какое-то изобретение?

Незнакомец. Ну нет, не совсем изобретение... Скорее, открытие.

Леди Пембери. Ах, как бы она гордилась вами!

Незнакомец. Кто?

Леди Пембери. Ваша жена, если бы она у вас была, ваша мать, будь она жива.

Незнакомец (*яростно*). Послушайте, давайте не будем о моей матери. У меня дело к сэру Джону... (*Насмешливо.*) Сэру Джону Пембери, кавалеру Ордена Британской империи 2-й степени. Если я захочу поговорить о матери, мы с ним мило побеседуем о ней. Да, и о моем отце тоже.

(Леди Пембери наконец начинает понимать. Она медленно встает и смотрит на него в ужасе.)

Леди Пембери. Что вы имеете в виду?

Незнакомец. Тысяча в год. Как вы сами и сказали. Это будет стоить тысячу в год.

Леди Пембери. Кто ваш отец? Как ваше имя?

Незнакомец. Разве я не сказал, что у меня нет имени? (*С горечью.*) А если вы хотите знать причину, осведомитесь у сэра Джона Пембери, кавалера Ордена Британской империи 2-й степени.

Леди Пембери (*шепотом*). Это он - ваш отец.

Незнакомец. Да. И я его любящий сын, наконец-то пришел повидаться с ним после долгих лет разлуки.

Леди Пембери (*с огромным усилием*). Сколько... Сколько вам лет?

Незнакомец. Тридцать.

Леди Пембери (*садится на диван*). Слава Богу! Слава

тебе, Господи!

Незнакомец (*раздосадованный ее эмоциональной реакцией*). Послушайте, я не хотел. Скажите сами – кто первый начал? Вы задавали и задавали эти вопросы. А я просто пришел спокойно поговорить с сэром Джоном: отец и сын мирно беседуют друг с другом, обсуждая размер содержания. Тысяча в год. Зачем вам понадобилось влезать вот в это все?

(Леди Пембери затихает. Она вытирает слезинку-другую и задумчиво смотрит на Незнакомца.)

Леди Пембери. Получается, это вы – сын, которого у меня никогда не было.

Незнакомец. О чем вы?

Леди Пембери (*почти про себя*). Сын, которого я так жаждала. Пять девочек — и ни одного мальчика. Позвольте взглянуть на вас. *(Она подходит к нему.)*

Незнакомец (*отодвигаясь*). Что вы хотите увидеть?

Леди Пембери (*пристально смотрит на него, надеясь заметить сходство*). Нет... и все же... *(Печально качая головой.)* Бедный мальчик! Какая у вас, должно быть, была тяжелая жизнь!

Незнакомец. Я пришел сюда не для того, чтобы меня жалели. Я пришел, чтобы получить причитающееся мне по праву... Как и любому другому сыну.

Леди Пембери (*про себя*). Бедный мальчик! *(Она возвращается на свое место и начинает говорить.)*

А теперь вы позволите задать вам еще несколько вопросов?

Незнакомец. Да, пожалуйста. Но никакой ошибки быть не может. Я гарантирую это.

Леди Пембери. Как вы узнали? Вам рассказала мама?

Незнакомец. Нет, она не сказала ни слова. «Не задавай вопросов, сынок...», «Папа умер», – и все в таком роде.

Леди Пембери. А сэр Джон знает? Когда он узнал?

Незнакомец (*роясь в кармане*). Он знал все отлично с самого начала. (*Достает письма.*) Вот, посмотрите. Именно так все и вскрылось для меня. (*Выбирает один конверт.*) Пожалуйста, читайте.

Леди Пембери (*берет письмо*). Да, это почерк Джона. (*Возвращает обратно.*)

Незнакомец. Вы не станете читать?

Леди Пембери (*с сожалением покачивает головой*). Это письмо адресовано не мне.

Незнакомец. Раз уж на то пошло, мне оно тоже не адресовано.

Леди Пембери. Но вы его сын, и поэтому имеете право. А причем тут я?

Незнакомец (*убирает письмо обратно в карман*). Как скажете.

Леди Пембери. Обеспечивал ли сэр Джон вашу мать?

Незнакомец. Ну, а почему бы и нет? Он был богатым человеком.

Леди Пембери. Не в те дни. Но в самом деле — почему бы и нет? Что еще ему оставалось? Я рада, что он это делал.

Незнакомец. Поэтому теперь ему не составит труда обеспечивать своего любящего сына. Сейчас-то он точно богат.

Леди Пембери. Вы никогда не встречались?

Незнакомец. Никогда. Историческая встреча отца и сына состоится сегодня днем. (*Делает жалкую попытку изобразить то, что представляется ему*

аристократическими манерами.) Опасаюсь, член парламента придет в ярость. Повысить расходы – что-о? Всего на тысячу, драгоценный вы наш кавалер.

Леди Пембери. Разве это не называется шантажом?

Незнакомец (*раздраженно*). А теперъ слушайте внимательно, я говорю совершенно определенно: никаким шантажом тут и не пахнет. Он мой отец, верно? Так что же, сын не может обратиться к отцу за помощью, попав в затруднительное положение? У меня что, с собой письма с угрозами? При чем тут шантаж? В конце концов, как ему следует поступить? Засадить в тюрьму родного сына?

Леди Пембери (*погруженная в свои мысли*). Значит, вам тридцать. Слава Господу. Тогда мы еще не встречались с Джоном. И все-таки, он должен был мне сказать. Он должен был сказать мне.

Незнакомец. Вероятно, он опасался, что вы откажетесь выходить за него.

Леди Пембери. Вы думаете, все дело в этом?

(*Обращается к нему серьезно и доверительно, как к старому другу.*) Вот вы должны хорошо понимать, что происходит в голове у молодых мужчин. У меня ведь никогда не было не только сына, но и братьев. Как вы считаете, о таких вещах рассказывают? Должны ведь!

Незнакомец. Ну, если вас интересует мое мнение – нет, это не те вещи, которые обсуждают с дамой.

Леди Пембери. Вот как? Но друзья могут обсудить это между собой.

Незнакомец (*ядовито*). Вы находите, что мы похожи на друзей?

Леди Пембери (*улыбаясь*). Да, конечно, мы и есть

друзья.

(Он поспешно вскакивает и отодвигается от нее еще дальше.)

Незнакомец. Я прекрасно понимаю, что за игру вы затеяли. Не думайте, что я настолько тупой.

Леди Пембери. В смысле?

Незнакомец. Планируете броситься на колени и в слезах умолять: «Ах, дорогой друг, пощадите моего бедного мужа!» Я знаю эти штучки. А прежде чем начать, втираетесь ко мне в доверие.

Леди Пембери *(покачивая головой)*. Нет, даже если бы я и встала перед вами на колени, я бы такого не сказала. Какой такой ущерб вы сможете нанести моему мужу?

Незнакомец. Что ж, едва ли скандал пойдет ему на пользу. Член парламента, как никак.

Леди Пембери. Ах, милый, на самом деле вас ранят не какие-то внешние обстоятельства. Нет, вы мучаете себя сам. И поэтому, если бы я встала перед вами на колени, я бы не упоминала моего мужа. Мне следовало бы сказать совсем другое: «Ах сыночка, подумайте как следует, прежде чем растоптать свою мужскую честь. Амбиции, надежды, гордость, самоуважение – разве эти сокровища не стоят того, чтобы сохранить их? Неужели вы готовы закончить свою жизнь прямо в эту минуту? Неужели ваши задачи уже выполнены, и пришел момент оглянуться назад, сказать: «Все кончено; я отдал все, что должен был отдать; отныне я буду тратить?» *(Очень мягко.)* Нет, сынок, я не верю в это.

Незнакомец *(в голосе неловкость)*. Вот поэтому я и говорю: сплошная несправедливость.

Леди Пембери *(также мягко)*. Когда умерла твоя мать?

Незнакомец. Послушайте, давайте не будем о ней.

Леди Пембери. Когда умерла эта гордая женщина?

Незнакомец (*угрюмо*). А почему бы ей не быть гордой, в конце концов? (*После паузы.*) Два года назад, если вам интересно.

Леди Пембери. Именно тогда вы и узнали, кто ваш отец?

Незнакомец. Все так. Я раскопал эти старые письма. Она держала их взаперти все эти годы. Подфартило немного наконец.

Леди Пембери (*почти про себя*). Значит, два года назад. И все эти два года в вас жили и надежды, и амбиции, все эти два года вы были гордым и независимым... Почему же вы не пришли к нам тогда?

Незнакомец (*с оттенком тщеславия*). На самом деле мои дела шли совсем неплохо, и...

Леди Пембери. А потом внезапно, через два года, никаких надежд не стало.

Незнакомец. Я потерял работу.

Леди Пембери. Бедный мальчик! И не смог найти новую.

Незнакомец (*с горечью*). Когда опускаешься на дно, мир оголяет свою звериную сущность. Смотри, он в сточной канаве – так сбей его с ног, растопчи окончательно. Ты никому не нужен. Вот как обращаются с теми, кто идет на дно. Их топчут.

Леди Пембери. И вот вы явились к своему отцу, чтобы он помог вам выплыть. Выбраться из сточной канавы.

Незнакомец. Все так.

Леди Пембери (*умоляюще*). Ах, так дайте ему шанс!

Незнакомец. Слушайте, я уже говорил, что меня не

впутать в эти игры.

Леди Пембери (*печально качая головой*). Глупенький малыш! Вы неправильно все поняли. Просто дайте ему шанс, и он поможет вам выбраться из сточной канавы.

Незнакомец. Ну, в общем... Разве я не с этим и пришел?

Леди Пембери. Нет, о, нет. Вы пришли, чтобы вас втоптали еще глубже, в грязь и слизь. А мне хотелось бы, чтобы вы позволили помочь себе вернуться на два года назад – когда в вас жили еще гордость и надежда.

Незнакомец (*озадаченно глядя на нее*). Не пойму, куда вы клоните. Даже не пытайтесь притворяться, что вас не тошнит от моего вида – это само собой разумеется.

Леди Пембери (*улыбаясь*). Порой женщины действует иррационально, так ведь? И потом, мне кажется, что мачехи злые только в сказках.

Незнакомец (*удивленно*). Мачеха!

Леди Пембери. Ну а кто же еще? (*Удивленно.*) Никогда не думала оказаться в этой роли. (*Убедительно.*) Что же, не откажете мне в удовольствии гордиться своим пасынком?

Незнакомец. Ну и дела!.. Вы хотите сказать, что не станете устраивать мужу скандал?

Леди Пембери. Ну, для скандала время вышло, тридцать лет прошло как никак. Кроме того, вы, вероятно, и не скажете ему ничего.

Незнакомец. Так зачем я тогда явился, если не для этого?

Леди Пембери. Чтобы рассказать все мне... Я говорила, что вы должны дать ему шанс помочь вам выпутаться, но теперь я предпочла бы получить этот шанс сама... Видите ли, Джону было бы очень неприятно узнать, что

я в курсе этой истории. Ему пришлось бы рассказать мне, потому что когда твоему счастливому браку двадцать восемь лет, ни о каких секретах не может быть и речи. И вот Джону пришлось бы все выложить, и я бы сказала, что все в порядке. Но я знаю, он все равно испытал бы стыд, а также страх, что теперь он упадет в моих глазах. Это очень скверно для государственного деятеля, если его вера в жену пошатнется. И вот поэтому я прошу вас: позвольте мне стать вашим другом. *(На какое-то время воцаряется тишина. Он смотрит на нее удивленно. Внезапно она встает, прижимая палец к губам.)* Ш-ш-ш! Это Джон.

(Она отодвигается от него. Быстрыми шагами входит сэр Джон Пембери; крупный, симпатичный, решительный и дружелюбный мужчина, который держится очень естественно и без всякой застенчивости, моментально создавая впечатление важной персоны.)

Пембери *(поспешно проходя мимо жены к письменному столу)*. Привет, дорогая! Я не оставлял тут чековую книжку? Я же сегодня утром выписывал тебе чек. А, вот она. *(Возвращаясь, он замечает Незнакомца)* Прошу прощения, Кейт. Я не заметил... *(Он направляется к двери с чековой книжкой в руках, но останавливается и с располагающей улыбкой обращается к Незнакомцу)* Вероятно, вы меня дожидаетесь? Перкинс что-то такое сказал...

Незнакомец *(выступает вперед)*. Да, я пришел увидеться с вами, сэр Джон.

(Он подходит вплотную к сэру Джону, не сводя с него взгляда. Леди Пембери пристально наблюдает за ними.)

Пембери (*похлопывая чековой книжкой по ладони*). Это важно?

Незнакомец. Я пришел просить вашей помощи.

Пембери (*смотрит на свою чековую книжку, а затем, с улыбкой, переводит взгляд на Незнакомца*). Сейчас многие так делают. У вас есть ко мне какие-то особые вопросы?

Незнакомец (*после долгой паузы*). Нет.

(*Пембери смотрит на него в нерешительности, Леди Пембери выходит вперед.*)

Леди Пембери. Все в порядке, милый. (*Это означает, что она присмотрит за Незнакомцем, пока Пемберине вернется.*)

Пембери. Я вернусь буквально через минуту. (*Он кивает и быстро выходит.*)

(*На некоторое время воцаряется тишина, а затем Леди Пембери тихонько хлопает в ладоши.*)

Леди Пембери (*с сияющими глазами*). Ах, как вы отважны! Да, сегодня у меня есть повод для гордости. (*Она протягивает ему руку.*) Спасибо, сынок.

Незнакомец (*с невидящим взглядом, скрипучим голосом*). Мне лучше уйти.

Леди Пембери. Могу я чем-нибудь помочь?

Незнакомец. Мне лучше уйти.

Леди Пембери (*огорченно*). Вам не следует уходить в таком состоянии. И потом, я не знаю ни вашего имени, ни вашего адреса.

Незнакомец. Не волнуйтесь – вы больше никогда не услышите обо мне.

Леди Пембери (*мягко*). Даже когда вы вернетесь туда, на два года назад? Тогда-то можно будет?

Незнакомец (*смотрит на нее, а затем медленно кивает*). Да, тогда будет можно.

Леди Пембери. Благодарю вас. Я буду ждать. Я буду надеяться. Я буду молиться. (*Она снова протягивает ему руку.*) До свидания!

Незнакомец (*качая головой*). Хорошо, я позвоню. (*Идет к двери, затем останавливается и медленно возвращается. Стеснительно произносит.*) Могу я попросить вас об одном одолжении?

Леди Пембери. Слушаю.

Незнакомец. Этот парень... Как, вы сказали, его зовут?.. Перкинс?

Леди Пембери (*удивленно*). Дворецкий? Да, Перкинс.

Незнакомец. Не могли бы вы передать от меня пару слов?

Леди Пембери. Конечно.

Незнакомец (*все еще очень стеснительно*). Просто скажите ему, что я буду там, на Болтон-Мьюз, в воскресенье днем. Он поймет. Просто скажите ему, что я буду там. (*Он расправляет плечи и гордо выходит, вновь готовый покорить мир, начиная с Перкинса в воскресенье днем.*)

(*Леди Пембери стоит, глядя ему вслед. Она погружена в свои мысли, и поэтому приходит в легкое замешательство, когда распахивается дверь и входит сэр Джон.*)

Пембери. Привет! Он ушел?

Леди Пембери. Да.

Пембери. Чего он хотел? Пять фунтов? Или должность в кабинете министров?

Леди Пембери. Он предлагал... подписку.

Пембери. И получил ее, если я знаю свою Кейт.

(Небрежно.) И сколько ты ему отдала?

Леди Пембери *(с легким задумчивым вздохом).* Да уж, кое-что отдала. Пожалуй, не слишком много. И все-таки кое-что. *(Она берет его за руку и отводит к дивану, говоря очень ласково.)* А теперь расскажи мне обо всем, что произошло этим утром.

(Он начинает свой рассказ – все идет точно так же, как это происходило тысячу раз до этого, и все-таки немного иначе.)

Журнал «ДрамТеатр» сотрудничает с авторами.

Редакция принимает пьесы, статьи, очерки по теме журнала. Электронный адрес редакции:

dramteatr.zhurnal@mail.ru

В конце августа завершилась «ТЕАТРАЛЬНАЯ НЕДЕЛЯ В ОДИНЦОВЕ» – 2023. Она проходила при поддержке Комитета по культуре Одинцовского городского округа, совместно с Гильдией драматургов России.

- *Восемь спектаклей по пьесам членов Гильдии драматургов России.*
- *Читка трёх пьес членов Гильдии драматургов России.*
- *Видео-тур пяти спектаклей по пьесам членов Гильдии драматургов России для театральных коллективов из городов Комсомольска-на-Амуре, Шارانги, Новосибирска, Брянска, села Частые Пермского края.*
- *Три экскурсии по следам «Зелёного театра» В. И. Никитина.*
- *Круглый стол по авторскому праву от Первого секретаря Гильдии драматургов России Натальи Шор.*
- *Мастер-класс по инсценированию от драматурга из Екатеринбурга, члена Гильдии драматургов России Светланы Гуровой.*
- *Встречи драматургов С. Патраевой, М. Непряхина, Н. Шор, Д. Бочарова, Э. Иванова, Е. Радченко, Т. Комылиной, И. Муренко со своим зрителем.*

МОЛОДЫЕ АКТЕРЫ С БЕРЕГОВ ВОЛГИ

Большинство актеров труппы Кинешемского драматического театра имени А.Н. Островского – молодые. Многим нет тридцати. Талантливые, искренние, с горящими глазами. Для кого-то из них театр в Кинешме – первый в их биографии, кто-то успел послужить в нескольких театрах до того, как прийти в труппу театра с берегов Волги.

Знакомьтесь!

Элина Манапова пришла в Кинешму по совету однокурсницы. Элина тогда еще училась в Екатеринбургском театральном институте. И вот уже почти десять лет Элина служит в Кинешме актрисой.

Серьезные работы начались почти сразу. В театре выпускался спектакль «Вдовый пароход». Роль Анфисы Громовой «в очередь» досталась Элине. На фестивале «Старейшие театры России в Калуге» Элина получила диплом за эту роль. С тех пор разных ролей было сыграно немало: и главных, и второго плана, и эпизодов.

К своим работам она относится серьезно, вдумчиво. Как отмечают режиссеры, работать с Элиной Манаповой одно удовольствие. Она не позволяет с прохладцей работать даже в самой незначительной роли. Всегда требовательна в первую очередь к себе. Будь то Мышильда в «Щелкунчике» (кстати, дети, посмотрев этот спектакль, отмечают актрису, как самый яркий и запомнившийся персонаж) или Макарская в «Старшем сыне» по А. Вампилову, Бланш в «Трамвае «Желание» Т. Уильямса или Лариса в «Бесприданнице» по пьесе А.Н. Островского – везде Элина ищет

особенности персонажа, его характер, индивидуальные краски сценического образа героини. Два самых заметных спектакля в послужном списке актрисы – «Снегурочка» А.Н. Островского (роль Снегурочки) и «Как Зоя гусей кормила» по С. Баженовой (роль Жени). Первый из названных спектаклей собрал несколько Гран-при сразу на нескольких фестивалях.

Элина Мананова в роли Снегурочки в пьесе А.Н.Островского

Андрей Кудряшов пришел в театр два года назад. Он коренной кинешемец, раньше служил в Долгопрудненском театре «Город» и Владимирском академическом театре драмы. Заметные роли в

театре пришли сразу. Хлестаков в «Ревизоре» по Н.В. Гоголю, Жевакин по тому же Гоголю (спектакль по «Женитьбе» в Кинешме носит название «Женихи»), Владимир Николаевич в «Метели» по мотивам повести А.С. Пушкина. Актер с удовольствием играет и в спектаклях для детей– Щелкунчик в одноименной сказке Гофмана, Лошадь в «Оловянном солдатике». Андрей Кудряшов по своим психофизическим данным лирический герой, ему больше удаются роли, где нужно играть нежные чувства. Андрей вот уже год как создал при театре детскую студию, которую ребята любовно назвали «Кудряшата». Все студийцы души не чают в своем руководителе. Сейчас актер работает над моноспектаклем по пьесе Л. Агулянского «Дирижер». Андрей находится в постоянном творческом поиске.

Андрей Кудряшов в роли Хлестакова. в комедии Н.В.Гоголя «Ревизор»

Антон Копчинский пришел в театр, когда ставили рок-оперу «Юнона и Авось». Антону сразу предложили роль графа Резанова. Обладая прекрасным голосом, Антон с большим удовольствием исполнял эту роль. Спустя девяти лет служения в театре всем уже кажется, что Антон был здесь всегда. Очень много ролей у Антона в спектаклях по пьесам А. Островского: «Доходное место», «Правда – хорошо, а счастье лучше», «Снегурочка», «Красавец мужчина», «Бесприданница», «Счастливый день» - во всех этих спектаклях Антон Копчинский интересен и самобытен.

Антон Копчинский в роли Сергея (В.М. Шукшин «Светлые души»).

Татьяна Копчинская актриса тихого обаяния. Созданные ею образы самобытны и органичны, точны по рисунку роли. Среди безусловных удач работы актрисы, можно отметить спектакли «Повесть о настоящем» А. Игнашова, (Роль Тамары), и «Снегурочка» (Роль Весны). После завершеного театрального сезона, Татьяна Копчинская занималась в Летней школе СТД в Рузе, где, по ее словам, провела четыре недели с невероятной пользой для своей актерской профессии.

Татьяна Копчинская в роли Вероники Кремис (А.Дударков «Не покидай меня!»)

Молодые актеры Кинешемского театра полны творческих планов, надежд. В предстоящем сезоне работы у них предстоит много, но они ее не боятся.

Александр Воронов, руководитель литературно-драматической части театра.

Фотографии Евгения Панкратова

Журнал «ДрамТеатр» сотрудничает с авторами. Редакция принимает пьесы, статьи, очерки по теме журнала. Решение о публикации принимает редакционный совет.

Электронный адрес редакции:

dramteatr.zhurnal@mail.ru

Перепечатка материалов журнала возможна только с разрешения редакции журнала.

Права на пьесы принадлежат авторам

© Гильдия драматургов России, 2023г.

**Журнал ДрамТеатр
Гильдии драматургов России
ищет спонсоров!**

**Электронный адрес редакции журнала
dramteatr.zhurnal@mail.ru**

У В А Ж А Е М Ы Е А В Т О Р Ы !

Вы можете получить от нашего практика-эксперта профессиональную рецензию, квалифицированную консультацию о своем драматургическом произведении. Наши театральные публицисты-критики, драматурги, имеющие ни одну постановку в профессиональных театрах России и за рубежом вместе с вами доведут вашу пьесу до завершения, помогут подготовить текст пьесы для постановки спектакля на профессиональной сцене, для участия в любом творческом конкурсе. Заявки просим отправлять на официальный электронный адрес Гильдии:

gprussian@mail.ru

указав фамилию выбранного Вами эксперта. Услуга предполагает оплату, в зависимости от её объема и вида. С каждым желающим воспользоваться предоставленными услугами официально заключается типовый договор. Эксперта Вы можете выбрать на нашем сайте, на странице «Члены Гильдии драматургов».

<http://gprussian.ru>

ГИЛЬДИЯ ДРАМАТУРГОВ РОССИИ

© ДрамТеатр (2020 - 2023)

Все права защищены.

Возрастное ограничение 18+

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС 77 - 84267 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи информационных технологий и массовых коммуникаций..

Дата регистрации 08.12.2022г.

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, содержащейся в рекламных объявлениях. Редакция не предоставляет справочную информацию.

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (для сетевого издания) dramteatr.su

e-mail: dramteatr.zhurnal@mail.ru

Перепечатака материалов журнала возможна только с разрешения редакции журнала.

Права на пьесы принадлежат авторам.

Редакция журнала:
Ю.А. Бутунин
(Учредитель и главный редактор)

Ю.О. Ломовцев
(Зам. главного редактора,
руководитель Отдела драматургии)

Редакционный совет:
Н.Я. Шор
Т.Н. Ермолицкая
Н.З. Мазур
И.Н. Гирш

Отдел театральной критики:

М.Р. Брандесова
А.В. Воронов
Т.В. Медведева

Над номером работали:

С.Г. Берзин
(фотографии)
М.А. Егошина

(юридическая поддержка, авторское право)

Если вас заинтересовали опубликованные пьесы,
просим официальный запрос на использование направ-

лять в адрес редакции : dramteatr.zhurnal@mail.ru

*Напоминаем, что использование опубликованных
в журнале материалов без согласия авторов является
нарушением закона.*

Рукописи не рецензируются.